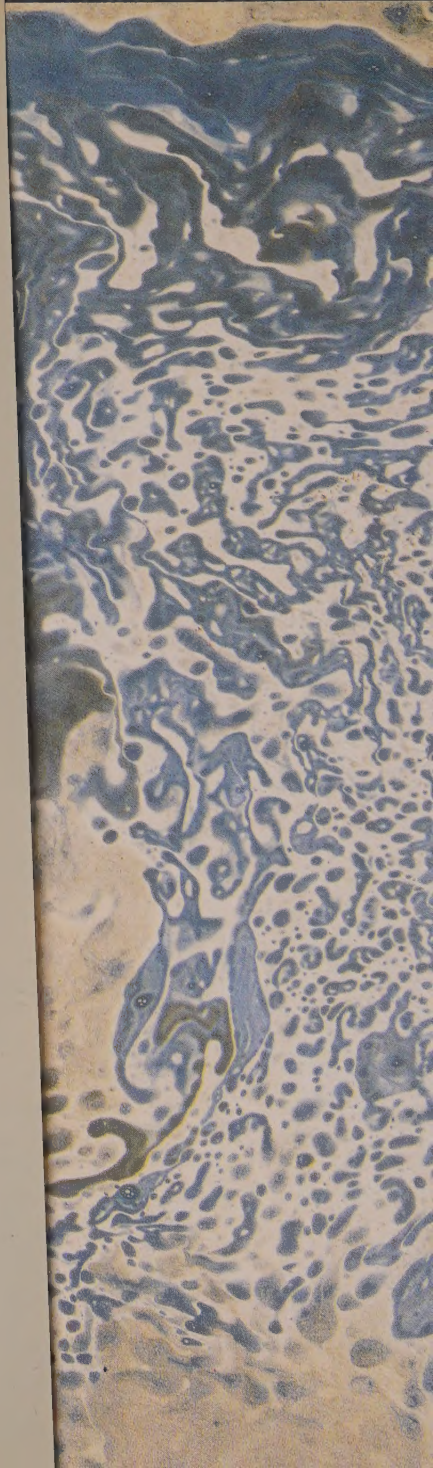
Александръ Блокъ



Александръ Блокъ

Стихи о прекрасной дамѣ.

Книгоиздательство
«Гриф»
Москва.
1905.

Александръ Блокъ.

Стихи о Прекрасной Дамѣ.

КНИГО-
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРИФЪ
МОСКВА
ГОДЪ 1905.

Дозволено цензурою. Н. Новгородъ 9 сентября 1904 г.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1905.

СТИХИ
О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ.

НЕПОДВИЖНОСТЬ.

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь.
Вся Ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хаоса свѣтлая дочь!

Владиміръ Соловьевъ.

И вотъ, какъ облако, влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдругъ завижу ликъ знакомый,
И трепетъ обожжетъ меня.

Валерій Брюсовъ.

Вступленіе.

Отдыхъ напрасенъ. Дорога крута.
Вечеръ прекрасенъ. Стучу въ ворота.

Дальнему звуку чужда и строга,
Ты разсыпаешь кругомъ жемчуга.

Теремъ высокъ, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигалъ на зарѣ терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конекъ на узорной рѣзьбѣ
Красное пламя бросаетъ къ Тебѣ.

Куполъ стремится въ лазурную высь.
Синія окна румянцемъ зажглись.

Всѣ колокольные звоны гудятъ.
Залитъ весной беззакатный нарядъ.

Ты ли меня на закатахъ ждала?
Теремъ зажгла? Ворота отперла?

* * *

Предчувствую Тебя. Года проходятъ мимо—
Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.

Весь горизонтъ въ огнѣ—и ясенъ нестерпимо,
И, молча, жду,—тоскуя и любя.

Весь горизонтъ въ огнѣ, и близко появленье,
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты,

И дерзкое возбудишь подозрѣнье,
Смѣнивъ въ концѣ привычныя черты.

О, какъ паду—и горестно, и низко,
Не одолѣвъ смертельныя мечты!

Какъ ясенъ горизонтъ! И лучезарность близко.
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты.

1901.
Шахматово.

* * *

Вхожу я въ темные храмы,
Совершаю бѣдный обрядъ.
Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ мерцаньи красныхъ лампадъ.

Въ тѣни у высокой колонны
Дрожу отъ скрипа дверей.
А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный,
Только образъ, лишь сонъ о Ней.

О, я привыкъ къ этимъ ризамъ
Величавой, Вѣчной Жены!
Высоко бѣгутъ по карнизамъ
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, какъ ласковы свѣчи,
Какъ отрадны Твои черты!
Мнѣ не слышны ни вздохи, ни рѣчи,
Но я вѣрю: Милая—Ты.

* * *

Новыхъ созвучій ищу на страницахъ
Старыхъ испытанныхъ книгъ.
Грежу о бѣлыхъ исчезнувшихъ птицахъ,
Чую оторванный мигъ.

Жизнью шумящей нестройно взволнованъ,
Шопотомъ, крикомъ смущенъ,—
Бѣлой мечтой неподвижно прикованъ
Къ берегу позднихъ временъ.

Бѣлая Ты, въ глубинахъ несмутима,
Въ жизни—строга и гнѣвна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дѣва, Заря, Купина.

Блекнутъ ланиты у дѣвъ златокудрыхъ,
Зори не вѣчны, какъ сны..
Терны вѣнчаютъ смиренныхъ и мудрыхъ
Бѣлымъ огнемъ Купины.

* * *

Одинокій, къ тебѣ прихожу,
Околдованъ огнями любви.
Ты гадаешь.—Меня не зови.—
Я и самъ ужъ давно ворожу.

Отъ тяжелаго бремени лѣтъ
Я спасался одной ворожбой,
И опять ворожу надъ тобой,
Но неясенъ и смутенъ отвѣтъ.

Ворожбой полоненные дни
Я лелѣю года,—не зови...
Только скоро ль погаснутъ огни
Заколдованной, темной любви?

С. М. Соловьеву.

Она росла за дальними горами.
Пустынный долъ—ей родина была.
Никто изъ васъ горящими глазами
Ея не зрѣлъ—она одна росла.
И только ликъ безсмертнаго свѣтила,
Что день,—смотрѣлъ на дѣвственный расцвѣтъ.
И, влажный злакъ, она къ нему всходила,
Она въ себѣ хранила тайный слѣдъ.
И въ смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто изъ васъ не видѣлъ здѣшній прахъ....
Вдругъ расцвѣла, въ лазури торжествуя,
Въ иной дали и въ неземныхъ горахъ.
И нынѣ вся овѣяна снѣгами.
Кто бѣлый храмъ, безумцы, посѣтилъ?
Она цвѣла за дальними горами,
Она течетъ въ ряду иныхъ свѣтилъ.

Historia.

Въ бездѣйствіи младомъ, въ передразсвѣтной лѣни
Душа парила ввысь и тамъ Звѣзду нашла.
Туманенъ вечеръ былъ, ложились мягко тѣни.
Вечерняя Звѣзда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темныя ступени
Вступила Ты и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой въ передразсвѣтной лѣни
На звѣздные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманомъ сновидѣній.
И юность робкая съ мечтами безъ числа.
И близится разсвѣтъ. И убѣгаютъ тѣни.
И, Ясная, Ты съ солнцемъ потекла.

1901.

* * *

Ты отходишь въ сумракъ алый,
Въ безконечные круги.
Я послышалъ отзвукъ малый—
Отдаленные шаги.

Близко ты, или далече
Затерялась въ вышинѣ?
Ждать иль нѣтъ внезапной встрѣчи
Въ этой звучной тишинѣ?

Въ тишинѣ звучатъ сильнѣе
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенѣя,
Безконечные круги?

* * *

Я понялъ все и отхожу я.
Благословенъ прошедшій день.

Ты—въ аломъ сумракѣ ликуя—
Ночную миновала тѣнь.

Но риза дѣвственная зрима,
И день съ Тобою проведенъ.

Пускай душа неисцѣлима.
Благословенъ прошедшій сонъ.

* * *

Въ полночь глухую рожденная
Спутникомъ блѣднымъ земли,
Въ ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шелъ я на сѣверъ безлиственный.
Шелъ я въ морозной пыли.
Слышалъ твой голосъ таинственный.
Ты серебрилась вдали.

Въ полночь глухую рожденная
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

1900.

О. М. Соловьевой.

Ночью сумрачной и дикой—
Сынъ бездонной глубины—
Бродитъ призракъ блѣдноликій
На поляхъ моей страны,
И поля во мглѣ великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышавъ Бога,
Дочь блаженной стороны
Изъ родимаго чертога
Гонитъ призрачные сны,
И въ поляхъ мелькаетъ много
Чистыхъ дѣвственницъ весны.

* * *

Я жду призыва, ищу отвѣта,
Нѣмѣетъ небо, земля въ молчаньи,
За желтой нивой—далеко, гдѣ-то,
На мигъ проснулось мое воззванье.

Изъ отголосковъ далекой рѣчи,
Съ ночного неба, съ полей дремотныхъ,
Все мнятся тайны грядущей встрѣчи,
Свиданій ясныхъ, но мимолетныхъ.

Я жду,—и трепетъ объемлетъ новый.
Все ярче небо, молчанье глуше....
Ночную тайну разрушитъ слово....
Помилуй, Боже, ночныя души!

На мигъ проснулось за нивой, гдѣ-то
Далекимъ эхомъ мое воззванье.
Все жду призыва, ищу отвѣта,
Но странно длится земли молчанье....

* * *

Ты горишь надъ высокой горою,
Недоступна въ своемъ терему.
Я примчуся вечерней порою,
Въ упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышавъ меня издалека,
Свой костеръ разведешь ввечеру.
Стану, вѣрный велѣніямъ Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станутъ кружиться въ дыму,—
Я умчусь съ огневыми кругами
И настигну Тебя въ терему.

* * *

Я, отрокъ, зажигаю свѣчи,
Огонь кадильный берегу.
Она безъ мысли и безъ рѣчи
На томъ смѣется берегу.

Люблю вечернее моленье
У бѣлой церкви надъ рѣкой,
Передзакатное селенье
И сумракъ мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю бѣлые цвѣты.

Падетъ туманная завѣса.
Женихъ сойдетъ изъ алтаря.
И отъ вершинъ зубчатыхъ лѣса
Забрежжитъ брачная заря.

* * *

Тебя скрывали туманы,
И самый голосъ былъ слабъ.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный рабъ.

Тебя вѣнчала корона
Еще разсвѣтныхъ причудъ.
Я помню ступени трона
И первый твой строгій судъ.

Какія блѣдныя платья!
Какая странная тишь!
И лилій полны объятья,
И ты безъ мысли глядишь.....

Кто знаетъ, гдѣ это было?
Куда упала Звѣзда?
Какія слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но развѣ могъ не узнать я
Бѣлый рѣчной цвѣтокъ,
И эти блѣдныя платья,
И странный, бѣлый намекъ?

* * *

Когда святого забвенія
Кругомъ недвижная тишь,—
Ты смотришь въ тихомъ томленіи,
Рѣчной раздвинувъ камышъ.

Я эти травы зеленыя
Люблю и въ сонные дни.
Не въ нихъ ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь, тихая, строгая,
Въ глаза прошедшей мечтѣ.
Избралъ иную дорогу я,—
Иду,—и пѣсни не тѣ....

Вотъ скоро вечеръ придвинется,
И ночь—настрѣчу судьбѣ:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь къ Тебѣ.

* * *

Мы встрѣчались съ тобой на закатѣ.
Ты весломъ разсѣкала заливъ.
Я любилъ твое бѣлое платье,
Утонченность мечты разлюбивъ.

Были странны безмолвныя встрѣчи.
Впереди—на песчаной косѣ
Загорались вечернія свѣчи.
Кто-то думалъ о блѣдной красѣ.

Приближеній, сближеній, сгараній—
Не пріемлетъ лазурная тишь...
Мы встрѣчались въ вечернемъ туманѣ,
Гдѣ у берега рябь и камышъ.

Ни тоски, ни любви, ни обмана.
Все померкло, прошло, отошло...
Очертаніе бѣлаго стана.
И твое золотое весло.

* * *

Вечерѣющій сумракъ, повѣрь,
Мнѣ напомнилъ неясный отвѣтъ.
Жду—внезапно отворится дверь,
Набѣжитъ исчезающій свѣтъ.
Словно блѣдныя въ прошломъ мечты,
Мнѣ лица сохранились черты
И отрывки невѣдомыхъ словъ,
Словно отклики прежнихъ міровъ,
Гдѣ жила ты и, блѣдная, шла,
Подъ рѣсницами сумракъ тая,
За тобою—живая ладья,
Словно бѣлая лебедь, плыла,
За ладьей—огневыя струи—
Безпокойныя пѣсни мои....
Имъ внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась блѣдная высь,
Гдѣ послѣдніе сны пронеслись,

Въ этой выси живу я, повѣрь,
Смутной памятью сумрачныхъ лѣтъ,
Смутно помню—отворится дверь,
Набѣжитъ исчезающій свѣтъ.

С. М. Соловьеву.

Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ.
Озарены церковныя ступени,
Ихъ камень живъ—и ждетъ твоихъ шаговъ.

Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одѣтый страшной святостью вѣковъ,
И, можетъ быть, цвѣтокъ весны уронишь
Здѣсь въ этой мглѣ, у строгихъ образовъ.

Растутъ невнятно розовыя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ,
Ложится мгла на старыя ступени....
Я озаренъ—я жду твоихъ шаговъ.

* * *

Ночью вьюга снѣжная
Заметала слѣдъ.
Розовое, нѣжное
Утро будитъ свѣтъ.

Встали зори красныя,
Озаряя снѣгъ.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брегъ.

Вслѣдъ за льдиной синею
Въ полдень я всплыву.
Дѣву въ снѣжномъ инеѣ
Встрѣчу наяву.

* * *

Покраснѣли и гаснутъ ступени.
Ты сказала сама: Приду.
У входа въ сумракъ моленій
Я открылъ мое сердце.—Жду.

Что скажу я тебѣ,—не знаю.
Можетъ быть, отъ счастья умру.
Но огнемъ вечернимъ сгарая,
Привлеку и тебя къ костру.

Расцвѣтаетъ красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Надъ храмомъ, надъ нами—
Беззакатная глубь и высь.

* * *

Мы преклонились у завѣта,
Молчаньемъ храма смущены.
Въ лучахъ божественнаго свѣта
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
Въ однихъ лучахъ, въ однѣхъ стѣнахъ,
Постигли солнечныя волны
Вверху—на темныхъ куполахъ.

И съ этой ветхой позолоты,
Изъ этой страшной глубины
На праздникъ мой спустился кто-то
Съ улыбкой Ласковой Жены.

* * *

Сны раздумій небывалыхъ
Стерегутъ мой день.
Вотъ видѣній запоздалыхъ
Пламенная тѣнь.

Всѣ лучи моей свободы
Заалѣли *тамъ*.
Здѣсь снѣга и непогоды
Окружили храмъ.

Всѣ видѣнья такъ мгновенны,—
Буду ль вѣрить имъ?
Но Владычицей Вселенной,
Красотой неизрѣченной
Я, случайный, бѣдный, тлѣнный,
Можетъ быть, любимъ.

Для Свиданій, дни раздумій
Стерегутъ въ тиши...
Ждать ли пламенныхъ безумій
Молодой души?

Иль, застывши въ снѣжномъ храмѣ,
Не открывъ лица,
Встрѣтить брачными дарами
Вѣстниковъ конца?

* * *

Мой вечеръ близокъ и безволенъ.
Чуть вечерѣютъ небеса,—
Несутся звуки съ колоколенъ,
Крылатыхъ слышу голоса.

Ты—ласковымъ и тонкимъ жаломъ
Мои пытаешь глубины.
Слѣжу прозрѣніемъ усталымъ
За вѣстью чуждой мнѣ весны.

Межъ насъ—случайное волненье.
Случайно сладостный обманъ—
Меня обрекъ на поклоненье,
Тебя призвалъ изъ бѣлыхъ странъ.

И въ безконечномъ отдаленьи
Замрутъ печально голоса,
Когда окутанныя тѣнью
Мои погаснутъ небеса.

* * *

Я къ людямъ не выйду навстрѣчу,
Испугаюсь хулы и похвалъ.
Предъ Тобой Одною отвѣчу,
За то, что всю жизнь молчалъ.

Молчаливые мнѣ понятны,
И люблю обращенныхъ въ слухъ:
За словами—сквозь гулъ невнятный
Просыпается свѣтлый Духъ.

Я выйду на праздникъ молчанья,
Моего не замѣтятъ лица.
Но во мнѣ—потаенное знанье
О любви къ Тебѣ безъ конца.

* * *

Слышу колоколъ. Въ полѣ весна.
Ты открыла веселыя окна.
День смѣялся и гасъ. Ты слѣдила одна
Облаковъ розоватыхъ волокна.

Смѣхъ прошелъ по лицу, но замолкъ и исчезъ...
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу въ розовѣющій лѣсъ....
Ты забудешь меня, какъ простила.

* * *

Гадай и жди. Среди полночи
Въ твоемъ окошкѣ, милый другъ,
Зажгутся дерзостныя очи,
Послышится условный стукъ.

И мимо, задувая свѣчи,
Какъ нѣкій Духъ, закрывъ лицо,
Съ надеждой невозможной встрѣчи
Пройдетъ на милое крыльцо.

И Духъ, и невѣста говорятъ: пріиди.

Вѣрю въ Солнце Завѣта,
Вижу зори вдали.
Жду вселенскаго свѣта
Отъ весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной—къ бездорожью
Золотая межа.

Заповѣданныхъ лилій
Прохожу я лѣса.
Полны ангельскихъ крылій
Надо мной небеса.

Непостижнаго свѣта
Задрожали струи.
Вѣрю въ Солнце Завѣта.
Вижу очи Твои.

* * *

Вотъ они—бѣлые звуки
Дѣвственно горнихъ селеній....
Дѣвушки блѣдныя руки,
Бѣлыя сказки забвеній....
Медленно шла отъ вечерни,
Полная думы вчерашней....
У колокольни вечерней
Таяли бѣлыя башни....
Бѣлыя башни уплыли,
Небо горитъ на разсвѣтѣ.
Пѣсню цвѣты разбудили—
Пѣсню о бѣломъ расцвѣтѣ....

Пасха. 1903.

* * *

Запѣвающій сонъ, зацвѣтающій цвѣтъ,
Исчезающій день, погасающій свѣтъ.

Открывая окно, увидалъ я сирень.
Это было весной—въ улетающій день.

Раздышались цвѣты—и на темный карнизъ
Передвинулись тѣни ликующихъ ризъ.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнулъ я окно, трепеща и дрожа.

И не помню—откуда дохнула въ лицо,
Запѣвая, сгорая, взошла на крыльцо.

* * *

Я, изнуренный и премудрый,
Возставъ отъ тягостнаго сна,
Передъ Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конецъ всевѣдущей гордынѣ.—
Прошедшій сумракъ разлюбя,
Навѣки преданный Святынѣ,
Во всемъ послушаюсь Тебя.

Зима пройдетъ—въ пѣвучей вьюгѣ
Уже звенитъ издалека.
Сомкнулись царственныя дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

* * *

Отворяется дверь—тамъ мерцанья,
И за яркимъ окошкомъ—видѣнья.
Не знаю—и не скрою незнанья,
Но усну—и потекутъ сновидѣнья.

Въ тихомъ воздухѣ—тающее, знающее....
Тамъ что-то притаилось и смѣется.
Что смѣется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами—розовая, сонная?
Или это Ясная мнѣ улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?

* * *

Ты свята, но я Тебѣ не вѣрю,
И давно все знаю напередъ:
Будетъ день и распахнутся двери,
Вереница бѣлая пройдетъ.

Будутъ страшны, будутъ несказанны
Неземныя маски лицъ....
Буду я взывать къ Тебѣ: Осанна!
Сумасшедшій, распростертый ницъ.

И тогда, поднявшись выше тлѣна,
Ты откроешь Лучезарный Ликъ.
И, свободный отъ земного плѣна,
Я пролью всю жизнь въ послѣдній крикъ.

* * *

Не поймутъ безскорбные люди
Этихъ масокъ, смѣховъ въ окнѣ.
Ищу на распутьи безлюдій.
Веселій—не надо мнѣ!

О, странно сладки напѣвы....
Они кажутся такъ ясны!
А здѣсь ужъ блѣдныя дѣвы
Уготóвали путь весны.

Онѣ знаютъ, что мнѣ невѣдомо,
Но поетъ теперь лишь одна....
Я за нею—горящимъ слѣдомъ—
Всю ночь, всю ночь—у окна!

* * *

Потемнѣли, поблекли залы.
Почернѣла рѣшотка окна.
У дверей шептались вассалы:
— Королева, королева больна.

И король, нахмурившій брови,
Проходилъ безъ пажей и слугъ.
И въ каждомъ брошенномъ словѣ
Ловили смертный недугъ.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакалъ, сжимая кольцо.
Тамъ—въ концѣ галлереи дальней
Кто-то вторилъ, закрывъ лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдалъ въ плащѣ голубомъ.
И, шатаясь, вторилъ тотъ самый—
Незнакомецъ съ блѣднымъ лицомъ.

* * *

Я искалъ голубую дорогу
И кричалъ, оглушенный людьми.
Подходя къ золотому порогу,
Затихалъ предъ Твоими дверьми.

Проходила Ты въ дальнія залы,
Величава, тиха и строга.
Я носилъ за Тобой покрывало
И смотрѣлъ на Твои жемчуга.

* * *

Погружался я въ море клевера,
Окруженный сказками пчелъ.
Но вѣтеръ, зовущій съ сѣвера,
Мое дѣтское сердце нашелъ.

Призывалъ на битву равнинную —
Побороться съ дыханьемъ небесъ.
Показалъ мнѣ дорогу пустынную,
Уходящую въ темный лѣсъ.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно впередъ.
Впереди съ невинными взорами
Мое дѣтское сердце идетъ.

Пусть глаза утомятся безсонные,
Запоетъ, заалѣетъ пыль....
Мнѣ цвѣты и пчелы влюбленныя
Разсказали не сказку—быль.

* * *

Я вырѣзалъ посохъ изъ дуба
Подъ ласковый шопотъ вьюги.
Одежды бѣдны и грубы.
О, какъ недостойны подруги.

Но найду и, нищій, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день, ради Бога,
Ввечеру постучусь въ оконце...

И откроетъ бѣлой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, съ золотой косою,
Съ ясной, открытой душою.

Мѣсяцъ и звѣзды въ косахъ....
— Входи, мой царевичъ привѣтный....
И бѣдный дубовый посохъ
Заблеститъ слезой самоцвѣтной....

С. М. Соловьеву.

У забытыхъ могилъ пробивалась трава.
Мы забыли вчера.... И забыли слова....
И настала кругомъ тишина...

Этой смертью отшедшихъ, сгорѣвшихъ до тла,
Развѣ Ты не жива? Развѣ Ты не свѣтла?
Развѣ сердце Твое—не весна?

Только здѣсь и дышать, у подножья могилъ,
Гдѣ когда-то я нѣжныя пѣсни сложилъ.
О свиданьи, быть можетъ, съ Тобой....

Гдѣ впервые въ мои восковыя черты
Отдаленною жизнью повѣяла Ты,
Пробиваясь могильной травой....

* * *

Я—мечъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ.
Я правлю, Архангелъ, Ея Судьбой.
Въ щитѣ моемъ камень зеленый зажженъ,
Зажженъ не мной,—Господней Рукой.

Ему непомѣрность мою вручу,
Когда отыду на вѣчный сонъ.
Ей въ мірѣ оставлю мою свѣчу,
Оставлю мой камень, мой здѣшній звонъ.

Поставлю на стражѣ звенящій стихъ,
Зеленый камень Ей въ сердцѣ зажгу.
И камень будетъ Ей другъ и женихъ,
И Ей не солжетъ, какъ я не лгу.

* * *

Царица смотрѣла заставки—
Буквы изъ красной позолоты.
Зажигала красныя лампадки,
Молилась Богородицѣ Кроткой.

Протекали надъ книгой Глубинной
Синія ночи царицы.
А къ царевнѣ съ вышки голубиной
Прилетали бѣлыя птицы.

Разсыпала Царевна зерна,
И плескались бѣлыя перья.
Голуби ворковали покорно
Въ терему—подъ узорчатой дверью.

Царевна румянѣй царицы—
Царицы, ищущей смысла.
Въ книгѣ на каждой страницѣ
Золотыя, да красныя числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубинная книга.
А къ Царевнѣ изъ лазурнаго ока
Прилетѣла воркующая птица.

Царевнѣ такъ томно и сладко—
Царевна-Невѣста, что лампадка.
У царицы синія загадки—
Золотыя, да красныя заставки.

Поклонись, царица, Царевнѣ,
Царевнѣ золотокудрой:
Отъ твоей глубинности древней—
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
Въ твоей книгѣ раззолочены страницы.
А Невѣста одной невинностью
Твои числа замолитъ, царица.

Андрею Бѣлому.

Въ день, когда Ангеловъ къ
солнцу подымутся трубы.

Брюсовъ.

Цѣлый годъ не дрожало окно,
Не звенѣла тяжелая дверь;
Все забылось—забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспѣшно крестясь....
Выносили серебряный гробъ....
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снѣжный сугробъ.

Равнодушныя лица толпы,
Любопытныхъ сосѣдей набѣгъ....
И кругомъ протоптали тропы,
Осквернивъ цѣломудренный снѣгъ.

Но, ложась въ снѣговую постель,
Услыхалъ заключенный въ гробу,
Какъ вдали запѣвала метель,
Къ небесамъ подымая трубу.

Январь 1903 года.

* * *

Я ихъ хранилъ въ придѣлѣ Іоанна,
Недвижный стражъ,—хранилъ огонь лампадъ.

И вотъ—Она, и къ Ней—моя Осанна—
Вѣнецъ трудовъ—превыше всѣхъ наградъ.

Я скрылъ лицо, и проходили годы.
Я пребывалъ въ Служеньи много лѣтъ.

И вотъ—зажглись лучомъ вечернимъ своды,
Она дала мнѣ Царственный Отвѣтъ.

Я здѣсь одинъ хранилъ и теплилъ свѣчи.
Одинъ,—пророкъ,—дрожалъ въ дыму кадилъ.

И въ Оный День—одинъ участникъ встрѣчи—
Я этихъ встрѣчъ ни съ кѣмъ не раздѣлилъ.

Ноябрь 1902 г.

Молитвы.

1.

Сторожимъ у входа въ теремъ,
Вѣрные рабы.
Страстно вѣримъ, выси мѣримъ,
Вѣчно ждемъ трубы.

Вѣчно—завтра. У рѣшотки
Каждый день и часъ
Славословитъ голосъ четкій
Одного изъ насъ.

Воздухъ полонъ воздыханій,
Грозовыхъ надеждъ.
Высь горитъ отъ несмыканій
Воспаленныхъ вѣждъ.

Ангелъ розовый укажетъ,
Скажетъ:—Вотъ она:
Бисеръ нижетъ, въ нити вяжетъ—
Вѣчная Весна.

Въ свѣтлый мигъ услышимъ звуки
Отходящихъ бурь.
Молча свяжемъ вмѣстѣ руки,
Отлетимъ въ лазурь.

2.

утренняя.

До утра мы въ комнатахъ споримъ,
На разсвѣтѣ одинъ изъ насъ
Выступаетъ къ розовымъ зорямъ—
Золотой привѣтствовать часъ.

Высоко онъ стоитъ надъ нами—
Тонкій профиль на блѣдной зарѣ.
За плечами его, за плечами—
Всѣ поля и лѣса въ серебрѣ.

Такъ стоитъ въ кругу серебристомъ,
Величавъ, милосердъ и строгъ,
На челѣ его блѣдно-чистомъ
Мы читаемъ, что близокъ срокъ.

3.

вечерняя.

Солнце сходитъ на западъ. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающихъ мѣрно дыханье.
Впереди—огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищъ!
Выходи! Разступайся земля!
На золѣ прогремѣвшихъ пожарищъ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповѣдай,
Причасти и уста оботри....
Утоли меня тихой побѣдой
Распылавшейся алой зари.

4.

ночная.

Спи. Да будетъ твой сонъ спокоенъ.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грущу, какъ заоблачный воинъ,
Уронивши панцырь на землю.

Безконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Все снесетъ золотое время:
Мои цѣпи, думы и книги.

Кто бунтуетъ,—въ томъ сердце щедро,
Но безмѣрно правъ молчаливый.
Я томлюсь у Ливанскаго кедра,
Ты—въ тѣни подъ мирной оливой.

Я безумецъ! Мнѣ въ сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Вѣтви мира тебя осѣнили....
Непробудная... Спи до срока.

* * *

Мой любимый, мой князь, мой женихъ,
Ты печаленъ въ цвѣтистомъ лугу.
Павиликой средь нивъ золотыхъ
Завилась я на томъ берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Блѣдно-бѣлымъ прозрачнымъ цвѣткомъ.
Ты сомнешь меня въ полномъ цвѣту
Бѣлогрудымъ усталымъ конемъ.

Ахъ, безсмертье мое растопчи,—
Я огонь для тебя берегу.
Робко пламя церковной свѣчи.
У заутрени блѣдной зажгу.

Въ церкви встанешь ты, блѣденъ лицомъ,
И къ Царицѣ Небесной придешь,—
Колыхнусь восковымъ огонькомъ,
Дамъ почуять знакомую дрожь....

Надъ тобой—какъ свѣча—я тиха,
Предъ тобой—какъ цвѣтокъ—я нѣжна.
Жду тебя, моего жениха,
Все невѣста—и вѣчно жена.

* * *

Вотъ онъ—рядъ гробовыхъ ступеней.
И межь насъ—никого. Мы вдвоемъ.
Спи ты, нѣжная спутница дней,
Залитыхъ небывалымъ лучомъ.

Ты покоишься въ бѣломъ гробу.
Ты съ улыбкой зовешь: не буди.
Золотистыя пряди на лбу.
Золотой образокъ на груди.

Я отпраздновалъ свѣтлую смерть,
Прикоснувшись къ рукѣ восковой.
Остальное—бездонная твердь
Угадаетъ во мглѣ голубой.

Спи—твой отдыхъ никто не прерветъ.
Мы—окрай неизвѣстныхъ дорогъ.
Всю ненастную ночь напролетъ—
Здѣсь горитъ осіянный чертогъ.

ПЕРЕКРЕСТКИ.

Не миновать намъ двойственной сей грани.

Владиміръ Соловьевъ.

Обманъ.

Въ пустомъ переулкѣ весеннія воды
Бѣгутъ, бормочутъ, а дѣвушка хохочетъ.
Пьяный красный карликъ не даетъ проходу,
Пляшетъ, брызжетъ воду, платье мочитъ.

Дѣвушкѣ страшно. Закрылась платочкомъ.
Темный вечеръ ближе. Солнце за трубой.
Карликъ прыгнулъ въ лужицу краснымъ комочкомъ,
Гонитъ струйку къ струйкѣ сморщенной рукой.

Дѣвушку манитъ двойное отраженье.
Издали мигнулъ одинокій фонарь.
Красное солнце сѣло за строенье.
Хохотъ. Всплески. Брызги. Фабричная гарь

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Гдѣ-то каплетъ съ крыши... гдѣ-то кашель старика...
Безжизненно цѣпляются холодныя руки...
Въ расширенныхъ глазахъ не видно зрачка.

. . . . . .

Какъ страшно! Какъ бездольно! Тамъ—у забора
Легла некрасивымъ мокрымъ комкомъ.
Плачетъ, чтобы ночь протянулась не скоро:
Стыдно возвратиться съ дьявольскимъ клеймомъ.

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутыя кадки.
Въ свѣтлыхъ струйкахъ весело танцуетъ синева.
По улицамъ ставятъ красныя рогатки.
Шлепаютъ солдатики: разъ! два! разъ! два!

Въ переулкѣ у мокраго забора надъ тѣломъ
Спящей дѣвушки—трясется, бормочетъ голова;
Безобразный карликъ занятъ дѣломъ:
Спускаетъ въ ручеекъ башмаки: разъ! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняетъ ихъ красный колпакъ...
Хохотъ. Всплески. Брызги. Еще мгновенье—
Плывутъ собачьи уши, борода и красный фракъ!

Пронеслись,—и струйки шепчутъ невнятно.
Дѣвушка медленно очнулась отъ сна:
Въ глазахъ ея красно-голубыя пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

1904.

Е. П. Иванову.

Городъ въ красные предѣлы
Мертвый ликъ свой обратилъ.
Сѣро-каменное тѣло
Кровью солнца окатилъ.

Стѣны фабрикъ, стекла оконъ,
Грязно-рыжее пальто,
Развѣвающійся локонъ,—
Все закатомъ залито.

Цѣломудренныя лица
Кажутъ бѣлый рядъ зубовъ.
Въ каждой дѣвушкѣ—блудница,
Въ каждомъ помыслѣ—альковъ.

Блещутъ искристыя гривы
Золотыхъ, какъ жаръ коней;
Мчатся бѣшеныя дивы
Жадныхъ облачныхъ грудей,

Красный дворникъ плещетъ ведра
Съ пьяно-алою водой,
Пляшутъ огненныя бедра
Проститутки площадной,

И на башнѣ колокольной
Въ гулкій плясъ и мѣдный зыкъ—
Кажетъ колоколъ раздольный
Окровавленный языкъ.

1904 г.

* * *

Вѣчность бросила въ городъ
Оловянный закатъ.
Край небесный распоротъ.
Переулки гудятъ.

Все безсилье гаданья
У меня на плечахъ.
Въ окнахъ фабрикъ—преданья
О разгульныхъ ночахъ.

Оловянныя кровли—
Всѣмъ безумнымъ пріютъ.
Въ этотъ городъ торговли
Небеса не сойдутъ.

Этотъ воздухъ такъ гулокъ,
Такъ заманчивъ обманъ.
Уводи, переулокъ,
Въ дымно сизый туманъ...

* * *

День былъ нѣжно-сѣрый, сѣрый, какъ тоска.
Вечеръ сталъ матовый, какъ женская рука.

Въ комнатахъ вечернихъ прятали сердца,
Усталыя отъ нѣжной тоски безъ конца.

Пожимали руки, избѣгали встрѣчъ,
Укрывали смѣхи бѣлизною плечъ.

Длинный вырѣзъ платья, платье, какъ змѣя,
Въ сумеркахъ бѣлѣе платья чешуя.

Надъ скатертью въ столовой наклонились ницъ,
Касаясь прическами пылающихъ лицъ.

Стуки сердца чаще, напряженнѣй взглядъ,
Въ мысляхъ—онъ, глубокій, нѣжный, душный садъ.

И молча, какъ по знаку, двинулись внизъ.
На ступенькахъ шорохъ бѣлыхъ женскихъ ризъ.

Молча потонули въ саду безъ слѣда.
Небо тихо вспыхнуло заревомъ стыда.

Можетъ быть скатилась красная звѣзда.

Подражаніе.

Л. Д. Семенову.

Жду я смерти близъ денницы.
Ты пришла издалека.
Здѣсь исполни долгъ царицы
Въ блѣдномъ свѣтѣ ночника.

Я готовъ. Мой саванъ плотенъ.
Смертный вѣнчикъ вкругъ чела.
На снѣгу моихъ полотенъ
Ты лампадный свѣтъ зажгла.

Опусти прозрачный пологъ
Отходящаго царя.
На вершинахъ колкихъ елокъ
Занимается заря.

Путь неровенъ. Вѣтви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски—каменной улыбки
Не нарушу на земли.

* * *

Всѣ кричали у круглыхъ столовъ,
Безпокойно мѣняя мѣсто.
Было тускло отъ винныхъ паровъ.
Вдругъ кто-то вошелъ—и сквозь гулъ голосовъ.
Сказалъ:—Вотъ моя невѣста.

Никто не слыхалъ ничего.
Всѣ визжали неистово, какъ звѣри.
А одинъ, самъ не зная отчего,—
Качался и хохоталъ, указывая на него
И на дѣвушку, вошедшую въ двери.

Она уронила платокъ,
И всѣ они, въ злобномъ усильи,
Какъ будто понявъ зловѣщій намекъ,—
Разорвали съ визгомъ каждый клочекъ
И окрасили кровью и пылью.

Когда всѣ опять подошли къ столу,
Притихли и сѣли на мѣсто,—
Онъ указалъ имъ на дѣвушку въ углу
И звонко сказалъ, пронизывая мглу.
— Господа! Вотъ моя невѣста.

И вдругъ тотъ, кто качался и хохоталъ,
Безсмысленно протягивая руки,
Прижался къ столу, задрожалъ, —
И тѣ, кто прежде безумно кричалъ,
Услышали плачущіе звуки.

* * *

Мнѣ гадалка съ морщинистымъ ликомъ
Ворожила подъ темнымъ крыльцомъ.
Очарованный уличнымъ крикомъ,
Я бѣжалъ за мелькнувшимъ лицомъ.

Я бѣжалъ и угадывалъ лица,
На углахъ останавливалъ бѣгъ.
Предо мною ползла вереница
Нагруженныхъ скрипящихъ телѣгъ.

Проползала змѣей межъ домами,—
Я не могъ площадей перейти...
А оттуда взывало:—За нами!
Раздавалось:—Безумный! Прости!

Тамъ—безсмертною волей томима,
Можетъ быть призывала Сама...
Я бѣжалъ переулками мимо,—
И меня поглотили дома.

* * *

Здѣсь ночь мертва. Слова мои дики.
Мигаетъ красный призракъ—заря.
На утро ввысь пущу мои крики,
Какъ бѣлыхъ птицъ на встрѣчу Царя.

Во снѣ и въ яви—неразличимы
Заря и зарево—тишь и страхъ...
Мои безумья—мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкій—черный монахъ.....

Рука или вѣтеръ шевелитъ лоскутья?
Костлявые пальцы—обрывки травъ...
Зеленыя очи горятъ на распутьи—
Тамъ вѣтеръ треплетъ пустой рукавъ...

Закрытъ одинъ или многіе лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра—безъ солнца—пущу мои крики,
Какъ черныхъ птицъ, на встрѣчу Христа!

* * *

По городу бѣгалъ черный человѣчекъ.
Гасилъ онъ фонарики, карабкаясь на лѣстницу.

Медленный, бѣлый подходилъ разсвѣтъ,
Вмѣстѣ съ человѣкомъ взбирался на лѣстницу.

Тамъ, гдѣ были тихія, мягкія тѣни—
Желтыя полоски вечернихъ фонарей,—

Утреннія сумерки легли на ступени,
Забрались въ занавѣски, въ щели дверей.

Ахъ, какой блѣдный городъ на зарѣ!
Черный человѣчекъ плачетъ на дворѣ.

* * *

Я былъ весь въ пестрыхъ лоскутьяхъ,
Бѣлый, красный, въ безобразной маскѣ.
Хохоталъ и кривлялся на распутьяхъ,
И разсказывалъ шуточныя сказки.

Развертывалъ длинныя сказанья
Безсвязно, и долго, и звонко—
О старикахъ, и о странахъ безъ названья,
И о дѣвушкѣ съ глазами ребенка.

Кто-то долго, безсмысленно смѣялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Изъ толпѣ кричали „Довольно“!

* * *

Тамъ—въ улицѣ стоялъ какой-то домъ,
И лѣстница крутая въ тьму водила.
Тамъ открывалась дверь, звеня стекломъ,
Свѣтъ выбѣгалъ,—и снова тьма бродила.

Тамъ въ сумеркахъ бѣлѣлъ дверной навѣсъ
Подъ вывѣской „Цвѣты“ прикрѣпленъ болтомъ.
Тамъ гулъ шаговъ терялся и исчезъ
На лѣстницѣ—при свѣтѣ лампы желтомъ.

Тамъ наверху окно смотрѣло внизъ,
Завѣшанное неподвижной шторой,
И, словно лобъ наморщенный, карнизъ
Гримасу придавалъ стѣнѣ—и взоры.

Тамъ въ сумеркахъ дрожалъ въ окошкахъ свѣтъ,
И было пѣнье, музыка и танцы.
А съ улицы — ни словъ, ни звуковъ нѣтъ, —
И только стеколъ выступали глянцы.

По лѣстницѣ надъ сумрачнымъ дворомъ
Мелькала тѣнь, и лампа чуть свѣтила.
Вдругъ открывалась дверь, звеня стекломъ,
Свѣтъ выбѣгалъ, и снова тьма бродила.

* * *

Свѣтъ въ окошкѣ шатался,—
Въ полумракѣ—одинъ—
У подъѣзда шептался
Съ темнотой арлекинъ.

Былъ окутанный мглою
Бѣло-красный нарядъ.
На верху—за стѣною
Шутовской маскарадъ.

Тамъ лицо укрывали
Въ разноцвѣтную ложь
Но въ рукѣ узнавали
Неизбѣжную дрожь.

„Онъ“—мечемъ деревяннымъ
Начерталъ письмена.
Восхищенная страннымъ,
Потуплялась „она“.

Восхищенью не вѣря,
Съ темнотою—одинъ—
У задумчивой двери
Хохоталъ арлекинъ.

* * *

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова,
Я каждый день издалека
Слѣдилъ за ней, на все готовый.

Я зналъ часы, когда сойдетъ
Она—и съ нею отблескъ гладкій.
И, какъ злодѣй, за поворотъ
Бѣжалъ за ней, играя въ прятки.

Мелькали желтые огни
И электрическія свѣчи.
И онъ встрѣчалъ ее въ тѣни,
А я слѣдилъ и пѣлъ ихъ встрѣчи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали въ глубины
Слѣпыя темныя ворота.

И я, невидимый для всѣхъ,
Слѣдилъ мужчины профиль грубый,
Ея сребристо-черный мѣхъ
И что-то шепчущія губы.

* * *

Днемъ вершу я дѣла суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная—ты
Предо мной затѣваешь игру.

Я люблю эту ложь, этотъ блескъ,
Твой манящій дѣвичій нарядъ,
Вѣчный гомонъ и уличный трескъ,
Фонарей убѣгающій рядъ.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатыхъ красокъ и словъ.
Подойду и опять отойду
Въ глубины протекающихъ сновъ.

Какъ ты лжива и какъ ты бѣла!
Мнѣ же по сердцу бѣлая ложь...
Завершая дневныя дѣла,
Знаю,—вечеромъ снова придешь.

* * *

Мнѣ страшно съ Тобой встрѣчаться.
Страшнѣе Тебя не встрѣчать.
Я сталъ всему удивляться,
На всемъ уловилъ печать.

По улицѣ ходятъ тѣни,
Не пойму—живутъ, или спятъ.
Прильнувъ къ церковной ступени,
Боюсь оглянуться назадъ.

Кладутъ мнѣ на плечи руки,
Но я не помню именъ.
Въ ушахъ раздаются звуки
Надавнихъ большихъ похоронъ.

А хмурое небо низко—
Покрыло и самый храмъ.
Я знаю: Ты здѣсь. Ты близко.
Тебя здѣсь нѣтъ. Ты—тамъ.

* * *

Я просыпался и всходилъ
Къ окну на темныя ступени.
Морозный мѣсяцъ серебрилъ
Мои затихнувшія сѣни.

Давно ужъ не было вѣстей,
Но городъ приносилъ мнѣ звуки,
И каждый день я ждалъ гостей
И слушалъ шорохи и стуки.

И въ полночь вздрагивалъ не разъ,
И, пробуждаемый шагами,
Всходилъ къ окну—и видѣлъ газъ,
Мерцавшій въ улицахъ цѣпями.

Сегодня жду моихъ гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мнѣ не было вѣстей,
Но были шорохи и стуки.

* * *

Мой мѣсяцъ въ царственномъ зенитѣ.
Ночной свободой захлебнусь
И тамъ—въ серебряныя нити
Въ избыткѣ счастья завернусь.

Навстрѣчу страстному безволью
И только будущей Зарѣ—
Киваю синему раздолью,
Ныряю въ темномъ серебрѣ!..

На площадяхъ столицы душной
Слѣпые люди говорятъ:
— Что надъ землею? Шаръ воздушный.
Что подъ луной? Аэростатъ.

А я—серебряной пустыней
Несусь въ пылающемъ бреду,
И въ складки ризы темносиней
Укрылъ Любимую Звѣзду.

* * *

За темной далью городской
Терялся бѣлый ледъ.
Я подружился съ темнотой,
Замедлилъ быстрый ходъ.

Ревѣло съ черной высоты
И проносило снѣгъ.
Навстрѣчу мнѣ изъ темноты
Поднялся человѣкъ.

Съ лицомъ, закрытымъ отъ меня,
Онъ быстро шелъ впередъ
Туда, гдѣ не было огня
И гдѣ кончался ледъ.

Онъ обернулся,—встрѣтилъ я
Одинъ горящій глазъ.
Потомъ сомкнулась полынья,—
Его огонь погасъ.

Слилось морозное кольцо
Въ спокойный струйный бѣгъ.
Зардѣлось нѣжное лицо,
Вздохнулъ холодный снѣгъ.

И я не зналъ, когда и гдѣ
Явился и исчезъ—
Какъ опрокинулся въ водѣ
Лазурный сонъ небесъ.

* * *

Говорили короткія рѣчи.
Къ ночи ждали странныхъ вѣстей.
Никто не вышелъ навстрѣчу.
Я стоялъ одинъ у дверей.

Подходили многіе къ дому,
Крича и плача навзрыдъ.
Всѣ были мнѣ незнакомы.
И меня не трогалъ ихъ видъ.

Всѣ ждали какой-то вѣсти.
Изъ отрывковъ словъ я узналъ
Сумашедшій бредъ о невѣстѣ,
О томъ, что кто-то бѣжалъ.

И, входя на холмикъ за садомъ,
Всѣ смотрѣли въ синюю даль.
И каждый притворнымъ взглядомъ
Показать старался печаль.

Я одинъ не ушелъ отъ двери
И не смѣлъ войти и спросить.
Было сладко знать о потерѣ,
Но смѣшно о ней говорить.

Такъ стоялъ одинъ—безъ тревоги.
Смотрѣлъ на горы вдали.
И тамъ—на крутой дорогѣ—
Ужъ клубилось въ красной пыли.

* * *

Пытался сердцемъ отдохнуть я
Ужель не сбросить этихъ сновъ!
Но кто-то ждалъ на перепутьи
Моихъ послѣднихъ, странныхъ словъ.

И ждетъ еще. Рѣдѣютъ тѣни,
Яснѣе, ближе сонъ конца.
Онъ спряталъ голову въ колѣни
И не покажетъ мнѣ лица.

Но въ день послѣдній, въ часъ бездонный,
Нарушивъ всяческій законъ,
Онъ встанетъ, призракъ беззаконный,
Зеркальной гладью отраженъ.

И въ этотъ часъ въ густыя сѣни
Войдетъ подобіе лица,
И будетъ въ зеркалѣ безъ тѣни
Изображенье Пришлеца.

* * *

Сбѣжалъ съ горы и замеръ въ чащѣ.
Кругомъ мелькаютъ фонари...
Какъ бьется сердце—злѣй и чаще!..
Меня проищутъ до зари.

Огонь болотный имъ невѣдомъ.
Мои глаза—глаза совы.
Пускай бѣгутъ за мною слѣдомъ
Среди запутанной травы.

Мое болото ихъ затянетъ,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянетъ
Мой бѣлый призракъ имъ въ лицо.

* * *

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Дорога, подъ луной бѣла,
Казалось, полнилась шагами.
Тамъ только чья-то тѣнь брела
И опустилась за холмами.

И слушалъ я—и услыхалъ:
Среди дрожащихъ лунныхъ пятенъ;
Далеко, звонко конь скакалъ,
И легкій посвистъ былъ понятенъ.

Не здѣсь, а дальше—ровный звукъ,
И сердце медленно боролось.
О, какъ понять откуда стукъ,
Откуда будетъ слышенъ голосъ?

И вотъ, слышнѣе звонъ копытъ,
И бѣлый конь ко мнѣ несется...
И стало ясно, кто молчитъ
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

* * *

Безмолвный призракъ въ терему,
Я—черный рабъ проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
Въ Ея нетронутомъ альковѣ.

Я стерегу Ея ключи
И съ Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голосъ глухъ, мой волосъ сѣдъ.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь—одинъ Завѣтъ:
Завѣтъ служенья Непостижной.

* * *

По берегу плелся больной человѣкъ.
Съ нимъ рядомъ ползла вереница телѣгъ.

Въ дымящійся городъ везли балаганъ,
Красивыхъ цыганокъ и пьяныхъ цыганъ.

И сыпали шутки, визжали съ телѣгъ.
И рядомъ тащился съ кулькомъ человѣкъ.

Стоналъ и просилъ подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И онъ подбѣжалъ, ковыляя, какъ могъ,
И бросилъ въ телѣгу тяжелый кулекъ.

И самъ надорвался, и пѣна у губъ.
Цыганка въ телѣгу взяла его трупъ.

Съ собой усадила въ телѣгу рядкомъ,
И мертвый качался и падалъ ничкомъ.

И съ пѣсней свободы везла до села
И мертваго мужа женѣ отдала.

П. Иванову.

Плачетъ ребенокъ. Подъ луннымъ серпомъ
Тащится по полю путникъ горбатый.
Въ рощѣ хохочетъ надъ круглымъ горбомъ
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

Въ полѣ дорога блѣдна отъ луны.
Блѣдныя дѣвушки прячутся въ травы.
Руки, какъ травы, блѣдны и нѣжны.
Вѣтеръ колышитъ ихъ влѣво и вправо.

Шепчетъ и клонится злакъ голубой.
Пляшетъ горбунъ подъ луною двурогой.
Кто-то зоветъ серебристой трубой.
Кто-то бѣжитъ озаренной дорогой.

Блѣдныя дѣвушки встали изъ травъ.
Подняли руки къ познанью, къ молчанью.
Ухомъ къ землѣ неподвижно припавъ,
Внемлетъ горбунъ ожиданью, дыханью.

Въ рощѣ косматый беззвучно дрожитъ.
Мѣсяцъ упалъ въ озаренные злаки.
Плачетъ ребенокъ. И вѣтеръ молчитъ.
Близко труба. И не видно во мракѣ.

УЩЕРБЪ.

Мой факелъ пальцы мнѣ обжегъ.
Завѣсой сумерки упали.
Въ бездонномъ мракѣ нѣтъ дорогъ.

Валерій Брюсовъ.

Экклесіастъ.

Бысть Экклесіастъ мудръ.

Благословляя свѣтъ и тѣнь
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда—въ хаосъ безмірный,
Куда склоняется твой день.

Цѣла серебряная цѣпь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цвѣтетъ на днѣ долины
И влажнымъ зноемъ дышетъ степь.

Идешь ты къ дому на горахъ,
Полдневнымъ солнцемъ залитая;
Идешь,—повязка золотая
Въ смолистыхъ тонетъ волосахъ.

Зачахли каперса цвѣты,
И вотъ—кузнечикъ тяжелѣетъ,
И на дорогѣ ужасъ вѣетъ,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бѣгутъ испуганные стражи,
И всѣхъ объемлетъ призракъ вражій,
И долу гнутся дерева.

Все дикимъ страхомъ смятено.
Столпились въ кучу люди, звѣри.
И тщетно замыкаютъ двери
Досель смотрѣвшіе въ окно.

Андрею Бѣлому.

1.

Я смотрѣлъ на слѣпое людское строеніе.
Подъ крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услыхалъ приближеніе
И думалъ о томъ, что было давно.

Занавѣски шевелились и падали.
Поднимались отъ невидимой руки.
На лѣстницѣ тѣни прядали.
И осторожно начинались звонки.

Еще никто не вошелъ на лѣстницу,
А ужь заслышали счетъ ступень.
И вездѣ проснулись, кричали, поджидая вѣстницу,
И сѣдыя головы наклонялись въ тѣнь.

Думали: за утромъ наступитъ день.

Выше всѣхъ кричащихъ и всклокоченныхъ
Подъ крышей медленно загоралось окно.
Тамъ кто-то на счетахъ позолоченныхъ
Сосчиталъ, что никому не дано.

И понялъ, что будетъ темно.

2.

Я бѣжалъ и спотыкался,
Обливался кровью, бился
Объ утесы, поднимался,
На бѣгу опять молился.

И внезапно повѣяло холодомъ.
Впереди покраснѣла заря.
Кто-то звонкимъ, взывающимъ молотомъ
Воздвигалъ столпы алтаря.
На чертѣ горизонта пугающей,
Гдѣ скончалась внезапно земля,
Мнѣ почудился ты—умирающій,
Истекающій кровью, какъ я.
Неужели и ты отступаешь?
Неужели я сталъ одинокъ?
Или ты, испытуя, мигаешь,
Будто въ полѣ кровавый платокъ?
О, я увидѣлъ его, несчастный,
Увидѣлъ красный платокъ полей...
Заря ли кинула кличъ свой красный?
Во мнѣ ли грянула мысль о Ней?
То—заря безконечнаго холода,
Что послала мнѣ сладкій намекъ...
Что разсыпала красное золото,
Разостлала кровавый платокъ.
Изъ огня душа твоя скована
И вселенской мечтѣ предана.
Непомѣрной мечтой взволнована—
Угадать Ея Имена.

3.

Такъ. Я зналъ. И ты задулъ
Яркій факелъ, изнывая
Въ дымной мглѣ.
Въ безднѣ—мракъ, а въ небѣ—гулъ.
Милый другъ! Звѣзда иная
Намъ открылась на землѣ.
Неразлучно—будемъ оба
Клятву Вѣчности нести.
Поздно встрѣтимся у гроба
На серебряномъ пути.

Тамъ—сжимающему руки
Руку нѣжную сожму,
Молчаливому отъ муки
Шею крѣпко обниму.

Такъ. Я слышалъ вѣсть о новомъ!
Маска траурной души!
Въ Оный День—знакомымъ словомъ
Снова сердце оглуши!

И тогда—въ гремящей сферѣ
Небывалаго огня—
Свѣтлый мечъ намъ вскроетъ двери
Ослѣпительнаго Дня.

1903.

М. А. Олениной д'Альгеймъ.

Темная, блѣдно-зеленая
Дѣтская комнатка.
Нянюшка бродитъ сонная.
„Спи мое дитятко“.

Въ углу—лампадка зеленая.
Отъ нея—золотые лучики.
Нянюшка надъ постелькой склоненная...
„Дай заверну твои ноженьки и рученьки“.

Нянюшка сѣла и задумалась.
Лучики побѣжали,—три лучика.
„Нянюшка, о чемъ ты задумалась?
— Разскажи про святого мученика“.

Три лучика. Одинъ тоненькій...
„Святой мученикъ, дитятко, преставился...
— Закрой глазки, мой мальчикъ сонненькій.
— Святой мученикъ отъ мученья избавился“.

* * *

Встала въ сіяньи. Крестила дѣтей.
И дѣти увидѣли радостный сонъ.
Положила, до полу клонясь головой,
Послѣдній земной поклонъ.

Коля проснулся. Радостно вздохнулъ,
Голубому сну еще радъ наяву.
Прокатился и замеръ стеклянный гулъ:
Звенящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходилъ человѣкъ
Съ серебряной бляхой на теплой шапкѣ.
Стучалъ и дожидался у двери человѣкъ.
Никто не открылъ. Играли въ прятки.

Были веселыя морозныя Святки.

Прятали маминъ красный платокъ.
Въ платкѣ уходила она по утрамъ.
Сегодня оставила дома платокъ:
Дѣти прятали его по угламъ.

Подкрались сумерки. Дѣтскія тѣни
Запрыгали на стѣнѣ при свѣтѣ фонарей.
Кто-то шелъ по лѣстницѣ, считая ступени.
Сосчиталъ. И заплакалъ. И постучалъ у дверей.

Дѣти прислушались. Отворили двери.
Толстая сосѣдка принесла имъ щей.
Сказала:—кушайте. Встала на колѣни.
И, кланяясь, какъ мама, крестила дѣтей.

Мамочкѣ не больно, розовыя дѣтки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человѣку, толстой сосѣдкѣ,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочкѣ хорошо. Мама умерла.

* * *

У берега зеленаго на малой могилѣ
Въ праздникъ Благовѣщенья пѣли псаломъ.
Бѣлые священники съ улыбкой хоронили
Маленькую дѣвочку въ платьи голубомъ.

Всѣ они—помощью Вышняго Велѣнія—
Въ кровѣ Бога Небеснаго Отца расцвѣли.
И тихонько возносили къ небу куренія,
Будто не съ кадильницы, а съ зеленой земли.

* * *

Брожу въ стѣнахъ монастыря,
Безрадостный и темный инокъ.
Чуть брежжитъ блѣдная заря,—
Слѣжу мельканія снѣжинокъ.

Ахъ, ночь длинна, заря блѣдна
На нашемъ сѣверѣ угрюмомъ.
У занесеннаго окна
Упорнымъ предаюся думамъ.

Одинъ и тотъ же снѣгъ—бѣлѣй
Нетронутой и вѣчной ризы.
И вѣчно блѣдный воскъ свѣчей,
И убѣленные карнизы.

Мнѣ страненъ холодъ здѣшнихъ стѣнъ
И непонятна жизни бѣдность.
Меня пугаетъ сонный плѣнъ
И братій мертвенная блѣдность.

Заря блѣдна и ночь долга,
Какъ рядъ заутренъ и обѣденъ.
Ахъ, самъ я блѣденъ, какъ снѣга,
Въ упорной думѣ сердцемъ бѣденъ....

* * *

Золотистою долиной
Ты уходишь, нѣмъ и дикъ.
Таетъ въ небѣ журавлиный
Удаляющійся крикъ.

Замеръ, кажется, въ зенитѣ
Грустный голосъ, долгій звукъ.
Безконечно тянетъ нити
Торжествующій паукъ.

Сквозь прозрачныя волокна
Солнце, свѣта не тая,
Праздно бьетъ въ слѣпыя окна
Опустѣлаго жилья.

За нарядныя одежды
Осень солнцу отдала
Улетѣвшія надежды
Вдохновеннаго тепла.

* * *

Свобода смотритъ въ синеву.
Окно открыто. Воздухъ рѣзокъ.
За желто-красную листву
Уходитъ мѣсяца отрѣзокъ.

Онъ скоро будетъ—свѣтлый серпъ,
Сверкающій на жатвѣ ночи.
Его закатъ, его ущербъ
Въ послѣдній разъ ласкаетъ очи.

Какъ и тогда,—звенитъ окно.
Но голосъ мой, какъ воздухъ, свѣжій
Пропѣлъ давно, замолкъ давно
Подъ тростникомъ у прибережій.

Какъ блѣденъ мѣсяцъ въ синевѣ,
Какъ золотится тонкій волосъ....
Какъ тамъ качается въ листвѣ
Забытый, блеклый, мертвый колосъ....

Старикъ.

Подъ старость лѣтъ, забывъ святое,
Сухимъ вниманьемъ я живу.
Когда-то—тамъ—насъ было двое,
Но то во снѣ—не наяву.

Смотрю на блѣдный цвѣтъ осенній,
О чемъ-то память шепчетъ мнѣ....
Но развѣ можно вѣрить тѣни,
Мелькнувшей въ юношескомъ снѣ?

Все это было или мнилось?
Въ часы забвенья старыхъ ранъ
Мнѣ иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая въ туманъ.

Но глупымъ сказкамъ я не вѣрю,
Больной, подъ игомъ сѣдины.
Пускай другой отыщетъ двери,
Какія мнѣ не суждены.

* * *

.....И снова подхожу къ окну,
Влюбленъ въ мерцающую сагу.
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушелъ отъ дня,
И сонъ гоню, чтобъ длить молчанье....
Днемъ никому не жаль меня,—
Мнѣ ночью жаль мое страданье....

Оно въ безсонной тишинѣ
Мнѣ льетъ торжественныя муки.
И кто-то милый, близкій, мнѣ
Сжимаетъ жалобныя руки....

* * *

Ты у камина, склонивъ сѣдины,
Слушаешь сказки въ стихахъ.
Мы за тобою—незримые сны—
Чертимъ узоръ на стѣнахъ.

Дочь твоя—въ креслахъ—весны розовѣй,
Строже вечернихъ тѣней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Какъ у тебя хорошо и свѣтло—
Намъ за стѣною темно....
Дай пошалимъ, постучимся въ стекло,
Дай-ка—забьемся въ окно!

Скажешь ты тихо, поднявъ сѣдины:
Стукнуло гдѣ-то, дружокъ?
Дочка твоя, что румянѣй весны,
Скажетъ:—Тамъ сѣрый звѣрокъ.

* * *

Что съ тобой—не знаю и не скрою:
Ты больна прозрачной бѣлизной.
Милый другъ, узнаешь, что съ тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, въ подушкахъ лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рукъ.
И тогда сойдетъ къ тебѣ на ложе
Непрерывный, заунывный звукъ.

И лампадка тѣнью потревожитъ,—
Отдѣлится кто-то отъ стѣны;
Подойдетъ—и медленно положитъ
Нѣжный саванъ снѣжной бѣлизны.

* * *

Просыпаюсь я—и въ полѣ туманно,
Но съ моей вышки—на солнце укажу.
И пробужденіе мое безжеланно,
Какъ дѣвушка, которой я служу.

Когда я въ сумерки проходилъ по дорогѣ,
Запримѣтился въ окошкѣ красный огонекъ.
Розовая дѣвушка встала на порогѣ
И сказала мнѣ, что я красивъ и высокъ.

Въ этомъ вся моя сказка, добрые люди.
Мнѣ больше не надо отъ васъ ничего:
Я никогда не мечталъ о чудѣ—
И вы успокойтесь—и забудьте про него.

* * *

Когда я уйду на покой отъ временъ,
Уйду отъ хулы и похвалъ,
Ты вспомни ту нѣжность, тотъ ласковый сонъ
Которымъ я цвѣлъ и дышалъ.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Свѣтлая, зла,
Которое билось во мнѣ,
Когда подходила Ты, стройно-бѣла,
Какъ лебедь—къ моей глубинѣ.

Не я возмущалъ Твою гордую лѣнь—
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день,—
Твой день былъ свѣтлѣй моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой,—
Одну только пѣсню, что пѣлъ я съ Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

* * *

Свѣтлый сонъ, ты не обманешь,
Ляжешь въ утренней росѣ,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосѣ.

Солнце небо опояшетъ,
Вотъ и вечеръ—весь въ огнѣ·
Зайчикъ розовый запляшетъ
По цвѣточкамъ на стѣнѣ.

На балконѣ, гдѣ алѣютъ
Мхи старинныхъ баллюстрадъ,
Дѣды дремлютъ и лелѣютъ
Сны французскихъ баррикадъ.

Мы внимаемъ ветхимъ дѣдамъ,
Будто статуямъ изъ нишъ:
Сладко вспомнить за обѣдомъ
Старый пламенный Парижъ,

Протянувъ больную руку,
Сладко юнымъ погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшемъ говорить.

И въ алѣющемъ закатѣ
На балконѣ подремать,
Въ мягкомъ стеганомъ халатѣ
Перебраться на кровать...

Скажутъ:—Поздно, мы устали.
Разойдутся на зарѣ.
Я съ тобой останусь въ залѣ,
Лучикъ ляжетъ на коврѣ.

Милый сонъ, вечерній лучикъ....
Тѣни бархатныхъ рѣсницъ...
Въ золотистыхъ перьяхъ тучекъ
Танецъ нѣжныхъ вечерницъ...

* * *

Въ часъ, когда пьянѣютъ нарциссы
И театръ въ закатномъ огнѣ,
Въ полутѣнь послѣдней кулисы
Кто-то ходитъ вздыхать обо мнѣ...

Арлекинъ, забывшій о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Вѣтерокъ приносящій съ поля
Дуновеній легкую дань?

Я, паяцъ, у блестящей рампы
Возникаю въ открытый люкъ.
Это—бездна смотритъ сквозь лампы—
Ненасытно-жадный паукъ.

И, пока пьянѣютъ нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня...
Но въ тѣни послѣдней кулисы
Кто-то плачетъ, жалѣя меня.

Нѣжный другъ съ голубымъ туманомъ,
Убаюканъ качелью сновъ.
Сиротливо приникшій къ ранамъ
Легкоперстный запахъ цвѣтовъ.

* * *

Дали слѣпы, дни безгнѣвны,
Сомкнуты уста.
Въ непробудномъ снѣ царевны,
Синева пуста.

Были дни—надъ теремами
Пламенѣлъ закатъ.
Нѣжно бѣлыми словами
Кликалъ брата братъ.

Брата братъ изъ дальнихъ келій
Извѣщалъ: Хвала!
Гдѣ то голуби звенѣли,
Расплескавъ крыла.

Съ золотистыхъ ульевъ пчелы
Приносили медъ.
Наполнялъ весельемъ долы
Праздничный народъ.

Въ пестрыхъ бусахъ, въ алыхъ лентахъ
Дѣвушки цвѣли...
Кто тамъ скачетъ въ позументахъ
Въ голубой пыли?

Всадникъ въ битвенномъ нарядѣ,
Въ золотой парчѣ,
Свѣтлыхъ кудрей бьются пряди,
Искры на мечѣ,

Бѣлый конь, какъ цвѣтъ вишневый,
Блещутъ стремена....
На кафтанъ его парчевый
Пролилась весна—

Пролилась—онъ сгинетъ въ тучахъ,
Вспыхнетъ за холмомъ.
На зеленыхъ встанетъ кручахъ
Въ блескѣ заревомъ,

Гдѣ-то перьями промашетъ,
Крикнетъ: Берегись!
На конѣ селомъ пропляшетъ,
Къ ночи канетъ ввысь....

Ночью дѣвушкамъ приснится,
Прилетитъ изъ тучъ
Конь—мгновенная зарница,
Всадникъ—бѣглый лучъ...

И, какъ лучъ, пройдетъ въ прохладу
Узкаго окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанетъ съ ложа сна...

Или, въ злые дни ненастій,
Глянетъ въ сонный прудъ,
И его, дрожа отъ страсти,
Руки заплетутъ,

И потомъ обманутъ—вскинутъ
Руки къ серебру,
Рыбьимъ плесомъ отодвинутъ
Въ струйную игру...

И душа, летя на сѣверъ
Золотой пчелой,
Въ алый сонъ, въ медовый клеверъ
Ляжетъ на покой...

И опять въ вѣнкахъ и росахъ
Запоетъ мечта,
Засверкаетъ на откосахъ
Золото щита,

И подыметъ щитъ дѣвица,
И опять вдали
Всадникъ встанетъ, конь вздыбится
Въ голубой пыли...

Будутъ весны въ вѣчной смѣнѣ
И паденій гнетъ.
Вихрь исполненный видѣній—
Голубиный летъ...

Что мгновенныя безсилья?
Время—легкій дымъ...
Мы опять расплещемъ крылья,
Снова отлетимъ!

И опять, въ безумной смѣнѣ
Разсѣкая твердь,
Встрѣтимъ новый вихрь видѣній,—
Встрѣтимъ жизнь и смерть!

04.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Неподвижность.

Стр.

Вступленіе 7
Предчувствую тебя 9
Вхожу я въ темные храмы 10
Новыхъ созвучій ищу на страницахъ 11
Одинокій, къ тебѣ прихожу 12
Она росла за дальними горами 13
Historia 14
Ты отходишь въ сумракъ алый 15
Я понялъ все 16
Въ полночь глухую рожденная 17
Ночью сумрачной и дикой 18
Я жду призыва, ищу отвѣта 19
Ты горишь надъ высокой горою 20
Я, отрокъ, зажигаю свѣчи 21
Тебя скрывали туманы 22
Когда святого забвенія 24
Мы встрѣчались съ тобой на закатѣ 25
Вечерѣющій сумракъ, повѣрь 26

Стр.

Бѣгутъ невѣрныя, дневныя тѣни..... 28
Ночью вьюга снѣжная..... 29
Покраснѣли и гаснутъ ступени..... 30
Мы преклонились у завѣта..... 31
Сны раздумій небывалыхъ..... 32
Мой вечеръ близокъ и безволенъ..... 34
Я къ людямъ не выйду навстрѣчу..... 35
Слышу колоколъ..... 36
Гадай и жди..... 37
Вѣрю въ солнце завѣта..... 38
Вотъ они—бѣлые звуки..... 39
Запѣвающій сонъ..... 40
Я, изнуренный и премудрый..... 41
Отворяется дверь..... 42
Ты свята, но я тебѣ не вѣрю..... 43
Не поймутъ безскорбные люди..... 44
Потемнѣли, поблекли залы..... 45
Я искалъ голубую дорогу..... 46
Погружался я въ море клевера..... 47
Я вырѣзалъ посохъ изъ дуба..... 48
У забытыхъ могилъ..... 49
Я—мечъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ..... 50
Царица смотрѣла заставки..... 51
Цѣлый годъ не дрожало окно..... 53
Я ихъ хранилъ въ предѣлѣ Іоанна..... 55
Молитвы..... 56
Мой любимый, мой князь..... 61
Вотъ онъ—рядъ гробовыхъ ступеней..... 63

Перекрестки.

Обманъ..... 67
Городъ въ красные предѣлы..... 70

Стр.
Вѣчность бросила въ городъ 72
День былъ нѣжно-сѣрый 73
Подражаніе 75
Всѣ кричали у круглыхъ столовъ 76
Мнѣ гадалка съ морщинистымъ ликомъ 78
Здѣсь ночь мертва 79
По городу бѣгалъ черный человѣчекъ 80
Я былъ весь въ пестрыхъ лоскутьяхъ 81
Тамъ въ улицѣ стоялъ какой-то домъ 82
Свѣтъ въ окошкѣ шатался 84
Она стройна и высока 86
Днемъ вершу я дѣла суеты 88
Мнѣ страшно съ тобой встрѣчаться 89
Я просыпался и всходилъ 90
Мой мѣсяцъ 91
За темной далью городской 92
Говорили короткія рѣчи 94
Пытался сердцемъ отдохнуть я 96
Сбѣжалъ съ горы 97
Я вышелъ въ ночь 98
Безмолвный призракъ 100
По берегу плелся больной человѣкъ 101
Плачетъ ребенокъ 103

Ущербъ.

Экклесіастъ 107
Андрею Бѣлому 109
Олениной д'Альгеймъ 114
Встала въ сіяньи 116
У берега зеленаго 118
Брожу въ стѣнахъ монастыря 119
Золотистою долиной 121

Стр.
Свобода смотритъ въ синеву..... 122
Старики..... 123
И снова подхожу къ окну..... 124
Ты у камина..... 125
Что съ тобой—не знаю и не скрою..... 126
Просыпаюсь я..... 127
Когда я уйду..... 128
Свѣтлый сонъ, ты не обманешь..... 129
Въ часъ, когда пьянѣютъ нарциссы..... 131
Дали слѣпы..... 133

Клише рисунка обложки работы П. А. Метцгеръ въ Москвѣ.

Книгоиздательство „ГРИФЪ“.

Имѣются въ продажѣ:

I Альманахъ Грифъ. 1903 г.—1 р.

К. Д. Бальмонтъ. — «Только любовь». Стихи. Обложка работы Модеста Дурнова.—2 руб.

Оскаръ Уайльдъ. Саломея, Перев. Андрусонъ подъ редакц. и съ предисл. К. Бальмонта. Обложка работы Модеста Дурнова.—1 р.

II Альманахъ Грифъ. 1904 г. —1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Горныя Вершины. Сборникъ статей. Искусство и литература. Обложка работы Модеста Дурнова.—2 руб.

Александръ Блокъ. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Обложка раб. В. Владимирова.—1 р.

Печатаются (выйдутъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1904 г.):

Ѳ. Сологубъ. Книга Сказокъ. Обложка работы Модеста Дурнова. (Выйдетъ въ октябрѣ).

Андрей Бѣлый. Возвратъ (III Симфонія). Обложка работы В. Владимирова.—1 р.

А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣствица. Поэмы. Обложка работы Модеста Дурнова.—1 р.

К. Бальмонтъ. Литургія Красоты. Стихи.

Готовятся:

А. Курсинскій. Сквозь призму души. Разсказы и Стихи.
К. Бальмонтъ. Горныя Вершины. Томъ II.
Новалисъ. Ученики въ Саисѣ. Переводъ Минцловой.
Оскаръ Уайльдъ. Портретъ Доріанъ Грей. Романъ. Перев. Минцловой.
А. Л. Миропольскій. Предвидѣнія. Разсказы.
III Альманахъ Грифъ. 1905 г.
Нина Петровская. Разсказы.

Рукописи, присылаемыя въ Редакцію К-ва «Грифъ», хранятся до востребованія ихъ авторами не болѣе двухъ мѣсяцевъ. На обратную пересылку прилагаются марки въ размѣрѣ стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи менѣе 4 писанныхъ листовъ не возвращаются. На отвѣтъ прилагается марка.

Личныя объясненія ежедневно $5^1/_2$—6 час. (кромѣ праздн.).

Редакторъ С. А. Соколовъ.

Редакція. Москва, Никитскія ворота, д. Якунина. Телефонъ 60—56.

Складъ. Арбатъ, Уголъ Спасо-Песковск. пер. д. Чулкова. 16.

При непосредств. выпискѣ пересылка на счетъ К-ва «Грифъ». Иногороднихъ просятъ выписывать черезъ Редакцію.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Ц. 1 ру

L

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
ЛИТЕРА
1995

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(1904)

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898–1904)

L

МОСКВА
АЙТЕРА
1995

ББК 84Р1
Б 701

Составление, общая редакция,
предисловие, комментарии —
С.С.ЛЕСНЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
Книга первая (1898—1904)
Подготовка текста и комментарии —
В.Н.БЫСТРОВ

Художник
М.Ф.ЛОХМАНОВА

Редактор
В.П.БАЛАШОВ

На суперобложке — силуэт Александра Блока
работы Е.С.КРУГЛИКОВОЙ

На фронтисписе: Александр Блок. 1907 год

Издание осуществлено
за счет телекомпании REN-TV

© Идея, составление, предисловие, комментарии, подбор иллюстраций — С.С.Лесневский, 1995.
© Художественное оформление — М.Ф.Лохманова, 1995.
© Комментарии — В.Н.Быстров, Н.Ю.Грякалова, В.А.Сапогов.

В.А. ЖУКОВСКИЙ

НЕВЫРАЗИМОЕ

(*Отрывок*)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но, где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья —
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —

Сии столь яркие черты —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горе́ душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

Вторая половина августа 1819

СЫН ГАРМОНИИ

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.

А.Блок. Роза и Крест.

Имя Александра Блока символизирует блистательную и драматичную эпоху русской культуры, названную Серебряным веком. «Трагический тенор эпохи», — сказала о своем старшем собрате Анна Ахматова. Думается, что «тенор» здесь синоним «лирика» («трагический» — мужество, «тенор» — незащищенность).

Как памятник началу века,
Там этот человек стоит...

Лирический голос, пронизанный словно бы лермонтовской надеждой-безнадежностью, возвращающий гармонические звуки Пушкинского века и вместе с тем предвещающий Апокалипсическую трубу, — «роковая о гибели весть», которую приносит «дитя добра и света», — на этот покоряющий исповедальный лиризм, на эту «бесстрашную искренность» (слова М.Горького о Блоке) отозвались и современники, и потомки, услышавшие лебединую песнь «последнего поэта», который сказал за всех и обо всех, от имени всех, как никто еще не говорил в невероятном и ужасном двадцатом столетии. Николай Гумилев пронзительно и просто определил суть лиризма Блока: «Обыкновенно поэт отдает людям свои творения. Блок отдает самого себя».

Осенью 1915 года, оценивая небольшой сборник Блока «Стихи о России» (изданный журналом «Отечество» в помощь жертвам войны), Георгий Иванов писал: «Утонченное мастерство совпадает в «Стихах о России» со всем богатством творческого опыта. Любовь, мука, мудрость, вся сложность чувств современного лирика соединены в них с величественной, в веках теряющейся духовной генеалогией. Старая истина — что современникам трудно и невозможно, пожалуй, верно оценить поэта, с точностью определить удельный вес его творчества. Но что Блок не просто «мастер чеканной формы», а явление одного по-

рядка с теми, «чьи имена звучат нам, как призывы», — после выхода «Стихов о России» можно сказать с уверенностью».

Андрей Белый, которому принадлежат многие наиболее проницательные и точные оценки творчества и личности Александра Блока, так отозвался на уход своего сверстника: «Скончался Александр Александрович Блок, первый поэт современности; смолк — первый голос; оборвалась песня песен; в созвездии (Пушкин, Некрасов, Фет, Баратынский, Тютчев, Жуковский, Державин и Лермонтов) вспыхнуло: А л е к с а н д р Б л о к». Вспыхнуло — обрело бессмертие.

I

Есть у Александра Блока в отделе «Родина», входящем в книгу третью лирики поэта, стихотворение «Рожденные в года глухие...», которое принадлежит, бесспорно, к числу «гербовых» и звучит эпиграфом, вступлением ко всему его творчеству, ко всей судьбе художника, более того — ко всей эпохе, а может быть, и ко всей истории России XX века.

Посвящено оно (далеко не случайно) Зинаиде Николаевне Гиппиус и датировано 8 сентября 1914 года, когда уже шла первая мировая война и когда лишь три года отделяли Россию и мир от величайшей исторической катастрофы. Масштаб этого стихотворения таков, что им перекрываются и 1917—1918 годы (и даже поэма «Двенадцать»), которые развели недавних друзей или оппонентов, казалось, «по разные стороны баррикад», и все последующие, глубоко переломные, потрясающие, испепеляющие годы. Эти стихи написаны как бы после всего и сегодня парят — горят! — над всем происшедшим, огненно смотря с высоты на свершившееся и свершающееся. Они оказались написаны от нашего общего имени, включая и тех, кто противостоял друг другу, и «белых» и «красных», — и могут быть произнесены всеми поколениями нынешнего, близкого к завершению столетия:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

Эти строки словно выбиты на камне или на меди. И после 1921 года, когда поэта не стало, зазвучали еще сильнее и непреложней, чем в 1914 году, когда были написаны. И все сильнее и сильнее — после 1930-го, после 1941-го... И так — вплоть до наших дней... Недаром все чаще берется заголовком к трагическим текстам и документам нашей эпохи непререкаемая строка поэта: «Мы — дети страшных лет России...»

То, что культура есть общий вздох эпохи, подтверждается, кроме всего, и перекличкой этой крылатой фразы со стихами одного из старших символистов — Дмитрия Сергеевича Мережковского, чья поэтическая книга «Символы» (1892) стоит у истоков русского символизма (как и его размышление той же поры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»). В стихотворении «Дети ночи» (1894) Мережковский думает о своем поколении: «Дети скорби, дети ночи, Ждем, придет ли наш пророк...» «Мы — над бездною ступени, Дети мрака, солнца ждем...» Возможно, отозвались и строки из поэмы Мережковского «Смерть» (1891): «Мы — дети горестных времен, Мы — дети мрака и безверья!» Хотя у Блока — через два с лишним десятилетия! — будет сказано о судьбе детей рубежа веков неизмеримо трагичней.

И когда Блок, обращаясь к З.Н.Гиппиус, произнес: «Мы — дети страшных лет России...» — он говорил и от имени Мережковских, с которыми вел постоянный напряженный диалог, спор, подчас весьма острый (особенно в 1918 году). Это сказано от имени всех современников, вместе вступивших в XX век.

Кстати, с поэмой Дмитрия Мережковского «Смерть» непосредственно связана блоковская характеристика «железного» XIX века в поэме «Возмездие»: «Век девятнадцатый, железный, Воистину жестокий век! Тобою в мрак ночной, беззвездный Беспечный брошен человек!» У Мережковского: «О, век могучий, век суровый Железа, денег и машин, Твой дух промышленно-торговый Царит, как полный властелин». (На эту перекличку обратил внимание Л.К.Долгополов.) Образ «железного века» в поэзии восходит, видимо, к стихотворению Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824): «Наш век — торгаш; в сей век железный Без денег и свободы нет». И к стихотворению Боратынского «Последний поэт» (1835) в его итоговой книге «Сумерки» (1842):

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Но речь теперь не просто о возможности существования поэзии, о непоэтичности, прозаичности «железного века». Речь уже о вытеснении человека, человечности. И Блок, продолжая горестные раздумья Русской Музы о безжалостном ходе времени, об апокалипсисе «прогресса», набрасывает в поэме «Возмездие» портрет XX века:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

Обычно цитату обрывают этими действительно пророческими строками. Блок пишет «Возмездие» (поэму, так и не завершенную, ибо время оказалось стремительней) в 1910 – 1916 годы. Грозно приближаясь, «неслыханные перемены, невиданные мятежи» еще были за чертой исторического горизонта, оставляя мгновенную паузу для раздумья:

Чтó ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Вопросы эти, так и оставшиеся доныне без ответа, в поэме «Возмездие» предваряют автобиографические строфы, которые повествуют, каков был, в сущности, исторический пролог судьбы Александра Блока.

В предисловии к поэме «Возмездие» Блок писал: «К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и — увы! — забыть их нельзя, — они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах».

Строфы «Возмездия» повествуют, как радостно встречали жители северной столицы осенью 1878 года русских воинов — освободителей Болгарии:

За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут...
.....
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!

Момент национального согласия... Однако в других строфах «Возмездия» рисуется тайная сходка революционеров-народовольцев: «Опять — на смертную борьбу!» И вот между этими двумя возможностями идет история России...

В январе 1879 года соединили свои судьбы родители поэта — Александра Андреевна Бекетова, дочь ученого-ботаника, общественного деятеля, ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова, и молодой ученый-юрист Александр Львович Блок, окончивший Петербургский университет. Вскоре они уезжают на запад Российской империи — в Варшаву, где Александр Львович получает кафедру государства и права. У колыбели поэта в столице происходит трагическое событие, ставшее прологом грядущего века:

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатерининка канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта*.

Вот это первый «испепеляющий год», «кровавый отсвет» которого ляжет на всю судьбу поэта, на всю историю России, прочертив алый след — от цареубийства до цареубийства.

В 1968 году, к 50-летию екатеринбургского злодеяния, младший современник Александра Блока — поэт и критик Георгий Адамович — пишет в Париже статью «Цареубийство», где говорит о первомартовской расправе: «Политическим преступлением и, надо добавить, огромной политической ошибкой было убийство Александра II, — ошибкой тем более горестной и трудно объяснимой, что Желябов, вдохновитель всего дела, считал себя последователем Иисуса Христа и на суде об этом сказал. Вся новейшая русская история могла бы сложиться иначе, не будь этого убийства».

Не тот ли это был «Христос», что шел «с кровавым флагом»?.. Не о «сжигающем» ли Христе сказал цареубийца? Но Христос ли это?.. Таков давний спор, который отзовется и в поэме Блока.

II

Свою духовную родословную Блок возводил прежде всего к деду по материнской линии — хранителю идеалов «сороковых годов» минувшего века, «шестидесятнической» веры в просвещение, в гуманистическую миссию русской интеллигенции. В «ректорском доме» на берегу Невы будущий поэт и родился 16 (28) ноября 1880 года. А шестимесячным младенцем был отвезен в подмосковную глушь, в Шахматово, которое стало второй «малой родиной». И вот у истоков жизни и творчества Блока — два начала. Назвать их можно по-разному: «петербургское» и «московское», «стихия» и «культура», «народ» и «интеллигенция», «Россия» и «Европа»... Но каждое из этих начал не прикреплено к чему-то, а растворено во всем, хотя и тут есть свои доминанты, свои символы.

В феврале 1909 года Александр Блок спорил с Василием Розановым, русским писателем и мыслителем, к слову которого поэт неизменно прислушивался, хотя и не всегда соглашался с ним. Обосновывая свою веру в либеральные ценности, Блок писал: «Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма». Дед мой — А.Н.Бекетов, ректор СПб. университета, и я по происхождению и по крови «гуманист», т.е., как говорят теперь, «интеллигент».

Отвечая поэту, Розанов говорил, в частности, что есть две интеллигентности — кровная и народная: «Знаете ли, вот если бы 2 эти интеллигентности слились — Русь была бы велика...» И далее: «Плачущий старик ну хоть у гроба Иоанна Кронштадтского, — пусть весь он полон «суеверия и непонимания» — есть столь же прекрасное, благородное и *вековечное* явление, как Ваш дед Бекетов. Почему бы им не обняться?! Да почему, что мешает?! Загадка всей русской истории. А если бы она разрешилась, не было бы более ни революции, ни реакции».

В июле 1919 года, уже после кончины Розанова, переписывая, по просьбе дочери писателя, это письмо и посылая ей копию, Блок заметил: «Письмо очень драгоценно...» К тому времени многое из того, что утверждал В.В.Розанов до революции, стало для поэта ближе и по-

нятней. Блок и сам разглядел кровожадность революционной стихии. Обострилась боль за культуру, за человека, за Россию.

В декабре 1919 года в статье «О списке русских авторов» Блок подытоживает:

«Именно сейчас — весь путь, пройденный нашими предками, вспоминается ярко; не отрицаем того, что это — воспоминание, может быть, предсмертное: пред смертью вдруг ярко вспыхивает воспоминание о прожитом, чтобы вслед за тем быстро погаснуть. Однако такая возможность ничуть не смущает нас: воспоминание здесь, с нами, оно неотступно; мы находимся в здравом уме и твердой памяти, и весь крестный путь русской духовной жизни проходит сквозь наше сердце, горит в нашей крови.

По слову Фета:

Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

«Страданья» — ошибки, падения, взлеты, все, добытое человеческой кровью. Имеем ли мы право предавать забвению добытое кровью? Нет, не имеем».

Судьба Александра Блока, начиная с пролога, начертанного предками, тесно переплетена с историческими судьбами России и русской культуры. Блок повторял и эти строки Фета:

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Не случайно большая часть автобиографии поэта посвящена предкам, родственникам, близким. Внимательно отмечены труды и деяния родных. Блок считал это очень важным (что подтверждает и К.И.Чуковский). Ближе всего к поэту стояла мать, особенно в детстве, отрочестве и юности. Но и кровная память об отце значила многое.

Может быть, не только дорогами Европы, не только германским именем «Блок», но и переводческой деятельностью — Бекетовых и своей собственной, чтением в оригинале европейских гениев, да и самой Россией внушены строки «Скифов», наследующие Русскую идею Карамзина, Жуковского, Пушкина, Тютчева, Достоевского, Владимира Соловьева:

Мы любим всё — и жар холодных чисел,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мать Александра Блока — писательница Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (по второму мужу) — явилась одним из первых в России переводчиков трагического французского поэта Шарля Бодлера, автора «Цветов Зла». В 1895 году в «Вестнике иностранной литературы» был опубликован ее перевод стихотворения «De profundis clamavi» («Из бездны взываю»), который доныне выделяется точностью понимания бодлеровского оригинала. Поражает и сегодня сила переживания, энергия поэтической строфы в передаче горестно-безнадежного чувства, которое неожиданно напоминает блоковское «попиранье заветных святынь»:

К тебе взываю я, о та, кого люблю я,
Из темной пропасти, где сердце схоронил;
Угрюм мой душный мир, мой горизонт уныл,
Во мраке ужаса, кощунствуя, живу я.

Собственные стихи Александры Андреевны были, пожалуй, ближе к той русской «усадебной лирике», традиции которой наследовала ее родная сестра — поэтесса Екатерина Андреевна Бекетова-Краснова, тетка Александра Блока. В 1895 году, посмертно, вышел ее сборник «Стихотворения», во многом вдохновленный Шахматовом. Стихотворение Екатерины Бекетовой «Сирень» положено на музыку Рахманиновым, и мы слышим тот «серебряный» поэтический «звук», что был так дорог Блоку:

По утру, на заре,
По росистой траве,
Я пойду свежим утром дышать;
И в душистую тень,
Где теснится сирень,
Я пойду свое счастье искать.

В жизни счастье одно
Мне найти суждено,
И то счастье в сирени живет;
На зеленых ветвях,
На душистых кистях
Мое бедное счастье цветет...

Интересно, что А.Н.Бекетов поставил эпиграфом к своей «Географии растений» переведенный дочерью Екатериной гимн Франциска Ассизского.

«Детство мое прошло в семье матери», — говорит Блок. И «бекетовское» начало — это также «детское» — беззащитное и ... вечное. В третьей главе «Возмездия» есть завораживающие и глубоко личные строки, поднявшиеся с таинственных долин детства, защищенных дыханием матери:

Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный...

В старинный русский лиризм, в «бекетовскую культуру» мать поэта вносила, по его словам, «постоянный мятеж и беспокойство о новом» (что шло также от отца). И стремление к Музыке в высшем смысле, которое Блок почувствовал очень рано, находило поддержку у матери. А она ощутила близкую тревожную душу в двоюродной сестре — Ольге Михайловне Соловьевой (урожденной Коваленской), художнице и переводчице, которая жила в Москве и была замужем за преподавателем гимназии и переводчиком Михаилом Сергеевичем Соловьевым, братом знаменитого философа и поэта Владимира Соловьева. Все они были вестниками Серебряного века. Не случайно О.М. и М.С.Соловьевы стали первыми, после матери поэта, кто услышал и признал особый блоковский поэтический «звук». Они же угадали Андрея Белого. То были «очарованные странники»...

Услышал этот особый «звук», увидел эти «зори» и сын О.М. и М.С.Соловьевых — Сергей Соловьев, поэт, переводчик, филолог — троюродный брат Александра Блока, друг Андрея Белого. Судьба, время, братство соединили — «нераздельно и неслиянно» — трех поэтов. Всех связывала верность памяти и заветам Владимира Соловьева, понимали они эту верность по-разному.

III

В 1903 году в Петербурге вышла книга, полное название которой гласит: «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Императорского С.-Петербургского университета под редакцией Б.В.Никольского с иллюстрациями студентов Императорской Академии художеств под редакцией И.Е.Репина.СПб., 1903».

Среди других никому не известных молодых стихотворцев было там и имя Александра Блока, выступившего с тремя стихотворениями: «Ранний час. В пути незрима...», «Чем больней души мятежной...», «Тихо ясные дни подошли...» (в каноническом составе первой книги лирики Блока — «Видно, дни золотые пришли...»). В автобиографии (1909 года) Блок рассказывает о первой, неудачной попытке напечатать свои стихи в журнале «Мир Божий» и далее сообщает: «После этого случая я долго никуда не совался, пока в 1902 году меня не направили к Б.Никольскому, редактировавшему тогда вместе с Репиным студенческий сборник. Никольский взял у меня стихотворения и исказил их, впрочем, с моего согласия» (Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф.Ф.Фидлер. М., 1911, с.86).

Борис Владимирович Никольский был преподавателем на историко-филологическом факультете Петербургского университета и вел литературный студенческий кружок, в работе которого участвовал юный Александр Блок (подробнее в публикации В.И.Беззубова и С.Г.Исакова «Блок — участник студенческого сборника» во втором «Блоковском сборнике», Тарту, 1972; см. также: И в а н о в а Е.В. Блок в

Кружке изящной словесности Б.В.Никольского. — В сб.: Александр Блок. Исследования и материалы. Л., Наука, 1991).

Быть может, никому еще не слышный, прозвучал голос поэта:

Ранний час. В пути незрима,
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый ангел, ангел Бога
Сеет розы на пути.

В каноническом составе книги первой лирики Блока третья строка второй строфы — несколько иная: «Белый, белый Ангел Бога...» Усилена белизна... И есть третья строфа (которой нет в студенческом сборнике):

Жду́ в пленительном волненьи —
Тайна плачущей жены
Разомкнет златые звенья,
Вскроет крылий белизны.

Белизна еще настойчивей... Невольно вспоминается «В белом венчике из роз...» И ожидание тайны... Узнается поэт, голос поэта, краски, звуки, оттенки, интонации — Музыка Александра Блока.

В мартовской книге за 1903 год журнала Мережковских «Новый Путь», в окружении репродукций на тему Благовещения, появляется десять стихотворений Александра Блока «Из Посвящений» (эта публикация и считается дебютом поэта). В своих воспоминаниях «Мой лунный друг», посвященных памяти Александра Блока, Зинаида Гиппиус воссоздает атмосферу этого времени и говорит об участии поэта в журнале «Новый Путь».

Петр Петрович Перцов, под чьей редакцией выходил «Новый Путь», в книжечке воспоминаний «Ранний Блок» (М., 1922; в сокращении вошли в первый том книги «Александр Блок в воспоминаниях современников», М., 1980) запечатлел образ поэта в начале творчества, на пороге известности. Цикл «Из Посвящений» открывался стихотворением, которое потом часто цитировали: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо <...> Но страшно мне: изменишь облик Ты». Вспоминались не раз и слова Блока о его книгах, в которых «сказано все, что свершится». Но пока — все впереди, и только предчувствие «Непостижного света»:

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Золотая межа... Она и в Шахматове, она и в Мистическом мире, она и на земле, и во вселенной.

И вот стараниями Ольги Михайловны и Михаила Сергеевича Соловьевых в третьем выпуске московского альманаха «Северные Цветы» за 1903 год появляются десять стихотворений Александра Блока, которые Валерий Брюсов властно объединил названием, содержавшимся в письме автора, — «Стихи о Прекрасной Даме». В русской поэзии зазвучали таинственные речи и ритмы, заколебались отсветы церковных сводов, явилась Величавая, Вечная Жена:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

Казанский собор, Исаакиевский?.. Прекрасная Дама? Пречистая?.. Образы мерцают, перетекают, переливаются... Вера ли, поэзия?.. Молитва ли, признание в любви?.. В каком мире, в каком храме?.. Поистине: «Он имел одно виденье, Непостижное уму...» «А в лицо мне глядит, озаренный, Только образ, лишь сон о Ней».

А в Шахматове этот храм — на холмах, в полях, под небом. И снова — ожидание:

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далёко где-то,
На миг проснулось мое воззванье.

И земля, и небо, и нива вместе с поэтом живут ожиданием... Встречи, свиданья, тайны?.. «Но странно длится земли молчанье...» Молчание говорящее, полное несказанного... Словно земные просторы тоже ждут Ее...

В октябре 1904 года Сергей Алексеевич Соколов (поэт Сергей Кречетов) выпускает в своем издательстве «Гриф» в Москве первую книгу Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (см. публикацию К.Н.Суворовой «Переписка Блока с С.А.Соколовым (1903—1910)» в книге первой 92-го тома «Литературного наследства» — «Александр Блок. Новые материалы и исследования». М., 1980). Этот сборник и поныне остается немеркнущим событием русской поэзии Серебряного века.

Так еще никто не входил в поэзию и в жизнь — в таком напряженном ритме, в радостном ожидании чуда, словно молодец, царевич из русской сказки:

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему звуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Может быть, не случайно Андрей Белый, встретив впервые Александра Блока, подумал: «Молодец добрый из сказок: не Блок!» И жена поэта казалась царевной... Но вправе ли мы за поэтическими образами — символами — видеть биографически конкретных лиц?.. Ведь и поэт спрашивал:

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

Этот вопрос задавали себе и иные читатели, поэты — современники Блока. В одном из своих «Писем о русской поэзии» (журнал «Аполлон», 1912, № 8), отзываясь на выход «Собрания стихотворений в трех книгах» Александра Блока (М., «Мусагет», 1911—1912), Николай Гумилев утверждал: «О блоковской Прекрасной Даме много гадали. Хотели видеть в ней — то Жену, облеченную в Солнце, то Вечную Женственность, то символ России. Но если поверить, что это просто девушка, в которую впервые был влюблен поэт, то, мне кажется, ни одно стихотворение в книге не опровергнет этого мнения, а сам образ, сделавшись ближе, станет еще чудеснее и бесконечно выиграет от этого в художественном отношении. Мы поймем, что в этой книге, как в «Новой Жизни» Данте, «Сонетах» Ронсара, «Вертере» Гете и «Цветах Зла» Бодлера, нам явлен новый лик любви; любви, которая хочет ослепительности, питается предчувствиями, верит предзнаменованиям и во всем видит единство, потому что видит только самое себя; любви, которая лишний раз доказывает, что человек — не только усовершенствованная обезьяна. И мы будем на стороне поэта, когда он устами того же Пьеро крикнет обступившим его мистикам: «Вы не обманете меня, это Коломбина, это моя невеста!»

«Я не слушал сказок, я простой человек» — эти слова Пьеро из блоковского «Балаганчика» Гумилев хотел бы «видеть эпиграфом ко всем трем книгам стихотворений Блока». Но при всей привлекательности этой «непосредственной» точки зрения, при всей заманчивости представления, что Прекрасная Дама — «это просто девушка, в которую впервые был влюблен» поэт, — что-то мешает нам полностью согласиться с таким однозначным и ясным истолкованием тайны «Стихов о Прекрасной Даме».

С другой стороны, вряд ли можно согласиться с тем, что «Стихи о Прекрасной Даме» — это «закрытая книга», книга для посвященных, для немногих, хотя в сборнике есть стихи и мотивы, не раскрывающиеся

сразу, да и вся книга есть целостный таинственный мир. Но нас притягивает эта «красная тайна», ибо она рождена страстным стремлением к идеалу, пронизана влюбленностью и поклонением: нас притягивает живая душа, одержимая «одним виденьем», одним образом, одной мечтой.

В тайне и подтверждение подлинности чувства, ибо оно живо самим собой, будучи обращено к Недостижимой:

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

И как неподвижен и неизменен Ее лик, так «неподвижно ...солнце любви». «Неподвижность» — это мир непреложного, вечно притягательного и вечно недостижимого. И кто скажет, что холм, где она живет, — это Боблово, а не сказочный терем?..

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему,
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

И кто решится назвать село по имени Тараканово, если белая церковь, где соединят свои судьбы жених и невеста, находится не в Клинском уезде Московской губернии, а в сказочном крае, который окутан сизой дымкой мечты...

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

Здесь все в ожидании события, в ожидании Ее шагов, Ее явления... И мир звучаний, мир свечений пронизан ее излучениями... Сергею Соловьеву посвящено стихотворение, «окольцованное» одним образом:

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Здесь все в стремлении, в поклонении, в преклонении... И молитва одухотворила мир... С Андреем Белым и Сергеем Соловьевым связывает общее упование, вера в мечту Владимира Соловьева: «Знайте же: Вечная Женственность ныне В теле нетленном на землю идет...» И Непостижная воплощается в живую царевну, в цветение сирени, в море клевера, в голубую дорогу, в саму природу...

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

И вырастая, как цветок, полная весенних сил, будто сказочная царевна, княгиня, — вдруг оборачивается церковным огоньком, молитвенной свечой, — вся готовясь к Посвящению...

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя берегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви встанешь ты, бледен лицом,
И к Царице Небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

Вот, должно быть, тот край, за которым обрывается мир Прекрасной Дамы, Царевны, Девы, Зари, Купины — Сказки, Тайны. Недаром все было пронизано тайной тревогой, тайным знанием беды:

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: Осанна!
Сумасшедший, распростертый ниц.

Так кончается «Неподвижность», а «Перекрестки» начинаются с «Обмана». Тут совсем другой мир, и красный цвет другой — цвет не тайны, а крови и греха. В стихотворении, посвященном Евгению Павловичу Иванову, человеку чистому и целомудренному, но тоже город-

скому, по контрасту с молитвенным настроением первой части книги, мы вброшены чуть ли не в «страшный мир»:

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил.
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.
.....
Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык —
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

Здесь нет места Прекрасной Даме. «В этот город торговли Небеса не сойдут». И там, где «тускло от винных паров», дико звучит: «Господа! вот моя невеста». Это город Достоевского и Некрасова, город пушкинского Евгения, но уже и город современной арлекинады. Город приближающейся Незнакомки... И какого-то нарастающего гула... «Я вышел в ночь — узнать, понять Далекий шорох, близкий ропот...»

Так наступает «Ущерб». И совсем не мистически, почти как городская хроника — рассказ о трагической судьбе матери: «Встала в сияньи. Крестила детей». Сказка умирает; наяву — страшная быль...

Теперь миф о Прекрасной Даме можно свести к простому событию, «как у всех»: «Розовая девушка встала на пороге И сказала мне, что я красив и высок». А все-таки не было ничего выше этой сказки, этой песни, «что пел я с тобой, Что ты повторяла за мной». У дедов свой миф: «Деды дремлют и лелеют Сны французских баррикад» (видимо, из воспоминаний об А.Н.Бекетове, любившем «Старый пламенный Париж»). Поэт, воспевший Прекрасную Даму, словно «паяц», что кривляется у «блестящей рампы». Высокое умирает... И все-таки не меркнет видение воина, готового к подвигу:

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый,
Блещут стремена...
На кафтан его парчевый
Пролилась весна...

Этим видением завершаются «Стихи о Прекрасной Даме».

В октябре 1910 года Блок писал Андрею Белому: «Ведь вся история моего внутреннего развития «напророчена» в «Стихах о Прекрасной Даме». Блок вообще любил эту свою книгу особенной любовью. В июне 1916 года, перед уходом в армию, Блок записывает: «*Лучшими* остаются «Стихи о Прекрасной Даме». Время не должно тронуть их, как бы я ни был слаб как художник». А перед этим подчеркивает: «С «литературой» связи я не имею и горжусь этим. То, что я сделал подлинного, сделано мною *независимо*, то есть я зависел только от неслучайного».

«Стихи о Прекрасной Даме» определены «неслучайным» и являются заветной книгой Александра Блока. Любовно возвращается поэт к ней и в 1911 году, и в 1916-м, и в 1918-м, и в 1920-м. Дополняет, поясняет. Стремится сделать свою первую книгу доступной и необходимой другим.

В апреле 1920 года Блок вводит в названия глав «Стихов о Прекрасной Даме» указания на время и место действия своего «романа в стихах»: С.-Петербург, Шахматово, год, время года... Оставляет указание; «Каждый отдел печатается подряд (как главы романа, а не по одному стихотворению на странице). Стихи разделяются тирэ (–)». Трогательная подробность – желание поэта: «Орфография старая» (16 апреля 1920 года; Александр Блок. Собрание Сочинений. Т.1. Л., 1932, с. 281). Таковы эти и другие указания поэта для 5-го издания «Стихов о Прекрасной Даме» и всей книги первой «Стихотворений», то есть для издания, воплотившего последнюю авторскую волю и ставшего каноническим.

Отзывы современников о первой книге Александра Блока, если перечитать их сегодня, заметно корректируют представление, будто «Стихи о Прекрасной Даме» не были поняты и приняты ценителями поэзии (см.: Скворцова Н.В. Раннее творчество Блока в оценке критиков и современников (1902–1905). – Александр Блок. Исследования и материалы. Л., Наука, 1987). Сжатая, лаконичная и утонченная рецензия Вячеслава Иванова («Весы», 1904, № 11), как всегда у мудреца, исполнена огромного смысла. На своем глубоком и изысканном языке Вячеслав Иванов формулирует нешуточный вывод: «И символика тоскующей природы, в которой страдальный дух ищет божественной Психеи и скорбящая, разлученная Психея ищет, смиренная, своего Эроса, близкого и тайного, – так умилительна, так благоуханна, так мерцает уверяющею надеждой великого свершения».

Сочувственно читает книгу Виктор Гофман («Искусство», М., 1905, № 1), в целом высоко оценивающий «Стихи о Прекрасной Даме». По его словам, в иных стихотворениях второго раздела книги – «Перекрестки» – «как-то ужасно явно и страшно чувствуется вся бессвязность, суетливость, бессмысленность наших встреч, движений и разговоров, как будто свободных, случайных, ненужных, но за которыми вытягивается что-то роковое и внешнее, ощущается прикованность, подневольность и обреченность».

Вряд ли справедливо мнение, что Зинаида Гиппиус не приняла «Стихи о Прекрасной Даме». В своих «Литературных заметках» («Новый Путь», 1904, № 12) она, действительно, сомневается в духовной плодотворности мистико-эстетического пути, которого не вовсе чужд молодой поэт. Но Гиппиус радуется человеческой подлинности книги, которая «освежает и утешает нас», ибо рождена высоким стремлением: «Отрадно все-таки, что есть и жива еще «Прекрасная Дама», «Она», «Дева, Заря, Купина», которая тайно тревожна и тайно любима». З.Гиппиус заключает свою статью такими словами: «И в наши серые, трезвые, весенние и холодные дни — нам отрадно на мгновенье это солнечное слово о не сейчас необходимом, хотя бы и о туманном еще, о далеком, близком, вечном...» И цитирует две строфы стихотворения «Отворяются двери — там мерцанья...»:

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

Андрей Белый в статье «Апокалипсис в русской поэзии» («Весы», 1905, № 4) заявляет: «Два русла определенно намечаются в русской поэзии. Одно берет свое начало от Пушкина. Другое — от Лермонтова. Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета, Вл.Соловьева, Брюсова и, наконец, Блока. Эти имена и западают глубоко в нашу душу: талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе развития национального творчества».

Это было, конечно, немалой дерзостью — поставить имя никому почти не известного тогда Блока в такой поэтический ряд. Завязалась полемика между Андреем Белым и Валерием Брюсовым («Весы», 1905, № 5,6). Брюсов вообще против того, чтобы определять значение поэтов их близостью к мистическим образам Владимира Соловьева; Брюсов трезвее, суше, рациональней. Но он, похоже, завидует «младшим» (Блоку, Белому):

Они Ее видят! Они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

Так Прекрасная Дама стала утренним символом юного романтизма Серебряного века. «И невозможное возможно...» — вот Музыка первой книги Александра Блока. Но за нею — тайная и явная тревога...

IV

«И мглою бед неотразимых Грядущий день заволокло» — эти строки Владимира Соловьева ставит Блок эпиграфом к завершающему стихотворению цикла «На поле Куликовом» (1908). «Теперь твой час настал. — Молись!» — обрывается цикл, устремленный в грядущее, возможно, очень близкое.

Оглядываясь сегодня назад, сквозь десятилетия, мы видим художников и мыслителей Серебряного века в тревожном ожидании «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей». И потрясения не заставили себя долго ждать...

В позднейшем (около 1957 года) цикле стихов «Ветер», посвященном Александру Блоку, Борис Пастернак переносит нас в революционную эпоху:

Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.

Блок ждал этой бури и встряски.
Ее огневые штрихи
Боязнью и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.

Это картина в духе Блока, ощущавшего переворот сразу во всех сферах — и в природе, и в истории, и в человеке. Музыка соединяла собой все и вела поэта как бы «вслепую» к прозрению. «Публицистически» он мог передать свое чувство в прямом утверждении: «Какое важное время! Великое время! Радостно» (Шахматово, июнь 1905 года, письмо к Евгению Павловичу Иванову). Но поэзия видела мир сложнее... И видела, и слышала.

В июле 1905 года рождается «Осенняя воля» с ее трагическим простором:

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

В августе 1905 года в Шахматове — «Девушка пела в церковном хоре...». Здесь об утопической мечте и трагическом будущем вещую правду произносит поэзия:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

И этот ребенок всегда живет и плачет в поэзии Блока... Музыка слышит: «Никто не придет назад». Муза трагедии: «Есть в напевах твоих сокровенных Роковая о гибели весть...» Муза поэта...

Блок в 1905 году писал своему другу, глубоко верующему, православному человеку — Евгению Павловичу Иванову: «Никогда не приму Христа». Но Евгений Павлович (и письмами, и всем строем своей жизни и веры) напоминал поэту, что о Христе нельзя мыслить предвзято, ничего нельзя «знать наперед», ибо если жить подлинно духовной жизнью, то и будешь «принимать Христа». Христос всегда впереди... И Блок знал это, знал в Музыке, хотя «публицистически» мог и отрицать. Знал, что Христос ждет... (О диалоге друзей говорит Л.А.Ильюнина в «Блоковском сборнике», X, 1990).

Блок доверялся музыкальному порыву. И когда нужно было привести решающий довод в споре о «Двенадцати», он сообщал как безусловный факт, что поэма написана «в согласии со стихией», подобно «Снежной Маске» и «Кармен», ибо Стихия, Музыка одна: циклон Любви, циклон Революции — одной природы. «Ветер, ветер — На всем Божьем свете!»

Поэзия не профессия, не стихосложение; поэзия — пересоздание мира, пересотворение бытия, духовный подвиг, рождение нового мира и нового человека (в духе Музыки, а не политики и не идеологии). Поэзия — служение, духовный подвиг, а не кукла массовой культуры. Иначе о художнике, которого провожают в последний путь, придется сказать:

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

Вероятно, Блок думал и о себе, когда писал эти строки. И рассуждал, подобно античным мыслителям. «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами?» — спрашивал Блок в своей прощальной пушкинской речи «О назначении поэта». И отвечал: «Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт». И Блок воистину «сын гармонии», что звучит как-то нездешне и несовременно, словно бы из какого-то «золотого века» — пушкинского, или античного, или ренессансного. О.Форш нарисовала рядом лики Данте и Блока. Горький сказал: «Нравится мне его строгое лицо и голова флорентинца эпохи Возрождения».

Эти слова следуют за рассказом «барышни с Невского», которую пригласил человек с лицом флорентинца эпохи Возрождения. Барышня нечаянно уснула, поэт ласково гладил ее волосы — а потом ушел,

оставив деньги, но так и не разбудив «незнакомку»... Может быть, эта была будущая Катька из «Двенадцати». ...Случай символичный, хотя о нем вряд ли знал Вячеслав Иванов, посвятивший Александру Блоку свое стихотворение «Бог в лупанарии» (1909). Речь шла не о бытовой, так сказать, биографической стороне жизни, но о способности «к долу горнее принизив, за непонятным узывать».

Музыкальной тайной всегда остается глубочайшая и ускользающая двойственность Блока, сочетающего несочетаемое и остающегося цельным. Всеобъемлющим началом, которое соединяет несоединимое, выступает Музыка.

Музыка у Блока — ключевое понятие. Она словно бессмертная платоновская Душа. Не та музыка, что исполняется на каком-либо инструменте, а Музыка мироздания, Музыка бытия, своего рода Душа Мира или Музыка будущего. И «музыкальность» являлась Блоку не просто напевностью (он считал, что лишен слуха), а согласием мировых сил. И в дыхании природы, и в голосе человека, и в кружении звезд, и в любовной страсти, и в поступи времени Блок слышал одну Музыку.

В статье Блока «Дитя Гоголя» читаем: «Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?» — спрашивал «украинский соловей» Гоголь. Нет, музыка нас не покинет». А когда Музыка все-таки покинула Блока, когда поэт перестал — вокруг и в себе — слышать Музыку, он... задохнулся. Иных объяснений смерти поэта не существует.

Блок знал и верил: «На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, — катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир».

Поэт связан с этими звуковыми волнами, он должен вскрыть глубину и принять «звук» в душу. Не физический звук, не шум, а веяние Музыки мироздания, Божественный глагол. «Приближается звук...» — особое состояние. С ним приходит все. Об этом Блок написал одно из своих самых пленительных стихотворений:

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится, — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы и листы, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

«Старый дом» в сердце поэта — гармония, пушкинское начало, старинные ценности, «заветные святыни», «девятнадцатый век» (не «прогресс», а духовное наследие). Это — Музыка, Молодость, Любовь, Душа, Природа, Сад. Это Родина. Стихотворение потому и вошло в цикл «Родина», рядом с программными стихами о России.

«Первым вдохновителем моим был Жуковский. С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные еще с чьим-либо именем. Запомнилось разве имя Полонского и первое впечатление от его строф:

Снится мне: я свеж и молод.
Я влюблен. Мечты кипят.
От зари роскошный холод
Проникает в сад», —

читаем в Автобиографии Блока. Но это Автобиография 1915 года, а в более раннем (1909 года) варианте автобиографии сказано немного иначе: «Первым вдохновителем моим, имевшим огромную власть надо мной, был Жуковский, через него впервые узнал я дух немецкой романтики».

В автобиографии 1909 года названы поэты-современники, влияние которых на рубеже веков испытал Александр Блок: «Здесь, в связи с острыми мистическими и романическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева. Позже — сильное влияние на меня оказали Мережковский и Брюсов».

Дар поэта рос прежде всего под обаянием русских романтиков, чей девиз произнес Жуковский: «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли». (А за этим и Греция, и Палестина, и Византия, и Италия, и Германия, да и сама Россия.) «Гений чистой красоты», перелетевший от Жуковского к Пушкину, унаследован Тютчевым, Лермонтовым, Фетом, Полонским, Случевским (которого Вл.Соловьев назвал одним из русских лириков «серебряного века»). Гений, поющий в душе, есть романтическая связь с Мировой жизнью, с Музыкой.

Все они были «последними поэтами» в символическом смысле, о каком говорил Боратынский в стихотворении «Последний поэт», видя шествие бездушной цивилизации.

В этом смысле и Анненский, и Сологуб, и Бальмонт, и Блок были «последними поэтами», хранителями «ребяческих снов» поэзии. (Есенин скажет: «...Я последний поэт деревни...» Как когда-то Случевский: «А Ярославна все-таки тоскует В урочный час на каменной стене».) Поэтический пророк XX века, Блок непостижимым образом ос-

тается верен старинным идеалам, катастрофически исчезающим ценностям бесконечного масштаба, «последним» верованиям:

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Открыв заглавную страницу русской поэзии новой эпохи, Блок (и в «проклятье заветов священных») верен легендарному представлению о поэзии как исповеди влюбленного, о творчестве как романе, о стихах как песни (или романсе), о любви как солнце жизни, о женщине как Прекрасной Даме. Блок, поэт Апокалипсиса, когда рушилось все, неизъяснимо наследовал идею и образ Вечной Женственности — Катулла, Данте, Петрарки, Ронсара, Гете, Жуковского, Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Фета, Владимира Соловьева, возгласившего:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Словно средневековый рыцарь и трубадур — но оставаясь поэтом современности! — Блок создает «Стихи о Прекрасной Даме», «молитвенник любви», первую книгу, которую он всю жизнь считал своей лучшей книгой. «Только влюбленный достоин звания человека», — сказал Блок. И он был влюбленным, подобно пушкинскому рыцарю:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

(О значении этого пушкинского текста в русской культуре — и для Достоевского, и для Блока — размышляет Ирина Сурат в книге «Жил на свете рыцарь бедный...», М., 1990).

«Рыцарь-монах» — назвал Блок свою статью к десятилетию со дня смерти Владимира Соловьева (1910). Поэты Серебряного века были рыцарями, имевшими «одно виденье», властью которого слагались судьба и поэзия. Даже Валерий Яковлевич Брюсов, чьи первые опубликованные на страницах «Русских символистов» стихи вызвали остроумнейшие пародии Вл.Соловьева. Казалось бы, холодный мэтр, «суровый маг», Брюсов, снисходительно улыбавшийся мистическим «видениям» младших символистов (Блока, Белого), был одержим

идеей русско-европейского артистизма и привил к отечественному стволу поэзии современнейшие мотивы, неожиданно зазеленевшие не только в символистских сборниках.

Александр Блок к первому разделу («Неподвижность») своей первой книги «Стихи о Прекрасной Даме» — самому «идеальному» разделу — взял эпиграфы из Владимира Соловьева и Валерия Брюсова:

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь.
Вся Ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

Владимир Соловьев

И вот, как облако, влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

Валерий Брюсов

Ко второму разделу «Стихов о Прекрасной Даме» — «Перекрестки» — где «изменяется облик», где вторгается дисгармония, — Блок поставил эпиграфом строку Владимира Соловьева: «Не миновать нам двойственной сей грани». И к третьему — «Ущерб» — строки Валерия Брюсова:

Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Символисты продлили музыкальную романтическую ноту Жуковского, Пушкина, Боратынского, Тютчева, Лермонтова, Фета, Владимира Соловьева... Они шли «против течения» (по слову А.К.Толстого), вопреки самодовольному рационализму позитивистов, веруя, что постичь красоту и одновременно безумие мира может лишь Музыка и что только Музыка одержима тревогой. Как сказал — вослед Платону — о душе человеческой Лермонтов:

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Но символистская муза, «желанием чудным полна», вслушиваясь в «звуки небес», по-некрасовски одухотворила и «скучные песни земли». Храня в душе «виденье, непостижное уму», она вышла в толпу. Начав с молитвы, она предалась зрелищу и арлекинаде. И, вдруг поняв свое отступничество, начала оплакивать покинутую мечту и первую любовь. И пророчить апокалипсис... Не об этом ли строки Владимира Соловьева:

Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий —
Созвучие вселенной создано.

Вот почему Блок взял отсюда эпиграф к той части «Стихов о Прекрасной Даме», где прозреваются и цикл «Город», и драмы «Балаганчик» и «Незнакомка», и вторая книга — «Нечаянная Радость», и «Страшный мир», и «Возмездие», и «Двенадцать».

Эта «двойственная грань» (и «неподвижный» идеал, и «ущерб») была уже в первой поэтической книге Блока. И не только двойственная, но и множественная («Перекрестки»). Символистский образ многозвучен и многозначен, весь на скрещении: в небе и на земле, в душе и в природе, в истории и в космосе. Музыка обнимает все. И только такой «звук» мог сказать о новом, неслыханном и невероятном времени, только такая Музыка могла услышать будущее.

Любовь Дмитриевна Блок (урожденная Менделеева), невеста и жена поэта, писала в своих позднейших воспоминаниях «И быль, и небылицы о Блоке и о себе»: «А вы попробуйте перенестись в конец девяностых годов, когда Блок уже писал «Стихи о Прекрасной Даме», конечно, и не подозревая, что он что-либо подобное пишет. Ловит слухом и записывает то, что поется около него, в нем ли — он не знает. Попробуйте перенестись во время до «Мира искусства» и его выставок, до романов Мережковского, до распространения широкого знакомства с французскими символистами, даже до первого приезда Художественного театра» (это было в 1901 году). И далее: «Пусть семья Блока тонко литературна, пусть Фет, Верлен и Бодлер знакомы с детства, все же, чтобы написать любое стихотворение «Ante Lucem», какой прорыв, какая неожиданность и ритма и звуковой инструментовки, не говоря об абсолютной *непонятности* в то время и хода мыслей, и строя чувств.

Помню ясно, как резнули своей неожиданностью первые стихи, которые показал мне Блок в 1901 году. А я была еще к новому подготовлена, во мне самой назревало это новое совершенно в других слоях души, чем показные, парадные». И еще: «Это и была основа всего идущего *нового* — особое восприятие искусства, отдавание ему без остатка святого-святых души. Черпать в нем свои коренные жизненные силы и ничему так не верить, как тому, что пропоет тебе стих или скажет музыка, что просияет тебе с полотна картины в штрихе рисунка.

С Врубеля у меня и началось...» (Далее Любовь Дмитриевна вспоминает, как больно было ей слушать шуточки маминых приятелей по поводу иллюстраций Врубеля к Лермонтову...)

Таков был Серебряный век нового искусства. И встреча Блока с будущей невестой и женой вначале чисто музыкальна, «несказанна». Но именно эта «несказанность» и связала их навеки. И что бы потом ни разделяло их в жизни, как бы далеки они ни были друг от друга в

иные дни и годы, им светила та «звезда», что прочертила подмосковный августовский небосклон, когда в костюме Гамлета и Офелии они возвращались после любительского спектакля из сенного сарая, через усадебный парк, в менделеевский дом...

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, грезишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи, злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то
Там, над горой, туманной и зубчатой,
В лучах немеркнущей зари.

В юности Блок называл время перед встречей с Ней — Ante Lucem, Перед Светом. Так называется и первый раздел книги первой лирики поэта в ее каноническом окончательном составе. «Ante Lucem» — предрассветная пора, когда поэт уже ощущает веяние идеала. «Стихи о Прекрасной Даме» — не только песня любви, но и обретенная миссия в мире. Служенье... Здесь же намечены и контуры близкой «измены».

Но среди этих встреч, веяний, волн, идущих и от времени, и от искусства, и от любви, было одно, высшее, духовное Видение, которое и определило судьбу поэта и его будущей невесты и жены. Любовь Дмитриевна вспоминает (уже на склоне лет):

«Раз идя по Садовой мимо часовни у Спаса на Сенной, я заглянула в открытые двери. Образа, трепет бесчисленных огоньков восковых свечей, припавшие, молящиеся фигуры. Сердце защемило от того, что я вне этого мира, вне этой древней правды <...> Я пошла дальше и почти машинально вошла в Казанский собор. Я не подошла к богатой и нарядной, в брильянтах, чудотворной иконе, залитой светом, а дальше — за колоннами — остановилась у другой Казанской, в полутьме с двумя-тремя свечами, перед которой всегда было тихо и пусто. Я опустилась на колени, еще плохо умея молиться. Но потом это стала моя и наша Казанская, к ней же приходила за помощью и после смерти Саши. Однако и тогда, в первый раз, пришли облегчающие, успокоительные слезы».

Поразительное признание! Вот чей образ осенял и соединял судьбы двоих, соединял втайне, невидимо... «Был в щите Твой Лик Нерукотворный Светел навсегда». Навсегда... И мы продолжаем слушать:

«Потом, когда я рассказала, Саша написал:

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная...
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

И бесконечно глубокие
Мысли растут и желания,
Вижу я небо далекое,
Слышу я Божье дыхание.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

Я стала приходить в собор к моей Казанской и ставить ей восковую свечку».

И вот эта встреча — 17 октября 1901 года... Любовь Дмитриевна вспоминает об этом дне через много лет, уже незадолго и до своей кончины...

«В сумерки октябрьского дня (17 октября) я шла по Невскому к собору и встретила Блока. Мы пошли рядом. Я рассказала, куда иду и как все это вышло. Позволила идти с собой. Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей Казанской...»

«Так начались соборы — сначала Казанский, потом и Исаакиевский». Соборы Бога, соборы Поэзии и Веры... Звуки молитв, строки стихов, признания без слов... Так они соединились навеки, и так родился Поэт.

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.
.....
Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой,
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

Так и исполнилось... Да и сам Блок в последние годы вернулся к этой песне, что осталась «За гранью прошлых дней», как назвал он словами Фета один из своих предсмертных сборников, куда вошли ранние стихи (подчас сильно переделанные).

V

Когда-то, в уже легендарные времена, Жуковский, предчувствуя собственную кончину, написал для своих детей стихотворение о царскосельском лебеде и его прощальной песне. Оказалось, то была лебединая песнь Золотого века русской культуры. И вот всего через несколько десятилетий молодой Гумилев, так и не ставший старым, в стихотворении памяти своего учителя воскрешает классический образ: «Был Иннокентий Анненский последним Из царскосельских лебедей».

«Царскосельский воздух Был создан, чтобы песни повторять», — скажет Ахматова. В сущности, вся русская культура дышала «царскосельским воздухом». Царственна была и независимость русской культуры от власти, от верноподданничества. Традиционной для русской культуры была ее оппозиционность власти, но все-таки в широких пределах единства судьбы России.

Серебряный век стал предсмертной лебединой песнью русской культуры. Романтиками, идеалистами, мистиками были все: и философ, и живописец, и странник, и пастырь, и царь. Все они слагали лебединую песнь.

Эпоха была мифологической. Все жили своими мифами. И миф о близости конца истории, и миф о пролетариате как мессии, и миф о всеспасительности демократии, и миф о «Николае Кровавом» (к созданию которого, кстати, приложил перо Бальмонт), и миф о Распутине — все это было какое-то единое общее апокалипсическое ослепление, некий отуманивающий эсхатологический хмель. Это была эпоха, когда начались массовые интеллектуальные отравления, своего рода умственные эпидемии.

Серебряный век был двойственным: защищенный, в сущности, царской властью, выступал против монархии; питаясь арсеналом религии, клонился к свободомыслию; предчувствуя катастрофу, рвался к гибели. Рожденный тоской о Золотом пушкинском веке, о гармонии, именно Серебряный век дал художнику и мыслителю право на эксперимент. Никогда еще не было такого интенсивного переживания всей русской классики и всей русской, мировой культуры, возвращения к известному и открытия неизвестного. Но отчего это ярчайшее воспоминание явилось предсмертным? Откуда такое парадоксальное сочетание виртуозной изощренности и эстетики примитива, сверхсовременности и архаики? И почему стало возможным столь грубо и насильственно оборвать это новое Возрождение? Не таил ли Серебряный век в себе самом самоубийственного начала? Не разрушил ли тот высокий последний миф, в который верил Иван Владимирович Цветаев?

Все-таки, наверно, прав был Вячеслав Иванов, сказавший: «Да, сей пожар мы поджигали...»

VI

Говорить об Александре Блоке и легко, и трудно. Легко, потому что сами собой выпеваются летящие строки и строфы:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.
.....
И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!
.....
Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.
.....
И вечный бой! Покой нам только снится...
.....
Петроградское небо мутилось дождем...

И многое, многое другое. Все, что навеки вошло в память и в сердце, ведь уже нельзя представить, что когда-то этих строк не было.

А почему же трудно?.. Потому, что вопреки Музыке мы пытались приспособить великого поэта к нашим сиюминутным идеологическим интересам и доказать, что он тоже был «инженером человеческих душ» и мог сидеть в пышных президиумах съездов советских писателей, если бы... дожил до этих славных дней. Что он приветствовал новый мир и звал слушать музыку революции...

Да, он сказал: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию». Но это был призыв слушать, а не слушаться. Да, он заявил: «Дело художника, *обязанность* художника — видеть то, *что* задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

И сам спросил, и сам ответил на свой вопрос: «Что же задумано?» Ответил романтически, ликующе, безоглядно: «*Переделать все*. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Это похоже на один из монологов чеховских героев о «небе в алмазах». Но когда Блок увидел, что задуманное не только не исполняется — впрочем, поэт и не ждал мгновенного преображения жизни, — а

происходит нечто противоположное, началась та внешне не видная духовная работа (она никогда и не прекращалась), которая привела к пониманию подлинного характера новой действительности. И тем самым к остро критической оценке собственного пути, особенно — революционной поры...

В последний год своей жизни, в январе 1921 года, Александр Блок получил из Москвы необычное письмо. Давняя почитательница и корреспондентка поэта Надежда Александровна Нолле-Коган, жена литературоведа и критика П.С.Когана, сообщала, что ждет ребенка, и просила Блока быть его крестным отцом. Поэта взволновала такая неожиданная просьба, и он ответил большим и серьезным письмом (которое было опубликовано полностью только через шестьдесят лет). Вначале Блок объясняет, почему он чувствует именно так:

«То, что Вы мне написали, очень важно, потому что Вы хотите, чтобы это было важно. Все на свете так — зависит от отношения. Даже то, о чем Вы пишете, может пройти и проходит почти у всех кое-как, так себе, как все; но Вы говорите этому «да». Говоря так, Вы берете на себя страшную ответственность. Вы хотите, чтобы я нашел в душе «хорошие слова» и написал Вам. Я нахожу слова, но не знаю, хорошие ли они; во всяком случае, они — горькие, но иными сейчас не могут быть настоящие слова».

Сегодня мы читаем это письмо поэта с мыслью о времени, когда оно было написано, сознавая, что идет последний год жизни Блока и что это одно из его «последних слов». Блок продолжает: «Вы связываете будущего ребенка с мыслью обо мне. Я принимаю это, насколько умею, а умею очень плохо. Вообще я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте о 99/100 меня, о всем слабом, грешном и ничтожном, что во мне. Но во мне еще, правда, 1/100 того, что бы надо было передать кому-то; вот эту лучшую мою часть я мог бы выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего».

Блоку всего сорок лет, а какая бесконечная усталость «от всей жизни»... И, собрав силы, свою «лучшую часть», он произносит выношенный, выстраданный завет «человеку близкого будущего»: «Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком *мира*, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть, и бунтовать, и разрушать, она во всех нас грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего *совесть*, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее».

Страшно сегодня читать это пожелание, страшно, что оно еще более актуально, чем в год смерти Блока. К «семи годам ужаса», о которых говорил поэт, прибавилось еще немало таких же и более ужасных. Впрочем, это общеизвестно. Нам здесь важно было услышать глубочайшее разочарование поэта в революционных методах переуст-

ройства общества, отвращение ко всякому насилию и кровопролитию. Услышать призыв к спокойному и медленному созиданию — вопреки экстремистскому безумию, захватившему огромные массы людей. Узнать, что поэт считал *совесть* единственной нравственной силой, которая может противостоять «страшным порывам» современности и ближайшего будущего. Блок понимал, что́ нас ждет...

«Человек *мира*, а не войны» — вот идеал поэта, простой и совершенно неромантический, но зато этический, гуманный. (А ведь еще недавно, весной 1919 года, в докладе «Крушение гуманизма» Блок утверждал, что «гуманная цивилизация» развалилась, что рождается «новая человеческая порода; цель движения — уже не этический, не политический, не гуманный человек, а *человек-артист*; он и только он будет способен *жадно жить и действовать* в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество».) В душе поэта — *крушение революционаризма*.

Письмо это — свидетельство величайшей внутренней катастрофы, которую пережил Блок. Но впечатляет положительным смыслом обретенной правды, как бы она ни была страшна. Поражает и исторической точностью прозрений Блока. Далее он пишет: «Поймите, хотя я говорю это, говорю с болью и отчаяньем в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет». Надо знать неприятие Блоком «официальной церковности» — при всей теснейшей связи поэта и с христианством вообще, и с православием, и с миром храма, русской церкви, — чтобы оценить признание: церковь «зовет». (Еще в 1918 году, в «Исповеди язычника», Блок говорил: «Но я — русский, а русские всегда ведь думают о церкви; мало кто совершенно равнодушен к ней; одни ее очень ненавидят, а другие любят; то и другое — с болью».)

Наиболее сжато трагический смысл письма Блока выражен в следующих словах, обращенных к будущей матери: «Жалейте и лелейте своего будущего ребенка; если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней». Конечно, слова о том, «что мы наделали», слова о «каждой минуте наших дней» относятся прежде всего к эпохе недавней революции, но ведь — и ко всей эпохе войн и революций, ко всей пережитой жизни. Это суровейший суд над собой и своим поколением.

Первую, «неделовую», исповедальную часть своего письма Блок заключает так: «Вот Вам слова лучшие, какие только могу найти сейчас, самое большое, что я могу увидеть и обобщить моими слепнущими от ужаса глазами — в будущем». Глаза поэта слепнут от ужаса, который он видит и предвидит...

Мы потому столь подробно остановились на этом письме, что оно освещает новым светом всю жизнь Блока, весь его путь, особенно — последние годы. Разумеется, мы вправе говорить и о коренном изменении взглядов поэта. Но самое поразительное, что все, о чем сказало нам письмо, уже было в поэзии Блока. «Мы — дети страшных лет России...» Гений поэта опередил время. Да и во всем духовном мире

Блока было внутреннее знание о том зле, которое явила катастрофическая эпоха, хотя действительность наполнила это знание жестокой конкретностью. Но трагическое прозрение о судьбе России и «детей рубежа веков» осуществилось в поэзии Блока. И выразилось это прозрение с потрясающей силой. Так что и в 1914-м, и в 1920-м, и в 1941-м, и в 1995-м можно повторить:

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как Любовь моя.

(*«Я не предал белое знамя...», 1914*)

Звезда Вифлеема, Звезда Спасителя над Россией, и один Крест...

VII

В декабре 1908 года Блок писал артисту и режиссеру, которого любил и к которому стремился всю жизнь, — Константину Сергеевичу Станиславскому:

«Ведь тема моя, я знаю теперь это твердо, без всяких сомнений — живая, реальная тема; она не только *больше меня*, она больше всех нас; и она всеобщая наша тема. Все мы, *живые*, так или иначе к ней же придем. Мы не пойдем, — она сама пойдет на нас, *уже пошла* <...>

Не откроем сердца — погибнем (знаю это как дважды два четыре). Полуторастамиллионная сила пойдет на нас, сколько бы штыков мы ни выставили, какой бы «Великой России» (по Струве) ни воздвигли. *Свято нас растопчет*; будь наша культура — семи пядей во лбу, не останется от нее камня на камне.

В таком виде стоит передо мной моя тема, *тема о России* (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*».

«Этой теме» — самой России — Блок посвятил жизнь. «Это все о России» — говорил Блок о своих стихах. Белый произнес по праву: «Россия Блока» (позже эти слова повторил Маяковский). Россия Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Некрасова... Россия Блока,

Белого, Волошина, Клюева, Есенина... Русская Муза... В сердце своем Блок нес певучую думу о России, столь щемяще и высоко выраженную Тютчевым:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Крест России — Крест Поэта. «Распятая высота» — слова Блока о миссии Русского Поэта. И на этой высоте он был и остался вместе с Россией. Был и остается...

7 августа 1921 года умер Александр Блок; 10 августа, в день Смоленской иконы Божией Матери, он был похоронен на Смоленском кладбище; отпевали поэта в церкви Светлого Христова Воскресенья; прямо с похорон несколько литераторов отправились в Чека, на Гороховую — хлопотать за недавно арестованного Николая Гумилева... А 1 сентября стало известно, что поэт расстрелян... «Мы — дети страшных лет России...»

«Открой мои книги: там сказано все, что свершится» (Александр Блок). «Смерть в дому моем И в дому твоем...» (Николай Гумилев). Поэтов убило одно время... И они знали, что́ ждет поэта... «Не позвать, не крикнуть, не помочь...» (Максимилиан Волошин).

Раскроем первые, юношеские циклы и книги Блока... Впечатление такое, что поэт действительно *сразу* услышал всю Музыку своей судьбы и судьбы России.

23 февраля 1899 года датировано стихотворение «Гамаюн, птица вещая» (с подзаголовком «*Картина В.Васнецова*»), вошедшее в раздел «Ante Lucem». Блоку нет еще 19-ти, когда он слагает и свой запев песни России, и духовный автопортрет, и пророчество:

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...

Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

При всей сказочности, мифологичности и мистичности стихотворения, Гамаюн вещает нечто ужасающе реальное, исторически сбывшееся и сбывающееся. И сегодня велика гипнотическая сила Гамаюна. Понадобится всего семнадцать лет (в которые уместится почти весь Серебряный век), чтобы «Гамаюна» сменил «Коршун», птица более хищная и более зримая:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«Нá хлеба, нá, нá грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Между этими птицами — «Гамаюном» и «Коршуном» — все стихи Блока о России, если не считать «Скифов», «Двенадцати» и «Возмездия». Но по сути и они в этом пространстве и в этом времени. И вот здесь все самое заветное, самое выношенное, самое музыкальное — в смысле трагической точности, чуткости поэтического дыхания.

У Блока было два «окна в Россию», они же два крыла жизни и поэзии — Петербург и Шахматово. Перед смертью он любовно прощался с каждым из них. С градом святого Петра:

Это — звоны ледохода
  На торжественной реке.
Перекличка парохода
  С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
  Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
  На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
  Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
  Белой ночью огневой.

Что́ за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

«Пушкинскому Дому» написано в феврале 1921 года, еще твердой рукой, но и с ощущением каких-то последних строк. В том же году, под знаком Пушкина, явились наброски продолжения «Возмездия», и вдруг хлынуло солнце, хлынуло небо, — ничто не отвергается, поэт ничему не противостоит, — все принимает:

Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.
.....
И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень...
.....
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотою
Сияет русская земля...

Это возвращение к истоку (в варианте — «московская земля»). Туда и в те времена, где еще нет проблем (взору ребенка?), нет мучительных споров о «народе и интеллигенции», но есть Россия, «сияет русская земля», белеет церковь в селе над рекой (где венчались поэт и его избранница). Можно ли было не покидать эти места и эти времена?.. Нет, наверно... Но можно вернуться — в воображении.

Близится осень 1921 года... «Но не эти дни мы звали...» «Что ж, конец?»

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

Музыка Александра Блока растворяется в бесконечности Музыки России.

С. Лесневский

АЛЕКСАНДР БЛОК

АВТОБИОГРАФИЯ

Семья моей матери причастна к литературе и к науке.

Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, ботаник, был ректором Петербургского университета в его лучшие годы (я и родился в «ректорском доме»). Петербургские Высшие женские курсы, называемые «Бестужевскими» (по имени К.Н.Бестужева-Рюмина), обязаны существованием своим главным образом моему деду.

Он принадлежал к тем идеалистам чистой воды, которых наше время уже почти не знает. Собственно, нам уже непонятны своеобразные и часто анекдотические рассказы о таких дворянах-шестидесятниках, как Салтыков-Щедрин или мой дед, об их отношении к Императору Александру II, о собраниях Литературного фонда, о борелевских обедах, о хорошем французском и русском языке, об учащейся молодежи конца семидесятых годов. Вся эта эпоха русской истории отошла безвозвратно, пафос ее утрачен, и самый ритм показался бы нам чрезвычайно неторопливым.

В своем сельце Шахматове (Клинского уезда, Московской губернии) дед мой выходил к мужикам на крыльцо, потряхивая носовым платком; совершенно по той же причине, по которой И.С.Тургенев, разговаривая со своими крепостными, смущенно отколупывал кусочки краски с подъезда, обещая отдать все, что ни спросят: лишь бы отвязались.

Встречая знакомого мужика, дед мой брал его за плечо и начинал свою речь словами: «Eh bien, mon petit...»[1] Иногда на том разговор и кончался. Любимы-

---

[1] «Ну, малыш...» (франц.). — *Ред.*

ми собеседниками были памятные мне отъявленные мошенники и плуты: старый *Jacob Fidèle*[1], который разграбил у нас половину хозяйственной утвари, и разбойник Федор Куранов (по прозвищу *Куран*), у которого было, говорят, на душе убийство; лицо у него было всегда сине-багровое — от водки, а иногда — в крови; он погиб в «кулачном бою». Оба были действительно люди умные и очень симпатичные; я, как и дед мой, любил их, и они оба до самой смерти своей чувствовали ко мне симпатию.

Однажды дед мой, видя, что мужик несет из лесу на плече березку, сказал ему: «Ты устал, дай я тебе помогу». При этом ему и в голову не пришло то очевидное обстоятельство, что березка срублена в нашем лесу.

Мои собственные воспоминания о деде — очень хорошие; мы часами бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; иногда делали десятки верст, заблудившись в лесу; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции; при этом он называл растения и, определяя их, учил меня начаткам ботаники, так что я помню и теперь много ботанических названий. Помню, как мы радовались, когда нашли особенный цветок ранней грушевки, вида, неизвестного московской флоре, и мельчайший низкорослый папоротник; этот папоротник я до сих пор каждый год ищу на той самой горе, но так и не нахожу, — очевидно, он засеялся случайно и потом выродился.

Все это относится к глухим временам, которые наступили после событий 1 марта 1881 года. Дед мой продолжал читать курс ботаники в Петербургском университете до самой болезни своей; летом 1897 года его разбил паралич, он прожил еще пять лет без языка, его возили в кресле. Он скончался 1 июля 1902 года в Шахматове. Хоронить его привезли в Петербург; среди встречавших тело на станции был Дмитрий Иванович Менделеев.

Дмитрий Иванович играл очень большую роль в бекетовской семье. И дед и бабушка моя были с ним дружны. Менделеев и дед мой, вскоре после освобождения крестьян, ездили вместе в Московскую губернию и

---

[1] Яков Верный (франц.). — *Ред.*

купили в Клинском уезде два имения — по соседству: менделеевское Боблово лежит в семи верстах от Шахматова, я был там в детстве, а в юности стал бывать там часто. Старшая дочь Дмитрия Ивановича Менделеева от второго брака — Любовь Дмитриевна — стала моей невестой. В 1903 году мы обвенчались с ней в церкви села Тараканова, которое находится между Шахматовым и Бобловым.

Жена деда, моя бабушка, Елизавета Григорьевна, — дочь известного путешественника и исследователя Средней Азии, Григория Силыча Корелина. Она всю жизнь работала над компиляциями и переводами научных и художественных произведений; список ее трудов громаден; последние годы она делала до 200 печатных листов в год; она была очень начитана и владела несколькими языками; ее мировоззрение было удивительно живое и своеобразное, стиль — образный, язык — точный и смелый, обличавший казачью породу. Некоторые из ее многочисленных переводов остаются и до сих пор лучшими.

Переводные стихи ее печатались в «Современнике», под псевдонимом «Е.Б.», и в «Английских поэтах» Гербеля, без имени. Ею переведены *многие* сочинения Бокля, Брэма, Дарвина, Гексли, Мура (поэма «Лалла-Рук»), Бичер-Стоу, Гольдсмита, Стэнли, Теккерея, Диккенса, В.-Скотта, Брэт-Гарта, Жорж-Занд, Бальзака, В.Гюго, Флобера, Мопассана, Руссо, Лесажа. Этот список авторов — далеко не полный. Оплата труда была всегда ничтожна. Теперь эти *сотни тысяч* томов разошлись в дешевых изданиях, а знакомый с антикварными ценами знает, как дороги уже теперь хотя бы так называемые «144 тома» (изд.Г.Пантелеева), в которых помещены многие переводы Е.Г.Бекетовой и ее дочерей. Характерная страница в истории русского просвещения.

Отвлеченное и «утонченное» удавалось бабушке моей меньше, ее язык был слишком лапидарен, в нем было много бытового. Характер на редкость отчетливый соединялся в ней с мыслью ясной, как летние деревенские утра, в которые она до свету садилась работать. Долгие годы я помню смутно, как помнится все детское, ее голос, пяльцы, на которых с необыкновенной быстро-

той вырастают яркие шерстяные цветы, пестрые лоскутные одеяла, сшитые из никому не нужных и тщательно собираемых лоскутков, — и во всем этом — какое-то невозвратное здоровье и веселье, ушедшее с нею из нашей семьи. Она умела радоваться просто солнцу, просто хорошей погоде, даже в самые последние годы, когда ее мучили болезни и доктора, известные и неизвестные, проделывавшие над ней мучительные и бессмысленные эксперименты. Все это не убивало ее неукротимой жизненности.

Эта жизненность и живучесть проникала и в литературные вкусы; при всей тонкости художественного понимания она говорила, что «тайный советник Гете написал вторую часть «Фауста», чтобы удивить глубокомысленных немцев». Также ненавидела она нравственные проповеди Толстого. Все это вязалось с пламенной романтикой, переходившей иногда в старинную сентиментальность. Она любила музыку и поэзию, писала мне полушутливые стихи, в которых звучали, однако, временами грустные ноты:

Так, бодрствуя в часы ночные
И внука юного любя,
Старуха-бабка не впервые
Слагала стансы для тебя.

Она мастерски читала вслух сцены Слепцова и Островского, пестрые рассказы Чехова. Одною из последних ее работ был перевод двух рассказов Чехова на французский язык (для «Revue des deux Mondes»). Чехов прислал ей милую благодарственную записку.

К сожалению, бабушка моя так и не написала своих воспоминаний. У меня хранится только короткий план ее записок; она знала лично многих наших писателей, встречалась с Гоголем, братьями Достоевскими, Ап.Григорьевым, Толстым, Полонским, Майковым. Я берегу тот экземпляр английского романа, который собственноручно дал ей для перевода Ф.М.Достоевский. Перевод этот печатался во «Времени».

Бабушка моя скончалась ровно через три месяца после деда — 1 октября 1902 года.

От дедов унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении их доче-

ри — моя мать и ее две сестры. Все три переводили с иностранных языков. Известностью пользовалась старшая — Екатерина Андреевна (по мужу — Краснова). Ей принадлежат изданные уже после ее смерти († 4 мая 1892 года) две самостоятельных книги «Рассказов» и «Стихотворений» (последняя книга удостоена почетного отзыва Академии наук). Оригинальная повесть ее «Не судьба» печаталась в «Вестнике Европы». Переводила она с французского (Монтескье, Бернарден де Сен-Пьер), испанского (Эспронседа, Бэкéр, Перес Гальдос, статья о Пардо Басан), переделывала английские повести для детей (Стивенсон, Хаггарт; издано у Суворина в «Дешевой библиотеке»).

Моя мать, Александра Андреевна (по второму мужу — Кублицкая-Пиоттух), переводила и переводит с французского — стихами и прозой (Бальзак, В.Гюго, Флобер, Зола, Мюссе, Эркман-Шатриан, Додэ, Боделэр, Верлэн, Ришпэн). В молодости писала стихи, но печатала — только детские.

Мария Андреевна Бекетова переводила и переводит с польского (Сенкевич и мн. др.), немецкого (Гофман), французского (Бальзак, Мюссе). Ей принадлежат популярные переделки (Жюль Верн, Сильвио Пеллико), биографии (Андерсен), монографии для народа (Голландия, История Англии и др.). «Кармозина» Мюссе была не так давно представлена в театре для рабочих в ее переводе.

В семье отца литература играла небольшую роль. Дед мой — лютеранин, потомок врача царя Алексея Михайловича, выходца из Мекленбурга (прародитель — лейб-хирург Иван Блок был при Павле I возведен в российское дворянство). Женат был мой дед на дочери новгородского губернатора — Ариадне Александровне Черкасовой.

Отец мой, Александр Львович Блок, был профессором Варшавского университета по кафедре государственного права; он скончался 1 декабря 1909 года. Специальная ученость далеко не исчерпывает его деятельности, равно как и его стремлений, может быть менее научных, чем художественных. Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна. За всю жизнь свою он напечатал лишь две небольшие

книги (не считая литографированных лекций) и последние двадцать лет трудился над сочинением, посвященным классификации наук. Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его. Я встречался с ним мало, но помню его кровно.

Детство мое прошло в семье матери. Здесь именно любили и понимали *слово*; в семье господствовали, в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах. Говоря вульгарно, по-верлэновски, преобладание имела здесь *éloquence*[1]; одной только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом, и мои стремления к *musique*[2] находили поддержку у нее. Впрочем, никто в семье меня никогда не преследовал, все только любили и баловали. Милой же старинной *éloquence* обязан я до гроба тем, что литература началась для меня не с Верлэна и не с декадентства вообще.

Первым вдохновителем моим был Жуковский. С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные еще с чьим-либо именем. Запомнилось разве имя Полонского и первое впечатление от его строф:

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен. Мечты кипят.
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

«Жизненных опытов» не было долго. Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками — и благоуханную глушь нашей маленькой усадьбы. Лишь около 15 лет родились первые определенные мечтания о любви, и рядом —

---

1 Красноречие (франц.). — *Ред.*
2 Музыка (франц.). — *Ред.*

приступы отчаянья и иронии, которые нашли себе исход через много лет — в первом моем драматическом опыте («Балаганчик», лирические сцены).

«Сочинять» я стал чуть ли не с пяти лет. Гораздо позже мы с двоюродными и троюродными братьями основали журнал «Вестник», в одном экземпляре; там я был редактором и деятельным сотрудником три года.

Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. Все это были — лирические стихи, и ко времени выхода первой моей книги «Стихов о Прекрасной Даме» их накопилось до 800, не считая отроческих. В книгу из них вошло лишь около 100. После я печатал и до сих пор печатаю кое-что из старого в журналах и газетах.

Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой «новой поэзии» я не знал до первых курсов университета. Здесь, в связи с острыми мистическими и романическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева. До этих пор мистика, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века, была мне непонятна; меня тревожили знаки, которые я видел в природе, но все это я считал «субъективным» и бережно оберегал от всех. Внешним образом готовился я тогда в актеры, с упоением декламировал Майкова, Фета, Полонского, Апухтина, играл на любительских спектаклях, в доме моей будущей невесты, Гамлета, Чацкого, Скупого рыцаря и... водевили. Трезвые и здоровые люди, которые меня тогда окружали, кажется, уберегли меня тогда от заразы мистического шарлатанства, которое через несколько лет после того стало модным в некоторых литературных кругах. К счастию и к несчастью вместе, «мода» такая пришла, как всегда бывает, именно тогда, когда все внутренно определилось; когда стихии, бушевавшие под землей, хлынули наружу, нашлась толпа любителей легкой мистической наживы. Впоследствии и я отдал дань этому новому кощунственному «веянью»; но все это уже выходит за пределы «автобиографии». Интересующихся могу отослать к стихам моим и к статье «О современном состоянии русского симво-

лизма» (журнал «Аполлон» 1910 года). Теперь же возвращусь назад.

От полного незнания и неумения сообщаться с миром со мною случился анекдот, о котором я вспоминаю теперь с удовольствием и благодарностью: как-то в дождливый осенний день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами к старинному знакомому нашей семьи, Виктору Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Он редактировал тогда «Мир Божий». Не говоря, кто меня к нему направил, я с волнением дал ему два маленьких стихотворения, внушенные Сирином, Алконостом и Гамаюном В.Васнецова. Пробежав стихи, он сказал: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься *этим*, когда в университете Бог знает что творится!» — и выпроводил меня со свирепым добродушием. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать об этом приятнее, чем обо многих позднейших похвалах.

После этого случая я долго никуда не совался, пока в 1902 году меня не направили к Б. Никольскому, редактировавшему тогда вместе с Репиным студенческий сборник.

Уже через год после я стал печататься «серьезно». Первыми, кто обратил внимание на мои стихи со стороны, были Михаил Сергеевич и Ольга Михайловна Соловьевы (двоюродная сестра моей матери). Первые мои вещи появились в 1903 году в журнале «Новый Путь» и, почти одновременно, в альманахе «Северные Цветы».

Семнадцать лет моей жизни я прожил в казармах Л.-Гв. Гренадерского полка (когда мне было девять лет, мать моя вышла во второй раз замуж, за Ф.Ф.Кублицкого-Пиоттух, который служил в полку). Окончив курс в СПб. Введенской (ныне — Императора Петра Великого) гимназии, я поступил на юридический факультет Петербургского университета довольно бессознательно, и только перейдя на третий курс, понял, что совершенно чужд юридической науке. В 1901 году, исключительно важном для меня и решившем мою судьбу, я перешел на филологический факультет, курс которого и прошел, сдав государственный экзамен весною 1906 года (по славяно-русскому отделению).

Университет не сыграл в моей жизни особенно важной роли, но высшее образование дало, во всяком случае, некоторую умственную дисциплину и известные навыки, которые очень помогают мне и в историко-литературных, и в собственных моих критических опытах, и даже в художественной работе (материалы для драмы «Роза и Крест»). С годами я оцениваю все более то, что дал мне университет в лице моих уважаемых профессоров — А.И.Соболевского, И.А.Шляпкина, С.Ф.Платонова, А.И.Введенского и Ф.Ф.Зелинского. Если мне удастся собрать книгу моих работ и статей, которые разбросаны в немалом количестве по разным изданиям, но нуждаются в сильной переработке, — долею научности, которая заключена в них, буду я обязан университету.

В сущности, только после окончания «университетского» курса началась моя «самостоятельная» жизнь. Продолжая писать лирические стихотворения, которые все, с 1897 года, можно рассматривать как дневник, я именно в год окончания курса в университете написал свои первые пьесы в драматической форме; главными темами моих статей (кроме чисто литературных) были и остались темы об «интеллигенции и народе», о театре и о русском символизме (*не* в смысле литературной школы только).

Каждый год моей сознательной жизни резко окрашен для меня своей особенной краской. Из событий, явлений и веяний, особенно сильно повлиявших на меня так или иначе, я должен упомянуть: встречу с Вл. Соловьевым, которого я видел только издали; знакомство с М.С. и О.М.Соловьевыми, З.Н. и Д.С.Мережковскими и с А.Белым; события 1904-1905 года; знакомство с театральной средой, которое началось в театре покойной В.Ф.Коммиссаржевской; крайнее падение литературных нравов и начало «фабричной» литературы, связанное с событиями 1905 года; знакомство с творениями покойного Августа Стриндберга (первоначально — через поэта Вл. Пяста); три заграничных путешествия: я был в Италии — северной (Венеция, Равенна, Милан) и средней (Флоренция, Пиза, Перуджия и много других городов и местечек Умбрии), во Франции (на севере Бретани, в Пиренеях — в окрестностях Биаррица; несколько раз

жил в Париже), в Бельгии и Голландии; кроме того, мне приводилось почему-то каждые шесть лет моей жизни возвращаться в Bad Nauheim (Hessen-Nassau), с которым у меня связаны особенные воспоминания.

Этой весною (1915 года) мне пришлось бы возвращаться туда в четвертый раз; но в личную и низшую мистику моих поездок в Bad Nauheim вмешалась общая и высшая мистика войны.

Июнь 1915

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

Уолтер Крейн. Алтарь Любви. 1870

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898–1904)

ANTE LUCEM

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

РАСПУТЬЯ

ANTE LUCEM

(1898—1900)

С.-Петербургъ — с. Шахматово.

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрассветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

Январь 1898. С.-Петербург

Н. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя — вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я — к тебе, мой друг желанный!

Весна 1898

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной по нем ползущий
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу,
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

Июль 1898. С. Шахматово

МОЕЙ МАТЕРИ

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

Июль 1898

Она молода и прекрасна была
И чистой Мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...
Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898

Усталый от дневных блужданий
Уйду порой от суеты
Воспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О, нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брезжит нам порою,
Но предназначено не нам.

30 октября 1898

Есть в дикой роще, у оврага
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг — ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубоко под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898

Мне снилось, что ты умерла.
Гейне

Мне снилась смерть любимого созданья:
Высоко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял.

Толпа теснилась вкруг, и речи состраданья
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел вокруг без думы, без участья,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твое мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

К.М.С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, — а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости...[1]

14 декабря 1898

Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлéта
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...

---

[1] Стихи Полонского.

Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоем благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

Окрай небес — звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как та холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!
Ты проснешься, будет ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воет, —
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всей душой!

8 февраля 1899

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.
Лермонтов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

23 февраля 1899

ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

(Картина В.Васнецова)

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом,
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899

Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон, проклятый и упорный, —
Мне душит грудь.

Так мало лет, так много дум ужасных!
Тяжел недуг...
Спаси меня от призраков неясных,
Безвестный друг!
Мне друг один — в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья — как в темном океане —
Одна печаль.
Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон — проклятый и упорный —
Мне душит грудь.

<6 июня 1899>

Не проливай горючих слез
Над кратковременной могилой.
Пройдут часы видений, грез,
Вернусь опять в объятья милой.
Не сожалей! Твоим страстям
Готов любовью я ответить,
Но я нашел чистейший храм,
Какого в жизни мне не встретить.
Не призывай! Мирская власть
Не в силах дух сковать поэта.
Во мне — неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.
Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней.

8 июня 1899

Зачем, зачем во мрак небытия
Меня влекут судьбы удары?
Ужели всё, и даже жизнь моя —
Одни мгновенья долгой кары?
Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
И нечем сердцу веселиться,

Но всё вперед влечет какой-то свет,
И будто им могу светиться!
Пусть призрак он, желанный свет вдали!
Пускай надежды все напрасны!
Но там, — далёко суетной земли,
Его лучи горят прекрасно!

29 июня 1899

Дышет утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся Бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись,
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

К.М.С.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли...
Шли мы — луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла...
Помнишь ли город тревожный,

Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там далёко за Невою
Вижу отблески зари.
В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...

23 августа 1899

НЕВЕДОМОМУ БОГУ

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны...

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда бессчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блестит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце — везде...

Суеверье рождает желания,
И в туманном и чистом *везде*
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блестит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любуется,
Я дыханье мое затаил, —
В этом блеске великое чуется,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899

SERVUS — REGINAE

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899

МОЕЙ МАТЕРИ

Спустилась мгла, туманами чревата.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлет сирый дух бессилие труда,
Тоскующий покой, какая-то утрата.

Как уследишь ты, чем душа больна,
И, милый друг, чем уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимние туманы
Не можем зреть, зачем тоска сильна.

И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?

22 ноября 1899

Пока спокойною стопою
Иду, и мыслю, и пою,
Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.

Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незыблемый поэта,
И сцены выспреннюю речь...

28 ноября 1899

DOLOR ANTE LUCEM

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..

Боже, Боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем Ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О Тебе тосковане без отдыха нес?..

3 декабря 1899

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

5 января 1900

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900

Восходишь ты, что строгий день
Перед задумчивой природой.
В твоих чертах ложится тень
Лесной неволи и свободы.

Твой день и ясен и велик,
И озарен каким-то светом,
Но в этом свете каждый миг
Идут виденья — без ответа.

Никто не тронет твой покой
И не нарушит строгой тени.
И ты сольешься со звездой
В пути к обители видений.

25 февраля 1900

Лениво и тяжко плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижном томлении лес.

Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжко плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня — мой спутник и друг.

27 февраля 1900

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешает с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам Творца.
Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, —
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня
Душе легко вернуться снова
К молитве завтрашнего дня.

14 марта 1900

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски. — В слезах, одна,
Она смотрела в даль сырую...
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погас — и рассвело.
Сырое утро застучалось
В ее забытое стекло.

15 марта 1900

Сегодня в ночь одной тропою
Тенями грустными прошли
Определенные судьбою
Для разных полюсов земли.

И разошлись в часы рассвета,
И каждый молча сохранял
Другому чуждого завета
От века розный идеал...

В тенях сплетенные случайно
С листами чуждые листы —
Всё за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.

19 марта 1900

Поэт в изгнаньи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаньи
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900

Хоть всё по-прежнему *певец*
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных, —
Но к цели близится *поэт,*
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900

Теряет берег очертанья.
Плыви, челнок!
Плыви вперед без содроганья —
Мой сон глубок.
Его покоя не нарушит
Громада волн,

Когда со стоном вниз обрушит
На утлый челн.
В тумане чистом и глубоком,
Челнок, плыви.
Всё о бессмертьи в сне далеком
Мечты мои.

1 мая 1900

Звезда полночная скатилась
И не оставила следа...
Окно бесшумно растворилось...
Прости, крылатая мечта!
Ты здесь еще, но ты растаешь.
К моим сомненьям на пути,
Пока ты ночь в себя вдыхаешь,
Я буду всё твердить: прости...
Я буду верить: не растает
До утра нежный облик твой:
То некий Ангел расстилает
Ночные перлы предо мной.

16 мая 1900

Прошедших дней немеркнущим сияньем
Душа, как прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овеяла меня тоскующим дыханьем.
Близка разлука. Ночь темна.
А всё звучит вдали, как в те младые дни:
Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньем дальным и прекрасным.

28 мая 1900

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звездах — немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди былого обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит...
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вкруг меня лесных дерев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:
Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.

Все, духом сильные, — одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.

25 июня 1900

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.

26 июня 1900

Погибло всё. Палящее светило
По-прежнему вершит годов круговорот.
Под холмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном вопиёт.
И черной ночью белый призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло.

Ты обретешь, белеющая тень,
Толпы́ других, утративших былое.
Минует ночь, проснется долгий день —
Опять взойдет в своем палящем зное
Светило дня, светило огневое
И будет жечь тоскующую сень.

2 июля 1900

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая.
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы́ забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

29 июля 1900

Последний пурпур догорал,
Последний ветр вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалёка.

Все упованья юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

Не утоленная кровавыми струями,
Безмолвствует земля.
Иду вперед поспешными шагами,
Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице узник заключенный,
Ищу напрасно: кровь и мрак!
Лишь там, в черте зари окровавленной —
Таинственный, еще невнятный знак.

14 августа 1900

"АГРАФА ΔΌГМАТА

Я видел мрак дневной и свет ночной.
Я видел ужас вечного сомненья.
И Господа с растерзанной душой
В дыму безверья и смятенья.

То был рассвет великого рожденья,
Когда миров нечисленный хаос
Исчезнул в бесконечности мученья. —
И всё таинственно роптало и неслось.

Тяжелый огнь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие созданья.
Немая грань внедрилась до конца.

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горней высоте — без страха и усилья —
Мерцающих идей ему взыграли крылья.

22 августа 1900

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю —
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

Ночь грозой бушевала, и молний огни
Озаряли гряду отдаленных холмов;
Только утром я поднял безжизненный труп
И зарыл под холмами, у края земли.

День прошел молчалив и таинственно свеж.
Ввечеру подошла непроглядная тьма,
И у края земли, над холмами вдали
Я услышал безжизненный голос тоски.

Я пытался разбить заколдованный круг,
Перейти за черту оглушающей тьмы,
Но наутро я сам задохнулся вдали,
Беспокойно простертый у края земли.

24 сентября 1900

Курятся алтари, дымят паникадила
Детей земли.
Богиня жизни, тайное светило —
Вдали.

Поют торжественно; победно славословят
Немую твердь.
И дланями пустынный воздух ловят,
Приемля смерть.
Неуловимая, она не между нами
И вне земли.
А мы, зовущие победными словами, —
В пыли.

29 сентября 1900

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.

Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда
Ты без мысли смотрела вперед.
А внизу у окна,
Как морская волна,
Пред тобой колыхался народ.

Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слыхал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчаньи владела толпой.

Я стоял позабыт
И толпою сокрыт,
Ты без мысли смотрела вперед,
И чиста, и нежна;
А внизу, у окна,
Вкруг меня волновался народ.

12 октября 1900

Поклонник Эллинов — я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала.
Я пред тобой о счастьи воздыхал,
И ты презрительно молчала.

И я горел душой, а ты была темна.
И я, в страданьи безответном,
Я мнил: когда-нибудь единая струна
На зов откликнется приветно.

Но ты в молчании прошла передо мной,
И, как тогда, одним напоминаньем
Ты рвешь теперь и мучаешь порой
Мои Элли́нские призванья.

12 октября 1900

Я знаю, смерть близка. И ты
Уже меня не презришь ныне.
Ты снизойдешь из чистоты
К моей тоскующей кончине.

Но мне любовь твоя темна,
Твои признанья необычны.
Найдешь ли в сердце имена
Словам и ласкам непривычным?

Что́, если ты найдешь слова,
И буду в позднем умиленьи
Я, умирающий едва,
Взывать о новом воскресеньи?

15 октября 1900

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти сча́стливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

22 октября 1900

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред Божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в Господний Дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед Единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую — силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.

Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир...
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!

3 ноября 1900

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,
Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И числю, числю без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвенье —
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ!

15 ноября 1900

Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, —
Под зноем разума расплавленный гранит.
Мне душно. Мне темно под этим зноем ложным.
Я ухожу в другой палящий скит...

Там будет зной, но зной земли всегдашний.
Кровавый шар расплавит мозг дотла,
И я сойду с ума спокойней и бесстрашней,
Чем здесь, где плоть и кровь изнемогла.

Где новый скит? Где монастырь мой новый?
Не в небесах, где гробовая тьма,
А на земле — и пошлый и здоровый,
Где всё найду, когда сойду с ума!..

17 ноября 1900

О. М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех — во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты — виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе — спасенье!

25 ноября 1900

Медленно, тяжко и верно
В черную ночь уходя,
Полный надежды безмерной,
Слово молитвы твердя,
Знаю — молитва поможет
Ясной надежде всегда,
Тяжкая верность заложит
Медленный камень труда.
Медленно, тяжко и верно
Мерю ночные пути:
Полному веры безмерной
К утру возможно дойти.

5 декабря 1900

Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила
Встанет в сердце моем
Необъятная сила.
Дух всколеблет эфир
И вселенной немое забвенье,
Придвигается мир
Моего обновленья.
Воскурю я кадило,
Опояшусь мечом
Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила.

6 декабря 1900

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,
В ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный.
Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Эллины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли!
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Эллины, эллины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

К.М.С.

Ты не обманешь, призрак бледный,
Давно испытанных страстей.
Твой вид нестройный, образ бедный
Не поразит души моей.
Я знаю дальнее былое,
Но в близком будущем не жду
Волнений страсти. Молодое —
Оно прошло — я не найду
В твоем усталом, но зовущем,
Ненужном призраке — огня.
Ты только замыслом гнетущим
Еще измучаешь меня.

25 декабря 1900

---

31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст,
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь.

<31 декабря 1900 — 1 января 1901>

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(1901—1902)

ВСТУПЛЕНИЕ

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

I

С.-Петербург. Весна 1901 года.

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901. С.-Петербург

Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве былое — не прах?
Нет, из Господнего Дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам —
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,

Дары своим богам готовит
И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...
Так — белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

Ныне, полный блаженства,
Перед Божьим Чертогом
Жду прекрасного Ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжалься, о Боже,
Над блаженным рабом!
Вышли Ангела, Боже,
С нежно-белым крылом!

Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!
Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

15 февраля 1901

Я понял смысл твоих стремлений —
Тебе я заслоняю путь.
Огонь нездешних вожделений
Вздымает девственную грудь.
Моей ли жалкой, слабой речи
Бороться с пламенем твоим
На рубеже безвестной встречи
С началом близким и чужим!
Я понял всё, и отхожу я.
Благословен грядущий день.
Ты, в алом сумраке ликуя,
Ночную миновала тень.
Но риза девственная зрима,
Мой день с тобою проведен...
Пускай душа неисцелима —
Благословен прошедший сон.

26 февраля 1901

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я послышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

4—406

Близко ты, или далече
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущею могилой
Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.

И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю — не случайно
Сбывались вещие слова.

7 марта 1901

МОЕЙ МАТЕРИ

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это Бог лазурный, нежный,
Шлет свои дары.

8 марта 1901

Я недаром боялся открыть
В непогодную полночь окно.
Как и встарь, привелось отравить,
Что надеждою было полно.

Буду прежнею думой болеть
В непогодной полуночной мгле,
Но молитвенным миром гореть
И таиться на этой земле.

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей.

1 апреля 1901

О. М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышав Бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога
Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидать.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь — я потух.

Самый огнь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

27 апреля 1901. Поле за Старой Деревней

Так — разошлись в часы рассвета.
А. Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны́.
Страны́ холодные, немые
И без любви, и без весны.

Там — далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там — матерь сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там — безнадежно угасает
Мое скитанье — без конца...

И вдруг, в преддверьи заточенья,
Послышу дальние шаги...
Ты — одиноко — в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне всё равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее — во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется —
Снова смех из милых стран!

Снова шепот — и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполненье тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..

22 мая 1901

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

II

С. Шахматово. Лето и осень 1901 года.

Небесное умо́м не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вкруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901. С. Шахматово

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.
Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем —
Звенит и буйствует природа,
Я — соучастник ей во всем!

30 мая 1901

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. — Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожбой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожбой полоненные дни
Я лелею года, — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

1 июня 1901. С. Шахматово

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И, молча, жду, — *тоскуя и любя*.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно и низко,
Не одолев смертельныя мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

И поздно, и темно. Покину без желаний
Бунтующий весельем Божий Дом.
Окончу светлый путь, не буду ждать свиданий,
Как шел туда, — и выйду, незнаком.

Последний вздох, и тайный, и бездонный,
Слова последние, последний ясный взгляд —
И кружный мрак, мечтою озаренный,
А светлых лет — не возвратить назад.

Еще в иную тьму, уже без старой силы
Безгласно отхожу, покинув ясный брег,
И не видать его — быть может, до могилы,
А может быть, не встретиться вовек.

6 июня 1901

И я, неверный, тосковал,
И в поэтическом стремленьи
И я без ну́жды покидал
Свои родимые селенья.

Но внятен сердцу был язык,
Неслышный уху — в отдаленьи,
И в запоздалом умиленьи
Я возвратился — и постиг.

9 июня 1901

...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье и горе.
Вл. Соловьев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна.
Мне — другая и жизнь, и другая дорога,
И душе — не до сна.

Верь — несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

Молитву тайную твори —
Уже приблизились лучи
Последней для тебя зари, —
Готовься, мысли и молчи.
Готовый, мыслящий, немой,
Взгляни наверх в последний раз:
Не хочет Бог, чтоб ты угас,
Не встретив здесь Любви былой.
Как в первый, так в последний раз
Проникнешь ты в Ее чертог,
Постигнешь ты — так хочет Бог —
Ее необычайный глаз.

10 июня 1901

За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901

В бездействии младом, в передрассветной лени
Душа парила ввысь и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передрассветной лени
На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений.
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет. И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июня 1901

Какому Богу служишь ты?
Родны ль тебе в твоем пареньи
Передрассветное волненье,
Передзакатные мечты?
Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня — и с богами
Гордишься равной красотой, —
И равнодушными очами
Глядишь с нездешней высоты
На пламенеющие тени
Земных молитв и поклонений
Тебе, — царица чистоты?

20 июня 1901

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июня 1901

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол — ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла.

И только лик бессмертного светила,
Что день — смотрел на девственный расцвет,
И, влажный злак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайны след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах...
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июня 1901

Я помню час глухой, бессонной ночи,
Прошли года, а память всё сильна.
Царила тьма, но не смежились очи,
И мыслил ум, и сердцу — не до сна.

Вдруг издали донесся в заточенье
Из тишины грядущих полуснов
Неясный звук невнятного моленья,
Неведомый, бескрылый, страшный зов.

То был ли стон души безбожно дикой,
И уж тогда не встретились сердца?
Ты мне знаком, наперсник мой двуликий,
Мой милый друг, враждебный до конца.

27 июня 1901. С. Боблово

Тебя в страны́ чужие звали,
Ты собиралась в дальний путь.
Мы безнадежно провожали,
И многим привелось вздохнуть.

Зима подкралась незаметно,
И с первым снегом со двора
Ты унесла весь пыл заветный,
Которым жили мы вчера.

Прощай, мы смотрим на дорогу,
А вьюга заметает след.
Мы возвратимся понемногу
К безбожной лени прежних лет,

И над мистической загадкой
Уже не будем колдовать,
И поздней ночью, встав украдкой,
При бледном месяце мечтать.

28 июня 1901

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, — Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далёко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...

7 июля 1901

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?
Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездою мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез — в далекие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны, —

Тебя не вижу я, и долго Бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901

За городом в полях весною воздух дышет.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко — шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева.
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

С. Соловьеву

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна Бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий — здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на Творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

14 июля 1901

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
Над твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла.
Но с глубокою верою в Бога
Мне и темная церковь светла.

16 июля 1901

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет...

Всё ближе — чаянье сильнее,
Но, ах! — волненья не снести...
И вещий падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом — семья в чаду молений,
И над кладбищем — мерный звон...
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!..

19 июля 1901

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук — докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я овеян,
Пойми сама, что́ будет впереди.

25 июля 1901

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день *великий* скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто *здесь* вздыхает обо мне.

27 июля 1901

Признак истинного чуда
В час полночный темноты —
Мглистый мрак и камней груда,
В них горишь алмазом ты.

А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек.

29 июля 1901. Фабрика

Ты далека, как прежде, так и ныне,
Мне не найти родные берега.
Моя печаль чужда твоей святыне,
И радостью душа не дорога.

Суровый хлад — твоя святая сила:
Безбожный жар нейдет святым местам.
Пускай любви — забвенье и могила,
Ты над могилой — лучезарный храм.

11 августа 1901. С. Дедово

Стою на царственном пути.
Глухая ночь, кругом огни, —
Неясно теплятся они,
А к утру надо всё найти.

Ступлю вперед — навстречу мрак,
Ступлю назад — слепая мгла.
А там — одна черта светла,
И на черте — условный знак.

Но труден путь — шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля —
Недостижимая звезда...

Звезда — условный знак в пути,
Но смутно теплятся огни,
А за чертой — иные дни,
И к утру, к утру — всё найти!

15 августа 1901

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?

Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, —
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

Видно дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке́ —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно — мне певца не понять...
От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

Кругом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелются над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет — до поры.

И всё, что будет, всё, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

25 августа 1901. Д.Ивлево

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожбой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.

Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам елок низких
Перелетные слова...

Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа...
Вот она — зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901. Церковный лес

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

III

С.-Петербург. Осень и зима 1901 года.

Смотри — я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И всё боишься встретить день,
Не чуя ночи приближенья.

Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забытых здесь, в земной темнице.

Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопеньям?

Но предо мной кружится мгла,
Не чую мимолетной боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертьи, — не в юдоли.

20 сентября 1901

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы,
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

Ранний час. В пути незрима
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый, белый Ангел Бога
Сеет розы на пути.

Жду в пленительном волненьи —
Тайна плачущей жены
Разомкнет златые звенья,
Вскроет крылий белизны.

4 октября 1901

Ты уходишь от земной юдоли,
Сердца лучшего любовь тебе несут.
Страшных снов не жди от новой воли, —
Хоры ангелов, не смертных, припадут.

Припадут и снимут власяницы —
Символ здешних непомерных бед.
Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.

Покидай бессилье мирозданья,
Твой покой теперь ненарушим.
Предо мною — грань богопознанья,
Неизбежный сумрак, черный дым.

6 октября 1901

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись — плывут — подошли.

Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты ж и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

Я бремя похитил, как тать,
Несчастье разбил я на части,
Но, Боже! как тяжко внимать
Чужой нарастающей страсти!

Волна, забегая вперед,
У ног разобьется нещадно
И жадно меня обдает,
Бессильного, пеною хладной.

Не знаю, за дальней чертой
Живет ли лазурное счастье.
Теперь я внимаю чужой
И всё нарастающей страсти.

14 октября 1901

Хранила я среди младых созвучий
Задумчивый и нежный образ дня.
Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий,
И солнца нет, и сумрак вкруг меня.

Но в келье — май, и я живу, незрима,
Одна, в цветах, и жду другой весны.
Идите прочь — я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны.

Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я расцвету еще в последний день.
Мои мечты — священные чертоги,
Моя любовь — немеющая тень.

17 октября 1901

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

17 октября 1901

Ловлю я тонкий прах надежды,
Ты замедляешь быстрый шаг.
Но через сомкнутые вежды
Горят слова: «Не друг, а враг».

Лишь отпылать — и правда ближе.
Или — забвенные мечты
Проходят медленно — и ниже
Пылаю я, и выше — ты.

Тогда, в спасительном забвеньи,
Улыбка бродит по лицу.
Назавтра — в новом угнетеньи
Тоска по брачному венцу.

2 ноября 1901

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака,
Через туман озаренные.

С ними — знакомое, слышу, вослед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке.
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вон они — тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.
Меркли дни — порывы исступлений
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, — а в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне...

8 ноября 1901

Один порыв — безвластный и плакучий,
Одна мечта — чрезмерностью слаба, —
И снова он — до боли жгучий,
Бессильный сон раба.

Но ты вкуси волшéбство бед вседневных
И сон другой — проклятый сон веков.
В горниле старостей душевных
Цветет восторг богов.

17 ноября 1901

Я ли пишу, или ты из могилы
Выслала юность свою, —
Прежними розами призрак мне милый
Я, как тогда, обовью.

Если умру — перелетные птицы
Призрак развеют, шутя.
Скажешь и ты, разбирая страницы:
«Божье то было дитя».

21 ноября 1901

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутьи — вдали
Людных и ярких дорог,
Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

Ты страстно ждешь. Тебя зовут,
Но голоса мне незнакомы.
Очаг остыл, тебе приют —
Родная степь. Лишь в ней ты — дома.

Там — вечереющая даль,
Туманы, призраки, виденья...
Мне — беспокойство и печаль,
Тебе — покой и примиренье.

5—406

О, жалок я перед тобой!
Всё обнимаю, всем владею,
Хочу владеть тобой одной,
Но не могу и не умею!

22 ноября 1901

Будет день — и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безликая,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но, во что обратишься, — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой.

А уж Там веселятся победою
Над единой и страшной душой.

23 ноября 1901

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор, и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, — и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

Тёмно в комнатах и душно —
Выйди ночью — ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.

Их костры далёко зримы,
Озаряя мрак окрестный.
Их мечты неутолимы,
Непомерны, неизвестны...

О, зачем в ночном сияньи
Не взлетят они над бездной,
Никогда своих желаний
Не сольют в стране надзвездной?

11 декабря 1901

Все двери заперты, и отданы ключи
Тюремщиком твоей безжалостной царице.

Петрарка

Мне битва сердце веселит,
Я чую свежесть ратной неги,
Но жаром вражеских ланит
Повержен в запоздалом беге.

А всё милее новый плен.
Смотрю я в сумрак непробудный,
Но в долгий холод здешних стен
Порою страж нисходит чудный.

Он окрылит и унесет,
И озарит, и отуманит,
И сладко речь его течет,
Но каждым звуком — сердце ранит.

В нем — тайна юности лежит,
И медленным и сладким ядом
Он тихо узника поит,
Заворожив бездонным взглядом.

15 декабря 1901

Неотвязный стоит на дороге,
Белый — смотрит в морозную ночь.
Я — навстречу в глубокой тревоге,
Он, шатаясь, сторонится прочь.

Не осилить морозного чуда...
Рядом с ним вырастает вдали,
Там, где камней вздымается груда,
Голубая царица земли.

И царица — в мольбе и тревоге,
Обрученная с холодом зим...
Он — без жизни стоит на дороге,
Я — навстречу, бессмертьем томим.

Но напрасны бессмертные силы —
И царице свободы не жаль...
Торжествуя победу могилы,
Белый — смотрит в морозную даль.

16 декабря 1901

Молчи, как встарь, скрывая свет, —
Я ранних тайн не жду.
На мой вопрос — один ответ:
Ищи свою звезду.

Не жду я ранних тайн, поверь,
Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.

Передо мной — суровый жар
Душевных слез и бед,
И на души моей пожар —
Один, один ответ.

Молчи, как встарь, — я услежу
Восход моей звезды,
Но сердцу, сердцу укажу
Я поздних тайн следы.

Но первых тайн твоей весны
Другим приснится свет.
Сольются наши две волны
В горниле поздних бед.

18 декабря 1901

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.

В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

Сумрак дня несет печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озаренный,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют Ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвецу заглянет в очи
Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли Ангелы в крылах:
Видят — мертвый и безликий
Вырастает в их лучах.

24 декабря 1901

Старый год уносит сны
Безмятежного расцвета.
На заре другой весны
Нет желанного ответа.

Новый год пришел в ночи
И раскинул покрывало.
Чьи-то кра́дутся лучи,
Что-то в сердце зазвучало.

Старый год уходит прочь.
Я невнятною мольбою,
Злая дева, за тобою
Вышлю северную ночь.

Отуманю страстью сны
Безмятежного расцвета.
Первый день твоей весны
Будет пламенное лето...

25 декабря 1901

ДВОЙНИКУ

Ты совершил над нею подвиг трудный,
Но, бедный друг! о, различил ли ты
Ее наряд, и праздничный и чудный,
И странные весенние цветы?..

Я ждал тебя. А тень твоя мелькала
Вдали, в полях, где проходил и я,
Где и она когда-то отдыхала,
Где ты вздыхал о тайнах бытия...

И знал ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
Что я мечту безумно-молодую
Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!
Твой подвиг — мой, — и мне твоя награда:
Безумный смех и сумасшедший крик!

27 декабря 1901

Мы, два старца, бредем одинокие,
Сырая простерлась мгла.
Перед нами — окна далекие,
Голубая даль светла.

Но откуда в сумрак таинственный
Смотрит, смотрит свет голубой?
Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! пред тобой.

О, откуда, откуда мглистые
Заалели тучи, горя,
И нити бегут золотистые,
И сумрак румянит заря?..

Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, — а в окнах свет.
И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед.

29 декабря 1901

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.
Скрипнет снег — сердца займутся —
Снова тихая луна.
За воротами смеются.
Дальше — улица темна.
Дай, взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные — помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег — в морозной дали
Тихий, крадущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
— Ваше имя? — Смех в ответ...
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся, и нежный
Закрывает мне лицо...
Лежат холодные туманы,
Бледнея, кра́дется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

IV

С.-Петербург. Зима и весна 1902 года.

Я шел — и вслед за мною шли
Какие-то неистовые люди.
Их волосы вставали под луной,
И в ужасе, с растерзанной душой
Зубами скрежетали, били в груди,
И разносился скрежет их вдали.

Я шел — и вслед за мной влеклись
Усталые, задумчивые люди.
Они забыли ужас роковой.
Вдыхали тихо аромат ночной
Их впалые, измученные груди,
И руки их безжизненно сплелись.

Передо мною шел огнистый столп.
И я считал шаги несметных толп.
И скрежет их, и шорох их ленивый
Я созерцал, безбрежный и счастливый.

1 января 1902

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

Сгущался мрак церковного порога
В дни свадеб, в дни рождений, похорон;
А там — вилась широкая дорога.
И путник шел, закатом озарен.

Там не было конца свободной дали,
Но здесь, в тени, не виделось ни зги;
И каждый раз прохожего встречали
Из сумрака ответные шаги.

Церковный свод давал размерным звоном
Всем путникам напутственный ответ;
И в глубине, над сумрачным амвоном,
Остерегающий струился свет.

И, проходя в смеющиеся дали,
Здесь путник ждал, задумчив и смущен,
Чтоб меркнул свет, чтоб звуки замирали...
И дале шел, закатом озарен.

4 января 1902

Высóко с темнотой сливается стена,
Там — светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет, и сумерки вокруг.
И суета и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах — сумрак неизвестный,
Здесь — холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чуется познанье
И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

Мы преклонились у завета,
Молчаньем храма смущены.
В лучах божественного света
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
В одних лучах, в одних стенах,
Постигли солнечные волны
Вверху — на темных куполах.

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

18 января 1902. Исаакиевский собор

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет — исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет — в холодные мятели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе.
Но растут всемощные крыла.

29 января 1902

И нам недолго любоваться
На эти здешние пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальные миры.

Январь 1902

Уходит день. В пыли дорожной
Горят последние лучи.
Их красный отблеск непреложно
Слился с огнем моей свечи.

И ночь моя другой навстречу
Плывет, медлительно ясна.
Пусть красный отблеск не замечу —
Придет наверное она.

И всё, что было невозможно
В тревоге дня, иль поутру,
Свершится здесь, в пыли дорожной,
В лучах закатных, ввечеру.

1 февраля 1902

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
Заалели *там.*
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме,
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

3 февраля 1902

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем.

3 февраля 1902

Ты была светла до странности
И улыбкой — не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа.
Проглянул сквозь тучи прежние
Яркий отблеск неземной.
Нас колышет безмятежнее
Изумрудною волной.
Я твоей любовной лаской
Озарен — и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны.

8 февраля 1902

Не поймут бесскорбные люди
Этих масок, смехов в окне.
Ищу на распутьи безлюдий.
Веселий — не надо мне!

О, странно сладки напевы...
Они кажутся так ясны!
А здесь уже бледные девы
Уготовали путь весны.

Они знают, что́ мне неведомо,
Но поет теперь лишь одна...
Я за нею — горящим следом —
Всю ночь, всю ночь — у окна!

10 февраля 1902

Для солнца возврата нет.
«Снегурочка» Островского

Сны безотчетны, ярки краски,
Я не жалею бледных звезд.
Смотри, как солнечные ласки
В лазури нежат строгий крест.

Так — этим ласкам близ заката
Он отдается, как и мы,
Затем, что *Солнцу нет возврата*
Из надвигающейся тьмы.

Оно зайдет, и, замирая,
Утихнем мы, погаснет крест, —
И вновь очнемся, отступая
В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902

И Дух, и Невеста говорят: прииди.
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

Кто-то с Богом шепчется
У святой иконы.
Тайна жизни теплится,
Благовестны звоны.
Непорочность просится
В двери Духа Божья.
Сердце переносится
В дали бездорожья.
Здесь — смиренномудрия
Я кладу обеты.
В ризах целомудрия,
О. святая! где ты?
Испытаний силою
Истомленный — жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую.

27 февраля 1902

Мы всё простим — и не нарушим
Покоя девственниц весны,
Огонь божественный потушим,
Прогоним ласковые сны.

Нет меры нашему познанью,
Вещественный не вечен храм.
Когда мы воздвигали зданье,
Его паденье снилось нам.

И каждый раз, входя под своды,
Молясь и плача, знали мы:
Здесь пронесутся непогоды,
Снега улягутся зимы.

Февраль 1902

Ты — Божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи — нет конца
Хвалам, и клекоту, и крикам!

Февраль 1902

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальной,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902

Там сумерки невнятно трепетали,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул взоры
На этот смутно отходящий день?
Там, в глубинах, — мечты и мысли скоры,
Здесь, на земле, — как сон, и свет и тень.

Но я пойму и всё мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву.

Февраль 1902

Мы странствовали с Ним по городам.
Из окон люди сонные смотрели.
Я шел вперед; а позади — Он Сам,
Всепроникающий и близкий к цели.

Боялся я моих невольных сил,
Он направлял мой шаг завороженный.
Порой прохожий близко проходил
И тайно вздрагивал, смущенный...

Нас видели по черным городам,
И, сонные, доверчиво смотрели:
Я шел вперед; но позади — Он Сам,
Подобный мне. Но — близкий к цели.

Февраль 1902

Гадай и жди. Среди полнóчи
В твоем окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

15 марта 1902

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали — зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса, —
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом
Мои пытаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас — случайное волненье.
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдаленьи
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, Боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак — всё горе — всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо:
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все — в открытые врата.
Там — в глубине — Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
Весть о Любви — по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё — Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Март 1902

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

— Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне...
Ты сошла, коснулась и вздохнула, —
День свободы завтра мне?

— Я сошла, с тобой до утра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду, —
Ты проснешься, вновь освобожден.

1 апреля 1902

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг.
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шепотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блекнут ланиты у дев златокудрых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

5 апреля 1902

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной

Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой довременный скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он — распутье сторожит.

Его докучливые крики,
То близко, то издалека, —
И страх, и стыд, и ужас дикий,
И обнаженная тоска.

И на распутьи — пленник жалкий —
Я спотыкаюсь, я кричу...
Он манит белою русалкой,
Он теплит издали свечу...

И, весь измучен, в исступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На безысходное мученье,
На безысходную любовь.

13 апреля 1902

Мы отошли и стали у кормила,
Где мимо шли сребристые струи.
И наблюдали вздутое ветрило,
И вечер дня, и линии твои.

Теряясь в мгле, ты ветром управляла,
Бесстрашная, на водной быстрине.
Ты, как заря, невнятно догорала
В его душе — и пела обо мне.

И каждый звук — короткий и протяжный —
Я измерял, блаженный, у руля.
А он смотрел, задумчивый и важный,
Как вдалеке туманилась земля...

13 апреля 1902

Я — тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие Ангелы слетели,
Кто у преддверия затих...
В Тебе таятся в ожиданьи
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познанья
И бред великого ума.

26 апреля 1902

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез...
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал,— и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикреплен болтом.
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы желтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гримасу придавал стене — и взоры...

Там в сумерках дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.
А с улицы — ни слов, ни звуков нет, —
И только стекол выступали глянцы.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

Я и мир — снега, ручьи,
Солнце, песни, звезды, птицы,
Смутных мыслей вереницы —
Все подвластны, все Твои!

Нам не страшен вечный плен,
Незаметна узость стен,
И от грани и до грани
Нам довольно содроганий,
Нам довольно перемен!

Возлюбить, возненавидеть
Мирозданья скрытый смысл,
Чет и нечет мертвых числ,
И вверху — Тебя увидеть!

10 мая 1902

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь, —
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчерпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

V

С. Шахматово. Лето 1902 года.

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брезжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег — белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрен и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902. С. Шахматово

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожбе,
Твои черты, философ и ваятель,
Изображу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображенье,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!..»

Июнь 1902

Золотокудрый Ангел дня
В ночную фею обратится,
Но и она уйдет, звеня,
Как мимолетный сон приснится.

Предел наш — синяя лазурь
И лоно матери земное.
В них тишина — предвестье бурь,
И бури — вестницы покоя.

Пока ты жив, — один закон
Младенцу, мудрецу и деве.
Зачем же, смертный, ты смущен
Преступным сном о Божьем гневе?

Лето 1902

Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,

Трепетали, молились на скалы,
Не видали сгорающих роз.
Вдруг примчалась на север угрюмый,
В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Всё житейское — в сладостной мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгорания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

НА СМЕРТЬ ДЕДА

(1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел — уже, как лунь, седой —
Походкой бодрою, с веселыми глазами,
Смеялся нам, и всё манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был,— и стар и млад —
Узнали в нем того, кто перед нами,
И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидать веселье.
Пришел наш час — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

С. Шахматово

Не бойся умереть в пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словам церковной службы,
Чтоб грани страха перейти.

Она сама к тебе сойдет.
Уже не будешь в рабстве тленном
Манить смеющийся восход
В обличьи бедном и смиренном.

Она и ты — один закон,
Одно веленье Высшей Воли.
Ты не навеки обречен
Отчаянной и смертной боли.

5 июля 1902

Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха.

От Иоанна III, 29

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

7 июля 1902

Говорили короткие речи.
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один — без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

•

Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и чаще!..
Меня проищут до зари.

Огонь болотный им неведом.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

21 июля 1902

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске, и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листам —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари,
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

За темной далью городской
Терялся белый лед.
Я подружился с темнотой,
Замедлил быстрый ход.

Ревело с черной высоты
И приносило снег.
Навстречу мне из темноты
Поднялся человек.

Лицо скрывая от меня,
Он быстро шел вперед
Туда, где не было огня
И где кончался лед.

Он обернулся — встретил я
Один горящий глаз.
Потом сомкнулась полынья —
Его огонь погас.

Слилось морозное кольцо
В спокойный струйный бег.
Зарделось нежное лицо,
Вздохнул холодный снег.

И я не знал, когда и где
Явился и исчез —
Как опрокинулся в воде
Лазурный сон небес.

4 августа 1902

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

«Он» — мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась «она».

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902. Преображение Господне

Пытался сердцем отдохнуть я —
Ужель не сбросить этих снов?
Но кто-то ждал на перепутьи
Моих последних, страшных слов...

Он ждет еще. Редеют тени,
Яснее, ближе сон конца.
Он спрятал голову в колени
И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.

И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье пришлеца.

27 августа 1902

Золотистою долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Беконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

29 августа 1902

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты воспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902

Тебя я встречу где-то в мире,
За далью каменных дорог.
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу Бог.

Август 1902

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

VI

С.-Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, полнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услыхал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902. С.-Петербург

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письмена.
Я их таю — в селеньях, на распутьях...
И крадусь я, как тень, у лунных стен.
Меняются, темнеют, глохнут стены.
Мне сладостно от всяких перемен,
Мне каждый день рождает перемены.
О, как я жив, как бьет ключами кровь!
Я здесь родной с подземными ключами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!
Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
Я вас открыл, святые письмена.
Я вас храню с улыбкой на распутьях.

6 сентября 1902

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1902

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз,
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну — и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

ЭККЛЕСИАСТ

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Всё диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова,
Я каждый день издалека
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали желтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее сребристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искариота
Улыбку видели гонцы.

Апрель — сентябрь 1902

СТАРИК

А. С. Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

При жолтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

Сентябрь 1902

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думах случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред Ним распростертые долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

Сентябрь 1902

Он входил, простой и скудный,
Не дыша, молчал и гас.
Неотступный, изумрудный
На него смеялся глаз.

Или тайно изумленный
На него смотрел в тиши.
Он молчал, завороженный
Сладкой близостью души.

Но всегда, считая миги,
Знал — изменится она.
На страницах тайной книги
Видел те же письмена.

Странен был простой и скудный
Молчаливый нелюдим.
И внимательный, и чудный
Тайный глаз следил за ним.

Сентябрь 1902

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре — в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал, и поднял взор совиный,
И смотрит — пристальный — один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там — в углу — под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За желто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у прибережий.

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...

10 октября 1902

Ушел он, скрылся в ночи,
Никто не знает куда.
На столе остались ключи,
В столе — указанье следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?
Стихала ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.
А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брезжит утренний свет;
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902

RELIGIO

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

18 октября 1902

2

Безмолвный призрак в терему,
Я — черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронутом алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья Непостижной.

18 октября 1902

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

Ты свята, но я Тебе не верю,
И давно всё знаю наперед:
Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: Осанна!
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик.

29 октября 1902

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.

Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре — голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война и пожар — впереди.

Октябрь 1902

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму — живут, или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись?..»

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

РАСПУТЬЯ

(1902–1904)

С.-Петербург — Bad Nauheim — с. Шахматово.

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к ней моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил,

И в Оный День — один участник встречи —
Я этих встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

Несбыточное грезится опять.
Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевает петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недоверье,
Расплывается сумрак — я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремоту,
Птицы, спутники прежних годов.
Всё забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стаей с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: «Пора!»

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное...
Он ушел печальной дорогой,
А я забыла вчерашнее —
забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы —
плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня целовали...
И не помню, не помню — скрою,
О чем берега шептали —
берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
Куда уходило вчерашнее —
уходило вчерашнее...

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
Со мной говорили, и меня целовали —
меня целовали.

23 ноября 1902

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне, —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет — в певучей вьюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

ГОЛОС

Жарки зимние туманы —
Свод небесный весь в крови.
Я иду в иные страны
Тайнодейственной любви.

Ты — во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я — царица звездных ратей,
Не тебе — мои лучи.

Ты обманут неизвестным:
За священные мечты
Невозможно бестелесным
Открывать свои черты.

Углубись еще бесстрастней
В сумрак духа своего:
Ты поймешь, что я прекрасней
Привиденья твоего.

3 декабря 1902

Я буду факел мой блюсти
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок-звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902

Мы всюду. Мы нигде. Идем,
И зимний ветер нам навстречу.
В церквах и в сумерки, и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется — вдали,
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит Кто-то.

На ветер зимний я гляжу:
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю всё. Но мы — вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

5 декабря 1902

Андрею Белому

Я смотрел на слепое людское строение,
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услыхал приближение
И думал о том, что было давно.

Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошел на лестницу,
А уж заслышали счет ступень.
И везде проснулись, кричали, поджидая вестницу,
И седые головы наклонялись в тень.

Думали: за утром наступит день.

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

И понял, что будет темно.

5 декабря 1902

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась Богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпа́ла Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко —
Царевна-Невеста, что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

Вот она — в налетевшей волне
Распылалась последнею местью,
В камышах пробежала на дне
Догорающей красною вестью.

Но напрасен манящий наряд;
Полюбуйся на светлые латы:
На корме неподвижно стоят
Обращенные грудью к закату.

Ты не видишь спокойных твердынь,
Нам не страшны твои непогоды.
Догорающий факел закинь
В безмятежные, синие воды.

24 декабря 1902

7—406

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слыхал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усильи,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: — Приду.
У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. — Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми.
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

Мы отошли — и тяжко поднимали
Веселый флаг в ночные небеса,
Пока внизу боролись и кричали
Нестройные людские голоса.

И вот — заря последнего сознанья, —
Они кричат в неслыханной борьбе,
Шатается испытанное зданье,
Но обо мне — воздушный сон в Тебе.

Декабрь 1902

Она ждала и билась в смертной муке.
Уже маня, как зов издалека,
Туманные протягивались руки,
И к ним влеклась неверная рука.

И вдруг дохнул весенний ветер сонный,
Задул свечу, настала тишина,
И голос важный, голос благосклонный
Запел вверху, как тонкая струна.

Декабрь 1902

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышались цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, взошла на крыльцо.

Сентябрь—декабрь 1902

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

Здесь ночь мертва. Слова мои ди́ки.
Мигает красный призрак — заря.
Наутро ввысь пущу мои крики,
Как белых птиц на встречу Царя.

Во сне и в яви — неразличимы
Заря и зарево — тишь и страх...
Мои безумья — мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкий — черный монах...

Рука или ветер шевелит лоску́тья?
Костлявые пальцы — обрывки трав...
Зеленые очи горят на распутьи —
Там ветер треплет пустой рукав...

Закрыт один или многие лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра — без солнца — пущу мои крики,
Как черных птиц, на встречу Христа!

9 января 1903

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.

Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают — я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Но, Боже! Какие посланья
Отныне шлю я Пречистой!
Мое роковое познанье
Углубилось в сумрак лучистый...

И только одна из мира
Отражается в каждом слоге...
Но она — участница пира
В Твоем, о, Боже! — чертоге.

27 января 1903

Здесь память волны святой
Осталась пенистым следом.
Беспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный ведом.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нет сомнений,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видений.

Когда настанет мой час,
И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
Но *Там* прозвучит: «Воскресни!»

31 января 1903

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решетка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там — в конце галереи дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

4 февраля 1903

Старуха гадала у входа
О том, что было давно.
И вдруг над толпой народа
Со звоном открылось окно.
Шуршала за картой карта.
Чернела темная дверь.
И люди, полны азарта,
Хотели знать, — что теперь?
И никто не услышал звона —
Говорил какой-то болтун.
А там, в решетке балкона
Шатался и пел чугун.
Там треснули темные балки,
В окне разлетелось стекло.
И вдруг на лице гадалки
Заструилось — стало светло.
Но поздно узнавшие чары,

Увидавшие страшный лик,
Задыхались в дыму пожара,
Испуская пронзительный крик.
На обломках рухнувших зданий
Извивался красный червяк.
На брошенном месте гаданий
Кто-то встал — и развеял флаг.

13 февраля 1903

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастию,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоем туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой, —
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье.
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

— Всё ли спокойно в народе?
— Нет. — Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен и зол и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

Дела свершились.
Дни сочтены.
Мы здесь молились
У сонной реки.

Там льды носились
В дни весны.
И дни забылись!
Как далеки!

Мой день свершенный,
Кончил себя.
Мой дух обнаженный,
Для всех поет.

Утомленный, влюбленный,
Я жду тебя.
Угрюмый, бессонный,
Холодный, как лед.

4 марта 1903

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради Бога,
Ввечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
— Входи, мой царевич приветный...
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903. Благовещенье

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

А. М. ДОБРОЛЮБОВ

А. М. D. своею кровью
Начертал он на щите.
Пушкин

Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью — мальчик больной,
Странствуя, чертит фигурки
И призывает на бой.
Голос и дерзок и тонок,
Замысел — детски-высок.
Слабый и хилый ребенок
В ручке несет стебелек.
Стебель вселенского дела
Гладит и кличет: «Молись!»

Вкруг исхудалого тела
Стебли цветов завились...
Вот поднимаются выше —
Скоро уйдут в небосвод...
Голос всё тише, всё тише...
Скоро заплачет — поймет.

10 апреля 1903

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они — помощью Вышнего Веления —
В крове Бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадильницы, а с зеленой земли.

24 апреля 1903

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

По городу бегал черный человек,
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый, подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.
Только на груди, может быть, над Распятьем,
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть, Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он — не знаю — никогда не узнаю.
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему.
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю — я не знаю, Кому.

15 мая 1903. Петербург

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти россказни далече —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усильем поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903. Bad Nauheim

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Июнь 1903. Bad Nauheim

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что́ будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903. Bad Nauheim

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженней взгляд,
В мыслях — он, глубокий, нежный, душный сад.

И молча, как по знаку, двинулись вниз.
На ступеньках шорох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть скатилась красная звезда.

Июнь 1903. Bad Nauheim

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.
Стою на серых мокрых досках.
Буря хохочет в седых кудрях.
И слышу, слышу, будто кричу:
«Поставьте в море на камне свечу!
Когда пристанет челнок жены,
Мы будем вместе с ней спасены!"
И страшно, и тяжко в мокрый песок
Бьют волны, шлют волны седой намек...
Она далёко. Ответа нет.
Проклятое море, дай мне ответ!
Далёко, там камень! Там ставьте свечу!
И сам не знаю, я ли кричу.

Июль 1903. С.Шахматово

Я — меч, заострённый с обеих сторон.
Я правлю, Архангел, Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — Господней Рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжет, как я не лгу.

Июль 1903

ДВОЙНИК

Вот моя песня — тебе, Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя не похожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой».

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро».
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно, —
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку
Взглянет и спрячется розовый лик, —
Там мы войдем в многолюдную лавку, —
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, — розовей навечерий,
Та, что вверху, — ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте, как дети. Поймите меня.

30 июля 1903. С. Шахматово

Над этой осенью — во всем
Ты прошумела и устала.
Но я вблизи — стою с мечом,
Спустив до времени забрало.

Души кипящий гнев смири,
Как я, проклятую отвагу.
Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

На верном мы стоим пути,
Избегли плена не впервые.
Веди меня. Чтоб всё пройти,
Нам нужны силы неземные.

11 августа 1903. С. Шахматово

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... «Проснитесь, мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен...

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903. С.-Петербург

Мой месяц в царственном зените.
Ночной свободой захлебнусь
И там — в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволью
И только будущей Заре —
Киваю синему раздолью,
Ныряю в темном серебре!..

На площадях столицы душной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду,
И в складки ризы темно-синей
Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903

Возвратилась в полночь. До утра
Подходила к синим окнам зала.
Где была? — Ушла и не сказала.
Неужели мне пора?

Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?..

Завтра я уйду к себе в ту пору,
Как она придет ко мне рыдать.
Опущу белеющую штору,
Занавешу пологом кровать.

Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,
Загляжусь в таинственную книгу
Совершившихся судеб.

9 октября 1903

Андрею Белому

Я бежал и спотыкался,
Обливаясь кровью, бился
Об утесы, поднимался,
На бегу опять молился.

И внезапно повеяло холодом.
Впереди покраснела заря.
Кто-то звонким, взывающим молотом
Воздвигал столпы алтаря.
На черте горизонта пугающей,
Где скончалась внезапно земля,
Мне почудился ты — умирающий,
Истекающий кровью, как я.
Неужели и ты отступаешь?
Неужели я стал одинок?
Или ты, испытуя, мигаешь,
Будто в поле кровавый платок?
О, я увидел его, несчастный,
Увидел красный платок полей...
Заря ли кинула клич свой красный?
Во мне ли грянула мысль о Ней?
То — заря бесконечного холода,
Что послала мне сладкий намек...
Что рассыпала красное золото,
Разостлала кровавый платок.
Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадать Ее Имена.

18 октября 1903

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко...
Тепло и тёмно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,

Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

... И снова подхожу к окну,
Влюблен в мерцающую сагу,
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушел от дня,
И сон гоню, чтоб длить молчанье...
Днем никому не жаль меня, —
Мне ночью жаль мое страданье...

Оно в бессонной тишине
Мне льет торжественные муки.
И кто-то милый, близкий мне
Сжимает жалобные руки...

26 октября 1903

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день, —
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне — мрак, а в небе — гул.
Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
Руку нежную сожму.
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в грядущей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

Ты у камина, склонив седины́,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовей,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины́:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

Крыльцо Ее, словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903

Облака небывалой услады —
Без конца их лазурная лень.
Уходи в снеговые громады
Розоватый приветствовать день.

Тишины снегового намека,
Успокоенных дум не буди...
Нежно-синие горы глубоко
Притаились в небесной груди.
Там до спора — сквозящая ласка,
До войны — только нежность твоя,
Без конца — безначальная сказка,
Рождество голубого ручья...
Невозможную сладость приемли,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчуговые сны наяву.

21 ноября 1903

М. А. Олениной-д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитятко, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

ФАБРИКА

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

Что с тобой — не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной белизной.
Милый друг, узнаешь, что с тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, в подушках лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.
И тогда сойдет к тебе на ложе
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампадки вздрогнет и встревожит,
Кто-то, отделившись от стены,
Подойдет — и медленно положит
Нежный саван снежной белизны.

5 декабря 1903

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка-птица, чайка-дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903. С.-Петербург

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда взывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

11 декабря 1903

Е. П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанью, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

Среди гостей ходил я в черном фраке.
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку,
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех...

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

ИЗ ГАЗЕТ

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье неслось.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1903

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег.

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудет.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет.

Всё мне, певучее, тяжко и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер — весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных балюстрад,
Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,

Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали».
Разойдутся на заре,
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к Царице Небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

26 марта 1904. Великая Пятница

МОЛИТВЫ

1

Наш Арго!
Андрей Белый

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозовых надежд.
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. УТРЕННЯЯ

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг,
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. ВЕЧЕРНЯЯ

Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. НОЧНАЯ

Они Ее видят!
В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Заутра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!

Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебя — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. НОЧНАЯ

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцирь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует, — в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март — апрель 1904

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем долы
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...
Кто там скачет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый...
Блещут стремена...
На кафтан его парчовый
Пролилась весна —

Пролилась — он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет ввысь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь — мгновенная зарница,
Всадник — беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злые дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут — вскинут
Руки к серебру,
Рыбьим плесом отодвинут
В струйную игру...

И душа, летя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоет мечта,
Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут весны в вечной смене
И падений гнет.
Вихрь, исполненный видений, —
Голубиный лет...

Чтó мгновенные бессилья?
Время — легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
Встретим жизнь и смерть!

Апрель — май 1904. С. Шахматово

В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полутень последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это — бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня...
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904. С. Шахматово

Вот он — ряд гробовых ступенéй.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой.
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет —
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904. С. Шахматово

ПРИМЕЧАНИЕ

Триста четырнадцать стихотворений, составляющих эту книгу, выбраны из шестиста восьмидесяти семи. Из следующего списка можно видеть, какие стихотворения значительно исправлены и когда именно, и какие сокращены. Стихи, где изменения заключаются в немногих отдельных словах и выражениях, не перечислены.

Значительно исправлены: *Ante Lucem*: Есть в дикой роще у оврага (декабрь 1914). В часы вечернего тумана (февраль 1914). Увижу я, как будет погибать (февраль 1914). Не утоленная кровавыми струями (январь 1915). Измучен бурей вдохновенья (февраль 1916). Ищу спасенья (1907). Завтра с первым лучом (январь 1915).

Стихи о Прекрасной Даме, II: Они звучат, они ликуют (февраль 1914). Внемля зову жизни смутной (1908). *IV*: Сгущался мрак церковного порога (декабрь 1911). Сны раздумий небывалых (1904). Ты не ушла, но, может быть (декабрь 1911).

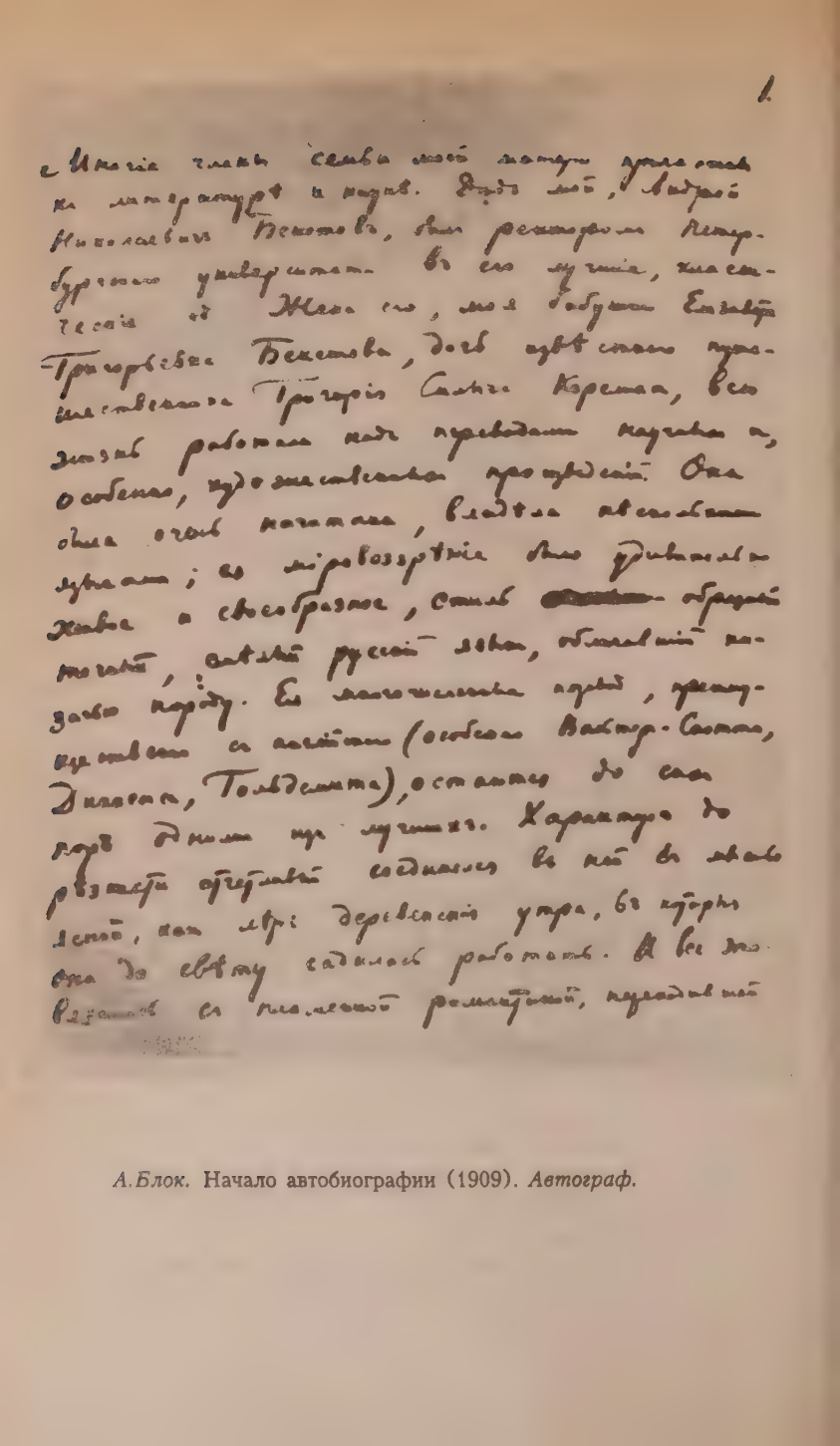
Распутья: Он вчера нашептал мне много (1904). Вот моя песня тебе, Коломбина (1906). Крыльцо Ее словно паперть (1905).

Сокращены: *Ante Lucem*: Усталый от дневных блужданий. — Окрай небес — звезда Омега. — Разлучаясь с девой милой. — Я шел к блаженству. — Сама судьба мне завещала. — Зачем, зачем во мрак небытия. — Не ты ли душу оживишь. — Не легли еще тени вечерние. — Пока спокойною стопою. — Ярким солнцем, синей далью. — Хоть все по-прежнему певец. — В полночь глухую рожденная. *Стихи о Прекрасной Даме, I*: Ветер принес издалека. — Я понял смысл твоих стремлений. — Сбылось пророчество мое. *II*: За туманом, за

лесами. — Сегодня шла Ты одиноко. — Тебя в страны чужие звали. — Входите все. Во внутренних покоях. — Не жди последнего ответа. — Признак истинного чуда. *III*: Восходя на первые ступени. *IV*: Высоко с темнотой сливается стена. — Мы преклонились у завета. — Ты была светла до странности. — Мы живем в старинной келье. — Ты — Божий День. — Целый день передо мною. — Мой вечер близок и безволен. — Я знаю день моих проклятий. — Я тварь дрожащая. — Слышу колокол. В поле весна. *V*: Золотокудрый Ангел дня. — Не бойся умереть в пути. — Без Меня б твои сны улетали. *VI*: В городе колокол бился. *Распутья*: Когда я стал дряхлеть и стынуть. — Облака небывалой услады. — Светлый сон, ты не обманешь. — Сторожим у входа в терем. — Солнце сходит на запад. — Спи. Да будет твой сон спокоен. — Дали слепы, дни безгневны.

<Апрель 1920>

ПРИЛОЖЕНИЕ



А. Блок. Начало автобиографии (1909). *Автограф.*

Вл. СИРИН (НАБОКОВ)

На смерть Блока

I

За туманами плыли туманы,
за луной расцветала луна...
Воспевал он лазурные страны,
где поет неземная весна.

И в туманах Прекрасная Дама
проплывала, звала вдалеке —
словно звон отдаленного храма,
словно лунная зыбь на реке.

Узнавал он ее в трепетанье
розоватых вечерних теней
и в метелях, смятенье, молчанье
чародейной отчизны своей.

Он любил ее гордо и нежно,
к ней тянулся он, строен и строг, —
но ладони ее белоснежной
бледный рыцарь коснуться не мог.

Слишком сумрачна, слишком коварна
одичалая стала земля,
и, склонившись на щит лучезарный,
оглянул он пустые поля.

И обманут мечтой несказанной,
и холодною мглой окружен,
он растаял, как месяц туманный,
как далекий молитвенный звон...

II

Пушкин — радуга по всей земле,
Лермонтов — Путь Млечный над горами,
Тютчев — ключ, струящийся во мгле,
Фет — румяный луч во храме.

Все они, уплывшие от нас
в рай, благоухающий широко,
собрались, чтоб встретить в должный час
душу Александра Блока.

Выйдет он из спутанных цветов,
из ладьи, на белые ступени...
Подойдут божественных певцов
взволновавшиеся тени.

Пушкин — выпуклый и пышный свет,
Лермонтов — в венке из звезд прекрасных,
Тютчев — веющий росой, и Фет —
в ризе тонкой, в розах красных.

Подойдут с приветствием к нему,
возликуют, брата принимая
в мягкую цветную полутьму
вечно дышащего мая.

И войдет таинственный их брат,
перешедший вьюги и трясины,
в те сады, где в зелени стоят
Серафимы, как павлины.

Сядет он в тени ветвей живых
в трепетно-лазоревых одеждах,
запоет о сбывшихся, святых
сновиденьях и надеждах.

И о солнце Пушкин запоет,
Лермонтов — о звездах над горами,
Тютчев — о сверканье звонких вод,
Фет — о розах в вечном храме.

И средь них прославит жданный друг
ширь весны нездешней, безмятежной,
и такой прольется блеск вокруг,
будут петь они так нежно, —

так безмерно нежно, что и мы,
в эти годы горести и гнева,
может быть, услышим из тюрьмы
отзвук тайный их напева.

<1921>

«И тут кончается искусство, И дышат почва и судьба» (Борис Пастернак). Но тут и начинается искусство... В этом разделе собраны тексты, говорящие об истоках и атмосфере творчества Александра Блока, особенно в раннюю пору, о том, как складывалась судьба поэта и как создавалось имя поэта. Имя и судьба — тоже произведения, которые творят три соавтора — вечность, время и художник. Имя, судьба, легенда — они возникают сначала как результат слова и поведения, но затем идут впереди и прокладывают путь в бессмертие.

Александр Блок... В начале века лишь немногие догадывались об истинном значении этого имени. Глава банкирской фирмы Генрих Блок был гораздо известнее молодого поэта-однофамильца. В марте 1903 года газета «Знамя» пренебрежительно отзывалась об одной из первых публикаций поэта: «Стихотворения откуда-то выкопанного поэта А.Блока (хорошо еще, что не Генриха Блока)...» И грубо характеризовала их как «набор слов, оскорбительных и для здравого смысла, и для печатного слова...» (речь шла о цикле стихов «Из Посвящений» в журнале «Новый Путь», 1903, № 3). Отец поэта, варшавский профессор Александр Львович Блок, беспокоился, чтобы ему не приписали стихи сына. Ученое имя дороже...

Конечно, тогда были и Андрей Белый, и Сергей Соловьев, и Зинаида Гиппиус, и Вячеслав Иванов, и Валерий Брюсов, и Виктор Гофман, почувствовавшие, пусть неодинаково, что рождается поэт. А еще раньше — Ольга Михайловна и Михаил Сергеевич Соловьевы, первыми после матери поэта оценившие дар Александра Блока. Но имени такого в русской литературе не было. «Что в имени тебе моем?»

Что такое имя поэта? В свое время Афанасий Фет хлопотал о причислении к дворянскому роду Шеншиных (это связано с обстоятельствами происхождения будущего поэта). Высочайшее повеление было получено, но в русской литературе осталось привычное читателям имя. Тургенев в письме к другу заметил: «Как Фет вы имели имя, как Шеншин вы имеете только фамилию».

Имя поэта... Не просто фамилия, а единый звук, вмещающий целый мир и заставляющий откликаться всем существом. Произнесите: Пушкин... Некрасов... Бунин... Есенин... И не требуется никакого пояснения, чтобы вмиг ощутить особый смысл каждого имени.

Когда-то Пушкин, подъезжая к первопрестольной, вздохнул и воскликнул: «Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» («Евгений Онегин», седьмая глава). Имена великих поэтов России стали для нас такими символическими звуками, в которых слилось и отозвалось бесконечно многое и которые внятны всем.

Блок продолжил музыкальную тему поэтического имени в своем прощальном стихотворении «Пушкинскому Дому» (1921): «Имя Пушкинского Дома В Академии Наук! Звук понятный и знакомый, Не пустой для сердца звук!» И подтвердил рефреном: «Вот зачем такой знакомый И родной для сердца звук...» К тому времени и само имя Блока начинало становиться таким родным звуком.

Имя поэта есть первая и заглавная строка всего им сотворенного и пережитого, всего, с чем он пришел в мир. И необходимо положить жизнь, совершить подвиг, погибнуть, воскреснуть, чтобы явилось имя, звучащее как духовный пароль. Только ценою жизни и смерти добывается имя. И тогда мы говорим: «Там человек сгорел». По слову Фета, которому с любовью вторил Блок.

Оба этих кратких звука — Фет и Блок — донеслись к нам из Германии, чей романтизм оказался столь близок России, русской литературе. Но если «Фет» звучит поэтично, то «Блок», в своих буквальных значениях, пожалуй, противоположен поэзии. И вот... «Имя твое — птица в руке...» (Марина Цветаева «Стихи к Блоку»). Имя великого поэта России. Он не дожил и до сорока одного года, но вечен, как Россия.

Смерть великого поэта воспринимается как потрясение — историческое, космическое, человеческое. Ибо возраст поэта неизмерим одной биографией, но соединен «с величественной, в веках теряющейся генеалогией» (Г.Иванов). Важны обе генеалогии — родовая и духовная, и они сплетены.

Несомненно, духовная связь поэта с Германией, любовь к Германии и германской культуре, о чем он не раз говорил, в немалой степени определяется родственной укорененностью в земле предков по отцовской линии. Мысли Блока о Гейне также, видимо, в значительной мере питались кровной памятью, как и привязанность к Вагнеру (хотя это и противостоящие начала). И синтезирующая блоковская Музыка неотделима от германского романтизма, а в личном плане — от «демонического» образа отца, стилиста-ученого и музыканта-импровизатора, захваченного стихийной, но и «расчисленной» властью гармонии. Разумеется, духовная память поэта неизмеримо шире и глубже кровной, но и она — исток творчества. «Германское» начало входит в русское, растворяется в русской национальной стихии, подтверждая «всемирную отзывчивость», всепонимание, «всеединство» России, о чем позже скажет Александр Блок в «Скифах». Итак, что бы мы ни узнали из биографии поэта, не забудем, что он — «сын гармонии». Духовная генеалогия бесконечно больше родословной. Но дыхание гармонии мы почувствуем в «почве и судьбе» поэта, ибо поэт творит свою жизнь по законам драмы. В этом разделе предстанет экзистенциальное творчество Александра Блока, приоткроется тайна имени и судьбы поэта.

В начале — некоторые страницы самого Блока, так или иначе освещающие «утро поэта», предваряющие первую книгу, мир «Стихов о Прекрасной Даме», вообще — «первого тома», исходной «тезы» духовного, художнического пути. От наброска статьи о русской поэзии (декабрь 1901 — январь 1902) до позднейшего рассказа «Исповедь язычника» (1918) не прерывается нить раздумий поэта о своей судьбе, о своем назначении. Страницы писем к Л.Д.Менделеевой; письмо Г.И.Чулкову, посвященное образу Владимира Соловьева; предисловия и примечания автора к «Стихам о Прекрасной Даме»; дневниковые (1918) комментарии поэта к ранней лирике, — подтвер-

дят неисчерпаемость и неизъяснимость Музыки стиха, приблизят к нам юность Блока, увиденную самим поэтом. И здесь же — штрихи к истории первой книги Блока, автобиографические материалы.

Следующий «цикл» — отклики современников на явление нового поэта, на «Стихи о Прекрасной Даме» — рецензии Вячеслава Иванова («Весы», 1904, № 11) и Виктора Гофмана («Искусство», 1905, № 1), «Литературные заметки» Зинаиды Гиппиус («Новый Путь», 1904, № 12), статья Андрея Белого «Апокалипсис в русской поэзии» («Весы», 1905, № 4), ответ Валерия Брюсова «В защиту от одной похвалы. Открытое письмо А.Белому» («Весы», 1905, № 5) и возражение Андрея Белого «В защиту от одного нарекания. Открытое письмо В.Брюсову» («Весы», 1905, № 6), стихотворение Валерия Брюсова «Младшим» (1903). Мы перенесемся в литературно-художественную атмосферу начала XX столетия — это будет некая частица Серебряного века русской культуры.

В заключение раздела — размышления «О «первом томе» Блока» Вл.Пяста, вошедшие в сборник «Об Александре Блоке» (П., 1921).

В качестве эпиграфа к разделу взяты стихи 1921 года — «На смерть Блока» Вл.Сирина (Владимира Набокова). Этот раздел посвящен «нерукописному» творению поэта — его судьбе, его имени.

Вспомним также строки Ивана Бунина, которые привлекли внимание Александра Блока: он подчеркнул вторую строку в строфе:

Вслед заре, уходящей к закату,
Умирающим звукам вослед
Посылаю тебе мою душу, —
Мой печальный и нежный привет!

(См.: Наталия Грякалова. А.Блок за чтением «Стихотворений» И.Бунина. — Альманах библиофила. Выпуск 25. М., 1989, с. 135.)

Итак, не просто «текст», а «звук»... И вослед звуку — услышать «душу Александра Блока», бессмертную душу поэта.

С.Л.

<НАБРОСОК СТАТЬИ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ>

<Декабрь 1901 — январь 1902>

Неомраченный дух прими для лучшей доли
Тоскующею тенью поутру.
И день иной родится в свете воли,
И легок будет труд в ином миру.

Следующий очерк не содержит в себе чего-нибудь стройно-цельного. Это — критика от наболевшей души, которая стремится защитить от современников белые и чистые святыни. Кроме того — это труд, малый, но вдохновенный — его-то желаю я оставить по себе, кроме песен. Мне недолго жить, потому что «тебя на земле уж не встречу». Это почти что так, — и потому *скоро неминуемо и необходимо исчезнуть за дорожным поворотом.* Пускай же останутся песни и крики — «бред неопытной души».

Ал. Блок. СПб. 11 января 1902.

И снова накануне передачи в святые руки, в святые чувства, в святые мысли, — раскрывается заглавная страница Ф. Тютчева — тонкое лицо, портрет, рисованный Аполлоном (кстати — ?).

Я прежде выскажусь.

Все было ясно. «Передо мной кружится мгла». И боли мимолетной не чуял. Но странно — однажды проснулось что-то земное, лодка стукнулась о берег. И уже несколько дней нестерпимая тяжесть.

Мне эту девственную нежность
В глазах толпы оставить жаль.

Далеко поет земля, — близко слышится песня — и подступает к горлу.

Лирическое настроение тогда и будет, когда из вдохновеннейших строк бегут вдохновеннейшие отклики.

Стихи — это молитвы. Сначала вдохновенный поэт-апостол слагает ее в божественном экстазе. И все, чему он слагает ее, — в том кроется его настоящий Бог. Диавол уносит его — и в нем находит он опрокинутого, искалеченного, — но все милее, — Бога. А если так: есть Бог и во всем тем более — не в одном небе бездонном, а и в «весенней неге» и в «женской любви».

Потом чуткий читатель. Вот он схватил жадным сердцем неведомо полные для него строки, и в этом уже и он празднует своего Бога.

Вот таковы стихи. Таково истинное вдохновение. Об него, как об веру, о «факт веры», как таковой, «разбиваются волны всякого скептицизма». Еще, значит, и в стихах видим подтверждение (едва ли нужное) витания среди нас того незыблемого Бога, Рока, Духа..., кого жалким, бессмысленным и глубоко-звериным воем встретили французские революционеры, а гораздо позже и наши шестидесятники.

«Рече безумец в сердце своем: Несть Бога».

Когда раздались нечеловеческие вопли грубого либерализма и «либеральная жандармерия» (она отличается от консервативной тем, что первая регулируется правом и государством, а вторая — произволом фанатиков и глупцов) стала теснить αριστοξρατ'ов[1] чувства и мысли и снова распинать Истину, Добро и Красоту, — старые силы вышли из тумана, «в дымном тумане» возникли «новые дни».

На великую философскую борьбу вышел гигант Соловьев (которого «дождался» ли его «заветный

---

[1] Аристократов *(греч.)*. — *Ред.*

храм»?). Осыпались пустые цветы позитивизма, и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой. Страницы новых учений озарились неудержимым потоком любовного света — перед ним же все демоны «вверх пятами» закружились во мгле. Все это дело любви совершалось, пока лживое государство воздвигало гонения на фанатиков и богохульников, которые злобились и свирепели.

В минуту смятенья и борьбы лжи и правды (всегда борются Бог и диавол — и тут они же борются) взошли новые цветы — цветы символизма, всех веков, стран и народов. Заглушенная криками богохульников, старая сила почуяла и послышала, как воспрянул ее Бог, — и откликнулась ему. К одному вечному незыблемому камню Бога подвалился и еще такой камень — «в предвестие, иль в помощь, иль в награду».

Это была новая поэзия в частности и новое искусство вообще. К воздвиженью мысли, ума присоединилось воздвиженье чувства, души. И все было в Боге.

Есть люди, с которыми нужно и можно говорить только о простом и «логическом», — это те, с которыми не ощущается связи мистической. С другими — с которыми все непрестанно чуется сродство на какой бы ни было почве — надо говорить о сложном и «глубинном». Тут-то выяснятся истины мира — через общение глубин (см. Брюсов).

Весна январская — больше чаянье и чуянье весны, чем сама весна, — затрепетала и открыла то, что неясно и не сильно еще носилось над душой и мыслью. Было только

Порой легко, порою больно
Перед тобой не падать ниц.

Когда сумерки зимы сходили медленно, медленно же явились из мрака младые были прошедших дней, и ветер принес издалека песни весенней язык. Лебединая песня — и уже тогда понял я — ризы девственные.

Ты ли это прозвучала
Над темнеющей рекой?
Или вправду отвечала
Мне на крик береговой?

И все ждал видения, ждал осени. А не было еще. Иначе зазвучало и иначе откликнулось. А что-то откликнулось. Или только кажущееся?

Очерк Соловьева о Полонском — стр. 370 («Счастлив поэт»).

Полонский.

I

Т. I, 16. «Тяжкое сомненье», мрачащее «святые помыслы души», пока звучит торжественно священный благовест — временно: «Силы последние мрак собирает — тщетны они» (Сергей Соловьев).

I, 38. («Рассказ волн»). Не Афродита ли мирская лежит убитая на морском песке в непробудном сне? Не торжество ли Небесной? Отчего же ему грустно? Чьи мелькают паруса?

I, 41. Отчего пленителен беспорядок одежды и кос, а все-таки грустно? Оттого, что к земле тянет, мелькает иной мир суровой глубины (сын бездонной глубины? Здесь уж у меня, конечно, — натяжка).

183. «Сам не знаю — за что я люблю тебя, ночь».

187. «Одинокое сердце оглянется».

276. «Тень ангела прошла с величием царицы».

309. «Казачка».

408. «Напрасно».

437. «Слышу я — моей соседки...»

II

19. «Сквозь туман рыбакам померещимся».

201. **«Царь-девица».** 245. «Холодная любовь». 257. «Глаза и ум...» 299. «Я умер, и мой дух...» 373. «Для сердца нежного...» 442. Юбилей Фета.

III

2. «На пути». 33. «Вечерний звон» (оба). (107 — «Голос из-за могилы»).

* * *

Неверующему можно сказать:

Остановись! Ужель намедни,
Безумец, не заметил ты...

* * *

Все бранят современную литературу.

Проходят дни и сны земные
Кого их бренность устрашит?

Пускай бранят, —

Но плачет сердце от обид,
И далеки сердца родные.

Где же вы, родные сердца, отчего вас так мало, отчего вы не пойдете за чистым, глубоким, может быть частями «безумным», зато частями открывающим несметные сокровища «глубинных» чувств и мыслей, — когда вы тысячами влачитесь за великим злом века, за статичной денежностью?

(ἀπαδία — συμπαδία)[1]

Выступая на защиту, я крещусь мысленно и призываю ту великую Женственную тень, которая прошла передо мной «с величием царицы» — и воплотилась в звенящей бездне темного мира.

Есть два рода литературных декадентов: хорошие и дурные; хорошие — это те, которых не следует называть декадентами (пока только отрицательное определение); дурные — те, кому это имя принадлежит как по существу, так и этимологически. Заранее оговорившись относительно терминов, легче разобраться. Будем же понимать под словом декадент то, что это слово значит, — именно: упадок, ибо другие значения, навязываемые ему (отчего это происходит — скажу ниже), очевидно совершенно нелепы.

---

[1] Бесстрастие — сострадание *(греч.)*. — *Ред.*

Название декад<ентство> прилепляется публикой ко всему, чего она не понимает. Это — факт очень обыкновенный и доказывающий только (еще раз!), что на «большую публику» следует махнуть рукой. Но есть люди, стоящие выше «современной auera mediocritas[1]», — и тем-то из них, кто все-таки, часто просто не вникая в суть и не разбирая, прилепляет удобное по краткости и бранчивости звуков слово к нелюбимым произведениям известного рода, — им-то пора разобрать и определить и выяснить свои мысли. Наша литература (к чести ее) очень мало за себя заступается, а на брань Бурениных не обращает внимания, что имеет одну дурную сторону: публика-то так и остается в неведении относительно литературных родов настоящего времени и все мешает в одну кучу (чему, кстати, очень способствуют настоящие «упадочники», дегенераты, имена которых история сохранит без благодарности).

Декадентство — «décadence» — упадок.

Упадок (у нас?) состоит в том, что *иные* или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов затемняют смысл своих произведений, причем некоторые сами в них ничего не понимают, а некоторые имеют самый ограниченный круг понимающих, т. е. только себя самих; от этого произведение теряет характер произведения искусства и в лучшем случае становится темной формулой, составленной из непонятных терминов, — как отдельных слов, так и целых конструкций.

Верлен, стр. 11. — Вечная женственность.

Мережковский, русская литература, — стр. 37—43.

Человек, утончаясь, чувствует потребность прикрыть тайну своего существования, слишком ярко и обнаженно им ощущаемую; оттого, совсем не чуждаясь дня в своей т<ак> н<азываемой> «положительной» деятельности, — он ищет ночи для своих вдохновений, сумрака для своих надежд; потому-то глубины наших современных поэтов укрываются порой в непроницаемые одежды. Напрасно

---

[1] Золотой середины *(лат.)*. — *Ред.*

искать осязаемого в этих глубинах. [Толпа может лишь бесноваться перед глухой стеной, скрывающей вечное и неумолимое Божество; это Божество всегда было далеко от невежд, никогда они не могли ни проникнуть в его тайну, ни познать его; непроницаемые покровы, открывавшиеся только мудрости или вдохновению, всегда безнадежно опускались перед грубостью умов и сердец. Теперь клеймят, как издревле, эти строгие, древние покровы только новым именем — именем декадентства. Вот — чисто мистическая постановка основного вопроса; она открывает обширные перспективы в сторону всяческого прославления того, что ныне подвергается неразборчивой хуле.

Другая, прямо противоположная, а потому равно необходимая точка зрения на это крупное явление современности (лучше сказать — современное видоизменение вечного и живого начала) будет состоять в различении плевелов от доброго семени и в уличении тех, кто, неприметно укрываясь в чистых струях прозрачного потока, мутит его воды и нарушает строй их мерного течения к «прекрасной неведомой цели». Эта точка зрения должна поднять цветущие покровы, скрывающие всю чахлость разврата, и отряхнуть таким образом ветхую чешую грязных красок; тогда «с прежней красотой» перед нами явится «картина гения».

Этот гений — само Божество, непостижимое для глупцов, но проникающее всех достойных проникновений; оно-то подвигло своих бедных детей претерпеть гонения, воздвигнутые на них ныне; оно-то «в разных образах» владеет сердцами своих Апостолов. Над одним простерлось великое и Светлое Существо — «Женственная Тень». Другой еще горит глубокими ранами Божественного Учителя. Третьего волнуют темные соблазны, над которыми, как над всякой «черной глыбой», скоро вознесутся «лики роз» и брызнет ослепительный неиссякающий Свет. Все Апостолы уже уготованы на жертву и будут распяты «вверх пятами», как ранний святитель. Но дальше ждет их то великое и непостижное слияние с прежним источником и страданий и просветлений, которым теперь лишь изредка и бледно тревожат их боги «в пророческих снах», и все-таки — тревожат — «в предвестие, иль в помощь, иль в награду». Здесь уже

все равно — залетит ли в их «сумрак» «с зеленеющих полей» Психея, или сойдет на них божественный «экстаз» Пло́тина и Соловьева.]

В то время, как души большинства продолжали коснеть в тяжелом и смрадном невежестве, составляя твердую и благодатную почву для посева всякого рода злых семян, — души лучшей части человечества утончились в горниле испытаний времени и культуры. [Никогда не умрет человеческий дух, границы его возвеличению лежат еще вне нашего познания; и теперь —] Среди всех «бурь и бед и мыслей безобразных» почуялось новое веяние, пускают ростки новые силы. [И в небывалых прежде блаженных муках начинает рождаться новое, еще неведомое, но лишь смутно пока чувствуемое. Это все — дело Вечного Бога. Мы еще только смотрим, содрогаясь, и смутно ждем конца. Кто родится — Бог или диавол — все равно; в новорожденном заложена вся глубина грядущих испытаний; ибо нет разницы — бороться с диаволом или с Богом — они равны и подобны; как источник обоих — одно Простое Единство, так следствие обоих — высшие пределы Добра и Зла — плюс ли, минус ли — одна и та же Бесконечность. «Парадоксальность» этих верований не будет служить помехой анализу темы; но, так как сама тема требует скорее субъективного метода, потому что трактует о том, что лежит далеко за пределами точных знаний, — она не может обойтись без самоосвещения и самосближения с религиозными основами ее автора; тем более что верованья, выраженные выше, как мне кажется, совсем не лишены того самого туманного и мистического, далеко не строго богословского духа, которым проникнута и вся тема.] Точки же соприкосновения «глубинной» религии с «глубинным» искусством — неисчислимы. В пример можно привести несомненное как внутреннее, так и внешнее сходство между богослужебными обрядами вдохновенных иереев и игрой на сцене вдохновенных актеров; ибо и священнослужитель олицетворяет Христа, и актер совершает свою литургию.

Близость между Богом, которому поклоняются, и духом, который поклоняется, становится очевидной в нашей недавней поэзии. Тосковане всегда предполагает

желание соединения — какую-то неудовлетворенную отделенность, порывание или непрерывное стремление воссоединиться; одним из великих парадоксов, которым живут ищущие, можно считать то, что нет бо́льшей близости, чем наибольшая отделенность, нет бо́льшей тоски, чем наибольшая радость. И в нашей поэзии неутомимейшее желание часто равно совершенному успокоению, величайшая радость — непрестанному тоскованью. [Все восходит к одной вершине, и на ней-то уж не можем мы, дети земли, различить наших здешних противуположностей.

Вот — глубочайшее откровение. Тайна его сознана теперь, как никогда, умами и сердцами, обострившимися до последней степени. Это «инфернальность» известного рода — «созерцание двух бездн», доступное недавним избранникам. На фоне этой «всерадостной» тайны выписывают они свои порой безумные, порой дышащие неведомой силой иероглифы. Безумцам отпустим грехи их, ибо они «уже знают участь свою». Но не в безумцах ожидаемые силы.]

Мы же будем говорить только про главнейших из тех, кому, по словам поэта:

сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали,
Несуществующий и вечный,

кто из самого «несуществования» извлек для себя цветущее бытие и ликовал в чаяньи грядущего. [Во главе этих избранников стоят Тютчев, Фет, Полонский, Соловьев.] За этими незыблемыми столпами уже начинается бесконечное и неисчерпанное море их духовных детей; [море, где враги станут друзьями, когда спадут «ветхой чешуей» ненужные злые краски.]

Волна в разлуке с морем
Не ведает покою.

Всякая живая волна сольется с другой воедино, когда «свершит» круг, который «очертили» ей боги. А все мертвое отпадет. «И будет падение его великое». И враги дружественно протянут друг другу руки с разных берегов постигнутой бездны, когда эти берега сольются в «одну любовь».

Великие учители — Тютчев, Фет, Полонский, Соловьев пролили свет на «бездну века», о которой я сейчас говорил. Тютчев, как ранний по времени, встретился еще с романтизмом в духе Шиллера и Жуковского и со славянофильством Хомякова и прочих. Есть в нем и Байрон-Лермонтов:

Я очи знал — о, эти очи...
.....
Как наслажденье — утомленный
И как страданье — роковой.

Не в этом его великая сила; Тютчев — один из тех, кто приготовил нам пышность встречи грядущих откровений; на рубеже этой встречи встали его последователи (во времени): Фет — зрелый и мощный, Полонский — отрок, не знающий своих сил. Владимир Соловьев сделал в том направлении, о котором мы говорим, больше всех. Мы не имеем до сих пор равной и подобной глубины и затишья, уготованных для рождения С-нами-Бога (Иммануэля).

Когда Тютчев вышел «бросать живительное семя» «рукою чистой и невинной»,

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.

Таково было небо поэзии, ибо то были 60-е годы, время положительного неведения. И вот отрывок стихотворения Тютчева, написанного в 1865 году:

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса!
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте,
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

Отголосками «Таинственного дела» на высоте явились на земле внизу первые значительные зародыши русского декадентства (говорю — первые значительные, потому что, увы! — как это ни странно «публике» — декадентст-

во в самом неподдельном виде встречается и — horribile dictu![1] — у Вергилия — см. «Bucolica»). Примером ярко декадентского настроения могут служить стихотворения «Безумие» и «Весь день она лежала в забытьи». Первое напоминает современную живопись — какое-то странное чудовище со «стеклянными очами», вечно устремленными в облака, зарывшееся в «пламенных песках». Второе — ясное искание «глубинных» чувств; в звуках летнего дождя, в веселом шуме листьев — рядом с ликованьем природы — «она», вся погруженная в «сознательную» думу, вся покрытая тенями — вечная смесь «зимы и лета», только не освещенная «взором очей».

Откуда же черпал этот уже явный декадент свои вдохновения? Ответ прост. Он, как все, сильные и слабые, молодые и старые, веселые и грустные, — ждал голосов из вечности, был близок к Золотому Веку, терялся мечтой в лучезарности прошлого. И он, как Фет, как Соловьев,

Под Скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей, —

не той Греции, которая кипела исторической жизнью, мыслью, творчеством, не той, которая породила гениев действительности, — а той, которая мечтается в таинственные часы, той Греции, которую благодарные потомки отвлекли от суеты земли, в которую нам привычно углубляться, как в мечту Золотого Века, быть может никогда не существовавшего, бесконечно отдаленного, но все прекрасного и вполне недоступного толпе, потому что

Он страшен им, как память детских лет.

Это — та страна, в которой нет «болезней, печали и воздыхания». Она-то снится всякому избраннику, то смутно, то явственно, как что-то бесконечно дорогое; утрачивая с ним связь, утрачиваешь жизнь. Моисею, коснеющему в пустынном Мидиане,

Смутно видятся чертоги,
Где солнца жрец меня учил,
И размалеванные Боги,
И голубой златистый Нил.

---

[1] Страшно сказать (*лат.*). — *Ред.*

То был храм его юности. Вождь Израиля «расцвел» лишь тогда, когда вернулся к своему храму в «неопалимой купине».

Таким образом, источник и декадентства, и классицизма, и мистицизма, и реализма — один; имя ему — Бог. А связь четырех указанных вещих поэтов заключается в том, что свои вдохновения черпали они из того источника Божия, который не открывался другим (ибо иначе не было бы разницы между Шекспиром и Фетом). А источник их «декадентства» берет свое начало там же, где все другие источники, ибо все восходит к одной вершине. «Новое» направление Тютчева сказывается не в одних двух приведенных стихотворениях, а также и в том, например, что этот порою яростный публицист поднимался до бесконечно чистого лиризма, неподражаемой кристальности. Это возможно лишь для того, кто познал неизмеримую разницу между «суетой беспощадною» и «благодатною тишью», когда

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Поглотило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

У Тютчева:

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня;
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!
Крылом своим меня оденъ,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Этот призрак, эта «тень Ангела, прошедшая с величием царицы», — была великой женственной тенью:

Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.

Так связал поэт небо и землю — легко и безболезненно. Ибо дана была ему власть — вязать и решать, как Апостолу; и «на сем камени» воздвиглась церковь — необъятный храм. Он белеет перед Соловьевым во всю его

долгую жизнь — и в тумане утреннем, и в холодный белый день. А меньшая братия ждет на паперти, и только смутно и издалека доносится к ней пение, долетают струи фимиама ([Сологуб,] Минский).

«Женская душа» стихов Тютчева необычайно сильна, она ведет его неуклонно. Вот она — страстно бьющаяся в прошедшем:

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день...
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Вот она, утихшая, вся белая, в сонной дымке, в журчаньи воды:

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум,
Подпирает локоть белый
Много милых сонных дум.

Вот она, опять страстная, но уже всюду царящая — она объемлет и деву и природу:

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
.....
Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?

И наконец, вот она, незримая, но несомненная; ею проникнуто все стихотворение «Еще шумел веселый день». Оно кончается словами:

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек незримо в царство теней.

Неисправимый романтик еще не мог опрокинуться над бездной, которую видел и ведал. Вечно нежная гармония помешала ему лицезреть весь ужас тайны этой са-

мой женственной души, ужас, который он все-таки смутно чуял:

Но есть сильней очарованье:
Глаза, потупленные ниц...
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

Эта вторая бездна, которую так страшно и упоительно раскрывает В. Брюсов:

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты.

Бездна, которую ныне уже нельзя миновать иначе, как перейти через нее, и которую перелетел на крыльях лебединых Соловьев:

Власть ли роковая, или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь,
Будем благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорела, мы свободны вновь.

Эту-то бездну отчаянья, самоубийства и высокого восторга, цветущего в горниле душевных страстей, миновал светлый, невинный, чистый и чуждый греха Тютчев. Она мелькнула перед его великой душой и, не задев ее, отошла к будущим поколениям. Отравленную чашу пьют наши современники.

Вот далеко не полный, несовершенный очерк некоторых вдохновений Тютчева. Мы спешим бросить его, совершившего все положенное ему «в земном пределе», и перейти к более близкому и более осязаемому величию.

Фет, как Тютчев, страстно грезил «небом Греции своей», как Тютчев, постигал природу в полной отделенности. Довольно сравнить Тютчевское «Тихой ночью, поздним летом» и Фетовское «Прозвучало над ясной рекою» (Желтая книга I, 202) или «Зреет рожь над жаркой нивой». Кто из них более велик в этом — пускай решают другие. Но в том, другом, пророческом — Фет больше Тютчева. Ибо Фет ощутил и ясно воплотил то, что еще смутно грезилось Тютчеву. Громадный шаг отреченья, на который не решился Тютчев, оставив себе теплый угол на-

9—406

циональности или романтически спокойного и довольно низкого парения, — этот шаг сделал Фет. Он покинул «родимые пределы» и «покорный глаголам Уст» Божиих двинулся «в даль туманно-голубую» «от Харрана, где дожил до поздних седин, и от Ура, где детские годы текли». И шел, «как первый Иудей», и терял свою цель, и снова находил ее, как он, и молился чужим богам «с беспокойством староверца».

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый Иудей
На рубеже земли обетованной.

Потому что не жалел детских игр и детских снов, так сладостно и больно возмущенных вечно-женственной Тенью.

Идея Вечной Женственности уже так громадна и так прочно философски установлена у Фета, что об ней нельзя говорить мало.

В критическом очерке, посвященном Полонскому, Вл. Соловьев говорит: «Все истинные поэты так или иначе знали и чувствовали «женственную тень», но немногие ясно говорят о ней; из наших яснее всех — Полонский».

Из наших яснее всех, конечно, сам Соловьев (можем мы сказать теперь). — Но вопрос в том, не признак ли нашего настоящего в поэзии — особенно сильное и ясное чувствование поэтами женственной тени.

И Фет, и Полонский — последний яркий представитель века, даже и темных его сторон (это говорит и Соловьев) — служат одним из доказательств этого. Современная поэзия вообще ушла в мистику, и одним из наиболее ярких мистических созвездий выкатилась на синие глубины неба поэзии — Вечная Женственность.

В четырех стихотворениях «К Офелии» Фет, явно сближая Шекспира с современностью (это уже не одна поэтическая, но и философская и культурная заслуга), воплощает свою женственную мечту в чужой образ и тем покоряет этот образ своему гению. Этого не достигал Тютчев. Но этого мало.

Есть стихотворение Фета: «Чем тоске я не знаю помочь». Последние строки этого стихотворения, помимо

их вполне совершенного элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и зримо выдвигают из ужасной пропасти ту нетленную красоту в окружении веры и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались бы поднять из темного лона иные:

Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу...

Кто эта Ты? Это — источник жизни поэта, Белая Церковь. В ней все чисто от Астарты и Афродиты.

Все нити порваны, все отклики — молчанье.

«Остается одна суть: мужественная воля и влекущая сила женственности», как говорит сам Фет в своей философии «Фауста».

Всё здесь безбрежное
В явной поре.
Женственно-нежное
Взносит горе́.

Мы даже не задаемся целью описать всего Фета. Это значило бы — желать исчерпать неисчерпаемое. Только слабые отголоски гениальных вдохновений найдет читатель на этих страницах. Мы можем схватить одно излюбленное, давно грезящееся. К такому относится, среди другого, стихотворение «О, не зови», содержащее в себе несметные откровения. Здесь — явственно и несомненно созерцание двух бездн:

...с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Здесь — прови́дение того, чему нет названья и нет меры. «Мысль изреченная есть ложь», «взрывая, возмутишь ключи, питайся ими и молчи...» — сказал бы Тютчев. Фет не молчит — ибо не может молчать. Его ключи бьют поверх всего —

...из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

Эти слезы, которые застыли бы у другого поэта в пафосе, или в туманности, или испарились бы, обращаясь в ничто, — здесь так слышны и так вдохновенны, как на самом деле не могут быть. В этом вся тайна — поэт должен творить невозможное, — он нашел блаженства без меры и без названья, несмотря на то, что «рухнула с разбега колесница...» Довольно одной «песни на удачу» — и в ответ прольются слезы всепознания.

Все торжество гения, не вмещенное Тютчевым, вместил Фет, сам не зная, что будет петь — но уже с песнью, зреющей на устах. Ему уже брезжат в голубой дали веселые лодки,

Свобода и море
Горят впереди...

Но в это море все-таки не удалось проникнуть ни ему, ни его великому духовному другу Соловьеву. Что связало их, что помешало им, — мы не узнаем. А может быть, они всё узнали, всё свершили и действительно замешались теперь в ту «мировую игру», которую «затеяли боги», как некогда смертный Геракл был причислен к сонму бессмертных Олимпийцев. Ибо недаром же открывал Пло́тин пути к самопоглощению в Боге — пути философии, музыки и любви. Громадность философии Соловьева и Фета — вне сомнений; их музыку слушаем мы на земле; а любви их нет границ. Эта любовь так таинственна, — что мы познаем ее лишь в личном творчестве, когда, в часы экстаза, начинают проходить перед нами дрожащие, непостижимые, странные призраки — «холодные струи нездешних тайн». И тогда, как старцы Фиванские, мудрые, но не знающие грядущего дня,

«Мы содрогаемся».

<Январь 1902 г.>

Ранний час. В пути незрима,
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый ангел, ангел Бога,
Сеет розы на пути.

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный,
Шлет свои дары.
Шлет невзгоды и печали,
Благостью велик,
Но чрез них в иные дали
Зоркий взгляд проник.
И больней душе мятежной,
Но ясней миры:
Это — Бог лазурный, нежный,
Шлет свои дары.

Тихо ясные дни подошли.
На деревьях златые уборы.
Ночью холодом веет с земли.
Утром белая церковь вдали
Снова радует ясные взоры.

Все поют и поют вдалеке.
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать,
Да и песням знакомым не верю.
Все равно, мне певца не понять...
От себя ли скрывать
Роковую потерю.

(Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Императорского С.-Петербургского университета под редакцией Б.В.Никольского с иллюстрациями студентов Императорской Академии художеств под редакцией И.Е.Репина. СПб, 1903. С.5—9).

ИЗ ПОСВЯЩЕНИЙ

I

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!
Как ясен горизонт! И лучезарность близко,
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

II

Новых созвучий ищу на страницах
Старых испытанных книг.
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шепотом, криком смущен, —
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах не смутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блекнут ланиты у дев златокудрых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

III

Гадай и жди. Среди полночи
В твоем окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

IV
СТАРИК

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Все это было или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

V

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь, —
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

VI

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу,
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

VII

ЭККЛЕСИАСТ

Бысть Экклесиаст мудр.

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь, — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова,
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Все диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

VIII

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья, —
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

IX

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась Богородице Кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпа́ла Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из Лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко —
Царевна-Невеста, что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые, да красные заставки.

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

X

И Дух и невеста говорят: прииди.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета.
Вижу очи Твои.

(«Новый Путь». 1903. № 3. С. 48—59)

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

I

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой, Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

II

Ты свята, но я Тебе не верю
И давно все знаю наперед:
Будет день — и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказа́нны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: Осанна!
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик.

III

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

IV

Безмолвный призрак в терему,
Я черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронутом алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь один Завет:
Завет служенья Непостижной.

V

Бегут неверные дневные тени,
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

VI

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова,
Я каждый день издалека
Следил за ней, на все готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали желтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые, темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее сребристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

VII

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду — и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по-сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

VIII

Пытался сердцем отдохнуть я:
Ужель не сбросить этих снов!
Но Кто-то ждал на перепутьи
Моих последних, страшных слов.

И ждет еще. Редеют тени,
Яснее, ближе сон конца.
Он спрятал голову в колени
И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.

И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье Пришлеца.

IX

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Не существующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, полнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услыхал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далеко, звонко конь скакал.
И легкий посвист был понятен.

Не здесь, а дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось.
О, как понять — откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется.
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий шопот,
Не существующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

X

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далеко, где-то,
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Все мнятся тайны грядущей встречи —
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый:
Все ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Все жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...

(«Северные Цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С.93—99).

13 мая Н. П. Люб. 1904.

Мы встречались с тобой на закате,
Ты весною разсвела зарницу.
Я любил твое белое платье,
Утомленность мечты разлюбив.
Были страшны безмолвные вещуньи.
Ветер — на песчаной косе
Загорался (вечерний) свечи,
Кто-то (дальний) о (бывшей) красе.
Приближенье, сближенье, сгоранье —
Не брезжит лазурная тишь.
Мы (вновь) встречались (вновь) в вечернем тумане,
Ты (мерцая) в (ночных) ризах и камнях.
На (тоску) мечты, на любовь, на обманы.
Все померкло, прошло, отошло...
~~Были стихи, голоса и наряды~~
И твое золотое весло.

На тоску, на любовь, на [illegible]
Всю мою жизнь полной обвиньем.
Очертания будущего стали
Молчаливой (прежней) будя весла.

13 мая
Сырнин

А. Блок. «Мы встречались с тобой на закате...» *Автограф.*

ИЗ ПИСЕМ К Л.Д.МЕНДЕЛЕЕВОЙ
(1902 – 1903)

<10 ноября 1902. Петербург>

Ты — мое Солнце, мое Небо, мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни там. Ты Первая моя Тайна и Последняя Моя Надежда. Моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца. Играй ей, если это может быть Тебе Забавой. Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, все будет Твое, от Тебя и к Тебе. Твое Имя здешнее — великолепное, широкое, непостижимое. Но Тебе нет имени. Ты — Звенящая, Великая, Полная, Осанна моего сердца бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя Неизреченную. Не принимай это как отвлечение, как теорию, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь ни там. И Ты везде бесконечно Совершенная, Первая и Последняя. И я везде для Тебя блаженный и без сомнений, в конечном безумии, в последнем сумасшествии совершу все, что Ты велишь, — все великое, как убийство, все малое, все ничтожное, серое, — и оно уже не будет серым и малым, потому что сойдет от Тебя, в Твоем тайном и сладостном велении. Мои мысли все бессильны, все громадны, все блаженны, все о Тебе, как от века, как большие, белые цветы, как озарения тех лампад, какие я возжигал Тебе. Если Тебя посетит уныние, здешняя, земная, неразгаданная скорбь, тайна земная и темная, я возвеличу Тебя, возликую близ Тебя, окружу Тебя цветами великой пышности, обниму Тебя и буду шептать Тебе все очарования, и шопот мой, и голос мой будет, как шум водный, и я найду для Тебя слова и звуки священные, царственные, пророческие. Я найду все и вскрою все тайное,

ибо я недаром ждал Тебя, звал и тосковал о Тебе и провидел смутно, но наяву, близко и далеко вместе — Твои откровения, которых я и до сей поры не могу постичь и измерить, — то, что Ты назвала мое имя и сошла ко мне. Напиши мне только слово, только черту от Твоей руки, как вздох и память, символ и знак. Я не могу видеть Тебя, потому что болен и жар, но я знаю Тебя и чувствую Тебя. Все проникнуто Тобой, и моему счастью нет границы и меры, как у меня нет слов и нет логики, один оглушающий звон, благовест, звуки Любви, «сны, наяву непробудные». Я не знаю, в чем мне клясться Тебе, и клянусь Тобой, моя Любовь. Вот Тебе стихи, глупая, сонная сказка, недосказанная и недостойная Твоей Неизреченной Красоты. Я — Твой раб, слуга, пророк и глашатай. Зови меня рабом. И прости за бессилие этих слов.

Безмолвный призрак в терему,
Я черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронутом алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую незримо,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет Служенья Непостижной.

* * *

<20 ноября 1902. Петербург>

У меня нет холодных слов в сердце. Если они на бумаге, это ужаснее всего. У меня громадное, раздуваемое пламя в душе, я дышу и живу Тобой, Тобой, Солнце моего Мира. Мне невозможно сказать всего, но Ты поймешь, Ты поняла и понимаешь, чем я живу, для чего я живу, откуда моя жизнь. Если бы теперь

этого не было, — меня бы не было. Если этого не будет — меня не будет. Глаза мои ослеплены Тобой, сердце так наполнено и так смеется, что страшно, и больно, и таинственно, и недалеко до слез. Еще несколько дней я не могу, говорят, Тебя видеть, т.е. выходить. Это ужасно. Ты знаешь, что это так надо, но мне странно. И еше страннее, что я подчиняюсь нелепому благоразумию. К великому счастью, я только подчиняюсь ему, но оно вне. Во мне его *нет.* Пока я знаю, что дело идет о нескольких днях (сколько — несколько?) и что от этого зависит будущее, я терплю еще. Но если бы это были недели или месяцы и болезнь была бы непрерывна и мучительна, я бежал бы ночью, как вор, по первому Твоему слову, по первому намеку. Теперь, когда пройдут эти дни и я увижу Тебя, знай, что я сделаю все.

Будет говорить страсть, не будет преград. Вели — и я выдумаю скалу, чтобы броситься с нее в пропасть. Вели — и я убью первого и второго и тысячного человека из толпы *и не из толпы.* Вся жизнь в одних твоих глазах, в одном движении. Ты не увидишь перемены, кроме внешней, кроме ежечасно, ежедневно меняющихся т.н. «настроений». Во всех будет лежать печать рабства Тебе — от скептицизма мирового до печальной мудрости, от экстаза до неподвижности. Здесь в мире, в России, среди нас теперь делаются странные вещи и в Москве, и в Петербурге. Бегают бледные, старые и молодые люди, предчувствуют перевороты и волочат за собой по торжищам и по утонченным базарам, и по салонам, и по альковам красивых женщин, и по уютам лучших мира сего — знамена из тряпок и из шелка, и из неведомых и прекрасных тканей Востока и Запада. И волочат умы людей — и мой тоже. Но сердце, сердце незабвенное и все проникающее, знает Тебя. И покоряет ум и волю, и властвует над ними, и приказывает им. Там — мне нет числа. Здесь — я с Тобой и один. Мое тамошнее треплется в странностях века. И все оно собирается здесь, у Твоих ног, как непокорная змея, желавшая познать и заслушавшаяся лучшей и неслыханной Музыки. Твоя воля открыть мне все бездны, и я безвольно и безмысленно исчезну в них.

* * *

<23 декабря 1902. Петербург>

Если бы только увидеть Тебя скорее, остальное все прекрасно. Ты знаешь, что я молодею около Тебя. С тех пор, как Ты изменила внезапно всю мою жизнь, я чувствую с каждым днем все больший подъем духа. У меня никогда не бывало зим без долгих и бесплодных часов апатии. Теперь нет давно уже ничего подобного, у меня столько энергии, сколько никогда не было. Твоя близость действует незримо и таинственно, дает сознание какой-то «породы», очищающейся и расцветающей. Сегодня я уходил днем в город, был на Забалканском и у нас. Когда я вошел, я увидел свет над дверью (там была поднята штора) и стал открывать ее и шевелить без ключа, и мне казалось, что я опять услышу за дверью шорох Твоего платья, и Ты откроешь мне. Почему-то мне казалось так, хотя я и не надеялся. И был немного разочарован. Но это будет, скоро и вместе как долго! Завтра, 25-е и потом только вечером 26-го — и Ты будешь не одна. Тогда нам лучше стараться не делать ни малейших намеков, это и легче даже, потому что от намеков разгорается сердце. Я читал Твое письмо, которое Ты дала мне, и подумал, что, если бы я получил его тогда же, в прошлом году (т.е. после 29 янв<аря>), я и тогда же разубедил бы Тебя во всем. Я бы понял тогда сразу, что разом с отвлеченных намеков нужно перейти к реальному и страстному до сумасшествия признанию во всем. Может быть, Ты до сих пор думаешь, что было когда-нибудь время, когда я *только* думал о Тебе, и не чувствовал Тебя, живую, источник моей *жизни*, а не моей фантазии. Этого никогда не было. Было только время, когда Твоя холодность принимала такие размеры, что мне *оставалось* только ждать загробных свиданий. Но не было дня, когда бы я на первое слово, движение, улыбку в мою сторону не ответил бы Тебе со всей земной страстью; и Ты напрасно думаешь и теперь, что бывают у меня дни отвлеченные и реальные. Бывают *более* отвлеченные, когда я надышусь метафизикой из книг или от людей, которые все говорят, в сущности, об одном. Тогда я только чувствую еще и будущие миры. Но никогда, раз навсегда клянусь Тебе, я не в си-

лах уйти в полную отвлеченность. Я *никогда* не забуду, что Ты живая и молодая, такая, как Ты есть перед глазами, в простом человеческом сердце моего существа. Ты принимаешь за отвлеченное, м.б., иногда образы и фантазии в рифмах. Но ведь стихи и образы не рассудочны. Только форма их гранится рассудком (окончательная), а содержание и, главное, «субстанция» всегда выпевается из сердца прямо, непосредственно. Воля, которая выражается в стихах, есть страстная, а не разумная воля. Я люблю Тебя так, как наверно никогда и никого не любил и не полюблю. Ты — вся моя *молодость*, моя *живая* надежда, мое *земное* бытие. Ты — мой идеал не только «там», но и «здесь». И это было так всегда с тех пор, как я Тебя встретил. И *всегда* я сказал бы Тебе о моей страсти, если бы Ты *позволила* мне в прежние года говорить не только о бесстрастном. Но Ты никогда *не позволяла* мне этого, и это было так *надо*. Я писал бы Тебе сейчас всю ночь. Я полон Тобой весь день. Я хочу обнять Тебя, гладить Твои волосы, смотреть в Твои глаза. Напиши мне о том, что Ты чувствуешь, какое настроение, приехала ли Твоя тетя? Я получил очень интересное и важное письмо, которое покажу Тебе, — от Михаила Сергеевича Соловьева, который спросил Брюсова, будет ли он печатать мои стихи в «Северных Цветах», на что Брюсов ответил: «О, да — и как можно больше». Это приятно во многих отношениях. А ты поверь мне до конца, что я люблю Тебя земной любовью, что больше этой любви нет пока, а *потом* только настанут иные времена. Но мне *не надо* их *теперь*, потому что в Тебе такой, как Ты есть, — мое все, моя вера, мой Бог.

* * *

<25 декабря 1902. Петербург>

Пишу Тебе, очертя голову, не зная, как Ты получаешь письма. Беспокоюсь об этом. Сегодня — два твоих письма, Боже мой, какие небывалые, несказанные слова! Я совершенно окружен излучинами Твоего сердца, думаю о том, когда мы увидимся, упрекаю себя за вчерашнее. Кажется, у меня до сих пор жар — придется ждать. Наконец-то у Тебя озарены глубины Твоей ду-

ши. Я думал, что туда, в загадочную для меня область, в мое несбыточное, не проникнут мои лучи при всем их пылании. Но здесь, очевидно, судьба, дело какого-то светозарного Бога, Ангела, благосклонного ко мне. Здесь завязываются узлы каких-то заранее предначертанных целей, как у Ап.Григорьева:

Да, я знаю, что с Тобою
Связан я душой.
Между вечностью и мною
Встанет образ Твой.

«Знаю только одно, что безумно люблю». Это и есть моя вечность, моя углубленная стихия, последняя цель, с которой издавна связывалось все происшедшее в моей жизни. Сегодня у меня нет слов, я предпочел бы петь. Написал хорошие стихи, но теперь не пошлю их Тебе. Они совсем другого типа — из Достоевского, и такие христианские, какие я только мог написать под Твоим влиянием. Часто я хочу теперь всех простить. То, что в прошлом году воспринималось с болью и ожесточением, теперь чище и светлее. Из сердца поднимаются такие упругие и сильные стебли, что часто кажется, будто я стою на пороге всерадостного познания — и хочу говорить: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии — и Аз упокою вы. Ибо бремя Мое легко». Жизнь светлая, легкая, прекрасная. К счастью, мы переходим из эпохи Чеховских отчаяний в другую, более положительную: «Мы отдохнем». И это правда, потому что есть от чего отдыхать: перешли же весь сумрак, близимся к утру. Чего только не было — и романтизм, и скептицизм, и декаденты, и «две бездны». Я ведь не декадент, это напрасно думают. Я позже декадентов. Но, чтобы мне выйти из декадентства современного мне, затягивавшего меня бесформенностью и беспринципностью, нужно было волею Божиею встретить то пленительное, сладостное и великое, что заключено в Тебе. И открылось дремавшее сердце. В Тебе — все спасение, от отчаянья, потому что непрестанно можно черпать из живого родника, неиссякающего, неутомимого. Ты нужна мне, как религия. Чувствую, что все, что будет еще когда-нибудь нужно, я найду в Тебе. «Сияй же, указывай путь, веди к недоступному счастью того, кто надежды

не знал». Прости, что все цитирую чужих. Но мне надо песен, когда около нет Тебя, воплощенной песни моего духа.

Твой.

* * *

<22 февраля 1903. Петербург>

Это — вечернее письмо. Мама на панихиде — никого нет. Мне свободно и страшно грустно. Страха нет никакого, он прошел вместе с вчерашним вечером, и ушел в ту же сереющую, туманную ночь, куда ушла Ты. Там он дожидается, может быть, вернется, но не сегодня. И совсем не в нем *самом* дело.

Ты не пугайся, что я пишу Тебе. Все неизменнее, чем когда-нибудь. Но мне вдруг пришло в голову, что написать лучше, чем говорить, о том, о чем я думаю уже несколько дней. Ты во мне *чувствуешь* эти думы и постоянно спрашиваешь, не «сержусь» ли я, даже иногда говоришь, что я «притворяюсь», когда смеюсь, чтобы что-то такое скрыть. Но это не так, потому что я *перед Тобой не* притворяюсь, а, когда смеюсь, то смеюсь оттого, что весело, или оттого, что *Ты близка*, или оттого, что мы говорим друг другу смешные вещи. Я люблю Тебя — это так ясно, так неизменно, и так само собой разумеется, что говорится только в страстные минуты, или в минуты нежного веселья сердца, как дополняющий певучий аккорд. Но это уже не требует повторения, как *подтверждений* — и Ты, я *думаю*, знаешь это уже теперь до *конца*.

Но Ты не знаешь, что мне было нужно пройти, чтобы любить Тебя так, как теперь. Этого всего все равно не опишешь, и не расскажешь: все это можно только *пережить*. А то, что пережито, совершенно «вросло», уже неизгладимо и навсегда. Свой «мистицизм» я уже пережил, и он *во мне* неразделен с жизнью. Может быть, Ты замечала, что, говоря с «людьми», я мало спорю об «основах», про них молчу, прямо-таки «пугаясь хулы и похвал»,пугаясь не за самый мистицизм, а за то, что еще лишний раз кто-то, совершенно чужой мне, не любящий меня и не желающий вникнуть (таковы все «люди»), будет бередить и возмущать, все равно, что без всякой при-

чины и *цели* (главное — без цели!) делать надрез на живом теле дрянненьким маленьким перочинным ножичком. То же самое и о «стихах». Если кто-нибудь скажет, что стихи не важны, а гораздо, например, важнее «помогать ближним», или: «Как вы можете *этим* заниматься, когда у вас в университете беспорядки?» (последнее сказал мне покойный В.П.Острогорский, редактор «Мира Божьего», когда я принес ему стихи), — я *ничего не* возражаю по существу, а скорее стараюсь быть благодушным, если же злюсь, то — про себя. Ибо, что же отравляться *чужим* непониманием. Да, наконец, самый этот «*мистицизм*» (под которым Ты понимаешь что-то неземное, засферное, «*теоретическое*»), есть *самое лучшее*, что во мне когда-нибудь было; он дал мне *пережить* и *почувствовать* (*не* пере*думать, а* пере*чувствовать*) все события, какие были в жизни, особенно 1) ярко, 2) красиво, 3) глубоко, 4) таинственно, 5) религиозно. И главное, он дал мне *полюбить Тебя любовью*, не требующей оправданий, *почувствовать* перед Тобой правоту сердца, увидать все ближайшие и *многие дальнейшие* цели этой как будто бесцельной любви (как бывает *бесцельна* красота в природе и... в «Мире Искусства»). «Мистицизм» дал мне всю силу *к жизни*, какая есть (если ее не так много, то это уже лежит в натуре; но, во вся<ком> случае, она проявилась хотя бы в тех же стихах, а я думаю, что еще сильнее в том, что я чувствую по отн<ошению> к Тебе, ибо и стихи — отсюда). Это — все мое лучшее «я» — лучшее, и *САМОЕ НУЖНОЕ ТЕБЕ* — потому что Тебе *НУЖНА* моя любовь. Теперь же, когда Ты *БЛИЗКА*, это и *ВСЕ* мое «я», потому что нет ни одной области в жизни, которую бы не проникала Ты, Твое присутствие, — через этот же самый «мистицизм». Мистицизм не есть «теория»; это — *не*престанное ощущение[1] и констатированье в самом себе и во всем окружающем таинственных, *ЖИВЫХ*, ненарушимых связей друг с другом и через это — с Неведомым. Это — религиозное сознание, а не бессознательное затуманивание головы. Твой отец совершил *мистический* поступок, когда в великом напряжении энергии своего творчества открыл *биологический* закон (*жизненный*), и самые эти *биологические* законы *мистичны*, потому что го-

---

[1] Не в психологическом смысле. (Сноска Блока. — *Ред.*)

ворят о *причинности*, т.е. *«детерминизме»* (зависимости от...). Когда по стеблю поднимаются *живые* соки — происходит *мистический* процесс. Мистика происходит от греческого слова misterion (Μυστῆρια), что значит — *тайна*. Тайны в конце не отрицают и матерьялисты (их разновидность — *позитивисты*), говоря, что открыто *почти* все, осталось открыть только еще «небольшой кусочек». Вопрос — откроют ли они это, разложат ли, анализируют ли *Бога* жалкие дети земли. «Земля — и в землю обратятся (revertitur in terram suam, unde erat. Et spiritus redit ad Deum, — qui dedit illum!)[1]. Нет ни одного человека, в котором не был бы заложен мистический элемент уж по одному тому, что он живет себе спокойно, а в минуту смерти вдруг ему станет отчего-то жутко. Мистики совсем не юродивые, не «олухи Царя Небесного», а только разряд людей, особенно ярко и непрерывно чувствующих связи с «Иным», притом чувствующих не только в минуту смерти, а на протяжении всей жизни.

Не думай, что я один называю именно это «мистицизмом». Это — общее понимание (конечно, не специально ученых философов и пр.). Тут нет точного определения, но его и вообще нет для мистицизма в самом широком смысле, как нет определений для неисповедимых путей Божиих.

Вот что такое «мистицизм». Он проникает меня всего, я в нем, и он во мне. Это — моя природа. От него я пишу стихи.

Через него я полюбил Тебя. Бог один знает, как это произошло. И оттого я всегда говорю, что в моей любви к Тебе — *необыкновенное. Непрестанно* люблю, как молюсь. Знаю, что это *не просто* любовь — *не такая, как между неведающими и неверующими*. Я *ЗНАЮ* многое, *БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ*. Дай Бог, чтоб узнал еще и еще больше. Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев, человек *редкой* учености и *энциклопедической* образованности, по ночам плакал и молился розовой тени. Мне каждая вечерняя заря приносит неслыханное обетование о Тебе.

---

[1] «Вернется в землю свою, которою был, и дух отдаст Богу, который даровал его» (*лат.*).

Все неизменно. Но невыразимо грустно, когда Ты изгоняешь из меня меня же самого, как бесов. Если хочешь, мы не будем говорить о тайнах. Нам много можно говорить о будущем счастье, в реальность которого я верю совершенно. Но только позволь мне не убивать себя самого, свою душу, которая вся направлена к Тебе одной. Когда Ты говоришь «пожалуйста, без мистицизма», Ты как будто произносишь смертный приговор над моими стихами даже. А они поют Тебе и о Тебе.

Вот все — и прости меня. В понедельник я буду ждать Тебя в 2 часа между курсами и 1-й линией Васильевского острова. А сегодня я буду Тебе и о Тебе молиться.

Твой

22 февр. 1903. СПб.

Вот, я написал стихи перед письмом. Теперь после письма уж не так грустно. Я люблю Тебя. Я молюсь Тебе.

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в Твоей красоте голубиной, —
Вечно прекрасно, — но сердце несчастно.

Я не скрываюсь, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу — и в слезах на Тебя улыбаюсь —
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо — и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье,
Так и свободный боится неволи.

* * *

<15 мая 1903. Петербург>

Ужасно странное чувство — исполнимость невозможного. Вся эта зима представляется теперь каким-то страшно долгим временем, исполненным тысячью событий и чувств. Все время не было чего-то, были какие-то

границы — «Ты серебрилась вдали». Теперь (и то еще не часто, потому что все время отбивают многое хорошее и сознательное экзамены) я начинаю вдруг просыпаться, будто сознавать уже совершенно ясно и непреложно, *что будет скоро*. И все это еще сквозь целую зимнюю усталость, сквозь строй всего, что было, точно теперь-то и начнется весна, а пока еще лежит тонкой пеленой голубой снег событий. Внезапно, точно из какого-то откровения, чисто религиозно, как αγναδτος δεος[1] (понимаешь?) появляется, возникает и опять пропадает: мысль непривычная еще, мысль небывалая, Неизреченного Света, простейшая в красоте, торжественная в величии. До какой степени в этот последний месяц все «заброшено» (если можно так сказать), многие нити не в руках, не усвоено все то, что я скоро усвою, как Величайшую Радость, перл Моей жизни, ее гордость, *вполне недоступную* никому, кроме Тебя и — меня. Вчера я перечитал ночью «Ундину» Жуковского (перевод) (после того как написал такое отвратительное письмо к Тебе) — и почувствовал, что бывает на свете, и что *надо* вспомнить и чему служить. Ты увидишь меня другим и, дай Бог, чтобы лучшим, чем я теперь. Теперь уже всплывают передо мной мои вины перед Тобой за это последнее время. Молчу, когда нужно говорить, или наоборот — и, вообще, мало чуткости и мистического внимания к Тебе. Моя Дорогая, моя Милая, моя Несказанная, до чего я опять хочу сегодня быть с Тобой вдвоем *только* и больше ни с кем никогда. Отделиться от всего стенами, не слышать ни одного звука других голосов, не видеть ни одного лица. И, точно также, не знать и не верить ни одному событию, ни великому, ни малому, из посторонних нашему Счастью. Знаешь, что это такое? То, что я давно почти ничему не удивляюсь, очень глубоко все знаю и потому не осуждаю уже никого и никогда просто. Давно известно то, что еще удивляет и пугает многих, многое из этого уже скучно и ненужно. Ты знаешь, что это *не* апатия, и ничего подобного. Но устаю от обычного и не всегда хочу совсем необычного. Теперь вот это так. И потому, вот в эту минуту, чувствую, что мне нужно особенно того, что Ты,

---

[1] **Неведомый Бог** (*греч.*).

кроме совсем необычного и Одной Тебе свойственного, можешь дать мне — одна во всем мире: женской любви — *женской*. Это и есть то наше отдельное и наше будущее, о чем я сейчас думаю: одни стены, одна комната, одна обстановка, одни мысли, одно и то же чувство, одна душа, полное «сочувствие» — то, что дается *только* одним условием — брака; не страсти, *не* маскарад, *не* маски, *не* цыганские песни, *не* искры в глазах среди пестрой толпы. Все это будет еще, как было, никуда не ушло, и Тебе и мне дорого и необходимо. Брак *НЕ* исключает этого, я знаю. Но то, о чем я говорю в эту минуту, возможно только тогда, когда мы будем связаны неразлучно. Чувствуешь ли Ты, как я вот сейчас, что беззаконность и мятежность совсем *не* исчезают в браке, они — вечно доступны, потому что мы, как птицы, свободны и можем, как птицы, замирать и биться высоко в воздухе, с тем же криком, с тем же клекотом и призывностью молодой свободы. И знаешь ли Ты еще, что *законность* и безмятежность также необходимы в другие минуты, доступны *только* знающим о неразрывности своих связей, проникшим глубоко в тайну своего, отделенного от всех других, круга, имеющим *право* не впустить в него *никого*, ибо «что Бог соединил, человек не разлучает». И Ты думаешь еще, что я «жалею» чего-то. Ты не жалей, а я-то уж никогда не буду. Что же для меня *все* остальное (если хочешь, даже все остальные женщины, ибо это единственное, о чем мне, Ты думаешь, можно жалеть?), когда я так твердо и так неоспоримо знаю, что мне, кроме Тебя, никого не нужно? И может ли быть иначе, когда я все время чувствую, день ото дня сильнее, всевозможную связь с Тобой? Если бы Ты теперь вдруг, почему-нибудь, отошла от меня, я совсем не мог бы остаться. Что уж говорить о грехе, когда самоубийство стало бы глубоко законным для меня и ни одна струна не шевельнулась бы во мне против него. И ты думаешь, что я жалею!

Твое письмо пришло только в 5 часов, я уже томился от беспокойства. Оно (письмо) не глупое и не холодное. Родственный вечер произвел хорошее впечатление, Ты не беспокойся. Твой папа вот какой: он давно *ВСЕ* знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гени-

альности, у простых людей такого не бывает. У него нет никаких «убеждений» (консерватизм, либерализм и т.д.). У него есть все. Такое впечатление он и производит. При нем вовсе не страшно, но всегда — неспокойно. И никому из Твоей семьи не спокойно, это оттого, что он все и давно знает, без рассказов, без намеков, даже не видя и не слыша. Это всепознание лежит на нем очень тяжело. Когда он вздыхает и охает, он каждый раз вздыхает *обо всем* вместе. Ничего отдельного или отрывочного у него нет — все неразделимо. То, что другие говорят, ему почти всегда скучно, потому что он все знает лучше всех, кто к нему приходит. Но он никогда *не захочет* поверить, и ему *не надо верить* в то, что кто-нибудь может быть с ним откровенен и прост. Это ему очень тяжело, но он верит, что иначе не может и не должно быть, и никто в мире не убедит его в противном. Он считает необходимым долгом, например, «занимать» и т.п. Иначе он никогда делать не будет, но это ему тяжело и часто невыносимо, даже физически. Твоя мама страдает, между прочим, и от этого, и, вообще, до какой степени я понимаю, как она может страдать и от чего, — и мне часто ее страшно жаль, а в прошлый раз хотелось все время как-нибудь ей это выразить и ее приласкать. Но что этого нельзя было сделать и вообще делать нельзя (по кр<айней> м<ере> теперь) — это я тоже вполне и до конца знаю. Дай Бог, чтобы мама поправилась нервами летом. И больше всего на свете, я чувствую Твою жизнь, Тебя и то, сколько будет счастья. Если можешь, напиши мне. Ты свободна теперь. Я приду 17-го вечером с карточкой. Лучше уж учиться, я боюсь потерять последнюю сообразительность и память, если буду часто видеть Тебя теперь. Прости, что так, Ты понимаешь.

Письмо мое несвязно и недостойно Тебя. Опять! Напиши, ради Бога, Ты сама, хоть немного. Господь с Тобой, моя Прекрасная, Золотокудрая, моя Принцесса, моя Царевна.

Твой

* * *

31 мая (наше) <(13 июня н.ст.) 1903. Бад-Наугейм>

Моя Любовь, моя единственная.

Я получил сегодня два твоих письма. Даже сказать Тебе о них ничего не могу. И, вообще, трудно говорить

с Тобой, опять трудно на таком расстоянии, в такой непривычной обстановке. Здесь совсем животная жизнь, разленивающая и скучная. Мы встаем в 7 час<ов> утра, ждем ванны, после ванны лежим 1 ч<ас>. Так проходит время почти до Mittag'a[1] (12 ½). После него — шатанье по городу и парку, потом в 7 час<ов> веч<ера> — ужин, потом можно идти на террасу слушать музыку, а в 11 час<ов> веч<ера> все запирают. Все уже устроилось, наши комнаты внизу, в довольно тихом месте, все расстояния маленькие. Город я помню наизусть. Боимся знакомств, между тем сегодня утром приходили какие-то 2 господина и не застали нас, сказали, что придут nach Mittag[2], а мы ушли от них кататься на лодке по озеру, сейчас вернулись и боимся их прихода. Теперь день — длинный, длиннее русского. По вечерам бывает странное и скверное чувство отчужденности и отдаленности от всего. Я скоро устрою себе заполнение дня, по возможности, приятное и полезное. Вчера начал писать Тебе и бросил, так бесцветно и пусто выходило. Так и теперь выходит пусто и бесцветно. Лучшее, что есть, я вычитываю из Достоевского, но так нельзя. А немцы до такой степени буржуазно-скучны на вид, что о них совсем нечего писать. Страна страшно деловая, сухая. Из роз выглядывают серые лица. Пышность деревьев и цветов и плодородие земли точно ни к чему не обязывают. Нет ни одной хорошей фигуры ни у мужчин, ни у женщин. Женские лица просто на редкость безобразны, вообще нет ни одного красивого лица, мы не встречали по крайней мере. Все коренастые и грубые, заплывшие жиром. Тому же впечатлению способствуют больные, у которых ноги еле ходят, лица бледные и распухшие. Все старики и старухи, молодых меньше. И почти никого, при первом взгляде, по-настоящему не жалко, до того бессмысленным кажется их существование.

И все-таки, если бы мы были здесь с Тобой вдвоем, просто так, не обращая внимания на леченья и лечащихся, было бы хорошо. Можно бы было почти никого не видеть и уходить в парк и за парк, на озеро и в поле. Несмотря на однообразие, было бы то преимущество,

---

[1] Обеда (*нем.*).
[2] После обеда (*нем.*).

что мы бы были совсем вдвоем. Не было бы даже третьей — России. Здесь, по-моему, русский (особенно русский) совсем отделен — без земли, без языка и без людей, и даже к вилле прикреплен только минутой. Вот какое письмо! Я не люблю ни фактов, ни публицистики. И все-таки написал тебе и то и другое. А все оттого, что выбился из колеи. Скоро отыщу точки устоя у Соловьева и Достоевского. Нужно *«задуматься»*, чтобы понять хоть что-нибудь. Первые здешние думы были вялы. А немцы не «задумываются», и все остальные видимые люди тоже. На лицах нет той складки, которая даже у нас на улицах различима. Вот где истинно плоски лица, так это здесь — и по всей длине прусских железных дорог. Прости за мои письма. Я знаю, что Ты там, севернее меня и лучше меня. И помню все, но не могу выразить, или еще не смею снова начинать выражать, оглушенный ужасно прозаической обстановкой. Здесь нужно «осмелиться» сквозь целую ватагу людей, «живущих зверинским обычаем», воззвать к Богу и к Тебе. Нужно писать стихи и молиться Твоему Богу. А здесь нет Бога, его не видели здешние люди.

Твой

* * *

31 мая. Вечер <(13 июня н.ст.) 1903. Бад-Наугейм>

Настал вечер, и я нашел себя. Нашел великую бьющую волнами любовь, сердце, как факел, все дрожащее и бьющееся. Нашел Твою песню в воздухе. Лица людей слились с ночью, их не различить, и они не мешают. Жадно и сильно вспоминаю; ночь сырая и звездная. Ты, Ангел Светлый, Ангел Величавый, Ты — Богиня моих земных желаний. Я без конца буду влюбленный, буду страстный, буду Твой поклонник и раб. Если иногда будут времена упадка и слабостей — ничего. Я впился в Твою жизнь и пью ее. Вся тебе знакомая сложность, может быть вычурность, моих рассудочных комбинаций временами, как теперь, бросается в сердце, там плавится и пылает, и все это, как огромный бушующий огонь, я чувствую и знаю, будет по-земному, по-здешнему — Твое до конца, без разделений. Будет время, которое оглушит меня самого. Я ни о чем не буду думать, буду

только весь в одном чувстве. Так бывает, поверь, поверь! То, что Ты называешь не непосредственностью, вдруг будет непосредственным. Знаешь ли Ты, что меня страстно влечет к такой жизни, к такому вихрю. Пусть «роман» — он прекрасен. Пусть все, что угодно, не нужно ни слов, ни названий, ни дум, ни сомнений, ни рассудка. Я точно усну на то время, буду совсем другой. Не будет того «смеха», который давил Тебя, помнишь? Я уж говорю прямо. Будет, как служение, как молитва, как ураган — без тишины, без успокоенности. Знаешь ли — без «тихого угла», без «семейности», будешь Ты и буду я — одно. Об этом вихре, об этих мгновениях сладких и безумных, о которых мы всю жизнь не забудем, теперь мне говорит память о Тебе. В Твоих глазах, в Твоих движениях, в очертаниях Твоих, в Твоих дрожащих руках я видел и узнал это — то, что будет. Я никогда не знал истинной влюбленной страсти — этого поразительного сочетания. Как же можешь Ты отрицать во мне возможность почувствовать ее? Я говорю Тебе, что я все забуду. Я уже теперь забываю все. Я влюблен, знаешь ли Ты это? Влюблен до глубины, весь проникнут любовью. Я понимаю, я знаю любовь, знаю, что «ума» не будет, я не хочу его, бросаю его, забрасываю грязью, топчу ногами. Есть выше, есть больше его. Ты одна дашь мне то, что больше, от этого и свято все наше прошедшее. Оно передо мной, как громадная, бесконечная, сложная, красивая, движущаяся змея. Всей этой истиной последних 5-ти лет, сплошь заполнившей жизнь, наводнившей ее, я живу и буду жить. Лучшего не было. Но все это лучшее покрывает один зовущий звук Твоего голоса. Знаешь ли Ты, что мне не нужно «тонкостей», извращенно-утонченных, «декадентско-мистических излияний», «мужских» умствований. Мне нужно скачку, захватывающую дух, чувство Твоей влажной руки в моей, ночь, лес, поле, луны красные и серебряные; то, о чем «мечтают» девушки и юноши отвлеченно, то мне нужно наяву. Опьяненности и самозабвения какими угодно средствами — пусть опера, пусть самая элементарная музыка, самые романтические бредни итальянских любовников, романсы со словами «розы — слезы», «мечта — красота», «вновь — любовь» и т.д. Только пусть голос поющего призывающий, пусть

Ты около, Ты, гибкая, как стебель, влюбленная, зовущая в ночь — и знать, что замолчит голос, потушат огни — и мы уйдем, и будет ночь, и будем вдвоем, и никакие силы не разделят, и будет упоение и все — забвение, сила сплетающихся рук, Твои поцелуи, Твои белые зубы, Твои плечи, Твое благоуханное дыхание, замирающие движения, красота, страсть и безумья долгих мгновений. Чтобы знали оба, что принадлежат друг другу во всем, и был ответ на вопрос без слов и без мыслей. О, я знаю, что это может быть! Я не напрасно полюбил Тебя, не напрасно вызвал Тебя из Твоего отрочества я, а не другой, мы не напрасно подали друг другу руки. Мы влюблены и верим друг другу. И многих, и многих слов уже не нужно.

Ты не хочешь верить, как я чувствую, а не только понимаю то, что Ты говоришь иногда, как будто раскаиваясь, что сказала. Я с Тобой единодушен, одушевлен одним и тем же, отзываюсь не всегда оттого только, что разные впечатления предшествовали или сопутствуют этому. Но отзовусь и запою одним голосом какой Ты хочешь страсти, до бешенства и безумия пойму и приму все, отдамся весь Тебе и Ты мне. Эти времена будут повторяться и будут прерываться, так нужно и так, Ты знаешь сама, неизбежно, но еще мы оба знаем, что это ничего, что у Тебя самой будут перерывы. Так будет волнующаяся жизнь и мы будем опьяненные высоко, на гребнях волн, и будем стремительно, в вихре и пене нырять до самых глубоких и тайных проникновений в жизни друг друга. Оттого мы совсем узнаем и поймем друг друга только тогда — и во все остальные мгновения будет памятно это стремительное и бурное познание друг друга без мыслей и разговоров, без слов и рассуждений. Так Ты хочешь, я знаю, но знай, что и я хочу именно так, не иначе. Я хочу быть без конца влюбленным в Тебя и Твою духовную и телесную красоту (прости!) и сердцем, сердцем, сердцем узнавать и любить. Поэт же, как бы он ни глубоко погрузился в отвлеченность, остается в самой глубине поэтом, значит любовником и безумцем. Когда дело дойдет до самого важного, он откроет сердце, а не ум, и возьмет в руки меч, а не перо, и будет рваться к окну, разбросав все свитки стихов и дум, положит жизнь на любовь, а *не* на идею.

Корень творчества лежит в Той, которая вдохновляет, и она вдохновляет уже на все, даже на теорию, но, если она потребует и захочет, теории отпадут, и останется один этот живой и гибкий корень. Так и я теперь, верно, опять приближаюсь к так называемой «эротической» области поэзии, в стихах, которые скоро будут, мелодия уже поет иначе. Пока все еще поет одна мелодия, слов нет. Но я уже открываю глаза, понимаю небо и землю, восстаю из праха, исполняюсь гордостью о Тебе. Содержания и слов еще почти нет, но уже знакомое чувство близко. Так бывает перед стихами. Когда напишу, пришлю тебе. Если и содерж<ание> будет не совсем то, Ты не обращай внимания. Наверное, будет песня рыцарского склада, там прислушаюсь я к цветению роз красных, розовых и белых на Твоей груди и на Твоем окне. Руки Твои белые, изваянные, дрожащие, горячие, прижимаю к губам, мое Откровение, мой Свет, моя Любовь.

Твой. Напиши.

Пиши B<ad> Nauh<eim>. Villa Gertrud. Zimmer 6. Все уже заперто, опущу письмо завтра утром.

ПИСЬМО Г.И.ЧУЛКОВУ

23 июня 1905. Шахматово

Дорогой Георгий Иванович.

Большое спасибо за оттиски и книгу Котляревского. Мне хотелось воспользоваться Вашим предложением и возразить на Вашу статью о Соловьеве в «частной переписке». Но у меня не оказалось под рукой не только прозы, но и стихов Соловьева. Вероятно, возражение пришлет Вам С.Соловьев. Просматривая Булгаковское возражение, мне не захотелось и читать его, что-то совсем, совсем не о том...

Я хотел спорить с Вами о тех пунктах Вашей статьи, где говорится о трагическом разладе, аскетическом мировоззрении и черной победе смерти. В противовес этому я думаю поставить: 1) совершенную отдельность и таинственность, которой повиты последние три года жизни Соловьева; 2) лицо живого Соловьева и 3) знание о какой-то страшной для всех тишине, знание в форме скорее чутья, инстинкта или нюха (все эти три пункта, конечно, нераздельны).

К последним трем годам относится и наибольшая интенсивность Соловьева как поэта, и апофеоз того смеха (дарящего, а не разлагающего), который он точно от всех Соловьевых по преимуществу вобрал в себя, воплотил, «заключил» — сделал законным это захлебывание собственным хохотом до икоты; этот смех — один из *необходимейших* элементов «соловьевства», в частности Вл.Соловьева; и этот смех делает Соловьева совершенно неуязвимым от тех нападков Розанова, которые звучат похоронно, — «хорошо бы-де Соловьеву иметь ребенка», «Соловьев-де вялый, пасмурный, нежизненный», словом — Соловьев «во сне мочалку жует» (конечно, это я формулирую Розанова).

Последние годы Соловьев в моем предположении и впечатлении начинал *прекрасно двоиться,* но совершенно

не было запаха «трагического разлада» и «черной смерти». Скорее, по-моему, это пахло деятельным весельем наконец освобождающегося духа, потому что цитированное Вами о «днях печали», «гробнице бесплодной любви» и подобное в стих. Соловьева насквозь *перегорало* в Купине Несказанности, о которой теперь часто (или — всегда!) говорит А.Белый. Соловьев постиг тогда, в период своих главных познаний и главных несказанных веселий, ту тайну *игры* с тоскою смертной, которую, мне сейчас кажется, тщетно взваливает на свои плечики Мережковский... Он так хохотал, играючи, что могло (и может) казаться, что львенок рычит или филин рыдает (о филине как-то выкрикнул Соловьев в большом обществе, помните, это есть у глупейшего Велички). А ведь филин вовсе и вовсе не тоскует, когда кричит, я думаю — ему весело.

Знание наполнило Соловьева неизъяснимой сладостью и весельем (ведь его стихи имели *роковое значение*, говорите Вы, и этот Рок исполнил его *всего* Несказанным, и не от убыли, а от прибыли пролилась его богатейшая чаша, когда он умирал (и на меня упала капелька в том числе). Помню я это лицо, виденное однажды в жизни на панихиде у родственницы. Длинное тело у притолки, так что целое мгновение я употребил на поднимание глаз, пока не стукнулся глазами о его глаза. Вероятно, на лице моем выразилась душа, потому что Соловьев тоже взглянул долгим сине-серым взором. Никогда не забуду — тогда и воздух был такой. Потом за катафалком я шел позади Соловьева и видел старенький желтый мех на несуразной шубе и стальную гриву. Перелетал легкий снежок (это было в феврале 1900 года, в июле он умер), а он шел без шапки, и один господин рядом со мной сказал: «Экая орясина!» Я чуть не убил его. Соловьев исчез, как появился, незаметно, на вокзале, куда привезли гроб, его уж не было.

Мне хочется написать Вам именно так, без теорий, а *облик во мне живущий*, и просить Вас не показывать письма. Конечно, это не возражение, но *это самое* спорит во мне с Вами, тем более что я знаю угол, под которым стихи Соловьева (даже без исключений) представляются обмокнутыми в чернила (смерть, и смерть, и смерть...). Но сквозь все это проросла лилейная по сладости, дубовая по упорству *жизненная* сила, сочность Соловьева, которой Розанов при жизни его не сломил, а после смер-

ти — подпачкал. Эту силу принесло Соловьеву то Начало, которым я дерзнул восхититься, — Вечно Женственное, но говорить о Нем — значит потерять Его: София, Мария, влюбленность — всё догматы, всё невидимые рясы, грязные и заплеванные, поповские сапоги и водка.

От Соловьева поднимался такой вихрь, что я не хочу согласиться с его пониманием в смысле черного разлада, аскетизма и смерти. Аскетизма ведь *не было и фактически*, и не им вызывался тот хаос, о котором Вы говорите и сквозь который вечно процветал зеленый, подлинный, живой стебель. Вступление к стихам — загадка, многое мне здесь разрешается, когда вспоминаю о *хохоте* Соловьева. Вступление *искренно* несомненно, но и хохот искренен. И когда хохот заглушен, губы серьезно сдвинуты, а борода разложена по сюртуку, как на фотографии Здобнова, — еще неизвестно, что услышим, что откроется. Еще многому надлежит явиться, о чем провещал маститый философ, заглушив в себе смех и на миг отвернувшись от игр ребенка. Еще в Соловьеве, и именно в нем, может открыться и Земля, и Орфей, и пляски, и песни... а не в Розанове, который *тогда* был именно противовесом Соловьева, не ведая лика Орфеева. Он Орфея не знает и поныне, и в этом пункте огромный, пышный Розанов весь в тени одного Соловьевского сюртука.

Дорогой Георгий Иванович! Мы с Любой ужасно жалеем, что не можем пригласить Надежду Григорьевну и Вас к нам. Дело в том, что мы живем не одни, а с родственниками, часть которых, как мы убедились по приезду А.Белого и С.Соловьева, страшно тяготится близкими нам разговорами и страдает от них чуть что не физически. Я думаю, что это скоро прекратится, т.е. мы будем жить в более согласном обществе, и, может быть, на будущее лето Вы с Надеждой Григорьевной посетите нас. Теперь как-то совсем нельзя говорить, и отношения между партиями обострены, так что люди как-то оскалились до степени понятий: здесь — «мистики», а там — «позитивисты». Но рознь глубже понятий.

Кланяемся Вам и Надежде Григорьевне. Жму Вашу руку.

Любящий Вас *Ал.Блок*

P.S. Прилагаю еще три рецензии.

33 ×××

Зимній вѣтеръ играетъ терновникомъ.
Задуваетъ въ окна свѣчу.
Ты ушла на свиданье съ любовникомъ.
Я плачу. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься.
Онъ играетъ и шутитъ съ тобой.
О терновникъ холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

~~Но было проснувшись не страстно,~~
~~У окна я тебя дождусь.~~
~~Не мне одне [illegible] заплетаясь~~
~~Ты вспоминаешься с страстью~~
~~Все равно я тайну блюду.~~
~~Эту тайну лишь я —~~

Все, что въ сердцѣ твоемъ трепещется, —
[redacted] Тайнымъ лежитъ въ моей тишинѣ.
И когда онъ съ тобой разстанется,
Ты признаешься ~~[redacted]~~ ~~одному~~ только мнѣ.

20 февраля

А. Блок. «Зимний ветер играет терновником...» *Автограф.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ

Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни.

Александр Блок

С.-Петербург.
9 января 1911 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

<Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме. 1911>.

Эта книга, в противоположность двум следующим, написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским; все внимание направлено на знаки, которые природа щедро давала слушавшим ее с верой; такая «однострунность» души позволила мне расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке; здесь главы определяются годами, в следующих книгах — понятиями; но эти числа и слова для меня одинаково живые и законченные образы.

Четвертая глава (1901 год) имеет первенствующее значение, как для первой книги, так и для всей трилогии; она впервые освещает смутные искания трех вступительных глав; она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различил впервые, хотя и «неясно», всю «даль свободную романа». — Сознательно избегая переделки ранних стихов, я довольствовался редкими внешними поправками, чаще — сокращая или восстановляя первые чтения, стараясь хранить верность духу тех лет. — Точно указано время и место писания под стихотворениями, которые я хочу подчеркнуть.

Книга во втором издании увеличена втрое; напечатанное в ней составляет, однако, меньше половины всего написанного в это время; семьдесят пять стихотворений печатаются впервые; остальные были в сборниках моих стихов и в разных повременных изданиях.

Следующие примечания относятся к отдельным стихотворениям:

VI. «Луна проснулась». Последние две строки принадлежат Полонскому.

XIII. «Гамаюн». Стихотворение внушено картиной Васнецова.

XXII. «Сомкни уста». Перевод эпиграфа: «О, если бы я был небом, чтобы смотреть на тебя многими очами!» (Платон).

XXVIII. «Кошмар». Написано под впечатлением повести «Зеркала» З.Гиппиус.

XXXVI. «Dolor ingens ante lucem» — «великая передрассветная тоска».

LIV. «Ἄγραφα Δογματα» «неписанные догматы» — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона.

LXXXIX. «Предчувствую Тебя». Выражение «тоскуя и любя» принадлежит Владимиру Соловьеву.

CXLIII. «На могиле друга». Стих. посвящено памяти Н.В.Гуна, скончавшегося 20 января 1902 года в Петербурге.

CL. «Сны безотчетны». «Для солнца возврата нет» — слова Купавы в «Снегурочке» Островского.

CLXXVII. «На смерть деда». Стих. посвящено памяти моего деда А.Н.Бекетова, скончавшегося 1 июля 1902 г. в с.Шахматове Моск. губ.

CCXXXVI. «Отшедшим». Стих. посвящено памяти М.С. и О.М. Соловьевых, скончавшихся 16 января 1903 г. в Москве.

CCLXXII. «Испуганный». Стих. внушено «Трансцендентальной эстетикой» Канта.

CCLXXXVIII. «Статуя». Стих. внушено статуями бар. Клодта на Аничковом мосту в Петербурге.

CCXCVII. «Дали слепы». Стих. написано под впечатлением живописи Врубеля.

ПРЕДИСЛОВИЕ (НАБРОСОК) К ПРЕДПОЛАГАЕМОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОЙ КНИГИ

1918 г. 15 августа.

Эта книга, в начале обратившая на себя внимание небольшого кружка людей, умевших читать между строк, с течением времени стала, по-видимому, достоянием читателей моих позднейших стихов. Более совершенные по форме и более занимательные по содержанию, — они повлекли за собою это бедное дитя моей юности. «Стихи о Прекрасной Даме» дали плохой урок некоторым молодым поэтам, потому что технически книга очень слаба. Они дали повод для критических острот. Потом критика приняла их, истолковав совершенно превратно. До сих пор я встречаюсь иногда с рассуждениями о «превращении» образа Прекрасной Дамы в образы следующих моих книг: Незнакомки, Снежной Маски, России и т.д. Как будто превращение одного образа в другой есть дело простое и естественное. И главное, как будто сущность, обладающая самостоятельным бытием, может превратиться в призрак, в образ, в идею, в мечту.

Каждое новое издание книги давало мне повод перерабатывать ее; при первых переработках я имел в виду как можно шире раскрыть ее содержание; при последующих — я много заботился о стихотворной технике; все эти работы, однако, не удовлетворяли меня. В первом случае я терялся в груде матерьяла; во втором — я заменял отдельные выражения другими, более ловкими с т<очки> зр<ения> литературной, в ущерб основному смыслу. И я чувствовал себя заблудившимся в лесу собственного прошлого, пока мне не пришло в голову воспользоваться приемом Данте, который он избрал, когда писал «Новую Жизнь».

Испрашивая помощи и тихих советов у Той, о Которой написана эта книга, я хочу, чтобы мне удалось дописать ее такими простыми словами, которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим.

А.Б.

1918. День Успения Божьей Матери.

ИЗ ДНЕВНИКА 1918 ГОДА

17 (30) августа 1918 года

Весной 1897 года я кончил гимназические экзамены и поехал за границу с тетей и мамой — сопровождать маму для лечения.

Из Берлина в Bad Nauheim поезд всегда раскачивается при полете (узкая колея и частые повороты). Маму тошнило в окно, а я придерживал ее за рукава кофточки.

После скучного житья в Bad Nauheim'е, слонянья и леченья здорового мальчика, каким я был, мы познакомились с m-me Садовской.

Альмединген, Таня, сестра m-me Садовской, доктор, ее комната, хоралы, Teich[1] по вечерам, туманы под ольхой, мое полосканье рта vinaigre de toilette[2] (!), ее платок с Peau d'Espagne.

Летом мы вернулись в Шахматово. На вокзале в Москве нас встретила О.Ю.Каминская, которая приготовила маму к тому, что с дидей случился удар.

Осенью я шил франтоватый сюртук, поступил на юридический факультет, ничего не понимал в юриспруденции (завидовал какому-то болтуну — кн. Тенишеву), пробовал зачем-то читать Туна (?) — какое-то железнодорожное законодательство в Германии (?!). Виделся с m-me Садовской, вероятно, стал бывать у Качаловых (Н.Н. и О.Л.) (?) К сожалению, не помню, как кончился год. Весной следующего года на выставке (кажется, передвижной) я встретился с Анной Ивановной Менделеевой, которая пригласила меня бывать у них и приехать к ним летом в Боблово по соседству.

С января уже начались стихи в изрядном количестве. В них — К.М. Садовская, мечты о страстях, дружба с Кокой Гуном (уже остывавшая), легкая влюбленность в m-me Левицкую — и болезнь. В Шахматове началось со скуки и тоски, насколько помню.

Меня почти спровадили в Боблово. Я приехал туда на белой моей лошади и в белом кителе со стэком. Меня занимали разговором в березовой роще mademoiselle и Лю-

---

[1] Пруд (*нем.*). — *Ред.*

[2] Туалетным уксусом (*фр.*). — *Ред.*

бовь Дмитриевна, которая сразу произвела на меня сильное впечатление. Это было, кажется, в начале июня.

Я был — франт, говорил изрядные пошлости. Приехали «Менделеевы». В Боблове жил Н.Э.Сум, вихрастый студент (к которому я ревновал). К осени жила Марья Ивановна. Часто бывали Смирновы и жители Стрелицы.

Мы разыграли в сарае «Горящие письма» (Гнедича?), «Букет» (Потапенко), сцены из «Горе от ума» и «Гамлета». Происходила декламация. Я сильно ломался, но был уже страшно влюблен. Сириус и Вега.

Кажется, этой осенью мы с тетей ездили в Трубицыно, где тетя Соня подарила мне золотой; когда вернулись, бабушка дошивала костюм Гамлета.

К осени, по возвращении в Петербург, посещения Забалканского стали сравнительно реже (чем Боблова). Любовь Дмитриевна доучивалась у Шаффе, я увлекся декламацией и сценой (тут бывал у Качаловых) и играл в драматическом кружке, где были присяжный поверенный Троицкий, Тюменев (переводчик «Кольца»), В.В.Пушкарева, а премьером — Берников, он же — известный агент департамента полиции Ратаев, что мне сурово поставил однажды на вид мой либеральный однокурсник. Режиссером был — Горский Н.А., а суфлером бедняга Зайцев, с которым Ратаев обращался хамски. В декабре этого года я был с mademoiselle и Любовью Дмитриевной на вечере, устроенном в честь Л.Толстого в Петровском зале (на Конюшенной?). На одном из спектаклей в Зале Павловой, где я, под фамилией «Борский» (почему бы?) играл выходную роль банкира в «Горнозаводчике» (во фраке Л.Ф.Кублицкого), присутствовала Любовь Дмитриевна.

Все эти утехи в вихре света, похоть к молодым актрисам, изливаемая в другие места, кончились болезнью. Я валялся в казармах, в квартире верхнего этажа, читая массу книг (тогда — между прочим всего Писемского) и томясь. Болезнь осложнилась, приходили доктор и фельдшер. Приходил Виша Грек (тогда юнкер?).

В это время происходило «политическое» 8 февраля и мартовские события у Казанского собора (рассказ о Вяземском). Я был ему вполне чужд, что выразилось в стихах, а также в той нудности, с которой я слушал эти разговоры у дяди Николая Николаевича (Бекетова) и

от старого студента Попова, который либеральничал с мамой и был весьма надменен со мной.

Эта «аполитичность» кончилась плачевно. Я стал держать экзамены (я сидел уже второй год на первом курсе?), когда «порядочные люди» их не держали. Любовь Дмитриевна, встретившая меня в Гостином Дворе, обошлась со мной за это сурово. На экзамене политической экономии я сидел дрожа, потому что ничего не знал. Вошла группа студентов и, обратясь к профессору Георгиевскому, предложила ему прекратить экзамен. Он отказался, за что получил какое-то (не знаю какое) выражение, благодаря которому сидел в слезах, закрывшись платком. Какой-то студент спросил меня, собираюсь ли я экзаменоваться, и когда я ответил, что собираюсь, сказал мне: — Вы подлец. На это я довольно мягко и вяло сказал ему, что могу ответить ему то же самое. — Когда я, дрожа от страха, подошел к заплаканному Георгиевскому и вынул билет, Георгиевский спросил меня, что такое «рынок». Я ответил: «сфера сбыта»; профессор вообще очень ценил такой ответ, не терпя, когда ему отвечали, что рынок есть «место сбыта». Я знал это твердо (или запомнил из лекций, или услышал от кого-то). За это Георгиевский сразу отпустил меня, поставив мне пять.

Не помню, однако, засел ли я на втором курсе на второй год (или сидел на первом два года). Во всяком случае, я остался до конца столь же чужд юридическим и экономическим наукам.

Приехали в Шахматово (лето 1899). Я стал ездить в Боблово как-то реже, и притом должен был ездить в телеге (верхом было не позволено после болезни). Помню ночные возвращенья шагом, осыпанные светлячками кусты, темень непроглядную и суровость ко мне Любови Дмитриевны. «Менделеевы» опять были в Боблове, но спектакли были как-то менее одушевленны. Были повторения, а из нового — сцена у фонтана с Сарой Менделеевой, которую повторили в Дедове с Марусей Коваленской.

В Шахматове, напротив, жизнь была более оживленна. Приезжали Соловьевы и, кажется, А.М.Марконет. Мы с братьями представляли пьесу собственного сочинения и «Спор греческих философов об изящном» на

лужайке, а с Сережей — служили обедню в березовом кругу. Сережа чувствовал ко мне род обожания, ибо я представлялся ему (и себе) — неотразимым и много видавшим видов Дон-Жуаном.

Любовь Дмитриевна уезжала к Менделеевым (кажется). Я ездил в Дедово, где неприлично и парнисто ухаживал за Марусей, а потом — с Сережей в Трубицыно. Там был разговор с Покотиловым о Сормовских заводах (почему-то).

К осени я, по-видимому, перестал ездить в Боблово (суровость Любови Дмитриевны и телега). Тут я просматривал старый «Северный Вестник», где нашел «Зеркала» З.Гиппиус. И с начала петербургского житья у Менделеевых я не бывал, полагая, что это знакомство прекратилось.

Тут произошло знакомство с Катей Хрусталевой (осень в Петербурге). Юридический факультет, как и прежде, не памятен. (Должно быть, в ту осень профессор полицейского права Ведров говорил, грассируя: «В одну любовь, широкую, как море...», и т.д.)

В эту зиму (кажется, к весне 1900) произошло знакомство с А.В.Гиппиусом, который пришел ко мне за конспектом государственного права, услыхав от кого-то, что мой конспект хорош. Мы стали видеться, я бывал у него (комната, всегда закрытая, за которой — молчание большой квартиры, точно вымершей; на дворе (Тарасовского дома) запах тополей).

В эту зиму было, должно быть, последнее объяснение с К.М.Садовской (или в предыдущую?). Мыслью я, однако, продолжал возвращаться к ней, но непрестанно тосковал о Л.Д.Менделеевой.

В начале 1900 я взял место на балконе Малого театра: старый Сальвини играл Лира. Мы оказались рядом с Любовь Дмитриевной и с ее матерью. Любовь Дмитриевна тогда кончала курс в гимназии (Шаффе).

Все еще возвращались воспоминания о К.М.Садовской (стихи 14 апреля). Отъезд в Шахматово был какой-то грустный (стихи 16 мая). Первое шахматовское стихотворение («Прошедших дней...», 28 мая) показывает, как овеяла опять грусть воспоминаний о 1898 годе, о том, что казалось (и действительно было) утрачено.

Начинается чтение книг, история философии.

Мистика начинается. Средневековый город Дубровской березовой рощи. Начинается покорность Богу и Платон. В августе (?) решено окончательно, что я перейду на филологический факультет. «Паскаль» Зола (и др.). Как было в Боблове?

Осенью Любовь Дмитриевна поступила на курсы. Первое мое петербургское стихотворение — 14 сентября. Лекции Ернштедта, хождения в университет утром. В сентябре — опять возвращается воспоминание о К.М.Садовской (при взгляде на ее аметист 1897 года). Начало богоборчества. *Она* продолжает медленно принимать неземные черты. На мое восприятие влияет и филология, и болезнь, и мимолетные страсти (стихотворение 22 октября) с покаяниями после них.

Тут я хвастаюсь у Качаловых своим Платоном, у Петра Львовича Блока читаю «Три смерти» (Люция; Петр Львович — Лукана, И.И.Лапшин — Сенеку). К концу 1900 года растет новое. Странное стихотворение 24 декабря («В полночь глухую...»), где признается, что Она победила морозом эллинское солнце во мне (которого не было).

В январе 1901 г. — концерт Панченки (не к главному для меня). 25 января — гулянье на Монетной к вечеру в совершенно *особом* состоянии. В конце января и начале февраля (еще синие снега около полковой церкви — тоже к вечеру) явно является Она. Живая же оказывается Душой Мира (как определилось впоследствии), разлученной, плененной и тоскующей (стихи 11 февраля, особенно 26 февраля, где указано ясно Ее *стремление* отсюда для *встречи* «с началом близким и чужим» (?) — и Она уже в дне, т.е. за ночью, из которой я на нее гляжу. Т.е. Она предана какому-то стремлению и «на отлете», мне же дано только смотреть и благословлять отлет).

В таком состоянии я встретил Любовь Дмитриевну на Васильевском острове (куда я ходил покупать таксу, названную скоро Краббом). Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на Курсы по 6-й линии, Среднему проспекту — до 10-й линии, я же, не замеченный Ею, следовал позади (тут — витрина фотографии

близко от Среднего проспекта). Отсюда появились «пять изгибов».

На следующее утро я опять увидал Ее издали, когда пошел за Краббом (и привез в башлыке, будучи в исключительном состоянии, которого не знала мама).

Я покорился неведенью и боли (психологически — всегдашней суровости Л.Д.Менделеевой).

Бывала Катя Хрусталева, с которой я кокетничал своим тайным знанием и мелодекламировал стихи Ал. Толстого, Апухтина и свои.

К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года. А.В.Гиппиус показывал мне в эту весну только что вышедшие первые «Северные Цветы», «Скорпиона», которые я купил, и Брюсов (особенно) окрасился для меня в тот же цвет, так что в следующее за тем *«мистическое лето»* эта книга играла также особую роль.

В том же мае я впервые попробовал «внутреннюю броню» — ограждать себя «тайным ве́дением» от Ее суровости («Все бытие и сущее...»). Это, по-видимому, было преддверием будущего «колдовства», так же, как необычайное слияние с природой.

Началось то, что «влюбленность» стала меньше призвания более высокого, но объектом того и другого было одно и то же лицо. В первом стихотворении шахматовском это лицо приняло странный образ «Российской Венеры». Потом следуют необыкновенно важные «ворожбы» и «предчувствие изменения облика».

Тут получают смысл и высшее значение подробности незначительные с виду и явления природы (болотные огни, зубчатый лес, свечение гнилушек на деревенской улице ночью...).

Любовь Дмитриевна проявляла иногда род внимания ко мне. Вероятно, это было потому, что я сильно светился. Она дала мне понять, что мне не надо ездить в Барнаул, куда меня звали погостить уезжавшие туда Кублицкие. Я был так преисполнен высоким, что перестал жалеть о прошедшем.

Тут я ездил в Дедово, где уже не ухаживал за Марусей, но вел серьезные разговоры с Соловьевыми. Дядя Миша подарил мне на прощанье сигару и только что вышедший (им выпущенный) I том Вл. Соловьева.

Осенью Сережа приезжал в Шахматово. Осень была преисполнена напряженным ожиданием. История с венком и подушкой произошла, кажется, в это лето (или — в предыдущее?). На фабрике я читал «Хирургию» Чехова. Спектаклей, кажется, не было. Были блуждания на лошади вокруг Боблова (с исканием места *свершений*) — Ивлево, Церковный лес. Прощание я помню — Любовь Дмитриевна вышла в гостиную (холодная яркая осень) с напудренным лицом

Возвращение в Петербург было с мамой 6 сентября в одном поезде с М.С.Соловьевым, который рассказывал, что в Москве есть Боря Бугаев, что там обращено внимание на мои стихи. Рано утром он, сутулясь, вышел в Саблине, чтобы ехать в Пустыньку за бумагами, касающимися брата.

Сентябрь прошел сравнительно с внутренним замедлением (легкая догматизация). Любовь Дмитриевна уже опять как бы ничего не проявляла. В октябре начались новые приступы отчаянья (Она уходит, передо мной — «грань богопознанья»). Я испытывал сильную ревность (без причины видимой). Знаменательна была встреча 17 октября.

К ноябрю началось явное мое *колдовство*, ибо я *вызвал двойников* («Зарево белое...», «Ты — другая, немая...»)

Любовь Дмитриевна ходила на уроки к М.М.Читау, я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда провожал ее до Забалканского с Гагаринской — Литейной (конец ноября, начало декабря). Чаще, чем со мной, она встречалась с *кем-то*, кого не видела и о котором я знал.

Появился мороз, «мятель», «неотвязный» и *царица*, звенящая дверь, два старца, «отрава» (непосланных цветов), свершающий и пользующийся плодами свершений («другое я»), кто-то «смеющийся и нежный». Так кончился 1901 год. Тут — Боткинский период.

Новогодний визит. Гаданье m-me Ленц и восторг (демонический: «Я шел...»).

29 августа (11 сентября) <1918>

Январь 1901

1901 год начался одиночеством, углублением в себя, печалью о прошлом, в котором были некие «заветы». Этой печали суждено окрепнуть в надежду, что *зима* не помешает *мечте пророчески открыть* под снегом *цветистый прах.* [До конца января ОНА не упоминается в стихах, есть только ЕЕ музыка][1], несмотря на то, что *тяжкие года* сменяют *благоуханные дни.* [Психология этого времени — против *«борьбы»* (на нее тратятся *пошлые силы*), против людей, против слов.]

Ноуменальность той силы, которая дает печали процвести надеждой. (Значение этого года и следующего объективное, об этом может засвидетельствовать А.Белый.)

29 января в *песне весеннего ветра* и *живых былей лучших дней* послышались *ее звучные песни.* Перед ней — *волны народа, толпой* которого я уже увлечен на *обожанье красоты* (этот мотив еще в конце 1900 года). [Психология уже — *хотя против людей,* но с народом, как со стихией;] я же *несвободный, как прежде.*

Таким образом, все уже сливается в этой весне (необычайно ранней — явственной в январе: *былое* с грядущим, что в ветре).

Февраль 1901

Вечерами — уже *звуки живых голосов, и ее прах потревожен.* Былое воскресает. Песня *родная и знакомая. Звезды* — все те же, *народы* (не народ) — все те же, но *душа, молча,* уже *готовит чудные дары своим богам* в ДВУЛИКОМ *одиночестве.* Она *умащена, ловит зов другой души.* МЕЧТА (термин Вл. Соловьева — действенный) становится УПОРНОЙ в искании (неудачно сказано и удачно поправлено: *воскрешении) мертвого праха давней жизни.* Над ней уже ответно *загораются небеса.* — Сквозь *суровость пути — райские сны в полнощном бденьи* (*сны* — тоже термин Вл. Соловьева, тоже действенный). Эти *сны* райские в от-

---

[1] Квадратные скобки здесь и далее в тексте дневника. — *Ред.*

личие от других, которые *объемлют дух страстной мглой* (начинается борьба другая, борьба с *адом*, на которую тратятся не *те пошлые* силы, которые уходят на человеческую борьбу). На помощь призывается 1) *всемогущая сила Бога* и 2) *«умо-сердечное»* — Афина и Эрос (завершение мысли, возникшей в 1900 <году>, едва ли не предвестие той адской провокации с двойниками внутри, которая потом погубит), т.е. соединение сил духовных с телесными.

Тогда же *смысл ее печали* (печаль — она, видимо, не разделяет событий) ищется в *природе:* согласие сил (моря и отраженных в нем звезд) *страшит* ее и лишает *надежды на свободу.* В этой мысли, как я узнал впоследствии, ощущалось родство с мыслью о плененной Мировой Душе (Святой Дух Оригена), которую лелеял последний — Вл. Соловьев (см. IX, 19 и многие другие места. Я этого всего еще не знал, но чуял Платона). При этом, сам я был лишь *изумлен* (δαυμάξεσται) отражением *небесных тел в земных морях,* очевидно, как древний философ-художник (язычник). Далее, я молюсь (опять Богу: *Боже* без лица, как всегда) *извлечь* меня, *истомленного раба*, из *жалкой битвы* (очевидно, житейской, чтобы не уставать от феноменального и легче созерцать ноуменальное).

Вслед за тем, так как видимого участия той, которая была центром всех возникших событий, я продолжал не видеть, я стал думать, что ее стремления — выше моих и что я *заслоняю ей путь* [психологически: мешаю]: в ней огонь *нездешних вожделений*, тогда как *моя речь — жалка и слаба*, она — *на рубеже безвестной встречи с началом близким и чужим.* Она уже *миновала ночную тень и ликует* НАДО МНОЙ; я же, с *неисцелимой душой* (психология — только «влюбленность») *благословляю прошедшее и грядущее.*

Март 1901

Звучная тишина (наполненная звуками) предвещала внезапную встречу с ней где-то на путях ее сквозь алый сумрак, где целью ее было *смыкание бесконечных кругов.* Я встретил ее здесь, и ее земной образ, совершенно

ничем не дисгармонирующий с неземным, вызвал во мне ту бурю *торжества*, которая заставила меня признать, что ее *легкая тень пронесла свои благие исцеленья* моей *душе, полной зла и* близкой *к могиле.*

Моей матери, которая не знала того, что узнал я, я искал дать понять о происходящем строками: «Чем больней...» (здесь уже сопротивление психологии: чем больней феноменальной *душе*, тем ясней *миры* — ноуменальные). — Тогда же мне хотелось *запечатать* мою тайну, вследствие чего я написал шифрованное стихотворение, где *пять изгибов линий* означали те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, не замеченный ею (Васильевский остров, 7-я линия — Средний проспект — 8-9-я — Средний проспект — 10-я линия).

Ее образ, представший передо мной в том окружении, которое я признавал имеющим значение *не случайное,* вызвал во мне, вероятно, не только *торжество пророчественное,* но и человеческую влюбленность, которую я, может быть, проявил в каком-нибудь слове или взгляде, очевидно, вызвавшем новое проявление ее суровости.

Апрель 1901

Следствием этого было то, что я вновь решил *таить на земле от людей и зверей* (Крабб) *хранилище моей мысли, болея прежней думой и горя молитвенным миром* под *ее враждующей силой.* — После большого (для того времени) промежутка накопления сил (1—23 апреля), *на полях моей страны* появился какой-то бледноликий призрак (двойники уже просятся на службу?), *сын бездонной глубины,* которого изгоняет порой *дочь блаженной стороны.*

Тут происходит какое-то краткое замешательство («Навстречу вешнему...»). Тут же закаты брезжат видениями, исторгающими *слезы, огонь и песню*, но кто-то нашептывает, что я вернусь некогда на то же поле другим — *потухшим, измененным злыми законами времени, с песней наудачу,* (т.е. поэтом и человеком, а не провидцем и обладателем тайны).

Где мысль о проклятии времени?

Май 1901

Очевидно, под влиянием ее непрекращающейся (или растущей, или случайной) суровости — май начался теми же мрачными предчувствиями: я удаляюсь в *страны холодные, немые, без любви и без весны,* где нет *страстей, любви матери*, где царит *равнодушие* и где *угасает мое* скитанье — без исхода (без конца) и... оказываюсь непричастным к совершающемуся (мысль о возможности моего участия явилась не сразу, но здесь она уже является, по-видимому, готовой): она *одиноко, в отдаленьи* (от меня) *сомкнет последние круги.*

Следствием этого разрыва и очевидной усталости от напряжения является психологическое: какие-то «неверные красы» ее, ее «изменчивая» душа (!?) — упадок стремления. В эти дни начала мая единственным напряженным напоминанием является тот голос, который говорит, что я *ухожу,* но закат вещает мне *таинственный возврат к оставленной земле.* Следуют какие-то помехи (сумасшедший — кто это? Во мне же?). К середине мая *звук* с другого берега *темнеющей реки* кажется мне *ее ответом.* Я убеждаю ее, что, несмотря на все мои падения, *душа* моя *жива* и *не лживо зовет* ее, *тоскуя* по ней и *обьемля тень лучшей жизни.* Следует род заклинания. Прежнее отсутствие ответа заставляет надеть броню, что выражается в ощущении себя, как микрокосма, в котором *вся вселенная,* все *прошедшее* и *грядущее* и *с избытком — все огни, какими горит она*; потому — *нет ни слабости, ни силы,* ее *участие или безучастие* не трогает, *провидцу* не нужно *сочувствия.* Я уже перешел *граничную черту* и *только жду условного виденья, чтобы отлететь в иную пустоту* (которая также не страшна). Сквозь эту броню пробиваются однако жаркие струи, в которых есть как бы оттенки соблазна (*женственная нежность* образа, легкое пенье, *призрачный красный* месяц, *отражающийся в Неве,* образ *отроковицы-мидианки* (Вл. Соловьев), перед которым я медлю, вместо того чтобы *нести свою духовную лепту в далекие святыни*).

Так, неготовым, раздвоенным, я кончаю первый период своей *мировой* жизни — петербургский. [Здесь нет еще ни одного большого Т.]

К *этому периоду относится 39 стихотворений.*

ИСПОВЕДЬ ЯЗЫЧНИКА

Моя исповедь

1

Петербургская весна 1918 года и Великий пост.

Кому, кроме сбывателя да бедного составителя календаря, тщетно пытающегося приспособить старых святых к новому стилю, придет в голову такое сочетание?

Не знаю, надолго ли, но русской церкви больше нет. Я и многие, подобные мне, лишены возможности скорбеть об этом потому, что церкви нет, но храмы не заперты и не заколочены; напротив, они набиты торгующими и предающими Христа, как давно уже не были набиты. Церковь умерла, а храм стал продолжением улицы. Двери открыты, посредине лежит мертвый Христос. Вокруг толпятся и шепчутся богомолки в мужских и женских платьях: они спекулируют; напротив, через улицу, кофейня; двери туда тоже открыты; там сидят за столиками люди с испитыми лицами и тусклыми глазами; это картежники, воры и убийцы; они тоже спекулируют. Спекулянты в церкви предают большевиков анафеме, а спекулянты в кофейне продают аннулированные займы; те и другие перемигиваются через улицу; они понимают друг друга.

В кофейню я еще зайду, а в церковь уже не пойду. Церковные мазурики для меня опаснее кофейных.

Но я — русский, а русские всегда ведь думают о церкви; мало кто совершенно равнодушен к ней; одни ее очень ненавидят, а другие любят; то и другое — с болью.

И я тоже ходил когда-то в церковь. Правда, я выбирал время, когда церковь пуста, потому что обидно и оскорбительно присутствовать при звероголосовании не-

стриженых и озабоченных наживой людей. Но в пустой церкви мне удавалось иногда найти то, чего я напрасно искал в мире.

Теперь нет больше и пустой церкви.

Я очень давно не исповедался, а мне надо исповедаться. Одно из благодеяний революции заключается в том, что она пробуждает к жизни всего человека, если он идет к ней навстречу; она напрягает все его силы и открывает те пропасти сознания, которые были крепко закрыты.

Так и я вспомнил одну давнюю пору своей жизни, которая меня преследует и не дает мне покою. Я хотел бы принести покаяние в одном из грехов, который я совершил.

<2>

Мама привезла меня в гимназию; в первый раз в жизни из уютной и тихой семьи я попал в толпу гладко остриженных и громко кричащих мальчиков; мне было невыносимо страшно чего-то, я охотно убежал бы или спрятался куда-нибудь; но в дверях класса, хотя и открытых, мне чувствовалась непереходимая черта.

Меня посадили на первую парту, прямо перед кафедрой, которая была придвинута к ней вплотную и на которую с минуты на минуту должен был войти учитель латинского языка. Я чувствовал себя как петух, которому причертили клюв мелом к полу, и он так и остался в согнутом и неподвижном положении, не смея поднять голову. Парта полагалась к тому же на двух человек, а я сидел за ней третий, на первый раз, потому что в классе не хватило для меня места. Рядом со мной сидели незнакомые мне и недоверчиво оглядывающие меня мальчики. За дверями я чувствовал длинный коридор, потом большой рекреационный зал, потом еще какой-то переход за колоннами и широкую лестницу в два поворота; там где-то уже шел, приближаясь с каждой секундой, страшный учитель; если я побегу, он все равно поймает меня где-то там, вернет в класс, и будет еще хуже.

Главное же чувство заключалось в том, что я уже не принадлежу себе, что я кому-то куда-то отдан и что так вперед и будет. Проявить свое отчаяние и свой ужас, выразить их в каких-нибудь словах, или в движениях,

или просто — слезах было немыслимо. Мешал ложный стыд.

Сидя неподвижно, я поднял глаза и посмотрел перед собой.

По обеим сторонам кафедры стояли две большие черные доски. Перед ними стояли два мальчика, которые были дежурными в классе, и стирали губками написанное мелом, вероятно, написанное на досках вчера. Они стояли спиной ко всему классу; один из них вытер доску прежде другого, повернулся вполоборота и вдруг застыл на минуту, очевидно, заглядевшись в окно.

Тут я испытал вдруг ни с чем не сравнимое чувство. Мальчик был довольно высок ростом, худощав и строен, у него был нежный и правильный профиль, и волосы были не совсем острижены, так что было видно, что они завивались, и на лоб опустился один завиток. Я почувствовал к нему, к его лицу, ко всей фигуре, ко всему существу его, острое и пламенное обожание, которое залило горячей волной все мое сердце, все мое тело.

Нечто подобное я испытывал в детстве на елке, когда играл с моими сверстниками. Старшей среди них была стройная девочка полька. Раз я случайно взглянул на нее из бури игрушек, свечек, беготни и пыли, в ту минуту, когда она, наклонившись вперед и сложив перед собой худые руки, как будто приготовилась полететь и на мгновение застыла.

Тогда волна обожания тоже обожгла меня, но то чувство было немного другое, к нему примешивалась, должно быть, тяжесть просыпающейся детской чувственности. Это же чувство было новым, оно было легким и совершенно уносящим куда-то. И, однако, в нем был особенный, древний ужас.

Через минуту все уже опять переменилось, потому что быстро вошел в дверь тот самый учитель латинского языка, которого, как оказалось, ждал со страхом не один я; учитель был молодым человеком в старом и местами рваном синем вицмундире. У него был длинный утиный нос, жидкая рыжая борода и растрепанные волосы, вылезавшие из-под грязного платка, которым была укручена совершенно раздувшаяся от флюса щека. Его лицо лоснилось от несмытого жира, а маленькие желтые глазки бегали и помаргивали, внушая тот самый

ужас, к которому я готовился. Несмотря на то, что в классе стало сразу тихо, учитель вдруг заорал благим матом и ударил по кафедре изо всех сил классным журналом, так что наша парта, стоявшая у кафедры, сотряслась, а корешок журнала лопнул.

Ученье началось.

3

Времена были деляновские; толстовская классическая система преподавания вырождалась и умирала, но, вырождаясь, как это всегда бывает, особенно свирепствовала; учили почти исключительно грамматикам, ничем их не одухотворяя, учили свирепо и неуклонно, из года в год, тратя на это бесконечные часы. К тому же гимназия была очень захолустная, мальчики вышли по большей части из семей неинтеллигентных, и во многих свежих сердцах можно было, при желании и умении, написать и начертать что угодно. Однако никому из учителей и в голову не приходило пробовать научить мальчиков чему-нибудь, кроме того, что было написано в учебниках «крупным» шрифтом («мелкий» обыкновенно позволяли пропускать).

Дети быстро развращались. Среди нас было несколько больных, тупых и слабоумных. Учились курить, говорили и рисовали много сальностей. К середине гимназического ученья кое-кто уже обзавелся романом; некоторые свели дружбу с классными наставниками и их помощниками, и стало чувствоваться, что, кроме обязательных гимназических, существуют еще какие-то приватные и частные отношения между воспитателями и некоторыми учениками. На крупные шалости и даже гнусные патологические проявления одних — начальство смотрело сквозь пальцы; других же, стоявших в стороне от какого-то заговора, который казался таинственным, но имел очень дурной и непривлекающий запах, напротив, преследовали иногда несправедливо. Как всегда бывает, страдали больше невинные и безответные.

Учителя и воспитатели были, кажется, без исключения люди несчастные: бедные, загнанные уроками, унижаемые начальством; все это были люди или совсем молодые, едва окончившие курсы учительских семинарий, или вовсе старые, отупевшие от нелюбимого труда из-за

куска хлеба, озлобившиеся на все и запивающие втихомолку.

Где же было заниматься воспитанием и образованием юных сорванцов, которых с трудом можно было удерживать от шалостей и дерзостей криками и стуками по кафедре, людям, которые с раннего утра бегали по урокам, а ночью должны были поправлять ученические тетрадки? Класс наш был буйный, среди нас были изрядные развратники, старые курильщики, великовозрастные ухаживатели, циники, борцы и атлеты. Скоро выяснилось, что были и отчаянные революционеры: один, с шишковатым лбом, молчаливый, читал Помяловского. Другой, черногорец с сильными кулаками и дерзкими глазами, грубил всем учителям. Первого исключили, а второй скоро утонул, катаясь на лодке.

Однако тот страшный учитель, которого все, и я в том числе, боялись больше всех и который всегда полурока неистовым голосом кричал на нас без видимых причин, оказался одним из самых милых и безвредных учителей. По всей вероятности, у него решительно всегда болели зубы, были расстроены нервы, он был очень самолюбив и начинал кричать для того, чтобы заранее пресечь всякие попытки дразнения. К тому же он был особенно неряшливо одет, угреват, нечесан, должно быть, всегда голоден, что тоже действовало на его самолюбие, так как среди нас было несколько богатеньких, с брелоками, пробивающимися усиками и в куртках особого покроя — не косоворотках, а расстегивающихся спереди, наподобие военного кителя, только, разумеется, с внутренними пуговицами, а у некоторых (на зависть остальным!) — с крючками. Эти богатенькие оценивали всех учителей не без оттеночка. Все это, надо полагать, чувствовал мой бедный учитель латинского языка, и это заставляло его пребывать в вечном неистовстве и ставить до трех единиц зараз в одну и ту же графу журнала, им же самим закапанного и внутри и снаружи крупными кляксами. Человек же он был, в сущности, очень добрый, застенчивый и нравственно чистый.

С тем мальчиком, на которого взгляд мой упал в первый день гимназической жизни, я долго был почти не знаком. Мы сидели на разных, удаленных друг от друга партах, обожание мое не возобновлялось, и он не прояв-

лял никаких особенных чувств ко мне. Так продолжалось до тех пор, пока нас не свела опять и по-новому судьба, посадив нас уже в одном из старших классов за соседствующие парты.

4

Дмитрий — так звали моего соседа — был мало заметен в классе. Учился он не плохо, но и не особенно хорошо, был обыкновенно в первом десятке; когда всех выстраивали шпалерами в актовом зале и сам директор, выкликая каждого, раздавал страшные листы с отметками по четвертям года, Дмитрия вызывали обыкновенно седьмым, восьмым, девятым; первому ученику директор говорил обыкновенно громким голосом, так что было ясно слышно в зале: «прекрасно», второму он говорил уже тише «очень хорошо», третьему говорил совсем тихо «хорошо», а дальше уже ничего не говорил и молча отдавал лист, пока, под конец, не начиналось опять с тихого «плохо», продолжаясь более громким «очень плохо» и кончаясь очень громким «совсем плохо».

Таким образом, в ученье Дмитрий оставался всегда без публичной оценки; что касается игр и шалостей, то и в них он обыкновенно принимал участие довольно умеренное, не портя игры другим и не заходя в буйстве далеко. Случилось так, что его сравнительно мало трепали и теребили, и он прошел сквозь всю гимназию без особых столкновений с учителями и товарищами. Дмитрий был гораздо незаметнее и тише меня; в его характере было что-то самодовлеющее и успокаивающее окружающих и отклоняющее всевозможные их притязания.

Дмитрий и в старших классах остался таким же нежным и стройным мальчиком. Пушок бороды и усов пробивался еле заметно на его нежном лице, на котором сквозь тонкую кожу проступал совершенно отроческий румянец. Он напоминал лицом и телом, как мне кажется теперь, Лидийского Диониса.

<5>

Мы сели на лошадей и выехали со двора.

Подо мной была крупная серая лошадь, мерин в яблоках. Дмитрий ехал на золотисто-рыжей кобыле, кото-

рая шла бойкой и ровной рысью, но все-таки всегда отставала от моего коня.

Сначала мы поехали по давно знакомой дороге, по которой я ходил в детстве с няней. Привычная скамеечка на пригорке, осиновые жерди прясла с отвисшей корой, считанные и пересчитанные повороты дороги и кучки земли, выброшенные кротами, — на все это хорошо бегло взглянуть с высоты седла; пока ходишь по двору дома, среди родных и близких, пока ходишь пешком, все впечатления дробятся, все видишь и обо всем думаешь отдельно. Когда же сядешь на высокую лошадь, которая слегка танцует под тобою и торопится на волю, бросается в глаза все зараз: и две смежные стены невысокого дома с красной крышей, и круглая куртина перед ним, и перекладины открытых ворот между двумя плакучими березами, до которых обыкновенно надо дойти, но за которые теперь выносит в три прыжка застоявшаяся лошадь.

Живя в ограде усадьбы, мы знали, что теперь — весна, по тому, что листья были еще маленькие, трава свежая и низкая, цвели вишневые и яблоневые деревья и по бортам еще необрезанных дорожек в саду росли жирные губчатые сморчки.

Совершенно иначе показывала себя весна в открытом поле. С пригорка была видна в дали, в лощине, среди не одевшихся зеленью кустиков, единственная глыба еще не растаявшего снега. Все остальное, что было видно на земле, не запоминалось, потому что было побеждено небом, которое дышало в лицо тихим благоухающим ветром.

Мы быстро проехали родные мне места — дорогу среди полей, полверсты леском и опять дорогу среди большого поля, которая шла в гору. Дмитрий почти не отставал от меня, его рыжая лошадка, ровно качая доброй головой, шла все время только на полтела позади моего приплясывающего и расшаливающегося коня.

Я начинал чувствовать тот особый задор, который роднит между собою ветер, лошадь и человека и связывает их одним стремлением к неизвестным далям, открывающимся по весне. Мой серый почувствовал это и сделал неожиданный скачок в сторону; у него была надежда выкинуть меня из седла, но он хорошо знал при

этом, что, если это не удастся, я ударю его хлыстом не особенно больно; не так больно, как тогда, когда я возвращаюсь домой усталый, когда всеобъемлющее чувство дали начинает дремать во мне, сменяясь отдельными и разделенными чувствами — мирной лошадиной рыси, потом — дома, семьи, одеяла, которое нежно окутывает мои сладко ноющие и развивающиеся мускулы.

Серый рассчитал верно; я покачнулся, конечно, но удержался в седле, еще крепче сжал лошадь ногами и, слегка ударив ее хлыстом, направил на канавку, которой был прорезан луг рядом с дорогой.

Серый не любил брать лишних препятствий, справедливо полагая, что их можно легко обойти; на этот раз он понял, однако, что я заставляю его прыгнуть за то, что он хотел сбросить меня; но ему все больше хотелось поиграть, и он, прежде чем мы достигли края канавки, весь сжался и собрался; я почувствовал, что на секунду все его четыре ноги уперлись в одну точку: через секунду он скакнул так далеко, что канавка осталась далеко позади, и, весело фыркая, запрыгал и затанцевал.

Я остановил его; он повернул голову и покосился на меня огромным глазом, как будто спрашивая: доволен ли я и будем ли мы так же продолжать?

Во всем моем теле и в моих глазах он мог прочесть ответ, что я очень доволен и готов продолжать ту же игру.

В это время подъехал отставший от меня Дмитрий. Он хорошо сидел на своей лошадке, но я увидал сразу, что между ним и его лошадью не было того сговору, который был у меня с моей. Рыжая кобылка подбежала той же быстрой и послушной рысью и, увидев, что мой серый остановился, быстро опустила голову и щипнула травку.

Дмитрий, видимо, не придал этому движению своей лошади никакого значения. Напротив, он сам послушно отпустил поводья, которые она, наклоняя голову, вырвала у него из рук. Он слегка откачнулся на седле назад, как бы собравшись сделать передышку.

В эту минуту перед нами открывалась многоверстная синяя русская даль. Сначала шли лощины, поросшие кустами и лесом, за ними начинали подниматься холмы, к вершинам которых, увенчанным деревнями и селами,

Путь, открытый взорам... Окрестности Шахматова.
Фото В.С.Молчанова.

Санкт-Петербург. Сенатская площадь в зимнюю ночь.
С картины В.Сурикова. 1871.

Яков Петрович Полонский с семьей в гостях у Афанасия Афанасьевича Фета. *Сидят:* М.П.Боткина — жена А.А.Фета; Н.Я.Полонская — дочь Я.П.Полонского; А.А.Фет. *Стоят:* Б.Я.Полонский — сын Я.П.Полонского; Я.П.Полонский; А.И.Иост — управляющий имением А.А.Фета; А.Я.Полонский — сын Я.П.Полонского; Ж.А.Полонская — жена Я.П.Полонского. *Фото С.Д.Боткина. Воробьевка. Лето 1890 года.*

Владимир Сергеевич Соловьев. *1890 годы.*

Григорий Силыч Карелин,
прадед поэта.
Рисунок И.Кириллова.
1840 годы.

Николай Алексеевич Бекетов,
прадед поэта.
Художник Я.Яненко. 1827.

Александра Николаевна
Карелина (Семенова),
прабабушка поэта, и ее дочь
Елизавета Григорьевна
Карелина (Бекетова),
бабушка поэта.
1840 годы.

Андрей Николаевич Бекетов, дед поэта. *1870 годы.*

Елизавета Григорьевна Бекетова, бабушка поэта. *1880 годы.*

Лев Александрович Блок, дед поэта, и Ариадна Александровна Блок (Черкасова), бабушка поэта, с детьми — сыном Александром (*слева*) и дочерью Ольгой.
Начало 1860 годов.

Ариадна Александровна Блок (Черкасова), бабушка поэта.
Начало 1880 годов.

Александра Андреевна Бекетова (в первом браке — Блок), мать поэта.
1878.

Александр Львович Блок, отец поэта.
1878.

Александр Львович Блок и Александра Андреевна Блок (Бекетова), родители поэта. *1879*.

Саша Блок на руках у матери. *1883.*

Санкт-Петербургский Императорский университет.
Слева — ректорский дом, где 16 (28) ноября 1880 года родился будущий поэт. *Фотография 1890 годов.*

Александр Блок в детстве.
Фотографии 1885 года (вверху) *и 1887 года.*

На крыльце дома в Шахматове: А.А.Блок (с собакой Дианкой), А.А.Кублицкая-Пиоттух (мать поэта), А.Н.Бекетов (дед), Н.Н.Бекетов (его брат), Е.Г.Бекетова (бабушка), М.А.Бекетова (тетка). *Фото В.Н.Бекетова. 1894.*

А.Блок в Шахматове с собакой Дианкой. *Фото В.Н.Бекетова. 1894.*

Шахматово. Акварель Е.А.Бекетовой. *1880 годы.*

Екатерина Андреевна Бекетова (Краснова), тетка А.Блока. *1880 годы.*

Мария Андреевна Бекетова, тетка и первый биограф поэта. *1880 годы.*

Санкт-Петербург. Набережная Большой Невки. Казармы Лейб-Гвардии Гренадерского полка, где А.Блок жил вместе с матерью и отчимом с 1889 по 1906 год (с 1903 года вместе с женой). *Современная фотография.*

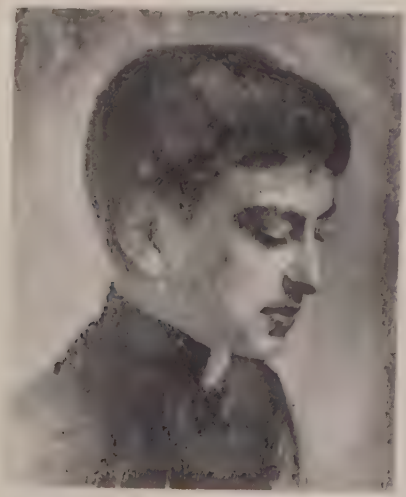
Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух, отчим А.Блока. *1900 годы.*

Феликс (Фероль) и Андрюша Кублицкие-Пиоттух, двоюродные братья поэта. *1890 годы.*

Александр Блок — гимназист. *1891*.

А.Блок с друзьями детства и родственниками: Коля и Аня Лозинские (*слева*), Андрюша и Фероль Кублицкие-Пиоттух. *1894*.

Санкт-Петербург. Введенская мужская гимназия, где Александр Блок учился с 1891-го по 1898 год. *Фотография 1890 годов.*



Ольга Михайловна Соловьева (Коваленская), двоюродная сестра матери поэта. *Автопортрет. 1880 годы.*

Михаил Сергеевич Соловьев, брат философа и поэта. *1880 годы.*

Сергей Соловьев, сын М.С. и О.М.Соловьевых, троюродный брат А.Блока. *Портрет работы О.М.Соловьевой. 1890 годы.*

Эскиз обложки невышедшей книги

В медальоне — Ксения Михайловна Островская (Садовская). *Около 1878 года.*

Шахматово. *Рисунки Александра Блока. 3 и 6 июня 1900 года.*

10в-406

Дмитрий Иванович Менделеев и Архип Иванович Куинджи за игрой в шахматы. На втором плане — Анна Ивановна Менделеева (Попова), вторая жена ученого. *Рисунок А.И.Менделеевой по фотографии 1890 годов.*

Любовь Дмитриевна, Иван Дмитриевич и Мария Дмитриевна Менделеевы, неизвестная девочка в саду у мольберта. Боблово. *1903.*

Александр Блок
по окончании
гимназического курса.
1898.

Любовь Дмитриевна Менделеева. *1898.*

Л.Д.Менделеева — Офелия («Гамлет» Шекспира).
Боблово. *1 августа 1898 года.*

А.Блок — Гамлет. Боблово.
1 августа 1898 года.
Фотографии И.Д.Менделеева.

Любовь Дмитриевна Менделеева.
1898.

Чудотворный образ Казанской Божией Матери из главного иконостаса Казанского собора.

Санкт-Петербург. Собор во имя Казанской иконы Божией Матери (Казанский собор). 1801 – 1811. Архитектор А.Н.Воронихин. *Фотография 1911 года.*

Церковь Михаила Архангела (60-е годы XVIII века) в селе Тараканове, где в июле 1902 года отпевали А.Н.Бекетова и 17 августа 1903 года венчались А.А.Блок и Л.Д.Менделеева.

Л.Д.Блок (Менделеева) и А.А.Блок. *1903*.

Андрей Белый и Сергей Соловьев.
На столе — Библия и портреты Л.Д.Блок и Вл. Соловьева.
1904.

Зинаида Николаевна Гиппиус.
1904.

Дмитрий Сергеевич Мережковский.
Начало 1900 годов.

Константин Дмитриевич Бальмонт.
Конец 1890 годов.

Валерий Яковлевич Брюсов.
Начало 1900 годов.

Вячеслав Иванович Иванов.
1900 годы.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев).
Начало 1900 годов.

Москва. Храм во имя Христа Спасителя. 1839-1883.
Архитектор К.А.Тон.
Фотография начала 1900 годов.

сбегались разбежавшиеся внизу полосы хлебных полей. Местами среди холмов открывались еще просветы, совершенно синие, в которых изредка белели пятна, обозначающие собой церкви.

В ту минуту, когда вся эта даль бросилась мне в глаза, я подался вперед всем телом, и серый топнул ногой и насторожил уши, чуя что-то впереди, — Дмитрий продолжал спокойно сидеть на своей лошадке, мирно щипавшей траву. Он тоже смотрел в даль, но в глазах его я вдруг увидал томное умиление. Вдруг его нижняя губа дрогнула, и он произнес проникновенным голосом следующие стихи[1].

Произнеся это, Дмитрий взглянул на меня круглыми глазами, в которых было желание узнать мое мнение о его стихах. Я почувствовал внезапный прилив презрения к этому мальчику, отвернулся, сцепил зубы и ударил серого хлыстом. Серый сделал прыжок через дорогу и помчался по нежному нетронутому лугу вниз, в первый пологий овраг.

Кустарник, попадавшийся навстречу, был все чаще, ветки били меня по лицу. Дмитрий, очевидно, отстал, потому что вначале я слышал, как он окликал меня, а потом перестал слышать и его голос и топот его лошади.

Мы опустились на дно оврага, серый перепрыгнул через ручеек, бежавший среди камней по желтому песочку, и вскочил на крутой откос по другую сторону; тут шла дорога, по которой я никогда не ездил прежде. Серый тоже не знал, куда повернуть — налево или направо, и остановился. Я пустил его шагом в ту сторону, которая, по моему соображению, уводила дальше от дома.

Кустарник поредел, и дорога, незаметно поднимаясь, пошла сечей, по которой торчали там и сям высоко спиленные и иногда опаленные березовые пни. Между ними местами стояли болотца, а над всей сечей сгибались тощие сеянцы. Я сразу почувствовал в этой дороге что-то любимое и забытое и стал думать о том, какие здесь будут летом высокие злаки, желто-синие ковры иван-да-марьи и розовые облака иван-чая.

К тому времени, как мы стали приближаться к неизвестной мне деревне, за которой поднималась высокая

---

[1] В рукописи пропуск. — *Ред.*

березовая роща, я был уже совершенно во власти новых мест, забыл и дом, и семью, и потерявшегося Дмитрия. Деревня спала, был уже полдень. Миновав деревенскую улицу, я увидел, что то, что показалось мне рощей, было заброшенным парком, очевидно при каком-то именье. Мне захотелось объехать его кругом, и я поехал рысью вдоль ограды из стриженых елок.

Вдруг направо от дороги, за несколькими бревнышками, перекинутыми через канаву, показалась дорожка, которая шла в гору между высоких стволов елок и берез. Я пустился по ней и, достигнув ее высшей точки, очутился перед новой громадной далью, которая открывала передо мной новые равнины, новые села и новые церкви.

Парк обрывался, начались ряды некрестьянских строений и большой плодовый сад, весь в цвету. Среди яблонь, вишень и слив стояли колоды для пчел, ограда была невысокая, забранная старыми, местами оторвавшимися тесинами. Здесь царствовала полная тишина, ни из деревни, ни из усадьбы не доносилось ни звука.

Вдруг пронесся неожиданный ветер и осыпал яблоневый и вишневый цвет. За вьюгой белых лепестков, полетевших на дорогу, я увидал сидящую на скамье статную девушку в розовом платье с тяжелой золотой косой. Очевидно, ее спугнул неожиданно раздавшийся топот лошади, потому что она быстро встала, и краска залила ее щеки; она побежала в глубь сада, оставив меня смотреть, как за вьюгой лепестков мелькало ее розовое платье.

Апрель 1918

СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга первая. Издание пятое.

Мятели (Час придет — в холодные мятели).

Жолтый (При жолтом свете веселились).

Ты и ты. + Он — с мал. буквы.

Эпиграфы — справа вверху (текст — петит, подпись курсив). — Даты — слева внизу петит.

Каждый отдел печатается подряд (как главы романа, а не по одному стихотворению на странице). Стихи раделяются тирэ (—).

В конце приложены примечания и указатель.

Орфография старая

	Сколько стихов	Сколько стихотворений		Из какого числа стихотв. выбрано
A.L.	877	70		291
Ст. о Пр. Д. Вступл.	16	1		1
I	213	16		39
II	431	34		44
III	400	30	164	43
IV	585	43		86
V	264	17		39
VI	360	23		40
Распутья	1354	80		103
Вся книга	4512	314		687

Выбор и текст оконч. 16 апр. 1920 (болезнь, Пасха, в Духе).

Заглавие, эпиграфы и примечания не приним. в расчет.

ПРИЗНАНИЯ

Главная черта моего характера	Нерешительность
Качество, какое я предпочитаю в мужчине	Ум
Качество, какое я предпочитаю в женщине	Красота
Мое любимое качество	Ум и хитрость
Мой главный недостаток	Слабость характера
Мое любимое занятие	Театр
Мой идеал счастья	Непостоянство
Что было бы для меня величайшим несчастьем	Однообразие во всем
Чем я хотел бы быть	Артистом Императорских театров
Место, где я хотел бы жить	Шахматово
Мой любимый цвет	Красный
Мое любимое животное	Собака и лошадь
Моя любимая птица	Орел, аист, воробей
Мои любимые писатели прозаики — иностранные	— — — — —
Мои любимые писатели прозаики — русские	Гоголь, Пушкин
Мои любимые поэты — иностранные	Шекспир
Мои любимые поэты — русские	Пушкин, Гоголь, Жуковский
Мои любимые художники — иностранные	— — — — —

Мои любимые художники — русские	Шишкин, Волков, Бакалович
Мои любимые композиторы — иностранные	— — — — —
Мои любимые композиторы — русские	— — — — —
Мои любимые герои в художественных произведениях	*Гамлет*, Петроний, Тарас Бульба
Мои любимые героини в художественных произведениях	Наташа Ростова
Мои любимые герои в действительной жизни	Иоанн IV, Нерон, Александр II, Петр I
Мои любимые героини в действительной жизни	Екатерина Великая
Мои любимые пища и питье	Мороженое и пиво
Мои любимые имена	Александр, Константин и Татьяна
Что я больше всего ненавижу	Цинизм
Какие характеры в истории я всего более презираю	Малюта Скуратов, Людовик XVI
Каким военным подвигом я всего более восхищаюсь	Леонида и 300 спартанцев
Какую реформу я всего более ценю	Отмена телесных наказаний
Каким природным свойством я желал бы обладать	Силой воли
Каким образом я желал бы умереть	На сцене от разрыва сердца

Теперешнее состояние моего духа . . .	Хорошее и почти спокойное
Ошибки, к которым я отношусь наиболее снисходительно	Те, которые человек совершает необдуманно
Мой девиз	Пусть чернь слепая суетится, Не нам бессильной подражать... и т.д.

А.Блок.

Наугейм

21 июня (3 июля) 1897

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Блок Александр Александрович, сын профессора Варшавского университета А.Л.Блока. Родился в СПб. в 1880 г. Учился в одной из классических гимназий и в Университете на юридическом и филологическом факультетах. Начал печатать стихи с 1903 г. в «Новом Пути», «Северных Цветах», альманахах «Гриф», «Журнале для всех», «Вопросах Жизни». Помещал литературные заметки в «Новом Пути», «Весах» и «Вопросах Жизни». В конце 1904 года выпустил первый сборник лирических стихотворений: «Стихи о Прекрасной Даме». Москва, 1905. К-во «Гриф».

<31 октября 1905>

АВТОБИОГРАФИЯ

Многие члены семьи моей матери причастны к литературе и науке. Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, был ректором Петербургского университета в его лучшие классические годы. Жена его, моя бабушка, Елизавета Григорьевна Бекетова, дочь известного путешественника Григория Силыча Корелина, всю жизнь работала над переводами научных и, особенно, художествен-

ных произведений. Она была очень начитана, владела несколькими языками, ее мировоззрение было удивительно живое и своеобразное, стиль образный, точный, смелый русский язык, обличавший казачью породу. Ее многочисленные переводы преимущественно с английского (особенно Вальтер-Скотта, Диккенса, Гольдсмита) остаются до сих пор одними из лучших. Характер до редкости отчетливый соединялся в ней с мыслью ясной, как летние деревенские утра, в которые она до свету садилась работать. И все это вязалось с пламенной романтикой, переходившей иногда в старинную сентиментальность. Она любила музыку и поэзию и писала мне трогательные стансы.

К сожалению, она так и не написала своих воспоминаний, которые могли быть ценны: она знала лично многих наших писателей, встречалась с Гоголем, братьями Достоевскими, Толстым, Полонским, Майковым и другими.

От дедов унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении моя мать и ее две сестры. Все три переводили с иностранных языков: мать (Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух) — с французского, немецкого и польского; Екатерина Андреевна (Краснова) — с английского, испанского и итальянского; последняя, теперь уже покойная, издала, кроме того, два тома рассказов и стихов.

В семье отца, насколько я знаю, литература играла второстепенную роль. Сам отец мой, Александр Львович Блок — профессор Варшавского университета по кафедре государственного права, — кроме специальной учености, очень образованный человек; он — талантливый музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист.

Жил я в детстве в семье матери, так что обстановка жизни только способствовала развитию моей любви к слову. В семье, в общем, господствовали старинные понятия о литературных ценностях и идеалах, — одной только моей матери свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом.

Первым вдохновителем моим, имевшим огромную власть надо мной, был Жуковский, через него впервые узнал я дух немецкой романтики. С раннего детства я помню постоянно наплывавшие на меня лирические волны, тогда еще еле связанные с чьим-либо именем. За-

помнилось разве имя Полонского и первое впечатление его строф:

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен. Мечты кипят.
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

«Жизненных опытов» не было долго, сознательной жизни — еще дольше. Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками, елками, баловством, — и благоуханную глушь маленькой дворянской усадьбы (с.Шахматово, Московской губернии, Клинского уезда). Лишь около 15 лет родились первые определенные мечтания о любви и рядом — приступы отчаянья и иронии. «Сочинять» я стал чуть ли не с пяти лет. Гораздо позже мы с двоюродными и троюродными братьями основали журнал «Вестник» в одном экземпляре, где я был редактором и деятельным сотрудником три года.

Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. Все это были — лирические стихи, и ко времени выхода первой моей книги «Стихов о Прекрасной Даме» их накопилось до 800, не считая отроческих. В книгу из них вошло лишь около 100. Позже я печатал кое-что из старого в журналах и газетах.

Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой «новой поэзии» я не знал до первых курсов университета. Здесь, в связи с острыми мистическими и романическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева. Позже — сильное влияние на меня оказали Мережковский и Брюсов.

От полного незнания и неуменья сообщаться с миром, со мною случился анекдот, о котором я вспоминаю теперь с удовольствием и благодарностью: как-то, в дождливый осенний день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами к старинному знакомому нашей семьи, Виктору Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Он редактировал тогда «Мир Божий». Не говоря, кто меня к нему направил, я с волнением дал ему

два маленьких стихотворения, внушенные Сириным, Алконостом и Гамаюном В.Васнецова. Пробежав стихи, он сказал: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься *этим*, когда в университете Бог знает что творится», — и выпроводил меня со свирепым добродушием. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать об этом приятнее, чем обо многих позднейших похвалах.

После этого случая я долго никуда не совался, пока в 1902 году меня не направили к Б.Никольскому, редактировавшему тогда вместе с Репиным студенческий сборник. Никольский взял у меня стихотворения и исказил их, впрочем, с моего согласия.

Печататься серьезно я стал уже через год после этих неудач. Первыми, кто обратил внимание на мои стихи со стороны, были Михаил Сергеевич и Ольга Михайловна Соловьевы (последняя — двоюродная сестра моей матери). Первые мои вещи появились в 1903 году в журнале «Новый Путь» и, почти одновременно, в альманахе «Северные Цветы». Этот год я и считаю годом своего литературного крещения.

За первые напечатанные вещи я не получил гонорара. Мои рецензии и заметки подвергались иногда легкому исправлению. Первые деньги получил я от редактора «Журнала для всех» Виктора Сергеевича Миролюбова; хотя он был вместе с тем и издателем, а, по выражению Лескова, «издатель — всегда издатель», — я встречал не много людей с такой открытой душой, как у него.

Критических отзывов о моей первой книге было не много; больше всего, насколько я знаю, о второй. Впрочем, они всегда попадались мне случайно. Мне приходилось читать о себе и заметки и целые статьи, но почти никогда они не останавливали моего внимания. За немногими исключениями (замечания Брюсова, Вяч.Иванова, Д.В.Философова, В.И.Самойло), они меня ничему не научили; были и буренинско-праздные, и фельетонно-хлесткие, и уморительно-декадентские, но везде — ложка правды в бочке критических вымыслов, хулиганской ругани, бесстыдных расхваливаний, а иногда, к сожалению, намеки вовсе не литературного свойства. Важнейшими приговорами, кроме собственных, были для меня приговоры ближайших литературных друзей и некоторых людей, не относящихся к интеллигенции.

Печатание никогда не было для меня важным событием, потому что я привык строго отделять его от писания. Под псевдонимом я никогда не печатался, изредка подписывался только инициалами.

От цензуры страдал я не много. Не могу сказать того же о неисправности в платеже, которая в последнее время со стороны некоторых издателей сделалась систематической.

На серьезные опечатки я могу жаловаться тоже лишь в последнее время, когда невежество корректоров приняло баснословные размеры. Корректоры и издатели, имеющие уважение к слову, должны знать, что существует *математика слова* (как математики всех других искусств), особенно — *в стихах*. Поэтому менять их по собственному вдохновению, каковы бы они, с их точки зрения, ни были, — по меньшей мере некультурно.

Теперешние внешние обстоятельства моего писательства я не могу считать особенно трудными. Однако ни одна из моих книг не потребовала второго издания. Стихи читаются мало, а мне пока всего доступнее и дороже язык стихов.

<Октябрь 1909>

(Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф.Ф.Фидлер. М., 1911, с. 86—87.)

СОВРЕМЕННИКИ О ПЕРВОЙ КНИГЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Александр Блок.
Стихи о Прекрасной Даме.

Москва, 1905. Книгоиздательство «Гриф».

Что ни стихотворение, — из тех, где отсветился лик Прекрасной Дамы, — то мелодический вздох, полузабытая песня за холмом зеленым, — в сладостной муке прислушивается к ней сердце, сжимаясь родною тоской. «Безжеланная», тающая в светлых тонах поэзия, подобная истончившемуся восковому лицу над парчой погребальной, — горящая, как восковая свеча, загадочная, как вещий узор ярого воску в чаше с чистою водой... Красочные пятна и заревые мерцания, — словно лихорадочный румянец на восковом лике... «Странные, белые намеки», — словно бледные пальцы рук, что-то указующих любимым жестом Леонардо... Возгорения сердца, влюбленного в небесную Розу, — молитвы одного из «бедных рыцарей»... Владимир Соловьев, этот Doctor Marianus заключительной сцены «Фауста», пророк «Вечной Женственности, идущей на землю в теле нетленном», — первый в русской поэзии начал строить новый Парфенон, Храм Девы, — не из пентелийского мрамора, а из алмазов снега и голубых туманов, розовых зорек и чистых звезд. Что он был большой поэт, явствует из значения его лирики для лирики преемственной. Одному культу Мировой Души в ее христианском аспекте преданы равно сангвиник — Андрей Белый, восклицающий: «Золотая заря, Мировая душа! За тобою бежишь, весь горя, как на пир, как на пир спеша... Травой, шелестишь: Я здесь, где цветы, мир вам!.. — и бежишь, как на пир; ноты там...» —

и меланхолик с «детским сердцем», А.Блок. Что за дело, что в мастере стольких безупречных стихотворений подчас обличается художник все еще не довольно «взыскательный»! На счет этой невзыскательности можно поставить порой аморфность языка, сбивчивость образа, изредка несовершенства ритмические, как и бутафорские условности медиэвизма и романтизма. Высшее требование, предъявленное поэзии Верлэном: «de la musique avant toute chose», — исполнено: везде мелодия, или мелодический шепот. И трагика жизни так истинна в восприятии поэта сострадавшего; и в восприятии поэта ужаснувшегося так ужасна дикая оргия чудовищных личин жизни. И символика тоскующей природы, в которой страдальный дух ищет божественной Психеи и скорбящая, разлученная Психея ищет, смиренная, своего Эроса, близкого и тайного, — так умилительна, так благоуханна, так мерцает уверяющею надеждой великого свершения.

Вячеслав Иванов

(«Весы», М., 1904, № 11, с.49—50)

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Стихи о Прекрасной Даме

I

«Без божества — без вдохновенья».

Наши дни — трезвые, живые дни усиленной, необходимой работы. Дни весенние, но серые, без солнца. И необходимая работа поглощает силы работников, самых разнообразных, теперь сходящихся. Литература скромно отступила пока перед политикой, метафизика закрыла лицо перед жизнью, ведь жизнь не ждет!

В такие напряженные дни, когда особенно близка опасность, для каждого, незаметно принять первое и необходимое — за последнее, окончательное и единственное (именно потому, что оно первое и необходимое, хотя *только* первое и необходимое) — в такие дни живительно увидать нежную книжку молодых стихов. Такова книжка А.Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Книжка эта родилась точно вне временности, — вне со-временности, во всяком случае. Она и стара, и нова, хотя, может быть, все-таки не вечна, ибо соткана из слишком легкой паутины. Она, может быть, только отдаленный намек на ту красоту, правду и сиянье, которые должны спуститься с небес на землю и властно обвить жизнь; а эти «бледные, белые, снеговые намеки» — конечно, должны таять, если коснется их горячее дыхание земли.

Не будем же требовать от этой милой книжки более того, что она может дать; она и так дает нам много, освежает и утешает нас, посылает легкий, мгновенный отдых. Мы устаем от трезвого серого дня и его несомненностей. И мы рады, что поэт говорит нам:

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот...

Отрадно все-таки, что есть и жива еще «Прекрасная Дама», «Она», «Дева, Заря, Купина», которая «тайно тревожна и тайно любима».

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она — без мысли и без речи
На том смеется берегу...

Она, Она, везде Она — и песни ее рыцаря так прекрасны, во всем их однообразии, что не знаешь, которую выписать. Кто Она? Конечно, *не* земная дама средневековых рыцарей; может быть, «Дева Радужных Ворот» Владимира Соловьева? Вечная Женственность? София-Премудрость? Все равно. Мы не знаем, вряд ли знает ее и ее рыцарь. Он не знает более того, что говорит:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней...

Это там, где

Только образ, лишь сон о Ней...

Но рыцарь имеет «виденья, непостижные уму», он видит не только «сны о Ней».

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: Приду.

И даже там, у «образа только», и там не всегда «лишь сны».

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины,
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

Она — все, она посещает своего рыцаря, и он верен Ей, и не устает петь Ее.

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Но странно... Это не «Бедный рыцарь», имевший свое «виденье, непостижное уму»; хотя и родной старому бедному рыцарю — но не он, не совсем он, и Она, его виденье, не «Она» Бедного рыцаря; и странно то, что тот, старый, вечный, — до сих пор пленительнее этого нового, бедного рыцаря с его Дамой «в бледных платьях», его «белых намеков». Легкая, легкая паутина... Тонкая, тонкая, рвущаяся красота... Налет эстетизма. Налет смерти, даже без смерти...

«Бедный рыцарь» — кидался в битвы, восклицая «Lumen coelum, Sancta Rosa» — побеждал мусульман... А рыцарь новый с самого начала говорит:

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу
За то, что всю жизнь молчал.

Воздушная мертвенность, русалочий холод есть в этих, таких далеких, слишком далеких земле песнях о слишком прозрачной «Прекрасной Даме». Это не Sancta Rosa, это облачная Лилия; это не только не Мать-Дева, но уже почти и не Дева... «Восковой огонек»... «Робкое пламя церковной свечи»... Это тот новый мистико-эстетический романтизм, который пленяет отрывом от земной крови нашу усталую душу, но пленяет на мгновенье; не утоляет, не может удержать ее у себя навсегда.

Старый, чистый романтизм был сильнее, потому что был цельнее, ярче, действеннее, реальнее. Новый — слишком растворился в эстетике и мистике. Книга Блока мистична, но отнюдь не религиозна. Мистика, так же, как эстетика, так же, впрочем, как и голый романтизм — одинаково на *этом* берегу, и между ними и религией одинаково лежит пропасть.

Надо же, наконец, сказать с ясностью: *нет пути, нет ни одного, который подводил бы к религии.* Но зато все пути, все до одного (только пройти до конца) подводят к пропасти, за которой лежит религия. И разница между путями лишь та, что на некоторых человек, предчувствуя конечную пропасть и момент, когда он будет на краю, — может вырастить себе крылья; другие, извилистые пути, приводят к пропасти неожиданно, и бескрылому остается лишь упасть вниз. Пути мистики — и даже эстетики — таковы, что на них легче могут вырасти крылья у сильных, у ясных, у тех, кто умеет хотеть и желает жить. Нежный, слабый, паутинный, влюбленный столько же в смерть, сколько в жизнь, рыцарь бледной Прекрасной Дамы — сумел вырастить себе лишь слабо мерцающие крылья бабочки. Он неверными и короткими взлетами поднимается над пропастью; но пропасть широка; крылья бабочки не осилят ее. Крылья бабочки скоро устают, быстро слабеют. Прекрасная мистика рыцаря — безрелигиозна, безбожественна.

II

«Не сотвори себе кумира...»

Прежде, чем сказать последнее слово о любопытной и все-таки отрадной книге Блока, мне хочется сделать

отступление и поговорить более определенно о путях, *из которых ни один не приводит к религии*, все — к предрелигиозной пропасти. Я хочу остановиться на следующем очень любопытном явлении. Каждый из путей, принятый не за путь, а за цель, уничтожает стоящего на нем немедленно, ранее чем даже достигнута предрелигиозная пропасть. То есть: каждая *часть* мира, принятая как *целое* — уничтожает человека в самом себе, его сущность, его личность. Еще яснее: всякое созерцание посредственного и попутного как совершенного и окончательного — прерывает жизнь.

Наука, общественная деятельность, этическое самоусовершенствование, искусство, — принятые здесь как самоцель, как замена божества, как кумир, — лишают нас Бога и тем уничтожают нас. Миросозерцание эстетическое, мистическое, позитивное, этическое, пантеистическое, даже скептическое, — все они, окончательные, то есть взятые, *как вера* — останавливают всякое движение жизни, извращают, изменяют человеческую природу. Когда мы определяем человека: это — скептик, это — позитивист, это — ученый, это — социалист, это — эстет, ведь мы именно определяем его в его *вере*, то есть стараемся угадать его главное и последнее, то, что дает тон и смысл всей его жизни. Говорят, конечно, и о людях, *идущих по известному пути*: эстет, нравственник, позитивист, — но такое определение не верно, ибо это определение склонности, направления, а не *веры*. Идущие же — это люди, может быть, еще без веры, — но наверно без кумира. Нам интересны в данный момент человеческие кумиры.

Кумир эстетики, собравший в последнее время вокруг себя столько поклонников, — вот один из страшных кумиров, его мы возьмем для примера. Эстетизм, с его многочисленными осложнениями, с декадентством, со входящей полумистикой, принятый, как исчерпывающее миросозерцание, создал особый род людей, им отравленных. Эстетика, сама по себе, не только невинна, но благодетельна, — воистину как яд; хотя бы мышьяк; возьмите его в естественном количестве — он восстановляет силы; сделайте его пищей — он убьет. Насколько *путь* эстетический праведен, легок и верен, равен другим путям и, быть может, даже короче некоторых, —

настолько страшна и разъедающа *вера* эстетическая. Душа верующих эстетов — кружевная и хрупкая, как старое дерево, насквозь источенное червями. Логичный, последовательный эстет всегда: безволен, циничен и несчастен. Безволен потому, что эстетический критерий подвижен и не представляет достаточного упора ни для какой борьбы; циничен — потому что подвижность этого критерия исключает понятие святости, и несчастен, благодаря тому, что непременно и последовательно приходит к самоотрицанию, будучи уродлив с собственной же точки зрения. Верующий мистик — отрицает себя по несколько иной причине: потому, что *определеннее* своей веры. Верующий в Добро пойдет по уклону отрицания многообразности жизни и, наконец, всей жизни. Скептик — живет в атмосфере лжи перед собой; прямое следствие его «веры» — скука; а он должен, напротив, считать, что ему все весело. И так далее, и так далее... Более «счастливы» еще люди, поклоняющиеся кумиру «мещанского благополучия», беспретенциозной земной сытости. Но такое «счастье» — дар, которому не завидует никто из неимеющих его.

Слишком много «вер» — при единой «религии»! «Часть» мстит тому, кто возводит ее в «целое». Раб мстит неосторожному, сделавшему его царем.

Элемент узкой «веры», проникая в творчество всякого рода, принижает его. Неподвижный, установившийся догматизм (будь это даже установившийся «а-догматизм») — смерть творчества; так: искусство верующего эстетика — не художественно; дела убежденного моралиста — безнравственны; наслаждения «веселого» скептика — безвкусны. Существует, есть в бытии, только то, что или религиозно, или *еще* не религиозно, то есть сохраняет потенцию стать религиозным.

Автор «Стихов о Прекрасной Даме» еще слишком туманен, он — безверен: самая мистическая неопределенность его не окончательно определена; но там, где в стихах его есть уклон к чистой эстетике и чистой мистике — стихи не художественны, неудачны, от них веет смертью. Страшно, что те именно мертвеннее, в которых автор самостоятельнее. Вся первая часть, — посвященная сплошь «Прекрасной Даме», — гораздо лучше остальных частей. А в ней чувствуется несомненное — ес-

ли не подражание Вл.Соловьеву, не его влиянье — то все же тень Вл.Соловьева. Стихи без «Дамы» — часто слабый, легкий бред, точно прозрачный кошмар, даже не страшный, и не очень неприятный, а просто едва существующий; та непонятность, которую и не хочется понимать. Длинно выписывать все, но вот конец одного такого стихотворения, конец, совершенно необусловленный началом, — оно так же непонятно:

...В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

Нет ни малейшего желания разгадать, какой «косматый беззвучно дрожит», какой ребенок плачет и откуда взялась труба, которая близко. И таких стихотворений много. Есть милое, детское, — посвященное Олениной-д'Альгейм — «лучики, лучики» — а потом опять слабые кошмары, пока вновь не является «Прекрасная Дама», и рыцарь находит для нее нежные и новые слова.

«Она» — нужна поэту. Она одна, если он не затуманит Ее окончательно, не превратит в мглистое облако, а заявит и оживит — она может дать ему крылья и сделать голос его сильным. Не надо только, чтобы рыцарь хранил Ее Одну для себя одного, не верил, что Ей надо явить Себя и миру, а не только ему.

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь лампад.
И вот — Она, и к Ней моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград...
.....
Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил,
И в Оный День — один участник встречи —
Я этих встреч ни с кем не разделил.

Эти встречи — он разделит их со всеми, кто его слышит; Прекрасная Дама хочет, чтобы хвалы Ее рыцаря были сильны и громки и наполняли мир. И в наши серые, трезвые, весенние и холодные дни — нам отрадно

на мгновенье это солнечное слово о не сейчас необходимом, хотя бы и о туманном еще, о далеком, близком, вечном...

...В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?
Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или это мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?

X <З.Гиппиус>

(«Новый Путь». 1904. № 12. С. 273—280).

ВИКТОР ГОФМАН

Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. Книгоиздательство «Гриф»

Нежное, как-то мягко мерцающее, вдумчиво-ласковое дарование светится в этих «Стихах о Прекрасной Даме». Это не яркий светильник, зовущий и ослепляющий, но молитвенно-тихая лампада, ровно и верно хранящая свой свет среди подступивших теней. Некоторое однообразие настроений, некоторая однозвучность и какая-то шепчущая робость стихов не утомляет, но скорее захватывает, заговаривает; и вполне отдаешься этим настроениям, и мучительно-ясно чувствуешь эти мерцания храма, молитвенно-тихие; как-то детски хочется склониться с доверчивым ожиданием к этим озаренным ступеням; захватывает, закутывает сумрак молений, и на душе растет зовущее ожидание и тихая, и покорная верность — все, чем проникнута и дышит эта книга. Лучшие стихотворения, на мой взгляд: «Тебя скрывали туманы», «Когда святого забвения», «Мой вечер близок и безволен», в котором поистине чарующа мягкость намеков и нежно дышащий налет «усталого прозрения», «Потемнели, поблекли залы» — благоуханное, как баллада Метерлинка, «День был нежно-серый, серый, как тоска», «Она стройна и высока», «Мне страшно с тобою

встречаться» и, наконец, «В час, когда пьянеют нарциссы», где поразителен стих: «Ты, моя *тихоокая* лань...»

В некоторых стихотворениях сборника проглядывает иногда какая-то намеренная вычурность, нарочная туманность, что кой-где выстраивается чуть ли не в полную бессмыслицу; правда, это не бессмыслица выражений или образов, как таковых, не невозможность и невоплотимость рисунка, столь обычная теперь у тех из представителей новой поэзии, которые, при всей своей страсти к экзотичности восприятия и мышления, обладают лишь одним отсутствием таланта, — это бессмысленность образов, как ни с чем не связанных, как символов, ничего не смыкающих; это как бы легковесные поплавки, к которым ничего не привешено, которые ничего не влекут за собою...

Довольно часто поэзия Александра Блока приводит на память Фета и Владимира Соловьева, влияние которых, особенно в начале книги, неоспоримо. Иногда вспомнится Зинаида Гиппиус. Но зато во многих стихотворениях слышится своеобразный (неточный) размер и напев — анапест, прерываемый ямбом, — который для меня уже как-то неотъединимо связался с именем Александра Блока и который порою звучит очень красиво. Но, с другой стороны, есть стихи, где нет ровно никакого размера, никакой мелодии, а та нескладная случайность слов, решительно ничем не обусловленная, которая именуется теперь свободным стихом, vers libre, хотя большею частью есть нечто совсем другое. Таковы: «Отворяются двери — там мерцанья», «Просыпаюсь я — и в поле туманно». Наконец, укажу и прямо слабые стихотворения: «Она росла за дальними горами», «Ночью сумрачной и дикой», «Вечереющий сумрак, поверь», и совсем отвратительное по какой-то придуманной дикости и грубости выражений и сравнений, неточных, фальшивых и невозможных, это — «Город в красные пределы».

Между тремя отделами сборника нет естественных границ, чему виною, конечно, однозвучность дарования поэта, нет в каждом отделе и той органичности и цельности, делающей невозможным произвольное перебрасывание стихотворений из одного конца книжки в другой, которая до сих пор наиболее замечалась в сборни-

ках Валерия Брюсова, всегда цельных и как-то законченно-сросшихся. Второй отдел несколько полнозвучнее первого: начинает чувствоваться город, появляются люди, снующие и хлопотливо-безумные, слышатся шумы, тревожность. В иных стихотворениях этого отдела как-то ужасно явно и страшно чувствуется вся бессвязность, суетливость, бессмысленность наших встреч, движений и разговоров, как будто свободных, случайных, ненужных, но за которыми вытягивается что-то роковое и внешнее, ощущается прикованность, подневольность и обреченность. И все как-то странно, и все как во сне. Эта последняя черта, эта сомнамбуличность, таинственность, это бредное, иногда темное, иногда сотканное из прозрачнейших грез и дыханий, меня всегда поражало, как неизменно присущее всем настоящим произведениям искусства. Почему? И является мысль, что не есть ли это своего рода веяние и дыхание потусторонности, запредельности, внешний и объективно наблюдаемый отпечаток и признак совершившихся проникновений, воочию сотворенного чуда...

Виктор Гофман

(«Искусство». М., 1905. № 1. С. 39-40).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АПОКАЛИПСИС В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Панмонголизм!
Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя.
А. Блок

I

Нет никакой раздельности. Жизнь едина. Возникновение многого только иллюзия. Какие бы мы ни устанавливали перегородки между явлениями мира — эти перегородки невещественны и немыслимы прямо. Их создают различные виды отношений чего-то единого к самому себе. Множественность возникает как опосредствование единства, — как различие складок все той же тка-

ни, все тем же оформленной. Сорвана вуаль с мира, — и эти фабрики, люди, растения исчезнут; мир, как спящая красавица, проснется к цельности, тряхнет жемчуговым кокошником; лик вспыхнет зарею; глаза, как лазурь; ланиты, как снеговые тучки; уста — огонь. Встанет — засмеется красавица. Черные тучи, занавесившие ее, будут пробиты ее лучами; они вспыхнут огнем и кровью: обозначится на них очертание дракона: вот побежденный красный дракон будет рассеян среди чистого неба.

II

Стояла весна 1900 года. Темное крыло грядущего затенило дни, и в душе поднялись тревожные сновидения. Человечеству открылся единственный путь. Возник контур религии будущего. Пронеслось дыхание Вечной Жены.

Лекция Соловьева «О конце всемирной истории» поразила громом. Но великий мистик был прав. Помню его с бездонно устремленными очами, с волосами, разметавшимися по плечам, иронически-спокойного с виду, задумчивого, повитого тучей огня. Резко, отчетливо вырывались слова его брызгами молний, и молнии пронзили будущее; и сердце пленялось тайной сладостью, когда он уютно склонял над рукописью свой лик библейского пророка; и картина за картиной вставали среди тумана, занавесившего будущее. Обозначился ряд ледяных пиков, крутых снегоблещущих гор, по которым мы должны будем пройти, чтобы не свалиться в пропасть. А из черных провалов взвивался дым туч; лучи солнца, обливая тучи кровью, являли в дымах грядущий лик воспламененного яростью дракона.

Но с бессмертных высот платонизма и шеллингианства Соловьев увидел розовую улыбку Мировой Души. Он понял и сладость «Песни Песней», и знаменье «Жены, облеченной в солнце». И вот, с философских высот, сошел в этот мир, чтоб указать людям на опасности, им грозящие, на восторги, им неведомые. И в уютных комнатах раздавался его рыкающий глас, и длинные руки лихорадочно перелистывали страницу за страницей. Боролся с ужасом, сильный и властный: казалось, точно перевертывал не страницы, но срывал маску с утаенной

врагом истины. И маска за маской слетали; и маска за маской рассыпались туманным прахом. И зажигался прах. *И злое пламя земного огня* разгоралось. Но «все, кружась, исчезало во мгле» — и вот мы сидели за чайным столом, и он, окончив чтение, оглашал стены безумно детским хохотом, прислушиваясь к шуткам. Но виденья, им вызванные, грозились в весенних окнах золотыми зарницами.

Меня поразила не столько сама «Повесть об антихристе», сколько слова действующих лиц: «А я вот с прошлого года стала тоже замечать, и не только в воздухе, но и в душе: и здесь нет полной ясности... *Все какая-то тревога и как будто предчувствие какое-то* зловещее» («Три разговора»). В этих словах я прочел все неуяснимое доселе в своих личных переживаниях. Я обратился к Владимиру Сергеевичу с вопросом о том, сознательно ли он подчеркивает слова о тревоге, подобно дымке, опоясавшей мир. И Владимир Сергеевич сказал, что такое подчеркивание с его стороны сознательно. Впоследствии слова о *«дымке»* подтвердились буквально, когда разверзлось жерло вулкана и черная пыль, подобно сети, распространилась по всей земле, вызывая «пурпуровое свечение зорь» (Мартиника). Еще тогда я понял, что причины, являющие перед глазами эту сеть, наброшенную на мир, находятся в глубине индивидуального сознания. Но глубины сознания покоятся в универсальном, вселенском единстве. Еще тогда я понял, что дымка, занавесившая духовный взор, падет на Россию, являя вовне все ужасы войн и междоусобий. Я ждал извне призраков, намекающих о происходящем внутри. Я знал: над человечеством разорвется фейерверк химер.

И действительность не замедлила подтвердить эти ожидания: раздались слова Д.С.Мережковского об апокалипсической мертвенности европейской жизни, собирающейся явить Грядущего Хама. Появился новый тип, воплотивший в себе хаос, вставший из глубин, — тип хулигана. Грозно вырос призрак монгольского нашествия. Над европейским человечеством пронесся вихрь, взметнул тучи пыли. И стал красен свет, занавешенный пылью: точно начался мировой пожар. Еще Ницше накануне своего помешательства предвидел всемирно-исто-

рическую необходимость всеобщей судороги, как бы гримасы, скользнувшей по лицу человечества. «Мировая гримаса» — маска, надетая на мир, ужаснула и Вл.Соловьева. Мережковский указал на мировое безумие, подтачивающее человечество. Хаос изнутри является нам как безумие, извне, — как раздробленность жизни на бесчисленное количество отдельных русл. То же в науке: неумелая специализация порождает множество инженеров и техников с маской учености на лице, с хаотическим безумием беспринципности в сердцах. Безнравственное приложение науки создает ужасы современной войны с Японией — войны, в которой видим явившийся нам символ встающего хаоса. Просматривая брошюру Людовика Нодо «Они не знали», узнаем, что все наши военные операции — сплошной оптический обман. Япония — маска, за которой — невидимые. Вопрос о победе над врагами тесно связан с перевалом в сознании, направленным к решению глубочайших мистических вопросов европейского человечества.

Соловьев глубоко провидел мировой маскарад, участниками которого мы являемся. Дымка, носившаяся в воздухе, после смерти Соловьева, правда, осела, как бы прибитая дождем. Небо глубочайших душевных глубин очистилось. Там замелькали нам чьи-то вечные, лазурно успокоенные очи, но зато пыль, носившаяся в небе, осела на все предметы, пала на лица, резко очерчивая, почти искажая естественные черты, создавая невольный маскарад.

Вихрь, поднявшийся в современной России, взметнувший пыль, должен неминуемо создать призрак красного ужаса — облака дыма и огня, — потому что свет, пронизывая пыль, зажигает ее. Следует помнить, что призрачен красный дракон, несущийся на нас с Востока: это туманные облака, а не действительность; и войны вовсе нет: она — порождение нашего больного воображения, внешний символ в борьбе вселенской души с мировым ужасом, символ — борьбы наших душ с химерами и гидрами хаоса. Тщетна борьба с ужасной гидрой: сколько бы мы ни срубили змеиных голов, вырастут новые, пока мы не поймем, что змеи — волосы Горгоны Медузы, а Медуза — Маска, за которой прячется Невидимая; пока мы не поймем, что Маска при-

зрачна, она будет расти, слагая кровавые всемирно-исторические картины: извне налетающий дракон соединится с красным петухом, распластавшим крылья над старинными поместьями в глубине России; все потонет в море огня. Призрак будет смеяться. И «красный смех» его подожжет вселенную. Светопреставление для ослепленных ужасом — ведь оно — только мировой «красный смех» ужаса.

Упрекают Л.Андреева в субъективизме: вместо того чтобы описывать массовое движение войск или бытовую картину войны, он будто грезит, но в этом его проникновение в современность. Вот слова очевидца войны: «В современной войне все таинственно, рассеянно, далеко, невидимо, отвлеченно; это — борьба жестов, воздушной сигнализации, электрических или гелиографических сношений... Приблизьтесь к сражающимся — и вы ничего не увидите пред собой... Если это батарея, то, укрытая за какой-нибудь складкой почвы, она, кажется, без цели и смысла палит в пространство... Вы постоянно обмануты фантасмагорией... Это — война... невидимая, бесформенная, скрытая... Кто взял Ляоян? Японская армия? Да, конечно, японская армия, но с помощью кошмара... Потребность в надежде, иллюзия, апатия, фантазия... небылицы... незнание действительности — вот из чего состояла первая кампания» (Людовик Нодо). Узнать *действительность* — значит сорвать маску с Невидимой, крадущейся к нам под многими личинами. Соловьев пытался указать нам на благовидную личину лжи, накинутую врагом на лик Той, Которая соединит разъединенные небо и землю наших душ в несказанное единство. Только заревые лепестки вечных роз могут утишить жгучесть адского пламени, лижущего теперь мир. Вечная Жена спасает в минуты смертельной опасности. Недаром вечно женственный образ Брунгильды опоясан огненной рекой. Недаром ее сторожит Фафнер, чудовищный дракон. Соловьев указал на личину безумия, грядущего в мир, и призывал всех обуреваемых призраком углубиться, чтобы не сойти с ума. Но углубиться к вечно женственным истокам Души — значит явить лик Ее перед всеми. Тут начинается теургическая мощь его поэзии, в которой соприкоснулись

фетовский пантеизм, лермонтовский индивидуализм с лучезарными прозрениями христианских гностиков.

Я не видал Соловьева после незабвенного для меня вечера, но мне многое открылось с той поры. Я не понимал в Соловьеве вечных обращений к Лучезарной Подруге, но заря, опоясавшая горизонт, усмиряла тревоги. Я понял, что эти тревоги не относятся лично ко мне, но и всем угрожают. В те дни я понял всемирность заревых улыбок и лазурь небесных очей. Я начинал понимать, что как в современной войне все таинственно, рассеяно, далеко, невидимо, отвлеченно, так и в мистических волнах, прокатившихся в мире для того, чтобы столкнуться в борьбе: эта борьба начинается не с поступков, реализованных видимостью, а *с борьбы жестов, воздушной сигнализации*. Все начинается с мгновенных немых зарниц. Но растут зарницы. Немота их разражается громами. Тогда начинается реализация вспыхнувших символов: символами становятся окружающие нас предметы, появляются люди-маски. Наконец, маски спадают, и перед нами проходят лица, запечатленные зарёю. Она воплощается в мир. Тают ледяные оковы мрака. Сердце слышит полет весны...

III

Цель поэзии — найти лик музы, выразив в этом лике мировое единство вселенской истины. Цель религии — воплотить это единство. Образ музы религией превращается в цельный лик Человечества, лик Жены, облеченный в Солнце. Искусство поэтому — кратчайший путь к религии; здесь человечество, познавшее свою сущность, объединяется единством Вечной Жены: творчество, проведенное до конца, непосредственно переходит в религиозное творчество — теургию. Искусство при помощи мрамора, красок, слов создает жизнь Вечной Жены; религия срывает этот покров. Можно сказать, что на каждой статуе, изваянной из мрамора, почиет улыбка Ее и наоборот: Она — Мадонна, изваянная в веках. Первоначальный хаос, слагающийся по законам свободной необходимости, обожествляется, становясь Ее телом. Если Человечество — реальнейшее всеединство, то народность является первым ограничением Человече-

ства. Здесь перед нами выход к единству при свободном и самодеятельном развитии народных сил. Образ музы должен увенчать развитие национальной поэзии.

Развитие русской поэзии от Пушкина до наших дней сопровождается троякой переменой ее первоначального облика. Три покрова срываются с лица русской музы, три опасности грозят Ее появлению. Первый покров срывается с Пушкинской музы; второй — с музы Лермонтова; совлечение третьего покрова влечет за собой явление Вечной Жены. Два русла определенно намечаются в русской поэзии. Одно берет свое начало от Пушкина. Другое — от Лермонтова. Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета, Вл.Соловьева, Брюсова и, наконец, Блока. Эти имена и западают глубоко в нашу душу: талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе развития национального творчества. Поэт, не занятый разгадкой тайн пушкинского или лермонтовского творчества, не может нас глубоко взволновать.

Пушкин целостен. Всецело он извне охватывает народное единство. Под звуки его лиры перед нами встает Россия с ее полями, городами, историей. Он *совершенно* передает всечеловеческий идеал, заложенный в глубине народного духа: отсюда способность его музы перевоплощаться в какую угодно форму. Бессознательно указаны глубокие корни русской души, простирающейся до мирового хаоса. Но цельность Пушкинской музы еще не есть идеальная цельность. Лик его музы еще не есть явленный образ русской поэзии. За вьюгой еще не видать Ее: хаос метелей еще образует вокруг Нее покров. Она — еще «спит в гробе ледяном, зачарованная сном»... Пушкинской цельности не хватает истинной глубины: эта цельность должна раздробиться, отыскивая дорогу к зачарованной красавице. Элементы ее, сложившие нам картину народной цельности, должны быть перегруппированы в новое единство. Этим требованием всецело намечается путь дальнейших преемников пушкинской школы: в глубине национальности приготовить нетленное тело Мировой Души; неорганизованный хаос — только он есть тело организующего начала. Пушкинская школа должна поэтому приблизиться к хаосу,

сорвать с него покрывало и преодолеть его. Продолжатели Пушкина — Некрасов и Тютчев дробят цельное ядро пушкинского творчества, углубляя части раздробленного единства.

Проникновенное небо русской природы, начертанное Пушкиным, покрывается тоскливыми серыми облаками у Некрасова. Исчезают глубокие корни, связывающие природу Пушкина с хаотическим круговоротом: в сером небе Некрасова нет ни ужасов, ни восторгов, ни бездн — одна тоскливая грусть; но зато хаос русской действительности, скрывавшийся у Пушкина под благопристойной шутливой внешностью, у Некрасова обнаружен отчетливо.

Наоборот: пушкинская природа у Тютчева становится настолько прозрачной, что под ней уже явно:

Мир бестелесный, страшный, но незримый
Теперь роится в хаосе ночном...
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн...
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены...

Тютчев указывает нам на то, что глубокие корни пушкинской поэзии непроизвольно вросли в мировой хаос; этот хаос так страшно глядел еще из пустых очей трагической маски Древней Греции, углубляя развернутый полет мифотворчества. В описании русской природы творчество Тютчева непроизвольно перекликается с творчеством Эллады: так странно уживаются мифологические отступления Тютчева с описанием русской природы:

Как будто ветреная Геба
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Пушкинское русло в Тютчеве своеобразно раздробляется. Отныне оно направляется: 1) к воплощению хаоса в формах современной действительности; 2) к воплощению хаоса в формах античной Греции.

Представителем первого направления является В.Брюсов. Представителем второго — Вяч.Иванов, в поэзии которого нам звучат под античными школьными образами близкие ноты.

Здесь обнаруживается, что путь от внешнего изображения народной цельности к отыскиванию идеального нетленного тела русской музы лежит через индивидуализм. В глубинах духа, «там, где ужас многоликий» (Брюсов), происходит встреча и борьба. Но и Некрасов по-своему указывает на хаос внешних условий русской жизни. Раскол пушкинского единства выражается у Некрасова и Тютчева в том, что оба они жаждут и не могут соприкоснуться с поверхностью течения русской действительности. Оба стремятся вогнать свою поэзию в узкие рамки тенденции: Некрасов — народнической, Тютчев — славянофильской. Кроме того, Тютчев — поэт-политик и аристократ, Некрасов — гражданин. В гражданственности Некрасова однако находим своеобразно преломленный байронизм и печоринство: тут обнаруживается его связь с Лермонтовым, о которой придется упомянуть ниже. С другой стороны, и тютчевская струна аристократизма прерывается глубоко народническими струнами:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Тютчев еще боялся хаоса: «О, бурь уснувших не буди: под ними хаос шевелится». Его хаос звучит нам издали, как приближающаяся ночная буря. Его хаос — хаос стихии, не воплотившийся в мелочи обыденной жизни. С другой стороны, хаотическая картина русской жизни еще поверхностно нарисована Некрасовым. И у Тютчева, и у Некрасова хаос глубин не сочетается еще с хаосом поверхностей так, чтобы образы видимости образовали стихии, и наоборот, чтобы повседневные образы служили намеками стихийности. Кроме того, тютчевский славянофильский аристократизм должен сочетаться с некрасовской гражданственностью в одном пункте земляного титанизма. Прежде, нежели будет найдено

нетленное, земляное тело русской поэзии, должно совершиться последнее восстание земляных гигантов. И оно совершается: стихийные силы разражаются в поэзии Брюсова землетрясением. В стихийные глубины мятущегося духа Брюсов вносит сплетения внешних условий жизни. С другой стороны, влагая хаотическое содержание в свои четкие, подчас сухие образы, он с каждым шагом подходит к некоей внутренней цельности. Тут обнаруживается его кровная связь с Пушкиным: начало XIX века подает руку началу XX. Благодаря Брюсову мы умеем теперь смотреть на пушкинскую поэзию сквозь призму тютчевских глубин. Эта новая точка зрения открывает множество перспектив. Замыкается цикл развития пушкинской школы, открывается провиденциальность русской поэзии.

Безраздельная цельность брюсовской формы, рисующая землю, тело, лишена, однако, огня религиозных высот. Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом — это автомат, движимый паром и электричеством. Здесь мы имеем дело с паровым воскресением мертвых. Его муза подобна бесноватой. Она ждет исцеления в стране Гадарринской. Ее равно восторженное отношение и к Богу, и к дьяволу чисто звериное: «Явись наш Бог и полузверь!» Если тварность музы Брюсова понимать в смысле сотворенности, у ее подножия могут явиться и луна, и звезды, как у Жены, облеченной в Солнце. Если же тварность эта явно склонится в сторону *«зверства»*, ее подножием будет багряный зверь: это будет Великая Блудница. И образ Лучезарной Жены, противопоставленный зверю, рожден в глубине другого русла русской поэзии, берущего начало от Лермонтова.

Русская поэзия связана с западноевропейской. Эта последняя увенчана мировыми символами: таков символ Вечной Женственности, представленный образами Беатриче, Маргариты и т.д. Таков символ Прометея, Манфреда. Эти символы даны под покровом эстетизма. Русская поэзия, заимствуя в лице Лермонтова основные черты западноевропейского духа, своеобразно преломляет их восточной мистикой, глубоко зароненной в русскую душу. Западноевропейские формы извне выражают мистические переживания Востока. У Лермонтова

мы видим столкновение двух способов отношения к действительности. Индивидуализм борется с универсализмом. Предстоит или порабощение мистики эстетикой, или обратное; или же мистика сочетается с эстетикой в теургическом единстве религиозного творчества. В последнем случае предстоит рождение из глубин поэзии новой, еще неведомой миру религии.

Отсюда трагический элемент поэзии Лермонтова, рождающей, с одной стороны, образ Демона, Маргариты-Тамары, нежной заревой улыбки и глаз, полных лазурного огня, с другой стороны, являющей скучающий облик Печорина, Неизвестного и Незнакомки, всю жизнь глядящей на Лермонтова «из-под таинственной холодной полумаски». Эстетическая личина глубочайшего мирового символа, явившаяся перед Ницше как трагическая маска, при столкновении этого символа с религиозным творчеством восточной мистики превращается у Лермонтова в *полумаску*. Но полумаска должна быть сорвана, ибо она — марево, которым враг старается скрыть истинную природу Вечной Жены. *Помещик*: «Не знаю, что это такое: зрение ли у меня туманится от старости, или в природе что-нибудь делается... Ни одного облачка, а все как будто чем-то подернуто...» *Генерал*: «А еще вернее, что это черт своим хвостом туман на свет Божий намахивает» («Три разговора»). Много этого серого тумана в «Сказке для детей». Демонизм Лермонтова, обволакивающий от поэта туманом лик Незнакомки, должен рассеяться, выродиться, ибо подлинная природа Демона, по глубокому прозрению Мережковского, есть мещанская серединность — серость. Этот демонизм вырождается в поэзии Некрасова, заменяясь гражданственностью. Тут пушкинское русло русской поэзии принимает искаженный налет лермонтовского демонизма. Сорванная маска рассыпается пылью и пеплом.

С другой стороны, в попытке примирить трагический индивидуализм Лермонтова с универсализмом вырастает пессимистический пантеизм Фета. Фет берет лермонтовские символы и придает им окраску пантеизма. Если для Лермонтова Заря — покров, под которым укрыты «черты иные» Вечной Незнакомки, Фет, наоборот, в замирающем голосе узнает зарю.

За рекой замирает твой голос, горя,
Точно за морем ночью заря.

Освобождение от личной воли в эстетическом созерцании воли мира — основное настроение фетовской поэзии. Здесь поэзия является выразительницей пессимистической доктрины. Но сама пессимистическая доктрина является перевалом от философии к поэзии. Западноевропейские образы творчества в русской поэзии стремятся соприкоснуться с мистическими переживаниями и явить образ обновленной религии. Вот почему пессимистический покров Фета непроизвольно связан с глубиной лермонтовского трагизма, а у Гейне разрывается между *бесплотным* романтизмом и бесцельным скептицизмом. Вот почему Фет глубже, чем Гейне. Впрочем, поэзия Фета не является нам как дальнейшее развитие поэзии Лермонтова, а лишь побочным дополнением; она — соединительное русло между Лермонтовым и европейской философией. Отныне поэзия и философия нераздельны. Поэт отныне должен стать не только певцом, но и руководителем жизни. Таков был Вл.Соловьев.

Из глубин пессимизма Соловьев пришел к религиозным высотам. Он соединил поэзию с философией. Пышность фетовского пантеизма является для Соловьева покровом, под которым лермонтовский трагизм, очищенный посредством религии, являет ряды всемирно-исторических символов. Борьба двух начал, борющихся в душе человека, оказывается символом мировой борьбы. Освещая лирику Лермонтова вселенским сознанием, Соловьев неминуемо должен сорвать полумаску с лица Незнакомой Подруги, явившейся Лермонтову. Эту маску он срывает. Перед ним является Она в пустынях священного Египта лицом к лицу.

Что есть, что было, что грядет вовеки, —
Все обнял тут один недвижный взор.

Это *Все* оказалось *Единым* образом Женской красоты — Невестой Агнца. Сорванная полумаска оказалась серым облаком пыли. Исчезло обаяние лермонтовского демонизма; оказалось, что «это черт своим хвостом туман... намахивает» («Три разговора»). Согласно Мережковскому,

черт этот с насморком, а хвост его — будто хвост датской собаки. Лермонтовский демонизм чрез Некрасова воплотился отныне в пушкинское русло. Это русло завершилось поэзией Брюсова, в которой поднимается Великая Блудница, восседающая на багряном звере. Но багряный Зверь — только призрак: это пыль, зажженная солнцем. Прекрасное тело брюсовской музы оказывается призрачным под лучами Видения, посетившего Соловьева. Отсюда реальная действительность в описании Блока, этого продолжателя Соловьева, носит кошмарный оттенок. Механизированный хаос оказывается пустотой и ужасом, когда на него обращает свой взор *«Жена, облеченная в Солнце»*. Но Ее знамение еще пока только на небе. Мы живем на земле. Она должна сойти к нам на землю, чтобы земля сочеталась с небом в брачном пиршестве. Она явилась перед Соловьевым в пустыне Египта, как София. Она должна приблизиться. Не теряя вселенского единства, она должна стать народной душой. Она должна стать соединяющим началом — *Любовью*. Ее родиной должно быть не только небо, но и земля. Она должна стать организмом любви.

Но организация любви, сочетающая личность с обществом, должна иметь фокус в мистерии. Замечательно глубоко говорит Вяч.Иванов, что орхестра — необходимое условие мистерии — есть средоточие форм всенародного голосования. Организация этих форм есть один из способов организации Любви. Указывая на дионисические основы общины будущего, Вяч.Иванов возводит общественность в религиозный принцип, указывая на трагический элемент общественных отношений. Этот же элемент связан с мировой трагедией, содержанием которой является борьба Жены со Зверем. Воплощенный образ Жены должен стать фокусом мистерии, воплощая в себе всеединое начало человечества. Жена, познанная Соловьевым, должна сойти с неба и облечь нас Солнцем жизни — мистерией. Хаос, воплощённый в поэзии Брюсова, должен стать телом Жены, сияющей в небесах.

Некрасовская гражданственность должна утвердиться на дионисическом стержне. Тютчевский хаос должен явить из тьмы свою светлую дочь. Брюсовская муза да покинет страну Гадарры! Этой страной Гадарринской оказываются те места, где машинный американизм поет

12—406

свои ужасные песни фабричными гудками, элетрическими звонками и вечно лопающимися беззвучными гранатами, подвешенными на улицах к железным стержням, где трамвай, как железная ящерица, быстро бегает вдоль рельс. Здесь ее метрополия. Здесь она гуляет среди дымов и конок.

С конки сошла она шагом богини.

Значит, подножием ее служит железная ящерица — зверь? Но кто же она?

Да! Я провидел тебя в багрянице,
В золотой диадеме... Надменной царицей
Ты справляла триумф в покоренной столице...
Чу! крики бесчисленных уст!

Можно сказать, что Муза Брюсова направляется от конки к багрянице. Наоборот, Муза Блока, явившись нам в багрянице, направляется... к конке.

Тут между обеими музами начинается страшный дуэт: они встречаются глазами. Лазурные лучи одной пронизывают «пустых очей ночную муть». У другой веет от губ «чем-то звериным, тишью пещер и пустынностью скал». Между ними ползет конка — железная ящерица. Кругом стоят ратники Зверя и Жены. Недаром Блок говорит:

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...

Теперь должен быть сорван окончательный покров с русской поэзии. Истинные лица обозначатся вовек. Явится Та,

...пред кем томится и скрежещет
Великий маг моей земли.

(Блок)

В поэзии Блока мы повсюду встречаемся с попыткой воплощения сверхвременного видения в формах пространства и времени. Она уже среди нас, с нами, воплощенная, живая, близкая — эта узнанная наконец муза Русской Поэзии, оказавшаяся Солнцем, в котором пересеклись лучи новоявленной религии, борьба за которую да будет делом всей нашей жизни. Вот она сидит с милой

и ясной улыбкой, как будто в ней и нет ничего таинственного, как будто не ее касаются великие прозрения поэтов и мистиков. Но в минуту тайной опасности, когда душу обуревает безумие хаоса и так страшно *«средь неведомых равнин»*, ее улыбка прогоняет вьюжные тучи; хаотические столбы метели покорно ложатся белым снегом, когда на них обращается ее лазурный взор, горящий зарей бессмертия. И вновь она уходит, тихая, строгая, в «дальние комнаты». И сердце просит возвращений.

Она явилась перед Соловьевым в пустынях Египта. У Блока она уже появляется среди нас, неузнанная миром, узнанная немногими. Небесное видение соединяет в себе отныне небо и землю, отражается в жизненных мелочах. Но еще не вся жизнь подчинена ей. Еще кругом бунтует хаос, не ставший ее телом. Там, в хаосе, злобные силы, противоборствующие Ее власти. Обращаясь к хаотической действительности, поэзия Блока превращается в кошмар: по городу бегает черный человечек, прибегает в дом, где все нестройно кричат у круглых столов, к утру на розовых облаках обозначается крест, а в весенних струйках у тротуара плывет безобразный карлик в красном фраке. Это и есть многоликий змей — дракон, собирающий против Нее свои Силы. Боясь Ее победы над миром, он преследует Ее в Ее Обители.

Лермонтовская и Пушкинская струи русской поэзии, определившись в Брюсове и Блоке, должны слиться в несказанное единство. Но как? Путем ли свободного соединения или подчинения? В последнем случае предстоит борьба двух реальностей. С одной стороны, цельность брюсовского реализма, с явно выраженной нотой астартизма, превращается поэзией Блока в сплошной кошмар, когда его муза смотрит на мир, не подчиненный ей. С другой стороны, реальнейшее всеединство Ее, с точки зрения Брюсова, оказывается бестелесным видением. По граням соприкосновения этих двух противоположных точек зрения начинается колебание, двойственность, закипает борьба, растут страхи, воскресают химеры античной Греции и безумно смеется красным смехом Горгона войны. «В современной войне все таинственно, рассеянно, далеко, невидимо, отвлеченно; это борьба жестов, воздушной сигнализации, электрических и гелиографических сношений... Если это батарея, то, укрытая за какой-нибудь

складкой почвы, она, кажется, без цели и смысла палит в пространство... Вы постоянно обмануты фантасмагорией» (Нодо). Фантасмагория, марево — вот что неизменно вырастает из сопрокосновения двух противоположных начал мира. Красный ужас борьбы, хохочущий на полях Маньчжурии, а также заголосивший между нами петух огня — все это внешний покров вселенской борьбы, в которой тонут раздвоенные глубины наших душ. Все это — *«маска красной смерти»*, в которую превращается *«мировая гримаса»*, замеченная Ницше.

Вначале мы говорили, что три личины должны быть сорваны с Лика русской музы. Первой слетает богоподобная личина Пушкинской музы, за которой прячется хаос. Второй — полумаска, закрывающая Лик Небесного Видения. Третья Личина — Мировая: это — *«Маска Красной Смерти»*, обусловливающая мировую борьбу Зверя и Жены. В этой борьбе — содержание всякого трагизма. Западноевропейская поэзия говорит нам извне об этой борьбе: трагизм — вот формальное определение апокалипсической борьбы. Русская поэзия, перебрасывая мост к религии, является соединительным звеном между трагическим миросозерцанием европейского человечества и последней церковью верующих, сплотившихся для борьбы со Зверем.

Русская поэзия обоими своими руслами углубляется в мировую жизнь. Вопрос, ею поднятый, решается только преобразованием Земли и Неба в град Новый Иерусалим. Апокалипсис русской поэзии вызван приближением Конца Всемирной Истории. Только здесь мы находим разгадку Пушкинской и Лермонтовской тайн.

IV

Мы верим, что Ты откроешься нам, что впереди не будет октябрьских туманов и февральских желтых оттепелей. Пусть думают, что Ты еще спишь во гробе ледяном.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу,
Золотой образок на груди.

(Блок)

Нет, Ты воскресла.

Ты сама обещала явиться в *розовом,* и душа молитвенно склоняется пред Тобой, и в зорях — пунцовых лампадках — подслушивает воздыхание Твое молитвенное.

Явись!

Пора: мир созрел, как золотой, налившийся сладостью плод, мир тоскует без Тебя.

Явись!

Андрей Белый

(«Весы». 1905. № 4. С. 11—28).

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

В ЗАЩИТУ ОТ ОДНОЙ ПОХВАЛЫ

Открытое письмо Андрею Белому[1]

Дорогой Андрей! Статья твоя в прошлом № нашего журнала («Апокалипсис в русской поэзии»), обличая, должно быть, по справедливости, мою «Музу» в том, что она — «Великая Блудница на багряном звере», в то же время оказывает мне такую честь, которую я, по совести, принять не могу и от которой должен отказаться.

Назвав имена шести поэтов, Некрасова, Тютчева, Фета, Вл.Соловьева, меня и Блока, ты пишешь: «Только эти имена (после Пушкина и Лермонтова) и западают глубоко в душу; талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе национального творчества». Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом, — но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой лич-

---

[1] Упрекают нас, что мы заняты *самокритикованием,* и называют это саморекламированием. Смешной упрек. Критики оценивают в литературе то, что кажется им более важным, и естественно, что это более важное усматриваем мы у наших единомышленников. Г.П.Я. из «Русского Богатства» не стесняется критиковать поэтов из «Русского Богатства» или из журналов, сходных по направлению (см. его книги: «Очерки Русской Поэзии» и «Русская Муза»), восхваляя каких-то Синегубов, Шрейтеров, Башкиных или г-жу Галину. Почему же сотрудники «Весов» лишены права говорить о сотрудниках «Весов»? Да к тому же, ах! наши статьи друг о друге скорее возбуждают обиду в критикуемом, чем благодарность.

ный вкус? Я уже не упоминаю о поэтах, значение которых можно оспаривать (напр., А.Толстой, Н.Щербина, К.Случевский), но как мог ты пропустить имена Кольцова, Баратынского, А.Майкова, Я.Полонского, а среди современников — К.Бальмонта? Ты ответишь, что говоришь только о тех поэтах, в творчестве которых сказался «Апокалипсис». Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам и недостаткам их поэзии, ни по чему другому. Если в глубинах русской поэзии суждено, как ты утверждаешь, зародиться новой, еще неведомой миру религии, если русская поэзия «провиденциальна», — то наиболее яркие представители этой поэзии и будут представителями «Апокалипсиса в русской поэзии». Если же этими представителями оказываются поэты второстепенные, это значит, что поэзия здесь ни при чем! И неужели Блок более являет собой русскую поэзию, чем Бальмонт, или неужели поэзия Баратынского имеет меньшее значение, чем моя? Ты расцениваешь поэтов по тому, как они относятся к «Жене, облеченной в солнце». Критики 60-х годов оценивали поэтов по их отношению к прогрессивным идеям своего времени. Те выкидывали из своей схемы Фета, ты — Бальмонта. Право, разница небольшая. Оба метода подают друг другу руки. Но ты идешь до конца, ты говоришь: «только эти имена и западают глубоко в душу» — значит, остальные не западают, не *запоминаются*. Нет, я решительно отказываюсь от чести быть в числе шести, если для этого должен *забыть* Кольцова, Баратынского, Бальмонта. Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком.

Кстати уж о двух твоих утверждениях, не относящихся прямо ко мне.

Вл.Соловьев (один из шести!) сказал где-то:

Конечно, ум дает права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять.

Я боюсь, что в твоей статье (в общем прекрасной, смелой, яркой) есть кой-где... злоупотребления присущим тебе правом. В «Трех разговорах» одно из действующих лиц говорит, что «не только в воздухе, но и в душе нет

полной ясности». Пользуясь этим, ты утверждаешь, что Вл.Соловьев предсказал извержение Лысой Горы на Мартинике, когда весь мир заволокло «дымкой» и не стало нигде полной ясности. Но, друг мой Андрей, ведь это предсказание основано на игре словами. Переведи фразу Вл.Соловьева на другой язык, и предсказание исчезнет. А то найдется слишком легкий способ быть пророком. Держась твоего метода, можно будет утверждать, что Бальмонт еще в 1897 г. предсказал трагическое плавание адмирала Рожественского, потому что написал:

Плывите, плывите скорей, корабли!

Далее, увлекаясь своей идеалистической мистикой, ты восклицаешь о русско-японской войне: «И войны вовсе нет: она порождение нашего больного воображения». Слова «есть» и «нет» имеют определенное значение. Ни одно из них не применимо в данном случае. Если же смотреть на все внешнее как на несуществующее, только как на символ внутреннего, можно будет сказать не об одной войне, а о чем угодно, что этого нет. Так я могу сказать, что и твоей статьи нет. Тогда, разумеется, мое открытое письмо окажется лишним.

Валерий Брюсов

(«Весы», 1905, № 5. С. 37—38).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

В ЗАЩИТУ ОТ ОДНОГО НАРЕКАНИЯ

Открытое письмо Валерию Брюсову

Дорогой друг!

Мне прискорбно, что краткость изложения, а также преувеличенная схематичность моей статьи «Апокалипсис в русской поэзии» подала повод к заслуженным нареканиям с твоей стороны. Вместе с тем я радуюсь случаю коснуться хотя бы в двух словах необходимых предпосылок к моей статье.

Сущность твоих нареканий, Валерий, сводится к указанию на подмену у меня истинно художественного

критерия религиозным, в этой подмене ты меня и уличаешь, говоря: «Поэтов можно мерить только по достоинствам и недостаткам их поэзии». Согласен, что это — так. Да, в центре художественной критики должна сознаваться идея о независимости художественного творчества от смежных с ним областей (таковы: область религиозного, социального, научного творчества). Но неужели ты думаешь, что независимость эстетического принципа исключает возможность применять к искусству иные методы. Если мысль о независимости эстетического принципа параллельна мысли о свободе научного творчества, то эта свобода отнюдь не должна насильственно навязываться критике. Область прекрасного, полагаю я, будучи формой проникновения в тайну мира, не должна брезгать никаким материалом, вводимым «в эту форму». Религия, «скромно говоря», есть форма касания тайны. Область ее тоже безгранична. Так почему же ты отнимаешь у меня право рассматривать, как преломилась та или иная религиозная идея в тех или иных эстетических формах? Или должен я снова и снова провозглашать независимость Красоты? Ведь это было бы скучным повторением известного нам с тобой общего места. Я удивляюсь, если ты подозреваешь меня в желании унизить Красоту — я удивляюсь такому подозрению. Не думаю я, чтобы ты налагал на искусство запрет, потому что такое насилие несвойственно тебе, чья деятельность — благородный протест против насилия и варварства. А между тем ты, думается мне, опрометчив, когда говоришь: «Если в глубинах русской поэзии суждено зародиться новой... религии, то наиболее яркие представители этой поэзии будут представители «Апокалипсиса в русской поэзии». Валерий, да, так и есть! Присутствие в моей схеме таких поэтов, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев и Фет уничтожают твои слова. Остаются три имени: Вл.Соловьев, Блок, и, наконец, ты сам. Относительно Соловьева, мы, кажется, согласны. О себе ты не можешь ничего говорить. Остается Блок. Итак, к нему только относимы твои слова: «Если же этими представителями (т.е. Апокалипсиса) оказываются поэты второстепенные, то это значит, русская поэзия не причем». Но ты не доказываешь мне, почему Блок поэт второстепенный, я же могу иметь иные сооб-

ражения... Итак, все дело в Блоке? Ты недоумеваешь, почему мной не упомянуты многие крупные поэты, каковы, например: Полонский, Майков, Баратынский, Дельвиг. Я должен заметить, что не касался этих глубокочтимых мною имен вовсе не потому, что им нет почетного места в моей схеме, а исключительно в виду ее наглядности. Новизна и сложность моего взгляда требовала крайнего упрощения его, а такое упрощение достигалось лишь указанием на тех, кто изменял конфигурацию схемы, а не на тех, кто занимал в этой схеме хотя бы и почетные места.

Желая определить отношение чисто художественного масштаба к масштабу моей статьи, я скажу, что направления масштабов друг другу как бы перпендикулярны. Я могу дать отчет о горном хребте, или основываясь на высоте гор, или на расположении этих гор в хребте. Если истинные представители русской поэзии образуют горный хребет нашей культуры, то я могу сказать, что занимался рассмотрением конфигурации гор, или вернее точками, определяющими существенные черты этой конфигурации. Представь, что эти характерные точки могли оказаться не высшими точками хребта. И если главными точками конфигурации русской поэзии оказались Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев и Фет (эти крупнейшие русские поэты), если независимо от этих точек Баратынский, Кольцов, Полонский, Майков, Случевский включимы в конфигурацию, то вряд ли моя теоретическая точка зрения настолько удалена от собственно эстетической, чтобы ее существование представляло какую бы то ни было опасность для правильного понимания русской поэзии. Но я продолжаю настаивать на возможности несовпадения результатов различных методологических исследований как на залог постоянной переоценки эстетических и религиозных факторов.

Я бы еще многое имел сказать по поводу твоих слов: мне хотелось бы, например, развить точнее свой взгляд на провиденциальность русской поэзии, а также на эсхатологический уклон, какой получает в ней идея трагизма, эта основная идея западной поэзии. Из уяснения этого взаимоотношения вытекает, например, мой взгляд на Бальмонта, крупный талант которого глубоко не провиденциален. Но я боюсь, что мое письмо бесконечно

растянется. Если ты хочешь, я могу изложить мой взгляд при личной встрече, или сделать его предметом особой статьи. Мне остается сказать два слова о строках Вл.Соловьева (одного из восьми), тобою процитированных.

Особенность каждого методологического приема такова, что проведение его до последних звеньев часто сопровождается парадоксальностью выводов.

В этом смысле я стою за крайние выводы. Разве не парадоксален вывод теретической физики, что достижение абсолютного нуля ведет за собою уничтожение вещества, когда закон сохранения вещества — основное положение другой точной науки — химии. Право, в этом столкновении двух точных методов, взаимно уничтожающих друг друга, не менее парадокса, нежели в моих словах о том, что Соловьев предсказал мартиникскую катастрофу и что японская война призрачна в том смысле, что она — порождение раздвоенности наших душ — то есть результат нашего шатания, химера, нами вызванная.

Если бы я стал доказывать чисто логически свой взгляд, а не фиксировал его в двух, трех парадоксах, ты, как противник метафизического анализа, справедливо укорял бы меня в излишней «философичности». Положа руку на сердце, ты согласишься, дорогой друг, что прием, которым ты уличаешь меня в приверженности идеалистической мистике, основан не на существе дела, а на остроумии. Ну, а злоупотребление остроумием приводит подчас к неожиданным результатам. Не на крайнем ли злоупотреблении этим приемом основаны зловонные цветы остроумия бурениных, ответом на которые может быть только молчание?

В заключение я должен тебе высказать признательность за указание на одну роковую обмолвку, которую ты и приводишь, а именно: когда я говорил о том, что только имена Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Некрасова, Соловьева, тебя и Блока западают глубоко в нашу душу, то я разумел только ваше особенное значение при рассмотрении русской лирики с точки зрения указанной мной религиозной идеи.

Андрей Белый

(«Весы». М., 1905. № 6. С. 41—42).

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

МЛАДШИМ

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свет, непонятный и желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом приникаю — и жду.

Там, там, за дверьми — ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы бессильны, и голос мой тих.

1903

ВЛ. ПЯСТ

О «ПЕРВОМ ТОМЕ» БЛОКА

I

Как-то, в один из последних годов, Александр Блок сказал своей матери: «Знаешь что? — я написал один первый том. Остальное все — пустяки». Мы разделяем это мнение поэта. Понятно, с оговоркой: «пустяки» — по сравнению с ним, с первым томом. Сами по себе, и второй, и третий том собрания стихотворений Блока — книги огромной художественной ценности, книги «более чем прекрасные». Но они безмерно менее пронизаны горним, светлым лучом; полны они глубин демонических в большей степени, чем высот серафических, а именно на последних пребывает дух творца первого тома, Блока «Стихов о Прекрасной Даме». И мы обращаемся к вам, читатели, к тем из вас, кто мистического чувства не лишены: судите, что глубже, — бездонное небо или адская бездна. Ведь свойство последней — призрачность; такова она в конечном счете, будучи глубиною фальшивою, мнимою. Настоящее — всегда больше мнимого, которого нет.

Еще. — Блок около того же времени говорил: «Терпеть не могу людей, которым больше всего нравится второй том». Этот именно том и является, к сожалению, наиболее популярным. Немудрено: мало таких, которым поэзия говорит в самом заветном; для большинства ее язык — лишь ласкающая ухо и затрагивающая чувственность услада. Того и другого во втором томе изобилие; но нет там — то есть, очень мало по сравнению с первым, — нет там того невыразимого, для которого эпитеты в первом томе даны: «безза-

катное», «непомерное», «лучезарное»... Очень мало в нем и той тоже просвечивающей мир, но лучом иного порядка — мудрости, той силы мысли и слова, которою исполнен зрелый, третий том.

Этот второй том именно и подал бесчисленным писателям о Блоке мысль, которая была ему так тревожно-неприятна в последние годы: мысль о смешении образов святых, Прекрасной Дамы во всех ее аспектах, с темными образами «незнакомок», вошедших в душу поэта впоследствии. В ненапечатанном пока предисловии к новораспланированному будущему изданию сочинений, Блок с укором указывает на незаконность «превращения» образов одного порядка в образы порядка другого. «Как будто сущность, обладающая самостоятельным бытием», пишет Блок, «может превратиться в призрак...»

Поймите же, господа критики, что Прекрасная Дама — это одно; и ее цвета — голубой, лазурный, золотистый, — ночью звездно-синий; те же цвета, в которых виделась и Вл. Соловьеву «Лучезарная Подруга», и Андрею Белому — «Золото в лазури», а то другое, что угнездилось в двуликой душе поэта после, астрально являлось ему всегда окрашенным в другие, грязные тона:

«...Тот неяркий, пурпурово-серый,
И когда-то мной виденный, круг».

С этими словами он обращается к одной из тех, чье «даже имя поэту презренно». А никак не к «Прекрасной Даме».

II

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И, молча, жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно и низко,
Не одолев смертельныя мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

Это стихотворение, написанное в Шахматове, 4 июня 1901 года, второе в «Стихах о Прекрасной Даме» — эра в жизни Блока. Оно, воистину, непомерно; оно эмфатично; оно больше, во всех смыслах, того, что обычно есть самое прекрасное стихотворение; оно — пришло. Посмотрите на внешность его. Видите: по две строки из четырехстишия вылезли, и, нескрепленные рифмой, стали, тем не менее, каждая пара, строфой. В заданный первою такою строфой александрийский размер — со второй строфы вмешался ямб пятистопный, и вот в четвертой и пятой строфах — он уже существует один, не поддерживаемый александрийцами, — и только шестая строфа возвращается к полноте заданного размера. А звучит оно все, это стихотворение, ритмом одним; вдумайтесь же, как сложна фигура построения такого ритма; как проложены, как доступны для осязания на течении его — исказившие его здешнюю (эмпирически-данную) оболочку — прикосновения оттуда — из области несказанного. Понятен ли наш язык? Поясним его из одной молитвы другого поэта, мало мистического по существу, но изредка озарявшегося — Бальмонта:

Я с жадностью смотрю на блеск ее огня:
Как было ей дано погибшей осветиться!
Скорее, Господи, скорей войди в меня,
И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться...

— Вот так именно исказилось теченье александрийца в организме этого стихотворения «о Прекрасной Даме» — от коснувшегося его — не огня — но Духа.

У этого стихотворения свои слова; вернее, слово: «горизонт». Это —не слово из поэтического лексикона. Не русское; поэтому на нем — «табу». Но оно — проясненное, в огне — оно лейтмотив этих стихов; значит, не обычный поэтический канон лежит в их основе, а не-

что за пределами канона, — большее его, при наличии чего все запреты — отпадают, как преодоленное. ...Это-то стихотворение и положило краеугольный камень для недодуманных суждений гг. «отожествителей» Прекрасной Дамы — с незнакомками, «вчерашними ангелами», «ангелами немецкими», «Россией», «Двенадцатью», «Скифами», наконец с «Литературою»!.. Всех таких отожествителей приглашаем мы только всего вдуматься в соблазняющие их строки:

«...И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты»...

Что говорит этими стихами поэт? — что Прекрасная Дама, видоизменив тот облик, в котором рисовалась она певцу ее в продолжение долгих годов, возбудит, явившись в этом ином облике, у поэта подозрение д е р з к о е ! — действительно ли она — Прекрасная Дама («Ты»). Теперь, спросите себя, применимо ли это к «Незнакомке»? Д е р з к о ли было бы подозрение поэта, что сия дама н е е с т ь Прекрасная Дама?

Нет, д е р з о с т ь ю было бы обратное: с Прекрасною Дамою ее отожествить.

Узнать Прекрасную Даму в одной из «Двенадцати» — было бы дерзостью.

А вот н е узнать ее в той, что «... покоится в белом гробу и с улыбкой зовет: не буди!» (в последнем стихотворении первого тома), в той, у кого: «золотистые пряди на лбу, золотой образок на груди», — тоже было бы дерзостью.

III

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты
Мне лица сохранились черты,
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты, и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,

За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси, живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.

В противоложность стихотворению, приведенному первым, строфы этих стихов не только не расчленились, но, наоборот, все слепились, склеились в одно, соединились друг с другом. Вся поэма — как бы одна строфа, один луч из-за приотворенной двери туда. Туда — в потустороннее, в дожизненное; в эмпирику, я подчеркиваю это слово, предсуществования, прежнего воплощенья.

В эмпирику. Впервые в мировой поэзии пахнуло ею в этих стихах. Кто из нас не знает, что и Пифагор еще, и Платон верили в метемпсихозу, и что первый даже доказал, по преданью, что он воплощался прежде и сохранил об этом своем воплощеньи воспоминанье? И в Евангелии от Марка определенно указывается, что новым воплощеньем пророка Илии был Иоанн Креститель, а современники в последнем Ильи не узнали. Данте Габриэль Россетти, помнивший себя Дантом Алигьери. Мистер Олдэб, ставший Бэдло в следующей жизни, в «Сказке Извилистых Гор» Эдгара По; и тысячи литературных вариаций на этот сюжет, — как и миллионы людей, целые народы Азии от калмыков до японцев, строящие государственную жизнь на вере в это, — все эти факты делают, на первый взгляд, более чем рискованным наше утверждение о примате Блоковского проникновения в эмпирику «прошлого существования».

Но мы на нашем утвержденьи настаиваем. Дело в том, что констатировать голый факт, хотя бы и относящийся к «прежней жизни», — совсем не то, что этот факт вызвать

к новой жизни блестящею интуициею художника, и дать его слушателю или читателю ощупать, осязать, восчувствовать. Для такого действия необходимо соответствие мастерства приемов художественного слова порядку изображаемых этим словом явлений. Надо, чтобы художественное как само уже говорило о содержательном что; чтобы это последнее что, раз оно, именно по своей эмпирике (таков, а не иной, о нем опыт), принадлежит к области неуловимого, ускользающего, — такой точно характер стиха, неуловимый, ускользающий, был бы в данной вещи у поэта.

Он есть. Змеящиеся причастия — с одного из них поэма начинается и другим кончается; расплывчатость очертаний (отсутствие строф); едва проступающие образы:

И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты, и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая;
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла...

Все это так неуловимо, начиная с музыки стиха; и песни поэта в этой вещи — поистине те самые

огневые струи —
Беспокойные песни мои, —

о которых говорит он, как о плывших за ее ладьею — в тех, прежних, мирах...

Итак — здесь перед нами не схематичное констатирование фактов; и не подмененное здешнепланным, реальным в грубом смысле, изображение, как это у многих поэтов метемпсихозы, описание явления того порядка, который требует тонко-ускользающего подхода к себе; здесь адэкватные этому явлению музыка и слова.

Воспроизводящие подлинную эмпирику этого явления («анамнэсис»).

Такою же музыкою веет и от стихотворений: «Historia», «Она росла за дальними горами», «Тебя скрывали туманы» и других.

IV

Ты у камина, склонив седины́,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовей,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай, пошалим, постучимся в стекло;
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты тихо, подняв седины́:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

Вот стихотворение, в котором интимность с потусторонним достигает своего, воистину, предела! «Спиритические стуки», «элементали» — по существу даже и для верящих в них (а к таким, несмотря на убедительнейшие, научно-обставленные опыты, доказывающие существование спиритических явлений, относятся, до сих пор еще, далеко не все!), — Блоку же, чудом творческого гения, они становятся до того родны, что он сам перевоплощается в них; говорит и думает от их лица! Происходит настоящее чудо; невозможно слышать это стихотворение, чтобы не вызвать в себе этих безо́бразных образов, чтобы не проникнуться — я не шучу — их психологией; чуть ли не их физиологией. Себя почувствовать на их месте.

Это же ведь бытовая — из жизни элементалей — картинка. Соответственно этому, и образы, осязательные и видимые, исполнены в жанровых приемах. «Кресла» (не «кресло»), «склоненные седины́» (не седины, так было бы слишком торжественно), «дочка весны розовей» — какие тонкие художественные черточки! — сразу рисуется жанр в стиле маленьких гол-

ландцев, или наших — безумного Федотова, Венецианова, Пукирева.

Но у искусства слова в распоряжении бо́льшие средства, чем у живописи; для завершения стиля, что может быть лучше, чем областной выговор дочки: «зверок»! Единственный раз за все тысячи своих стихотворений Блок допускает провинциализм, — и как он уместен и обаятелен в устах этой провинциальной, где-то из близких Польше краев, барышни — дочки!

Последняя, кроме того, что весны розовей — еще и «строже вечерних теней». Почему? — Да ведь потому, что такою она рисуется самим теням теней — шалунам спиритических стуков. С чем же им и сравнивать непонятных им существ трех измерений, как не с подходящими к их быту нереальными тенями!

А ритм, эти дактили, кончающиеся на ударные мужские, местами четырежды подряд повторенные рифмы, — этот ритм как нельзя лучше передает стук этих стуков...

Стихи: «Я вышел в ночь — узнать, понять. Далекий шорох, близкий ропот, Несуществующих принять, поверить в мнимый конский топот»; «странных и новых ищу на страницах старых, испытанных книг»; «И мимо, задувая свечи, как некий Дух, закрыв лицо, с надеждой невозможной встречи, пройдет на милое крыльцо» (кто пройдет? — нет подлежащего!); «И не помню, откуда дохнула в лицо, запевая, сгорая, взошла на крыльцо» (кто «дохнула», кто «взошла»?), объединены эти стихи не только приемами грамматическими (отсутствие существенных частей предложения), но и между собой, и с вышеприведенным стихотворением, — общностью темы, осязанием неосязательного. Но стиль этих стихов, методы, коими в них достигается это самое осязание — совершенно отличны от жанрового письма, которым исполнена картинка «Ты у камина».

Там грамматические приемы, — шаг в «заумный» язык, нереальность в письме — соответственная неосязательности темы; здесь — виртуозное пользование обратным. Ударение на осязаемость; на реальность этого неосязательного...

И совсем уже реальное, протокольное изображение явлений подобного порядка имеем мы в невошедшем в

первое издание «Стихов о Прекрасной Даме» чудном стихотворении: «На смерть деда» — «Шахматово, 1 июля 1902 года».

V

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шопот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради Бога,
Ввечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
— Входи, мой царевич приветный...
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

Это стихотворение попробуем разобрать не со стороны его образности, а со стороны магии звуков. Образность его, однако, типична для ряда мотивов Прекрасной Дамы: старо-русских, теремных. Сюда относятся и «Вступление» («Отдых напрасен...»), и «Крыльцо ее словно паперть», «Царица смотрела заставки» и «Дали слепы, дни безгневны»... С другой стороны, это стихотворение характерно для Блока, как п у т е в о е; он любил в себе путника. Таким же, еще более, может быть, нежным, путевым стихотворением является одно из его любимых:

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел,

где есть такая, изумительная, строфа:

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

И невольно припоминается конец еще одного его стихотворения; все из I тома:

Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь — к Тебе.

Вспоминаются и другие (многие!) стихи.

Во всех этих путевых стихах — путевой же и ритм, употреблявшийся и в античных трагических хорах для тех частей их, которые сопровождались движением (пароды и эксоды) — анапест.

«Какой анапест!» вправе воскликнуть читатель: «Месяц и звезды в косах»... скорее уже это похоже на дактиль, — нечто, анапесту прямо противоположное!

Нельзя судить о ритме по одной строчке. Приглашаю последовать читателя по той же строфе далее:

Входи, мой царевич приветный...
И бедный дубовый посох...

— А это уже скорее вроде амфибрахия! — Совершенно верно, тут перед первым ударным слогом в стихе уже стоит по одному безударному. Но вот последняя строчка:

Заблестит слезой самоцветной,

она-то раскрывает истинный размер строфы и всего стихотворения. Становится ясным, от наличия в этой строке двух безударных слогов перед первым ударным, что и в предыдущих строках мы имели дело с таким же ритмом; что только там на месте — то одного, то двух безударных слогов — находятся паузы.

Мы пришли к искомому слову. «Паузник», вот характернейший для Блока ритм. Это ничего, что Брюсов, может быть, раньше провел точно такой же ритмический ход:

Где вы, грядущие гунны, —
Что тучей нависли над миром;
Слышу ваш топот чугунный
По еще неоткрытым Памирам...

Для Валерия Брюсова это был «кунстштюк», один из его многочисленных «опытов». Блок — первый — в этом ритме начал ж и т ь. Первый — за ним пошли многие: Кузмин и Ахматова во главе этих многих. У Блока этот паузник — органичен; таково его восприятие русского ритма — целою половиною, если можно так выразиться, его существа. Русский классический стих — неизменно с и л л а б о т о н и ч е н, у Державина, Пушкина, Боратынского, Мея, Ал. Толстого, Майкова, Некрасова, сколь они ни разны, — все равно: Кантемировский принцип с и л л а б и з м а ими не изживался, не преодолевался; четырехстопный ямб — имел всегда восемь или девять (при женском окончании) слогов; трехстопный анапест — девять (или 10, 11 — при дактилической рифме) — слогов.

Блок же спокойно — уверенно приблизился к русскому ритму, как к ч и с т о тоническому. Для него, как истинного г е р м а н ц а (несмотря на то, что этой крови в нем было всего одна четверть, — германского д у х а было в нем, по собственному его признанию, почти наполовину!) количество неударных слогов, помещенных между ударными, не играло ощутительной роли в ритмических восприятиях. Ритм определял количество ударений (по крайней мере, при трехсложных стопах) в стихе. К русскому стиху, в этих стихотворениях и других, как типа:

Думы свершились,
Дни сочтены,

так и типа:

Встала в сияньи. Крестилá детей.
И дети увидели радостный сон...

Блок подходил, как к н е м е ц к о м у.

Есть, вообще, два главных течение в русской ритмике: романское, склонное рассматривать ударяемость слогов, как явление переходное, зыбкое (представители «пэонизма» в ямбах и хореях), и германское, ударение русского стиха подчеркивающее (поэты, излюбившие паузники, — и, следующая ступень, р и т м и ч е с к и е ударения в п р о з о в и д н ы х вещах самоновейших стихотворцев).

Но перейдем от ритма к звукам стихов «Я вырезал посох» — самим по себе:

...из дуба,
....вьюги,
....грубы,
....подруги;
Но найду...дорогу
.....
Проброжу.....
Ввечеру постучусь.

Ударные «у» (редчайшая во всех индоевропейских языках из гласных), заканчивающие стихи первой строфы, во второй строфе не исчезли, но перешли в начала стихов, сделались внутренними ассонансами. Это начало изображает задание; путь; труд; упорное стремление к цели; — теперь посмотрим на вторую половину поэмы, на р а з р е ш е н и е:

И отворит белой рукою...

Во всех восьми стихах второй половины только одно ударное у — в слове «Потайную», да два беглых — «рукою» и «дубовый» — как отзвуки первой половины стихотворения, изображающей искания, паломничество. Вторая половина — достижение, земля обетованная, — ясно, что и музыка другая, открытая; вместо четырех «у» первой сторофы — четыре «о» в окончаниях третьей.

Радость встречи с «Молодою» не детская, не шумливая, не громкая. Нет, в этой радости — слезы от счастья:

И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

Потому ударные гласные здесь не кричащие «а» или «я», но «о» или«е», трепетные, переливные, вкрадчивые.

В соответствии с гласными и согласные. В первых шести строках изобилует сравнительно редкая у нас согласная «д»:

— дуба,
Одежды бедны
недостойны подруги.
Но найду дорогу.
Выходи....

В, р, н — следуют за «д» и составляют вместе инструментальную основу н а ч а л а (задания) поэмы; основой инструментовки к о н ц а (разрешения), являются согласные: то же «д», а за нею с (с з и ц е), —

Месяц и звезды в косах,

наконец, «т»:

Заблестит слезой самоцветной.

Все эти звуки относятся к зубным, также и «н», появляющееся в окончательной рифме. Мы не ищем разгадки «разоблачения» этой магии звуков в этом стихотворении; мы только счастливы, что можем ее описать. Почему зубные согласные играют в ней роль, — не знаем, мы указываем, что они — играют...

VI

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной

Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой, смиряясь, посещать.

Холодно — жутко от этих неожиданных стихов (музыка на таинственном протяжном согласном — «м»)! Так вот каков этот «отрок, зажигающий свечи, берегущий кадильный огонь», любящий все эти «вечерни», «вечерние моленья» в храмах, «колокольный зов», «церковные ступени», «лампадки», все самое возвышенное и чистое, «храмовое»! Оказывается, не даром «холодный камень» в храме одет «страшной святостью веков». Есть некий страшный, любящий храмы эти посещать, в них остающийся, — изгоняющий из них толпу молельщиков! Поистине, более жуткого образа не создавал Эдгар По, ни немецкий модернист, его последователь, Ганс Гейнц Эверс. Не создавали в специальных сказках и новеллах о страшном; как же велика должна быть творческая мощь у поэта, взявшего для создания страшного образа двадцать строк — тесные пределы лирического стихотворения!.. Там — многотомные «Удольфские Тайны», «Мельмоты Скитальцы», — здесь, на другой чашке весов, одна Блоковская страничка; и неизвестно, жуть чего перетянет, какая чашка пойдет вверх!..

Мы оставляет остальное в этих стихах без комментариев.

VII

Пять — не столько типичных, сколько удивительных стихотворений из первого тома; разнородный метод разбора их, — мы согласны, что этого довольно разве для признания нашей статьи критическим этюдом «по пово-

ду» необозримых богатств, заключающихся в творчестве «раннего» Блока.

Но мы сознательно избегаем делать обобщения. Никто ведь не опровергнул до сих пор — не очень и давней — мысли Риккерта о сущности понятий исторических.

В противоположность понятиям естественно историческим, у понятий исторических, говорит Риккерт, отсутствует обратная пропорциональность между объемом и содержанием. Они — индивидуумы. Мы не можем выделить такие части понятий битвы при Ватерлоо, чтобы, соединив их в одно с какими-то частями понятия о Бородинском бое, создать некое понятие «о сражении Бородино-Ватерлоо», содержание коего было бы уже содержания отдельных понятий об этих отдельных битвах.

Если индивидуальны исторические понятия — насколько явнее индивидуальны стихотворения. В особенности, стихотворения поэта, стихотворения Блока («Блок» и «поэт» — синонимы, утверждали мы, по поводу этого же первого тома, первого издания его, уже давно, в 1911 году). И ясно, что чем больше был бы объем того понятия, которое мы строили бы относительно стихотворений Блока из первого тома (то есть, если бы, например, взяли мы для разбора какой-нибудь цикл, отдел, или все «Стихи о Прекрасной Даме»), — тем шире было бы и содержание строимого понятия.

Когда-нибудь, мы можем это смело предсказать, о «первом томе» Блока будут написаны исследования многотомные.

Сентябрь, 1921 г.

(Об Александре Блоке. Петербург. 1921. С. 211—233).

4

Пусть светит месяц, — ночь темна
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
Въ моей душѣ любви весна
Не смѣнитъ бурнаго ненастья
Ночь распростерлась надо мной
И отвѣчаетъ мертвымъ взглядомъ
На тусклый взоръ души больной,
Обвитой острымъ, сладкимъ ядомъ
И тщетно, страсти затая,
Въ холодной мглѣ передразсвѣтной,
Среди толпы блуждаю я
Съ одной лишь думою завѣтной
Пусть свѣтитъ мѣсяцъ, — ночь темна.
Пусть жизнь приноситъ людям счастье, —
Въ моей душѣ любви весна
Не смѣнитъ бурнаго ненастья.

А. Блокъ

1898, январь

А.Блок. «Пусть светит месяц, — ночь темна. *Автограф.*

КОММЕНТАРИИ

218

Стихи о прекрасной Даме.

VI.

С. Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года.

А. Блок. Шмуцтитул для книги первой «Стихотворений».
Автограф, апрель 1920 года.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Минуло сто пять лет со дня рождения и семьдесят четыре года со дня кончины Александра Александровича Блока (1880–1921). Подготовлены первые тома Полного академического собрания сочинений великого русского поэта.

Наиболее авторитетными изданиями Собраний сочинений Александра Блока обычно считались два: Собрание сочинений в двенадцати томах (Л., Издательство писателей в Ленинграде и «Советский писатель», 1932–1936) и Собрание сочинений в восьми томах (М.—Л., ГИХЛ, 1960–1963) с примыкающими к нему «Записными книжками» поэта (М., Художественная литература. 1965). Общий план первого из них выработали К.А.Федин, Л.Д.Блок, Р. В. Иванов-Разумник и С.М.Алянский. Второе — под общей редакцией В.Н.Орлова, А.А.Суркова, К.И.Чуковского.

Рядом с этими Собраниями сочинений поэта встали тома «Литературного наследства». Том 89-й. Александр Блок. Письма к жене. Редакторы тома И.С.Зильберштейн и Л.М.Розенблюм. Вступительная статья и комментарии Вл. Орлова. М., Наука. 1978; Том 92-й в пяти книгах. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Редакторы тома И.С.Зильберштейн и Л.М.Розенблюм. М., Наука. 1980–1993. Фактически эти шесть фундаментальных книг являются также еще одним Собранием сочинений Александра Блока.

Признанным источником текстов и комментариев остаются двенадцать «Блоковских сборников», подготовленных тартуской научной школой во главе с Ю. М. Лотманом и З.Г.Минц (Тарту, издание Тартуского университета, 1964–1993).

Назовем также Собрания сочинений Александра Блока в шести томах: М., изд-во «Правда». 1971. «Библиотека «Огонек» (составление, редакция и комментарии С. А. Небольсина; предисловие Б. И. Соловьева); Л., Художественная литература. 1980 (под общей редакцией М. А. Дудина, В. Н. Орлова, А. А. Суркова).

Другие издания сочинений Александра Блока — поэзии, драматургии, прозы, переводов, дневников, записных книжек, писем — называются в комментариях к томам настоящего Собрания.

Недавно в Санкт-Петербурге в издательстве «Северо-Запад» под общей редакцией Ю. К. Герасимова вышли «Стихотворения» Александра Блока в трех книгах — каноническое собрание лирики поэта, лирическая «трилогия *вочеловечения*», «роман в стихах», по определению автора (СПб., 1994; подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова, Н. Ю. Грякаловой, О. А. Кузнецовой, Н. В. Лощинской, С. Ю. Ясенского). Подготовленное Блоковской группой Пушкинского Дома, издание представляет тексты, тщательно сверенные с прижизненными публикациями и с хранящимися в Пушкинском Доме рукописями Александра Блока, и опирается на работу по подготовке Полного академического собрания сочинений поэта. Вот почему первые, поэтические книги предлагаемого Собрания сочинений Александра Блока в двенадцати томах преемственно связаны с книгами, подготовленными Пушкинским Домом. Однако мы считаем необходимым познакомить читателей и с прижизненными сборниками стихов Александра Блока. Ведь это тоже произведения поэта — «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), «Нечаянная Радость» (1906), «Снежная Маска» (1907), «Земля в снегу» (1908), «Ночные часы» (1911), «Стихи о России» (1915), «Ямбы» (1919), «За гранью прошлых дней» (1920), «Седое утро» (1920), «Отроческие стихи» (1922)... Именно по этим и другим книгам современники узнавали Александра Блока.

Но есть еще одно, нерукописное произведение, которое поэт творит по законам трагедии: жизнь, судьба, легенда, имя. То есть само бытие, которое является особым творчеством. В состав тома вводится приложение — раздел «Имя и судьба», где помещаются автобиографические, биографические и историко-литературные материалы, приближающие живой образ поэта.

Открывается Собрание сочинений пятью томами стихотворений и поэм Александра Блока. В других томах представлены театр и переводы, публицистическая, критическая и историческая проза, дневник и записные книжки, письма поэта. Не являясь Полным собранием сочинений Александра Блока, двенадцатитомник включает избранные произведения поэта во всех жанрах, в которых он творил, исповедовался, воплощался.

Для концепции настоящего Собрания сочинений принципиальным является признание сборников, составленных поэтом, не композиционными вариантами на пути к каноническому собранию лирики, как бы «отменяющему» эти сборники, а самостоятельными творениями, не утратившими своего значения и не заслоненными лирической трилогией. Для нас это и памятник культуры Серебряного века.

Показательно восприятие современников Александра Блока, и прежде всего — таких поэтов и таких ценителей поэзии, какими были Георгий Адамович, Павел Антокольский, Николай Асеев, Анна Ахматова, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Иван Бунин, Юрий Верховский,

Максимилиан Волошин, Зинаида Гиппиус, Сергей Городецкий, Максим Горький, Виктор Гофман, Николай Гумилев, Сергей Есенин, Вильгельм Зоргенфрей, Вячеслав Иванов, Георгий Иванов, Евгений Иванов, Владимир Княжнин, Николай Клюев, Михаил Кузмин, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Николай Оцуп, Надежда Павлович, Борис Пастернак, Петр Перцов, Владимир Пяст, Алексей Ремизов, Борис Садовской, Игорь Северянин, Сергей Соловьев, Алексей Толстой, Велимир Хлебников, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Корней Чуковский, Георгий Чулков, Мариэтта Шагинян, Илья Эренбург, — знавшие радость «жить стихом», литераторы Серебряного века, чьи отзывы (опубликованные или устные, немедленные или мемуарные) запечатлели непосредственное воздействие новых книг, циклов, стихотворений Блока на читателей наиболее «музыкальных».

Но мы знаем, чем были книги Блока для самого широкого круга любителей поэзии: каждое название осталось в памяти как огромное и удивительное духовное событие, поистине как Нечаянная Радость. Мы знаем, чем были книги Блока в атмосфере эпохи: они звучали как вестники и призывы. Они и сегодня волнуют, словно только что пришли к нам.

Решающая разница между сборниками стихов Блока и тремя книгами канонического собрания лирики поэта заключается в позиции автора по отношению к своим творениям и, соответственно, во временной определенности этих произведений. Лирическая трилогия — это зафиксированная данность, это уже сложившийся «роман в стихах», это авторское истолкование своего пути, своего лица, своей судьбы. Сборники стихов — это сам процесс, движущееся время, это шаги в неизвестность.

Поклонники Блоковской Музы знают такие определения, как «Блок первого тома», «Блок второго тома», «Блок третьего тома». Это уже закрепленные образы-символы, означающие: ранний Блок, Блок периода своей «тезы», «Прекрасной Дамы», своего исходного верования, мифа, упования; далее — Блок, условно говоря, «Незнакомки», Блок переходного периода, периода отрицания, антитезы, иронии, «попиранья заветных святынь», «ущерба» юношеской веры; наконец, Блок трагический, Блок «Страшного мира» и «Возмездия», но также и Блок на пути к синтезу, Блок в его выборе, Блок «Соловьиного сада» и «Родины». Конечно, это несколько упрощенные характеристики, но все-таки каждый том трилогии имеет свой цвет и свою ноту, свою тему и проблему, хотя поэт неизмерим. По-иному воспринимаются сборники стихов Блока: это поиск, это гипотезы, это проекции в завтра. Кроме того, это в каждый данный момент выражение музыки своего времени и внутреннего состояния поэта; это еще не отделившаяся, не ушедшая в прошлое Музыка. Поэт живет этой Музыкой сейчас, а не оценивает ее, глядя и слушая из другого времени, когда миновавшее стало минувшим.

Первый сборник — *«Стихи о Прекрасной Даме»* 1904 года (на обложке: 1905) — это еще не первый том трилогии, где все дано как

дневник, как главы романа (уже пережитого). Это юношеское озарение, прозрение; это догадка о будущем (в том числе и о втором томе, и о третьем), это переживаемое страстно состояние, мгновение.

Второй сборник стихов — «*Нечаянная Радость*» 1906 года (на обложке: 1907) и третий сборник стихов — «*Земля в снегу*» 1908 года (куда вошла и «Снежная Маска») — это еще не вторая книга трилогии, хотя многие стихи этих сборников войдут позднее во второй том (впрочем, какие-то стихи — в третий, путь к которому готовит «Земля в снегу»). Второй том — взгляд поэта на себя, когда период «антитезы» уже получил внутреннюю самооценку; взгляд на прошлое из наступившего будущего. Сборники стихов — это непосредственно и драматически переживаемые кризисные моменты пути, общего и своего. Это Музыка дороги, это миг, а не образ уже «оставленного» времени.

Четвертый сборник стихов — «*Ночные часы*» 1911 года — тяготеет к третьему тому, но третий том гораздо более «многострунен», симфоничен в своем итоговом составе. «Ночные часы» — преддверие третьего тома. Произведения 1911–1916 годов сгущают трагическую тень и придают третьему тому мрачно-монументальный и вместе с тем просветленно-бесстрашный характер. Но не забудем, что вся «трилогия вочеловечения», как назвал Блок свой «роман в стихах», — это не только детище 1898–1916 годов, которыми датировано каноническое собрание лирики, но и — в окончательном виде — творение последних лет жизни поэта, когда были расставлены важнейшие акценты этой лирической трагедии.

«*Стихи о России*» 1915 года — небольшая и едва ли не забытая книга Блока, соотносимая, естественно, с важнейшим разделом «Родина» третьего тома. Однако это совершенно самостоятельное по составу и звучанию произведение, непосредственно связанное с первой мировой войной (и, кстати, опровергающее распространенное мнение, будто мировая война «почти не отражается» в творчестве Блока).

В третьем томе «романа в стихах» есть цикл «*Ямбы*» (1907–1914), но менее известно, что образован этот цикл и впервые опубликован (в виде отдельной книжки) с подзаголовком «Современные стихи» в 1919 году. Таким образом, «Ямбы» в творчестве Блока идут вслед за «Двенадцатью» и «Скифами» — и должны быть прочитаны также в этом контексте.

Книги «*За гранью прошлых дней*» (1920) и «*Отроческие стихи*» (1922; на обложке: 1923), которые Блок составил из своих ранних произведений, обычно помещают вместе с другими стихами предреволюционной поры, не включенными в канонический состав лирической трилогии. Но мы вправе и должны перечитать эти книги и как явления 1920–1921 годов. Еще в большей мере читаются как «современные стихи» поэтические страницы «*Седого утра*» — трагической книги 1920 года (составленной из дореволюционных стихов), о которой сам Александр Блок говорил, что эта книга о сегодняшнем дне (по воспоминанию К. И. Чуковского). Поэт хотел назвать новую книгу (если она будет) — «*Черный день*».

Когда в мае 1921 года Блок был в Москве, то на встрече в Итальянском обществе поэта приветствовал Павел Павлович Муратов, автор «Образов Италии», краткой речью: «Не знаю, как люди другого поколения, но для нас, родившихся между 1880 и 1890 годами, Александр Блок — самое дорогое имя». Это говорил человек, державший в руках книги поэта...

И первые издания «романа в стихах», «трилогии» Блока (1911–1912, 1916), и последующие воспринимались современниками в ряду с другими его поэтическими книгами, где были такие циклы, которые в «трилогии» не сохранились, видоизменились, например «Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб» («Стихи о Прекрасной Даме»), «Детское», «Магическое», «Перстень-Страданье», «Покорность», «Нечаянная Радость» («Нечаянная Радость»), «Подруга Светлая», «Мещанское житье», «Песня Судьбы» («Земля в снегу»), «На родине», «Опять на родине», «Голоса скрипок» («Ночные часы»). В третьем издании «Стихов о Прекрасной Даме» (1916) главы названы: «Видения (Весна 1901 года)», «Ворожба (Лето 1901 года)», «Колдовство (Осень и зима 1901 года)», «Свершения (1902 год)».

Прижизненные сборники стихов Блока сберегли дыхание того времени, когда они еще не были «заслонены» каноническим «романом в стихах», лирической трилогией в ее окончательном составе, сложившемся незадолго до смерти поэта.

Замысел трилогии возник в связи с глубоким духовным и социальным кризисом, который переживали русское общество, русская культура, Россия и ее наиболее прозорливые и чуткие люди — пастыри, ученые, художники, писатели, мыслители, деятели, политики — в 1909–1911 годы. Эта особая сложная тема, которой коснется и настоящее Собрание. Здесь же отметим основные даты и вехи (см. также статью Ю. К. Герасимова «История издания лирической трилогии А. Блока» в названном выше трехтомном собрании стихотворений: Александр Блок. Стихотворения. Книга первая. СПб., «Северо-Запад». 1994. С. 349–354. И его же статью «Открой мои книги...»: Александр Блок. Стихотворения. Книга третья. СПб., «Северо-Запад». 1994. С. 342–346).

В апреле 1910 года Блок выступил с докладом «О современном состоянии русского символизма», в котором сказал и о своем пути, дал оценку этапов этого пути, наметил концепцию противоречий духовного и творческого становления своей поэзии и поэзии русского символизма. Летом 1910 года в Шахматове Блок начинает поэму «Возмездие», создает ряд трагических стихотворений, которые впоследствии войдут в третий том «романа в стихах». В октябре 1910 года Блок приступает к составлению четвертого сборника стихов «Ночные часы», среди разделов которого и «Страшный мир» (раздел под этим названием открывает книгу третью «романа в стихах»). Задумано и готовится трехтомное «Собрание стихотворений».

В мае 1911 года в Москве в издательстве «Мусагет» выходит книга первая «Собрания стихотворений» Александра Блока. Это было второе

издание, исправленное и дополненное, «Стихов о Прекрасной Даме» (1898–1904). В этом издании все стихи были разделены по годам, и семь глав книги назывались соответственно: 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904.

В декабре того же года там же издана книга вторая «Собрания стихотворений» — «Нечаянная Радость» (1904–1906), второе издание, дополненное. В марте 1912 года «Мусагет» выпустил книгу третью «Собрания стихотворений» — «Снежная ночь» (1907–1910).

В предисловии к «Собранию стихотворений» Александр Блок писал: «...каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы;* из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть *трилогии;* всю трилогию я могу назвать "романом в стихах": она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни» (9 января 1911 года). В письме к Андрею Белому Блок сказал о своей поэзии, о своих книгах: «...все стихи вместе — "трилогия *вочеловечения*"...» (6 июня 1911 года). В записной книжке поэт отметил, что объединяет «все три книги под именем «трилогии» (4 июня 1911 года).

Сохраняя принцип «романа в стихах», Александр Блок продолжал формировать состав и структуру своей «трилогии». В 1916 году в Москве в издательстве «Мусагет» выходят «Стихотворения» Александра Блока в трех книгах. В книге первой (1898–1904) «Стихи о Прекрасной Даме» теперь предваряются разделом «Ante Lucem» («Перед Светом», «До Света»), а завершает том раздел «Распутья». Книга вторая (1904–1907) уже не связана своим названием со вторым сборником стихов. Книга третья объединяет стихотворения 1905–1914 годов. «Трилогия» в ее втором издании подводит еще один итог, но открыта в будущее. Блоковские издания «Мусагета» (включая также «Театр») явились последними книгами поэта, вышедшими до революции.

В письме критику Л. Я. Гуревич, советовавшей поэту включить в свое собрание одно из ценимых ею стихотворений, Блок говорит: «Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать... Да ведь все это не имеет ничего общего с "полным собранием сочинений". Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько в данное время жизни понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться» (23 февраля 1916 года).

Чрезвычайно важно то, что окончательный, канонический состав лирической трилогии Блока определяется в последние годы жизни поэта. Рассуждая абстрактно, можно сказать, что Блок был вправе включить в новые издания «романа в стихах» и «Двенадцать», и «Скифы», но не сделал этого, не мог, разумеется, сделать. Трилогия ограничена датами: 1898–1916. Однако завершается работа над трилогией в 1918–1920 годах. Принято публиковать книгу первую «Стихотворений» по ее пятому изданию, в котором закреплена последняя авторская воля: Собрание сочинений Александра Блока. Том первый.

Петербург, «Алконост», 1922. Книга вторая соответственно печатается по ее четвертому изданию (Петербург, «Земля», 1918). Книга третья — по ее третьему изданию (Петербург, «Алконост», 1921). (См. названную выше статью Ю. К. Герасимова, а также статью Вл. Орлова «От редактора» в издании: А л е к с а н д р Б л о к. Собрание сочинений в восьми томах. Том первый. М.—Л., 1960. С. 565–570 — Подробное исследование прижизненных изданий книг А. А. Блока см.: О р л о в В. Н. Литературное наследство Александра Блока. В кн.: Литературное наследство, т. 27–28. М., 1937. С. 512–535 — См. также: Прижизненные издания Александра Александровича Блока. Каталог. Составитель Е. И. Яцунок. Под редакцией Е. Л. Немировского. М., ГБЛ. 1980.)

Итак, параллельно с выходом сборников стихотворений Александр Блок строит архитектуру «трилогии» — труд и итог всей жизни. До какой степени далеко поэт уходит от своих ранних сборников, особенно наглядно показывает различие в композиции (и, конечно, составе) первого сборника «*Стихи о Прекрасной Даме*» (1904) и книги первой «Стихотворений» в ее окончательном виде, определившемся в апреле 1920 года. Первый сборник состоял из трех разделов концептуально-психологического характера — «Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб». Книга первая трилогии делится тоже на три раздела: «Ante Lucem» («Перед Светом»), «Стихи о Прекрасной Даме» и «Распутья». Но «Стихи о Прекрасной Даме» теперь представлены как дневник — роман в стихах из шести глав:

I. *С.-Петербург. Весна 1901 года*
II. *С. Шахматово. Лето и осень 1901 года*
III. *С.-Петербург. Осень и зима 1901 года*
IV. *С.-Петербург. Зима и весна 1902 года*
V. *С. Шахматово. Лето 1902 года*
VI. *С.-Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года*

Сохранился автограф шмуцтитула главы VI — отдельная страница в наборном экземпляре, которая выглядит примерно так:

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ.

VI.

С.- Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года

Из этого следует, что, по замыслу Блока, каждая глава «Стихов о Прекрасной Даме» должна открываться соответствующим шмуцтитулом, повторяющим вверху название всего раздела.

Имена родных мест поэт ввел в оглавление тома. Композиция его установилась окончательно. Тем самым и первый сборник 1904 года —

«Стихи о Прекрасной Даме» (на обложке 1905 год) остался навсегда неповторимым, неповторенным, единственным в своем роде.

Вершиной поэтического творчества Александра Блока стала именно лирическая «трилогия». «Роман в стихах» увенчал путь поэта, явил определенное «всеединство» (термин Вл. Соловьева). Но, подтверждая бесконечность и безграничность гения, рядом с «трилогией» продолжают жить поэтические сборники, не отмененные «романом в стихах»; вырываются «беззаконно» за пределы уже завершенной, казалось бы, художественной системы «Двенадцать» и «Скифы». И, подобно недостроенному, но в идеале величественному храму, высится «Возмездие» (см.: Турков А. Александр Блок. М., 1969. С. 201–202).

Вдумчивые исследователи жизни и творчества Александра Блока не раз отмечали художественную целостность и неувядаемость прижизненных книг поэта. Вспомним тех, кого уже нет с нами: М. Азадовский, Ю. Айхенвальд, С. Алянский, М. Бекетова, Д. Благой, Г. Блок, Н. Венгров, В. Гольцев, А. Горелов, П. Громов, М. Дикман, Л. Долгополов, В. Жирмунский, П. Журов, И. Зильберштейн, Р. В. Иванов-Разумник, Н. Ильин, Е. Книпович, М. Лесман, Ю. Лотман, Д. Максимов, И. Машбиц-Веров, П. Медведев, З. Минц, К. Мочульский, Вл. Орлов, Б. Соловьев, К. Суворова, Л. Тимофеев, Ю. Тынянов, М. Фейнберг, К. Чуковский, В. Шкловский, М. Щеглов, А. Якобсон, Р. Якобсон...

Не однажды предлагалось переиздать сборники поэта. В 1980 году в издательстве «Московский рабочий» вышел однотомник Александра Блока «Десять поэтических книг», составленный В. Енишерловым из прижизненных сборников поэта. Тогда же в «Советской России» издана книга «Лирика» Блока с подзаголовком «Тридцать лирических циклов и разные стихотворения» (составил Вл. Орлов). В 1989 году в издательстве «Наука» появился «Изборник» Блока (издание подготовили К. М. Азадовский и Н. В. Котрелев, ответственный редактор А. Л. Гришунин). Ранее «Изборник» был включен А. Тарховым в состав издания: Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. «Роза и Крест». М., Художественная литература, 1974. Это свидетельствует о стремлении представить поэтическое творчество Блока не только лирической трилогией, но и другими композициями поэта. Так что в этом смысле наше Собрание опирается на определенную традицию (книгу Александра Блока «Стихи о России» издательство «Литера» репринтно переиздало по заказу REN-TV в апреле 1995 года).

Читателю следует иметь в виду, что качество репринтного воспроизведения книг Александра Блока зависит от состояния взятого для печати экземпляра.

Настоящее собрание выходит при научном содействии Пушкинского Дома — Института русской литературы Российской Академии наук. Приношу благодарность директору института Н.Н.Скатову, ученым этого института — Ю.К.Герасимову, В.Н.Быстрову, А.М.Грачевой, Н.Ю.Грякаловой, Г.К.Кауровой, О.А.Кузнецовой, А.В.Лаврову, Н.В.Лощинской, С.Ю.Ясенскому, О.А.Линдеберг, всем коллегам. Жи-

вое содействие в подборе иллюстраций нам оказали научные сотрудники Литературного Музея Пушкинского Дома — В.С.Логинова, А.Г.Мамаева и О.Ю.Хохлова, а также москвичи — фотограф-художник В.С.Молчанов и художник Д.С.Мухин. За текстологические консультации выражаю признательность библиофилу А.К.Гоморeву и литературоведу В.П.Енишерлову. На подготовительной стадии существенной была помощь фотомастера О.В.Носовой, операторов компьютерного набора — И.В.Симоновой и Е.А. Стадник («Литературная газета»). Составитель благодарит коллектив издательства «Литера» и типографию издательства «Новости». Особая признательность — телекомпании «REN-TV», заказ которой сделал возможным выход этого тома.

В заключение хотелось бы обратить внимание читателей на то, что «блоковская текстология» находится в становлении. Мне лично, например, трудно представить стихи Блока без некоторых особенностей его правописания. Вспомним:

...Запевая, *сгарая*, взошла на крыльцо.

(«Запевающий сон, зацветающий цвет...»)

В соседнем доме окна *жолты*.

(«Фабрика»)

Но право ученого-публикатора — отстаивать свое прочтение канонического текста.

...В третьем выпуске альманаха «Северные Цветы» на 1903 год, где впервые увидели свет «Стихи о Прекрасной Даме», помещены два стихотворения Ф.И. Тютчева — «Самосознанье» («Святая ночь на небосклон взошла...») и «Нам не дано предугадать...». Там же воспроизведены их автографы. Знаменитое ныне четверостишие, написанное 27 февраля 1869 года в Санкт-Петербурге, публиковалось впервые:

Нам не дано предугадать,
Как Слово наше отзовется, —
И нам Сочувствие дается,
Как нам дается Благодать...

С.Л.

СОКРАЩЕНИЯ,
принятые в комментариях

Бекетова — Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990 (Сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского).

Блок в воспоминаниях, 1–2 — Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1–2. М., 1980 (Сост., подготовка текста и коммент. В.Н. Орлова).

Блок и Белый — Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940 (Сост., подготовка текста В.Н. Орлова).

БС-1 — Блоковский сборник. Вып. I. Труды научн. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1964.

БС-2 — Блоковский сборник. II. Труды Второй научн. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972.

БС-3 — Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник. III. Тарту, 1979 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 479).

БС-4 — Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник. IV. Тарту, 1981 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 535).

БС-5 — Мир А. Блока. Блоковский сборник [V]. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 657).

БС-6 — А. Блок и его окружение. Блоковский сборник. VI. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 680).

БС-7 — А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник. VII. Тарту, 1986 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 735).

БС-9 — Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник. IX. Памяти Д. Е. Максимова. Тарту, 1989 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 857).

БС-10 — А. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Блоковский сборник. X. Тарту, 1990 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 881).

Дневник (1918) — Записи в дневнике, сделанные Блоком 17(30) августа и 29 августа (11 сентября) 1918 г.

Енишерлов — Енишерлов В. Александр Блок. Штрихи судьбы. М., 1980.

Записные книжки — Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965 (Подг. текста В.Н. Орлова).

Исследования и материалы, 1987; 1991 — Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987; 1991.

Лесневский — Лесневский С. Путь, открытый взорам. М., 1980.

ЛН — «Литературное наследство».

Письма к родным, 1 — Письма Александра Блока к родным. Т. 1. М.—Л., 1927 (Примеч. М. А. Бекетовой).

Собр. стихотворений (1911). Кн. 1 — Блок А. Собрание стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). 2-е изд. М., 1911.

СС-8_{1-8} — Блок А. Собрание сочинений. Т. 1–8. М.—Л., 1960–1963 (Примеч. В.Н. Орлова).

Стихи о Прекрасной Даме — А. Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., Книгоиздательство «Гриф». 1905 [издано в окт. 1904].

В ряде случаев в интересах читателей названия источников даются полностью. Некоторые сведения повторяются, чтобы избежать отсылок и сделать комментарии более внятными.

АЛЕКСАНДР БЛОК. АВТОБИОГРАФИЯ (1915)

Впервые: Русская литература XX века. Под редакцией С. А. Венгерова. Вып. 6. М., 1915. С. 312–319.

Написана по просьбе *Семена Афанасьевича Венгерова* (1855–1920) — литературоведа, библиографа, редактора, который хорошо знал деда поэта — А. Н. Бекетова. (Биографию А. Н. Бекетова см.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2. С. 353–363). Печатается по авторизованному списку: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 465 (15 лл.). Текст сверен В. Н. Быстровым.

Первоначальный вариант был написан в октябре 1909 года и опубликован в 1911 году (см. раздел «Имя и судьба» настоящего тома и соответствующие комментарии). Автобиография 1909 года вошла в сборник Ф. Ф. Фидлера «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (М., 1911) и в качестве предисловия (с некоторыми неточностями) в сборник Александра Блока «Отроческие стихи» (М., Первина. 1922; на обложке: 1923).

В окончательном виде (1915) это не только Автобиография, но и своеобразная художническая, нравственная декларация, утверждающая прежде всего духовные ценности дедовского, материнского — «бекетовского дома» (см.: Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника. Вступительная статья и публикация С. С. Лесневского и З. Г. Минц. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 635–787; Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. Составление В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского. Вступительная статья С. С. Лесневского. Послесловие А. В. Лаврова. Примечания Н. А. Богомолова. М., 1990; Енишерлов В. Александр Блок. Штрихи судьбы. М., 1980; Турков А. Александр Блок. М., 1981 — в серии ЖЗЛ).

Внутренне, по своему настрою, Автобиография связана с такими произведениями Александра Блока 1915 года, как «Судьба Аполлона Григорьева» (*СС-85*. С. 487–512) и «Стихи о России» (изд. журнала «Отечество»). Вместе с тем Автобиография, при общем повествовательном тоне, характерна разнообразием оттенков и деталей, — это малень-

кая эпопея, возникшая как бы рядом с поэмой «Возмездие» и ее набросками, но более личная и утверждающая.

Одна из первенствующих идей Автобиографии — причастность и литературы и науки к судьбе поэта, его родных и близких, к судьбе русской культуры.

Заглавная фигура всей родословной — *Андрей Николаевич Бекетов* (1825–1902), ученый-ботаник и общественный деятель, дед поэта (см. о нем: Баранов П. А. Выдающийся русский ботаник Андрей Николаевич Бекетов (К 50-летию со дня смерти). М., 1952; Щербакова А. А. Андрей Николаевич Бекетов — выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М., 1958; Федосова П. А. Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878–1918 гг.). Под редакцией Э. Д. Днепрова. М., 1980; Лесневский С. Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника. М., 1980; А. Н. Бекетову посвящена неопубликованная книга М. А. Бекетовой, хранящаяся в Пушкинском Доме).

Дворянский род Бекетовых, происходивший от черкесских беков, известен, по крайней мере, с XV века. В XVII веке боярский сын Петр Бекетов, письменный голова в Енисейске, строил Якутский острог. В XVIII веке — *Никита Афанасьевич Бекетов* (1729–1794) — генерал-поручик, астраханский губернатор, дядя поэта И. И. Дмитриева; писал стихи, песни, драмы; был и актером. В XIX веке несколько Бекетовых составили себе имя в отечественной культуре, и среди них — *Платон Петрович Бекетов* (1761–1836), библиофил, коллекционер, меценат, журналист и издатель, друг Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Пензенский прокурор *Алексей Матвеевич Бекетов* — прапрадед Александра Блока; *Дмитрий Алексеевич Бекетов* — участник Отечественной войны 1812 года, приятель и сослуживец поэта-партизана Дениса Давыдова. (Биографии целого ряда представителей рода Бекетовых см.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии в 12 томах. Отв. ред. В. М. Карев, М. Н. Хитров. Т. 2. М., 1992. С. 12–14; там же биографии А. А. Блока и А. Л. Блока, отца поэта. — См. также: Из семейной переписки Бекетовых. Публикация Н. Т. Ашимбаевой; Мемуарные письма М. А. Бекетовой и Андрея Белого. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. Обе публикации в сб.: *Исследования и материалы, 1987.* С. 240–262. Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1 (А — И). Л., 1988. С. 75–76; Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 32. — Подробно рассказывает о предках Александра Блока В. П. Енишерлов в названной книге. См. также: Княжнин В. Н. Александр Александрович Блок. П., Колос. 1922; Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978; Круглова М. К истории рода Бекетовых. — Советские архивы, 1981, №5.)

Прадед поэта — пензенский дворянин *Николай Алексеевич Бекетов*, знавший Е. А. Боратынского, Д. В. Давыдова, П. А. Вяземского и самого А. С. Пушкина, был женат на Екатерине Андреевне Якушки-

ной, племяннице декабриста И. Д. Якушкина. Их дети — братья Бекетовы, Андрей, Алексей и Николай — одно время учились в Петербурге и жили вместе с молодым Ф. М. Достоевским (1846–1847 годы; см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. В трех томах. Т. 1. 1821–1864. Составители И. Д. Якубович и Т. И. Орнатская. Под редакцией Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб., 1993).

Андрей Николаевич Бекетов окончил естественное отделение (разряд) физико-математического факультета Казанского университета. В Тифлисе преподавал естественные науки в женской гимназии. 27 августа 1854 года А. Н. Бекетов в храме подмосковного села Тишкова, близ имения Трубицыно, был повенчан с Елизаветой Григорьевной Карелиной, дочерью путешественника и естествоиспытателя *Григория Силыча Карелина* (1801–1872), который приходится поэту прадедом. (См. о нем: К а р е л и н а С. Г. Русский человек на восточной окраине (Очерк жизни и деятельности Г. С. Карелина). — Русский архив. 1873. Кн. 7; Л и п с к и й В. И. Григорий Силыч Карелин (1801–1872), его жизнь и путешествия. СПб., 1905; П а в л о в Н. В. Натуралисты и путешественники Григорий Силыч Карелин (1801–1872) и его воспитанник и друг Иван Петрович Кирилов (1821–1842). М., 1948; Б л ю м и н Г. Из книги жизни. Очерк об Александре Блоке. Л., 1982; Б л ю м и н Г е о р г и й. В дали неизведанной земли. Труды и жизнь Григория Карелина. Челябинск, 1982). Знаменательно, что уже в конце XIX века имя Г. С. Карелина вошло в издание: Русский биографический словарь. Т. «Чебак — Ключарев». СПб., 1897. С. 521–522.

«Перед нашими глазами с детства как бы стоит надпись: огромными буквами написано: "Пушкин"», — замечает Блок в дневнике в последний год своей жизни (7 февраля 1921 года: *СС-8*$_7$. С. 404). Пушкин являлся Блоку с детства в семейных преданиях Бекетовых и Карелиных. С младенчества привык он слышать о Пушкине и Пушкинской эпохе как истоке. «В семье, в общем, господствовали старинные понятия о литературных ценностях и идеалах...» (автобиография, 1909; почти так же сказано и в позднейшей Автобиографии, 1915).

Жена Г. С. Карелина (с 1825 года) — *Александра Николаевна, урожденная Семенова* (1808–1888) — прабабушка Александра Блока, училась в пансионе, где преподавали Греч и Плетнев, вместе с *Софьей Михайловной Салтыковой-Дельвиг* (1806–1888), женой поэта *Антона Антоновича Дельвига* (1798–1831). В Оренбург, где жили Карелины, Дельвиг прислал Александре Николаевне «Северные Цветы на 1827 год» со своим стихотворным посланием. Дельвиги и Карелины дружили, переписывались. С. М. Дельвиг в своих письмах (к которым иногда делала приписки А. П. Керн) рассказывала своей ближайшей подруге Александре Николаевне и о Пушкине: «Я познакомилась с Александром, он приехал вчера, и мы провели с ним день у его родителей. Сегодня вечером мы ожидаем его к себе, — он будет читать свою трагедию «Борис Годунов» (25 мая 1827). Ранее она послала подруге еще не публиковавшиеся отрывки из нового творения Пушкина — романа

«Евгений Онегин», переписанные им: «Сохрани их, — это драгоценность, так как это — руки самого Пушкина...» (13 октября 1824). (См.: Модзалевский Б. Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвиг. — В его кн.: Пушкин. Л., 1929. С. 207, 134; Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. В. Томашевского. Л., 1959. С. 194 и 325; *Енишерлов* (глава «Сыны отражены в отцах»); Дельвиг А. А. Сочинения. Составление, вступительная статья, комментарии В. Э. Вацуро. Л., 1986.)

Поэт *Сергей Михайлович Соловьев* (1885–1942), которому А. Н. Карелина (Семенова) приходилась прабабушкой (как и его троюродному брату Александру Блоку), писал о ней: «...Александра Николаевна... выросла в литературной среде. Она была ученицей Плетнева и сохранила всю жизнь близкие отношения с Дельвигом и Баратынским. Была очень образованна, целые дни читала, сидя в вольтеровском кресле; каждую весну перечитывала Шиллера, каждую осень Гёте» (очерк «Ольга Михайловна Соловьева», хранится в РГАЛИ: цит. по публикации А. В. Лаврова в сб.: *Исследования и материалы, 1987*. С. 256).

Александра Николаевна помнила и Пушкина. Она была убеждена, что это про нее сказал А. С. Пушкин: «Вокруг лилейного чела Ты косу дважды обвила» (в «Бахчисарайском фонтане», описывая красоту Заремы). (См.: *Бекетова*. С. 445.) Случилось так, что именно А. Н. Карелина первой приняла на руки маленького Сашуру Блока и впоследствии учила его читать. «Один из последних отсветов Пушкинской эпохи блеснул над колыбелью Александра Блока» (Орлов Вл. Гамаюн. Л., 1978. С. 22).

В 1842 году А. Н. Карелина вместе с детьми переехала в приобретенное ею подмосковное имение Трубицыно, где впоследствии побывают и А. Н. Бекетов, и Александр Блок, и Сергей Соловьев. В Трубицыне и в Москве первое время живет молодая семья А. Н. и Е. Г. Бекетовых. В 1859 году они переехали в Харьков, где А. Н. Бекетов получает место профессора ботаники (здесь уже заведует кафедрой химии его брат Н. Н. Бекетов). 6 марта 1860 года в Харькове родилась дочь Александра, Аля, в будущем — мать Александра Блока.

В 1860 году Бекетовы переезжают в Петербург, где Андрей Николаевич Бекетов читает лекции в Петербургском университете, затем там же принимает заведование кафедрой ботаники. А. Н. Бекетова величали отцом русских ботаников. Труды его составили эпоху в развитии этой науки. В 1867–1876 годах А. Н. Бекетов — декан физико-математического факультета, в 1876–1883 годах — ректор Петербургского университета (избирался учеными на два срока).

В 1878 году в Петербурге открываются первые в России Высшие женские курсы — итог многолетних усилий А. Н. Бекетова и его коллег, единомышленников, боровшихся за право женщин на высшее образование. Курсы назвали Бестужевскими по имени их первого директора — историка К. Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897). А. Н. Бекетов в течение ряда лет являлся председателем педагогического совета кур-

сов. Немало других научных и общественных начинаний — результат инициативы и энтузиазма А. Н. Бекетова. Близкими друзьями и сподвижниками ученого-общественника были Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, И. М. Сеченов.

Примерно на этой исторической черте — в 70-е годы минувшего века — родословные линии Бекетовых и Блоков сближаются. В Автобиографии поэта они освещены неодинаково.

Подобно Фету, Блок чувствовал иногда невольное внутреннее отторжение от своей фамилии, которая, как ему казалось, не передавала верно душу русского поэта. Теперь-то нам такое и в голову не приходит... Но не сразу имя «Блок» стало поэтическим «звуком». Правда, произошло это уже при жизни Блока (хотя окончательно совершилось посмертно, как всегда в судьбе поэта).

Да, «бекетовское начало» ближе, роднее, теплее для Блока, нежели собственно «блоковское». Но попробуйте представить, что все эти стихи, которые известны как стихи Блока, написал некий «Бекетов»! Ничего не получится... И в духе Блока эта двойственность, когда за «Блоком» скрывается кто-то иной...

«Бекетовское начало» было внешне, «в миру» как бы скрыто за «нерусской» фамилией поэта. В той же Автобиографии Блок пишет: «В семье отца литература играла небольшую роль. Дед мой — лютеранин, потомок врача царя Алексея Михайловича, выходца из Мекленбурга (прародитель — лейб-хирург Иван Блок был при Павле I возведен в российское дворянство)». Однако на самом деле (что подтвердила и позднейшая, 1930 года, справка Мекленбургско-Шверинского архива) прапрадед поэта по отцовской линии *Иоганн-Фридрих Блок* (1735–1810), родом из Демитца на Эльбе, был сыном фельдшера Людвига Блока и дочери булочника Сусанны-Катерины Зиль; в 1755 году он прибыл в Россию, где звался уже Иваном Леонтьевичем. О нем и сообщает поэт в автобиографии, будучи убежден, что корни этого обрусевшего немецкого (впрочем, возможно, и немецко-еврейского) рода уходят во времена царствования Тишайшего Государя Алексея Михайловича... Так верил Александр Блок в древние связи своих предков с историей России. (См.: Б л о к Г. П. Герои «Возмездия». — Русский современник. 1924. №3. С. 172–186; И л ь и н Н., Н е б о л ь с и н С. Предки Блока. Семейные предания и документы. — Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. 34. 1975. №5. С. 450–455).

Имена предков поэта — Бекетовых и Блоков — возникают иногда почти одновременно и сравнительно недалеко друг от друга — в пушкинском мире, хотя и в разных иерархических слоях русского общества. Влиятельный сановник при дворе Императора Николая I — *Александр Иванович Блок* (1785–1847), прадед поэта, управлял собственной Его Императорского Величества конторой и Аничковским дворцом. Между прочим, В. А. Жуковский в письме к А. И. Тургеневу в ноябре 1844 года из Франкфурта сообщает, что нашел двух русских переписчиков своего перевода «Одиссеи»; один из них — «замечательное лицо потому, что он свергнувший с себя цепи раб: бывший мальчик Блока, от него бежавший

и теперь бесприютный. Хочет учиться ремеслу...» «Блок» здесь — прадед поэта. (Сочинения В.А.Жуковского. В двух томах. Под редакцией А. Д. Алферова. Т. 1. М., 1902. С. 476.)

Дед поэта — *Лев Александрович Блок* (1823–1883) был женат на дочери псковского губернатора *Ариадне Александровне Черкасовой* (1832–1900) и окончил Училище правоведения, где получили образование также И. С. Аксаков и К. П. Победоносцев. Это уже близко к тому миру, где Бекетовы были знакомы с Достоевским, который, по семейному преданию, обратил внимание на Александра Львовича Блока, будущего отца поэта...

Отец поэта — *юрист и философ Александр Львович Блок* (1852–1909) обрисован в автобиографии точными, сжатыми, выразительными штрихами — в духе поэмы «Возмездие». И воспринимается как один из сильнейших духовных и творческих истоков поэта, который помнил отца кровно, всем существом.

Александр Львович Блок родился 20 октября 1852 года в Пскове, здесь прошли его детские годы (см.: Блюмин Георгий. В красе заплаканной и древней (Блок и Псков). Псков, 1980). Учился А.Л. Блок в новгородской гимназии, которую окончил с золотой медалью. Затем поступил на юридический факультет Петербургского университета, где учился также блестяще. В 1875 году познакомился с Алей Бекетовой и страстно влюбился в нее, стал бывать в доме ректора университета на семейных и студенческих вечерах. Поражала «демоническая» внешность Александра Львовича. Стихийная сила была в его исполнении Бетховена, Шумана, Рубинштейна. Александр Львович сделал Але предложение, но получил отказ: слишком молода была, а в характере и облике Александра Львовича что-то пугало...

В 1878 году Аля становится невестой А. Л. Блока, и он на правах жениха летом побывал в подмосковной усадьбе Бекетовых — Шахматове. 8 января 1879 года состоялась свадьба Александра Львовича Блока и Александры Андреевны Бекетовой. А. Л. Блок получил кафедру приват-доцента государственного права в Варшавском университете, и молодые уехали в Варшаву. В конце сентября 1880 года А. Л. Блок вместе с женой приехал в Петербург для защиты докторской диссертации. Вскоре выяснилось, что брак сложился несчастливо... Между тем Александра Андреевна ждала ребенка. Андрей Николаевич Бекетов настоял, чтобы дочь на время родов осталась дома, в семье отца и матери. А. Л. Блок после защиты диссертации уехал в Варшаву. Больше Александра Андреевна к мужу не возвращалась... *16 ноября (28 ноября) 1880 года* в Петербурге, в «ректорском доме» при университете, родился Александр Александрович Блок.

Семейная драма заслонила от нас лицо Александра Львовича Блока — ученого, историка, правоведа, музыканта, писателя — человека, безусловно, незаурядного, что признавал и подчеркивал его сын-поэт, связанный с отцом прежде всего «духом музыки». Сохраняют интерес книги А. Л. Блока — «Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французу-

ские политические порядки» (СПб., 1880) и «Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права» (Варшава, 1884). Они были в библиотеке сына-поэта.

Не разгадана душа, скрывавшаяся за странным стилем писем этого блестящего и несчастного человека (см.: Спекторский Е. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911; Измаильская В. Д. Проблема «Возмездия». — В сб.: О Блоке. *Сб.* под ред. Е. Ф. Никитиной. М., 1929; Письма отца к Блоку. Предисловие, публикация и комментарии Т. Н. Конопацкой. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 249–274; Блок в переписке Блоков и Качаловых. Публикация М. Б. Плюхановой. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 275–293; Александр Блок в воспоминаниях С. Н. Тутолминой. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 293–296; Воспоминания Е. А. Боброва и Е. С. Герцог об А. Л. Блоке. Публикация Т. Н. Конопацкой. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 296–307; Березарк И. Б. Отец Александра Блока. — Русская литература. 1977, №3; *Енишерлов* (глава «Семья Блоков»). С. 51–81; Шоломова С. Б. Блок и Лариса Рейснер. — *БС-4.* С. 225–245; Шоломова С. Б. Эскизы к портрету отца Александра Блока (статья 1). — *БС-5.* С. 126–141; Шоломова С. Б. Эскизы к портрету отца Александра Блока (статья 2). — *БС-7.* С. 82–90; Письма Блока к Е. В. Спекторскому. Вступительная статья, публикации и комментарии С. Б. Шоломовой. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 297–308; Галис Адам. Семнадцать дней Александра Блока в Варшаве. Варшава, 1976, на польском языке).

27 декабря 1911 года Александр Блок записывает: «Отец мой — наследник (Лермонтова), Грибоедова, Чаадаева, конечно». И далее развертывает сложнейшую характеристику иронии и демонизма А. Л. Блока, требующую отдельного анализа (к этому высказыванию поэта мы еще вернемся). (См.: *СС-8*$_7$. С. 112; *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 297–308.)

В автобиографии поэта характеристика «блоковского» начала, портрет отца следуют за характеристикой всех Бекетовых. Однако одно имя не случайно идет сразу же вслед за именем деда, А. Н. Бекетова. Это имя Д. И. Менделеева.

Будущий поэт родился и рос в бекетовском доме, в семье родителей матери. Автобиографию (1915) Блок начинает словами: «Семья моей матери причастна к литературе и к науке». И далее — о старинных «ценностях и идеалах», которые одушевляли бекетовскую семью — не только в эстетическом плане, но и в нравственном.

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым...

(Возмездие. Первая глава)

Имя деда — Андрея Николаевича Бекетова навсегда осталось для поэта символом и синонимом достойного нравственного выбора. Здесь

начинались сложнейшие проблемы взаимоотношений «народа» и «интеллигенции», разных «правд». И эта старинная русская драма была тоже унаследована поэтом от дедов и отцов — и от Бекетовых, и от Блоков.

Все начало Автобиографии поэта отдано портрету деда — А. Н. Бекетова. Другом деда был великий русский ученый *Дмитрий Иванович Менделеев* (1834–1907), который, по словам Блока, «играл очень большую роль в бекетовской семье». Блок считал Д. И. Менделеева и Льва Толстого двуединым воплощением гения России, ставил их имена рядом.

Подмосковное Шахматово было приобретено А. Н. Бекетовым, по совету Д. И. Менделеева, осенью 1874 года. Первое лето Бекетовы провели в Шахматове в 1875 году. Маленький Сашура Блок был впервые привезен в Шахматово летом 1881 года, в шестимесячном возрасте. С тех пор он жил здесь в летнюю пору ежегодно, вплоть до 1916 года. (Шахматовский дом погиб уже после революции, сгорел в июле 1921 года.)

Боблово приобретено Д. И. Менделеевым раньше, в 1865 году. Там бывали друзья ученого — художники А. И. Куинджи и И. Е. Репин, приезжали Толстые из имения Никольское-Обольяново, навещал друга А. Н. Бекетов. Однажды он привез внука Сашуру, это было летом 1895 года. Но впервые, после долгого перерыва, Александр Блок приехал туда, окончив гимназию, летом 1898 года. Этот приезд и стал, собственно, началом «романа в стихах» и прологом романа в жизни. Правда, совсем недавно, в 1897 году, в Германии произошла встреча с *Ксенией Михайловной Садовской* (1860–1925). Поэт не впрямую говорит о перипетиях личной и творческой жизни, и в конце Автобиографии образ «К.М.С.» явится невидимо, когда будет сказано о троекратном возвращении в Bad Nauheim (Бад-Наугейм).

Автобиография дважды подчеркивает *исторический рубеж*, отделяющий эпоху А. Н. Бекетова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других «дворян-шестидесятников» (по определению Блока) от двух последних десятилетий XIX века. Они принадлежали, говорит Блок, «к тем идеалистам чистой воды, которых наше время уже почти не знает». Нам, по словам поэта, уже не понять, например, их отношения к Императору Александру II. Далее Блок пишет о переходе «к глухим временам, которые наступили после событий 1 марта 1881 года» — убийства революционерами-террористами Царя-Освободителя Императора Александра II.

Забытые подробности этой «эпохи русской истории» усиливают впечатление ее удаленности от нового времени. И «борелевские обеды» (Борель — владелец ресторана в Петербурге), и собрания Литературного фонда (в которых участвовал А. Н. Бекетов вместе с известными русскими писателями), и воспоминания «о хорошем французском и русском языке», и учащаяся молодежь конца семидесятых годов, и встреча «барина» (а в сущности, труженика, ученого, деятеля) с мужиками в Шахматове — штрихи к портрету деда и портрету эпохи.

Эта эпоха и была колыбелью поэта, как Петербургский университет «в его лучшие годы» — местом рождения («я и родился в "ректорском доме"»). И Яков Верный, Федор Куранов и другие мужики подмосковных деревень Гудино, Осинки, Тараканово, что близ Шахматова, — тоже из той эпохи, которая «отошла безвозвратно» (о крестьянах, соседях и знакомых Блока и Бекетовых рассказывает М. А. Бекетова в своей книге «Шахматово. Семейная хроника». — См.: *Бекетова*).

Прогулки с дедом по окрестностям Шахматова, совместные поиски растений для ботанических коллекций, отношение А. Н. Бекетова ко всему живому, мысли ученого, которыми он делился с внуком и изложил в своих работах, — *«География растений»*, *«Гармония в природе»* (печаталась в свое время в журнале «Русский Вестник»), *«Беседы о Земле и тварях, на ней живущих»*, *«Беседы о зверях»*, *«Из жизни природы и людей»* и других книгах, — весь «бекетовский мир» отзовется в поэзии Александра Блока. (Книги А. Н. Бекетова были в библиотеке поэта. См.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Составили О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Под редакцией К. П. Лукирской. Л., 1984. С. 27.)

Символично, что внук ученого-ботаника искал каждый год «на той самой горе», где они были с дедом, «особенный цветок ранней грушовки», — искал, но не находил: «...очевидно, он засеялся случайно и потом выродился». (См. также: Щ е р б а к о в а А. А. История ботаники в России до 60-х гг. XIX века. Новосибирск, 1979.)

Следующий хронологический и человеческий рубеж — *лето 1897 года*. И юный Блок приезжает в Шахматово другим, вернувшись из Бад-Наугейма, потрясенный первым большим чувством, и несчастье обрывает «шахматовский сон»: дед разбит параличом. Рухнула эпоха в преддверии двадцатого века... *1 июля 1902 года* в Шахматове скончался Андрей Николаевич Бекетов. Это одна из тех дат, которые календарно точно называются в Автобиографии (даже дату своего рождения поэт не произносит).

Следующая дата, следующая веха — свои судьбы соединяют поэт и его избранница. Характерно, *как* об этом говорит Александр Блок, *что* здесь для него важно. Речь об этом событии идет в связи с приобретением Боблова, а затем — Шахматова. И далее: «Старшая дочь Дмитрия Ивановича Менделеева от второго брака — Любовь Дмитриевна — стала моей невестой. В 1903 году мы обвенчались с ней в церкви села Тараканова, которое находится между Шахматовым и Бобловым». (В этой же церкви Михаила Архангела отпевали А. Н. Бекетова.)

Любовь Дмитриевна Менделеева (Блок, 1881–1939) — драматическая артистка (выступала и под театральным именем — Басаргина). Кроме того, она была знатоком балета и его истории, оставила в рукописи фундаментальный труд (см.: Б л о к Л. Д. Классический танец. История и современность. Составитель Н. С. Годзина. М., 1987).

Но значение Любови Дмитриевны для Блока, разумеется, невозможно измерить ее удачами или неудачами в сценическом мире, хотя поэт всерьез принимал все, что составляло творческую судьбу жены.

Не случайно в Автобиографии Блок сказал о *венчании* и *церкви* (а *не* будничней). Любовь Дмитриевна, Люба навсегда осталась для поэта осененной и предназначенной свыше. Кроме того, она, безусловно, была необычайно одаренным и значительным человеком.

Судить о Любови Дмитриевне по меркам состоявшейся или несостоявшейся «театральной карьеры» было бы слишком плоско. Люди такого плана и такого масштаба, как она, жившие в начале столетия, понимали свою «удачу» не внешне. Они стремились прежде всего быть верными себе. У нас нет права порицать то, что нам может не прийтись по душе в воспоминаниях Любови Дмитриевны («И быль и небылицы о Блоке и о себе»). Она писала как свободный человек, не следуя роли, амплуа, которых мы от «жены поэта» невольно ждем. Может быть, за то, что Любовь Дмитриевна была именно такой, Блок надписывал ей свои книги одним словом: «*Любе*». При всем драматизме отношений это имя было для Блока самым дорогим и высоким.

Переписка Александра Блока и Любови Дмитриевны — лучший источник для понимания «нераздельности и неслиянности» этих судеб. И конечно, «Стихи о Прекрасной Даме», которые, будучи и о земном, и о нездешнем, соединили двоих здесь и навеки. (См.: Блок Л. Д. И быль и небылицы о Блоке и о себе. — *Блок в воспоминаниях, 1*. С. 134–187, 507–513, комментарии Вл. Орлова; Александр Блок. Письма к жене. Вступительная статья и комментарии Вл. Орлова. Редакторы тома И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. — *ЛН*. Т. 89.)

Автобиография Александра Блока — это образы, лица, характеры, личности, неотделимые от всей жизни и судьбы поэта, — так или иначе с каждым из них шел постоянный диалог, обмен музыкальными волнами. Вслед за именами А. Н. Бекетова, Д. И. Менделеева, Л. Д. Менделеевой в Автобиографии следует имя бабушки поэта по материнской линии, дочери Г. С. Карелина — *Елизаветы Григорьевны Бекетовой* (1836–1902) — писательницы, переводчицы, неутомимой деятельницы «русского просвещения» (по определению Блока). Портрет ее любовно и подробно выписан в Автобиографии.

«Короткий план ее записок», хранившийся внуком, теперь в Пушкинском Доме. Елизавета Григорьевна составила хронику семейных событий для своего мужа. Например, 1853 год: «8 июня ты пришел в первый раз; во второй раз — в сентябре; в третий — в ноябре. 20 ноября сосватал меня...» 1874 год: «Осенью ты покупаешь Шахматово». 1875 год: «Весной первая поездка в Шахматово и общее восхищение». 1880 год: «26 сентября Аля с Блоком приезжают из Варшавы. Треволнения. 16 ноября родился Сашура. — Борьба с Блоком». 1881 год: «1 марта Государя Александра II убили. — Выборные от города. Осадное положение». И еще: «Сашура становится главной радостью жизни» (исследование этой хроники подготовлено Н.В. Лощинской).

Но этим хроника не исчерпывалась. Е. Г. Бекетова «знала лично многих наших писателей», по свидетельству Александра Блока. Внук берег «тот экземпляр английского романа, который собственноручно

дал ей для перевода Ф. М. Достоевский. Перевод печатался во «Времени». Роман английской писательницы Э. Гаскелл «Мэри Бартон» (Время, 1861. №4–9) перевела жена давнего друга Ф. М. Достоевского — Андрея Николаевича Бекетова — Е. Г. Бекетова (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. В трех томах. Т. 1. 1821–1864. СПб., 1993. С. 316–317; см. также по теме — братья Бекетовы и Ф. М. Достоевский — примечания к разделу «Имя и судьба»).

Александр Блок преклоняется перед литературным подвигом Е. Г. Бекетовой, переведшей целую библиотеку. *Лонгин Федорович Пантелеев* (1840–1919) — известный русский издатель, с которым сотрудничала Е. Г. Бекетова.

22 февраля 1916 года Александр Блок писал П. С. Сухотину: «Прочтите "Детство" Горького... Какая у него бабушка!» (*СС-8в*. С. 456). Независимо от этой реплики и от самой книги Горького можно сказать, что о своей бабушке Блок рассказывает восхищенно и внимательно; поэту представляется важным рядом с портретом деда нарисовать и портрет бабушки — психологический, биографический, творческий, человеческий. Блок упоминает о ее переводах рассказов Чехова на французский язык, о благодарственном письме Чехова.

15 января 1899 года *в письме к А. П. Чехову* Е. Г. Бекетова признается: «...Вы мой любимый русский писатель, после Пушкина, Тургенева и Толстого (прежнего периода)...» И далее: «Зная мое к Вам пристрастие, мои дети, внуки и друзья приносят мне Ваши рассказы, как только где-либо они появляются: и это мой лучший праздник. А я имею некоторое право быть судьею в литературных делах, так как перевела на своем веку лучшие произведения Флобера, Диккенса, В. Скотта, Брет-Гарта, многие рассказы Мопассана и отчасти Додэ, и В. Гюго».

В ответ на просьбу Е. Г. Бекетовой — разрешить переводить на французский и английский языки рассказы А. П. Чехова — писатель отвечал: «Вы желаете переводить меня — это честь, которой я не заслужил и едва ли когда-нибудь заслужу; о каком-либо несогласии с моей стороны или сомнении не может быть и речи, и мне остается только низко поклониться Вам и поблагодарить за внимание и за письмо, чрезвычайно лестное для моего авторского самолюбия» (Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. Т. 8. 1899. Редактор тома Л. Д. Опульская. М., 1980. С. 405, 63–64.)

В библиотеке Александра Блока есть издание «Стихотворений» Аполлона Григорьева 1846 года, вышедшее крайне маленьким тиражом и сохранившееся, видимо, с той поры, когда Е. Г. Бекетова, по свидетельству внука, «встречалась с Гоголем, братьями Достоевскими, Ап. Григорьевым, Толстым, Полонским, Майковым» (*СС-8г*. С. 11). Именно это издание Блок внимательно читал в поезде по дороге в Шахматово в июне 1902 года, оставляя многочисленные пометы (Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 249–251; *Записные книжки*. С. 28–30). Обращался он к этой книге и позже, готовя свое издание избранных сочинений поэта (Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечания-

ми снабдил Александр Блок. М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1916; составитель получил книгу 7 ноября 1915 года. См.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. С. 251–252).

Несомненно, что историко-литературные интересы Блока восходят и к семейным традициям. В статье «Михаил Александрович Бакунин (1814–1876)» Блок замечает: «Как это ни странно, — образ его чем-то напоминает образ Владимира Соловьева. Удивительно, что это сходство простирается еще дальше — куда-то в глубь семьи. Мне приходилось слышать немало семейных воспоминаний о Соловьеве и Бакунине; в тех и других звучит одна, быть может, музыка — музыка старых русских семей, совсем умолкающая теперь в молодых рамоликах и брюзжащих дегенератах» (*СС-85*. С. 34).

Образ бабушки Е. Г. Бекетовой в Автобиографии — это образ душевного здоровья. Уход старшего поколения Бекетовых и Карелиных — это уход целой эпохи, воплощающей в себе лучшие ценности русской культуры. О кончине Е. Г. Бекетовой в Автобиографии сообщается с той же календарной точностью, что и о смерти деда: «Бабушка моя скончалась ровно через три месяца после деда — 1 октября 1902 года».

То, что образы предков, родных и близких занимают такое большое место в Автобиографии поэта, объясняется особым пониманием культурной преемственности, свойственным Александру Блоку, который полагал: «Надо быть очень культурным (звеном в длинной культурной цепи), чтобы заимствовать первосортное. Проникаться культурным влиянием — дело очень сложное и не личное только (то есть одних личных усилий и личной любви к культуре для этого мало), культура должна быть в крови...» (*СС-86*. С. 342–343).

Автобиография утверждает: «От дедов унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении их дочери — моя мать и ее две сестры». Это очень важное место в Автобиографии; здесь средоточие той атмосферы, в которой вырос Александр Блок. Три женщины, принимавшие самое непосредственное участие в становлении будущего поэта, охарактеризованы в Автобиографии прежде всего как литераторы. Блок объединяет всех трех, но и выделяет одну из них: «Все три переводили с иностранных языков. Известностью пользовалась старшая — Екатерина Андреевна (по мужу — Краснова). Ей принадлежат изданные уже после ее смерти († 4 мая 1892 года) две самостоятельные книги "Рассказов" и "Стихотворений" (последняя книга удостоена почетного отзыва Академии Наук)». (Повесть Е. А. Бекетовой-Красновой «Не судьба» напечатана не в «Вестнике Европы», а в журнале «Отечественные записки». 1881. №4.)

Екатерина Андреевна Бекетова (1855–1892) родилась в Москве. Своеобразная, талантливая, она являлась любимицей в семье. Особенно привязан к ней был отец — Андрей Николаевич Бекетов. Раннюю кончину дочери он переживал очень тяжело. Ученый посвятил памяти Екатерины Андреевны свой главный труд — «Географию растений». Часто приходил он на могилу дочери на Смоленском кладбище в Пе-

тербурге (Из семейной переписки Бекетовых. Публикация Н. Т. Ашимбаевой — В сб.: *Исследования и материалы, 1987*. С. 240–248). Образ Екатерины Андреевны, нежно относившейся к Сашуре, который рос у нее на глазах и рядом с ней, навсегда запечатлелся в памяти мальчика. В стихах Екатерины Бекетовой — русская лирическая нота, внятная будущему поэту с детских и отроческих лет. Дружил с маленьким Блоком и муж Екатерины Андреевны — *Платон Николаевич Краснов* (1866–1924) — известный критик, переводчик, знаток античности (см.: *Бекетова*. С. 44–45, 396–397 и др.; М и н ц З.Г. Блок и русский символизм. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 112; *Енишерлов*. С. 43–49; С о л о у х и н Вл. Большое Шахматово. — Москва. 1979. №1, 2).

Мать поэта — *Александра Андреевна* (по первому мужу — *Блок*, по второму *Кублицкая-Пиоттух*, 1860–1923) — писательница, переводчица — занимает в жизни сына такое громадное место, что говорить о ней — это значит говорить о всей судьбе Александра Блока. К сожалению, ее письма сыну не сохранились, но остались (опубликованные фрагментарно) письма Александры Андреевны Андрею Белому, Е. П. и М. П. Ивановым и другим родным и близким людям (См.: Из писем А. А. Кублицкой-Пиоттух к Бекетовым. Публикация 1. Вступительная статья и публикация З. Г. Минц, примечания М. Э. Коор. — *БС-2*. С. 430–443; Письма Андрея Белого к матери Блока. Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Лаврова. — В сб.: *Исследования и материалы, 1991*. С. 281–335; Блок в неизданной переписке и дневниках современников. Вступительная статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 156-158; *Блок в воспоминаниях; Бекетова*. Важнейший источник познания темы — поэт и его мать — в издании: Письма Александра Блока к родным. Под редакцией и с примечаниями М. А. Бекетовой. В двух томах. Л., Academia. Т. 1. 1927; т. 2. 1932. Отдельную книгу этой теме посвятила М. А. Бекетова). Образ матери в поэзии, во всем творчестве Александра Блока занимает совершенно особое и ключевое место.

Мария Андреевна Бекетова (1862–1938) — писательница и переводчица, тетка Александра Блока, известна сегодня прежде всего как первый биограф поэта, автор книг — «Александр Блок», «Ал. Блок и его мать», «Шахматово. Семейная хроника» и ряда других мемуарных очерков, дневника, писем (см. *Бекетова*. — Лавров А.В. М.А. Бекетова. Вехи жизни в литературе). В архиве Пушкинского Дома ее биографическая книга об отце — «А. Н. Бекетов», написанная для серии «ЖЗЛ» и оставшаяся неизданной. Без обращения к работам М. А. Бекетовой невозможно изучение жизни и творчества Александра Блока, талантливых представителей рода Бекетовых-Карелиных. (См.: Из «Дневника» М. А. Бекетовой. Предисловие Г. П. Блока. Публикация Г. П. Блока и Н. Г. Розенблюма; Б е к е т о в а М. А. Шахматово. Семейная хроника. Вступительная статья и публикация С. С. Лесневского и З. Г. Минц, — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 598–787.) Кроме того, книги М. А. Бекетовой — это всегда еще и хорошее чтение.

Именно после характеристики сестер Бекетовых в Автобиографии начинается тема предков поэта по отцовской линии. И снова — календарная точность: «Отец мой, Александр Львович Блок, был профессором Варшавского университета по кафедре государственного права; он скончался 1 декабря 1909 года». Поэт ездил в Варшаву, провожал отца в последний путь. Под впечатлением прощания с отцом складывается замысел поэмы «Возмездие» (начата в июне 1910 года в Шахматове).

Очертив характер, судьбу и творческий дар А. Л. Блока, поэт снова возвращается к бекетовской семье. И не случайно. Музыкальность отца перекликается со стремлением сына к *Музыке* в высшем и символическом смысле, которое находило поддержку именно у матери. Вот эта встреча двух начал — «бекетовского» и «блоковского» — высекла искру, воспламенившую судьбу поэта, «сына гармонии».

Блок различает мятежное стремление к «musique» («музыке») и «милую старинную éloquence» («красноречие»), но оба этих начала считает необходимыми поэзии (первое и является роковым). Блок вспоминает в связи с этим стихотворение французского поэта *Поля Верлена* (1844–1896) «Искусство поэзии» («Art poétique»), где утверждается верховенство Музыки в чуде поэзии. Но здесь же выражает признательность «милой старинной éloquence» за то, что, по его словам, литература началась для него «не с Верлэна и не с декадентства вообще». Отношение Блока к Верлену и «декадентству вообще» двойственно (кстати, Блок пишет «Верлэн»).

Понятие, идея Музыки в поэтическом мире Блока — многозначный и едва ли не всеобъемлющий символ (см.: Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981; Поцепня Д. М. Проза А. Блока. Стилистические проблемы. Л., 1976; Магомедова Д. М. О генезисе и значении символа «мирового оркестра» в творчестве А. Блока. — Вестник Московского университета. Серия 10. Филология. 1974. №5. С. 10–19; Ее же. Концепция «музыки» в раннем творчестве А. Блока. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. №4. С. 13–23; Ее же. Концепция «музыки» в мировоззрении и творчестве А. Блока. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1975; Ее же. Блок и Вагнер. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 103–107; Паперный В. Блок и «Происхождение трагедии» Ницше (К проблеме «Блок и Ницше»). — Там же. С. 107–112; имеется в виду труд немецкого мыслителя *Фридриха Ницше* (1844–1900) «Рождение трагедии из духа музыки» (1872); в основном как один из видов искусства рассматривается музыка в кн.: Блок и музыка. Сборник статей. Составитель М. Элик. Л.–М., 1972; Хопрова Т. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974).

Называя своим «первым вдохновителем» *Василия Андреевича Жуковского* (1783–1852), Блок, по сравнению с автобиографией 1909 года, формулирует мысль более устремленно и снимает слова о «немец-

кой романтике». Вспоминая далее имя *Якова Петровича Полонского* (1819–1898), Блок подчеркивает значение русской романтической традиции в своем становлении (см.: Топоров В. Н. Блок и Жуковский: к проблеме реминисценций. — В сб.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века» С. 83–89; Грякалова Н. Ю. К генезису образности ранней лирики Блока (*Я. Полонский и Вл. Соловьев*). — В сб. *Исследования и материалы, 1991*. С. 49–63). Из этой чрезвычайно важной и обширной темы выделим сейчас живое значение поэзии Жуковского для Блока не только в юности, но и в зрелую пору: «Мы не согласны, что от Жуковского осталась только "правда настроения". Жуковский подарил нас мечтой, действительно прошедшей "сквозь страду жизни". Оттого он наш — родной, близкий. "Резвая радость" вместе с "лебединым пращуром" задумалась об Ewige Weiblichkeit» (Вечной Женственности) *(СС-8₅*. С. 576).

Далее Блок рассказывает о становлении своего поэтического, литературного самосознания, называет рукописный журнал «*Вестник*» (1894–1897), который он выпускал в одном экземпляре вместе со своими «двоюродными и троюродными братьями». Этим журналом не исчерпывается творчество Блока в детстве и отрочестве (см.: Рукописные журналы Блока-ребенка. Публикация З. Г. Минц. — *БС-2*. С. 292–308; Детский журнал Блока «Вестник». Сообщение М. И. Дикман. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 203–221; *Бекетова; Лесневский*. С. 40–61).

В Автобиографии Блок лишь мельком говорит о своих *двоюродных и троюродных братьях*. Но имена их нередко возникают на жизненном пути поэта.

Теткой Блока являлась еще одна дочь А. Н. и Е. Г. Бекетовых — *Софья Андреевна (по мужу Кублицкая-Пиоттух*, 1857–1919). Она и мать Александра Блока были замужем за братьями Кублицкими-Пиоттух. Муж Софьи Андреевны — *Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух* (1855–1932), — в дореволюционную эпоху видный чиновник. Второй муж Александры Андреевны, отчим Блока — *Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух* (1860–1920) был гвардейским офицером, впоследствии генералом, командиром дивизии (в 1914–1917 годы). Дети Софьи Андреевны и Адама Феликсовича Кублицких-Пиоттух — *Андрей* (1886–1960) и *Феликс (Фероль*, 1884–1970) — двоюродные братья Александра Блока, товарищи детства и отрочества (см.: Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиоттух. Вступительная статья, публикация и комментарии В. П. Енишерлова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 339–369; *Енишерлов*. С. 82–100; Енишерлов В. Александр Блок. Звенья памяти. — Огонек. 1977. №33). Вместе с тем были родственные связи с семьями Лозинских и Недзвецких.

Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) — филолог, переводчик, брат М. Л. Лозинского. *Михаил Леонидович Лозинский* (1886–1955) — поэт, переводчик, теоретик перевода, автор перевода «Божественной комедии» Данте на русский язык. В биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» говорится: «Родители Лозинского дру-

жили с А. Н. Бекетовым и его дочерьми С. А. и А. А. Бекетовыми, дядя, Е. Я. Лозинский, был женат на Ф. Ф. Кублицкой-Пиоттух, сестре отчима А. А. Блока. С Блоком Лозинский был знаком с детства, но близки они не были...» (Т. 3. М., 1994. С. 382; авторы И. В. Платонова-Лозинская, К. М. Поливанов).

Анна Евгеньевна (Ася) Лозинская (в замужестве Стратоницкая, 1889—1952) — химик и переводчица, племянница Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, отчима А. А. Блока, двоюродная сестра Г. и М. Лозинских, троюродная сестра А. Блока, автор воспоминаний о нем (воспоминания А. Е. Лозинской и О. К. Самариной о Блоке опубликованы В. П. Енишерловым в сб.: Александр Блок и современность. Составитель С.С.Лесневский. М., 1981. С. 325–333; см. также: Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях. Материалы собраны Н. П. Ильиным и А. Е. Парнисом. Вступительная статья и публикация В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса. Комментарии Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса, Р. Д. Тименчика. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 99–100).

Николай Евгеньевич (Коля) Лозинский, умерший в детстве, — троюродный брат Александра Блока. Ася и Коля Лозинские были товарищами детских игр Сашуры. Мать Аси и Коли — *Фелиция Феликсовна Лозинская* (урожденная Кублицкая-Пиоттух, по второму мужу Бражникова), сестра Ф. Ф. и А. Ф. Кублицких-Пиоттух.

«Первыми Сашиными товарищами оказались его двоюродные братья Кублицкие, сыновья сестры Софьи Андреевны. Старший, Феликс, известный в семье под именем Фероля (уменьшительное, придуманное Сашей), на три года его моложе, меньшой, Андрюша, на пять лет... Зимой к мальчикам Кублицким присоединялись еще дети Недзвецкие и Лозинские — все родственники... Сближение с этими детьми произошло, когда Саша был уже в гимназии. Его особенно любили Андрюша Кублицкий и Коля Лозинский...» (*Бекетова*. С. 39, 228).

Ольга Конрадовна Недзвецкая (в замужестве Самарина, 1887–1972) — филолог, троюродная сестра А. Блока (по линии Бекетовых). *Виктор Конрадович (Буля) Недзвецкий* (1883–1940) — присяжный поверенный, троюродный брат А. Блока. Их отец *Конрад Викторович Недзвецкий* был женат на двоюродной сестре матери А. Блока — *Анне Михайловне Енишерловой*, воспитывавшейся после смерти матери в доме своего дяди — Андрея Николаевича Бекетова (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 500, 501, 644, 739, 750, 753; Кн. 4. С. 345). Современный исследователь жизни и творчества Александра Блока — В. П. Енишерлов происходит по одной из родственных линий от потомков Бекетовых.

В культуре Бекетовых, включая и культуру воспитания детей, многие черты унаследованы Александром Блоком в раннюю пору. И сестры Бекетовы, и Блок с детства записывали свои впечатления, стихи в небольшие рукописные журнальчики, альбомы, тетради, которые оформлялись рисунками. С этого и началось увлечение поэта сочинительством, выпуском рукописных изданий, которые он готовил вместе со своими старшими и младшими родственниками (см.: Орлов Вл. Детская за-

писная книжка Блока (1894). — В его кн.: «Здравствуйте, Александр Блок». Л., 1984. С. 122—136).

«Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет», — читаем в Автобиографии. *31 октября 1897 года* датировано стихотворение *«Ночь на землю сошла...»*, навеянное встречей с К. М. Садовской, — первое и единственное за этот год, внесенное Блоком в автографическое собрание лирики (в первую из десяти рукописных тетрадей, содержащих этот авторский свод). Тот период творческого развития, который позже будет назван «Ante Lucem» («Перед Светом», «До Света», 1898–1900), и протекал не на свету, не открыто и публично, а как бы втайне, в целомудренной тишине. Эти стихи знали только мать и тетка — Мария Андреевна. Ведь и Любовь Дмитриевна Менделеева впервые прочитала стихи Александра Блока только летом 1901 года. К моменту выхода «Стихов о Прекрасной Даме» (1904) было написано около 800 лирических стихотворений, но в первый сборник Блок включил только 93. (И лишь впоследствии, начиная с 1911 года, стал расширять и менять состав «первого тома» «романа в стихах».)

Автобиография пронизана идеей органического, естественного и вместе с тем таинственного характера природы поэтического дара, который рождается и формируется не по внешним причинам. Сначала — внутренняя, духовная жизнь, потом — возможность тех или иных влияний, имеющих прежде всего не профессиональный или специальный, а некий высший смысл. Таково явление философа и поэта *Владимира Сергеевича Соловьева* (1853–1900) в судьбе Александра Блока, «всем существом» которого в юности овладела поэзия этого рыцаря Вечной Женственности и пророка Апокалипсиса. Блок думал о Владимире Соловьеве всю жизнь, не раз высказывался о своем «властителе дум»; строки Владимира Соловьева становились лейтмотивами поэзии Александра Блока (см.: Минц З. Г. Блок и русский символизм. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 98–172; Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Вступительная статья, составление и примечания З. Г. Минц. Л., 1974; Соловьев Владимир. Стихотворения, эстетика, литературная критика. Составление, статья, комментарии Н. В. Котрелева. М., 1990). Знамением века становится тайна; отсюда и «мистика, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века...». В сжатой форме Блок излагает эволюцию мистического начала в поэзии, отсылая интересующихся к своим стихам и к статье «О современном состоянии русского символизма» (апрель 1910). Суммарно здесь обозначены вехи всей «лирической трилогии» Блока.

Автобиография называет и еще один исток поэтического мира Блока — Театр (см.: Блок в Петербургском драматическом кружке. Сообщение Ю. Е. Галаниной. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 35–55). Репертуар юношеской декламации — стихи поэтов, в атмосфере которых формировался Блок: *Аполлон Александрович Майков* (1821–1897), *Афанасий Афанасьевич Фет* (1820–1892), *Яков Петрович Полонский* (1819–1898), *Алексей Николаевич Апухтин* (1840–1893). Все они по-разному

значимы для автора «Стихов о Прекрасной Даме». Фет был «путеводной звездой» юности и остался дорог навсегда. Всю жизнь Блок любил стихи Полонского. О каждом из поэтов «первого» Серебряного века Блок, говоря его словами, сохранил «одно, длинное и важное, воспоминание» (*СС-8₆*. С. 129; также: Авраменко А. П. А. Блок и русские поэты XIX века. М., 1990).

Роли Гамлета, Чацкого, Скупого рыцаря оказываются невольным прологом роли Поэта (см.: Рыбникова М. А. Блок — Гамлет. М., изд-во «Светлана», 1923; *Блок в воспоминаниях, 1–2*). Но тут поистине кончается театр, «и дышат почва и судьба». Юношеская мечта — «умереть на сцене от разрыва сердца» — трагически сбывается на сцене истории. Театр растворяется во всей поэзии и судьбе Александра Блока. «И гибну, принц, в родном краю Клинком отравленным заколот» («Я — Гамлет. Холодеет кровь...», цикл «Ямбы»). От бобловского сенного сарая, где *1 августа 1898 года* разыгрывалась шекспировская трагедия на краю XIX столетия, до петроградского августа двадцать первого года, оборвавшего жизни Блока и Гумилева, пройдет меньше четверти века.

Театр, как и Музыка, станет символическим творящим началом всего поэтического мира Александра Блока. Театральное искусство явится непременной частью художнических замыслов и свершений, театральная стихия будет постоянно окружать поэта (см.: Родина Т. А. Блок и русский театр начала XX века. М., 1972; Федоров А. В. Театр А. Блока и драматургия его времени. Л., 1972; Громов Павел. А. Блок, его предшественники и современники. Изд. 2-е, дополненное. Л., 1986; Неизвестная статья Н. С. Гумилева «Театр Александра Блока». Вступительная статья Р. Д. Тименчика, публикация и примечания Р. Л. Щербакова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 23–34).

В форме маленькой новеллы (или сцены) Блок с улыбкой рассказывает в Автобиографии о своей первой, неудачной попытке напечатать стихи осенью 1900 года в журнале «Мир Божий», редактировавшемся известным педагогом *Виктором Петровичем Острогорским* (1840–1902). Блок принес два стихотворения, «внушенные Сирином, Алконостом и Гамаюном» — образами картин художника *Виктора Михайловича Васнецова* (1848–1926): «Гамаюн, птица вещая (*Картина В. Васнецова*)» («На глади бесконечных вод...», 23 февраля 1899, вошло в раздел «Ante Lucem» книги первой); «Сирин и Алконост. Птицы радости и печали» («Густых кудрей откинув волны...», 23–25 февраля 1899; в рукописи подзаголовок «*Картина В. М. Васнецова*»; *СС-8₁*. С. 403–404, 577, 654).

Затем Александр Блок упоминает имя преподавателя и литературоведа, автора работ о Пушкине и Фете, руководителя литературного кружка в Петербургском университете — *Бориса Владимировича Никольского* (1870–1920), который вместе с *Ильей Ефимовичем Репиным* (1844–1930) редактировал студенческий сборник начинающих поэтов и художников, где в 1903 году были опубликованы три стихотворения

Александра Блока (правда, с искажениями — см. автобиографию 1909 года). По времени это одно из первых появлений в печати произведений поэта (во всяком случае, сборник был подготовлен еще в 1902 году — см.: Блок — участник студенческого сборника. Публикация В. И. Беззубова и С. Г. Исакова. — *БС-2*. С. 325–332; Иванова Е. В. Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского. — В сб.: *Исследования и материалы. 1991*. С. 198–212; см. также предисловие к тому, раздел «Имя и судьба», комментарии).

«Серьезно», по слову Блока, он стал печататься позже. Своими «первыми вещами», опубликованными в столичных изданиях, Блок считал стихи, появившиеся почти одновременно в 1903 году в петербургском журнале «*Новый Путь*» (цикл «Из Посвящений» в мартовской книге) и в московском альманахе «*Северные Цветы*» (цикл «Стихи о Прекрасной Даме» в третьем выпуске; см. предисловие к настоящему тому, раздел «Имя и судьба», комментарии).

Первое признание стихи Александра Блока получили в Москве, и первыми, кто здесь обратил внимание на творчество юного петербургского поэта, были близкие семье Бекетовых люди, чьи имена особо выделены в Автобиографии: *Михаил Сергеевич Соловьев* (1862–1903) — сын историка С. М. Соловьева, брат философа и поэта Владимира Соловьева, редактор его сочинений, педагог, переводчик, в том числе, совместно с братом, диалогов Платона; *Ольга Михайловна Соловьева* (урожденная Коваленская, 1855–1903) — двоюродная сестра матери Александра Блока, жена М. С. Соловьева, мать поэта *Сергея Михайловича Соловьева* (1885–1942), художница, переводчица (см. о них: *Блок в воспоминаниях, 1–2*; *Бекетова*; Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — Эпопея. 1922. №1. С. 123–273; Сергей Соловьев. Воспоминания об Александре Блоке. Письма Александра Блока к М. С. и С. М. Соловьевым. — В сб.: Письма Александра Блока. Со вступительными статьями и примечаниями С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова, А. Д. Скалдина и В. Н. Княжнина. Л., Колос. 1925. С. 9–88; Андрей Белый. Первое свидание. Поэма. — В кн.: Андрей Белый. Сочинения в двух томах. Т. 1. Вступительная статья, составление и подготовка текста В. Пискунова. Комментарии С. Пискуновой, В. Пискунова. М., 1990. С. 236–270; Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М., 1989. С. 339–368, глава — «Семейство Соловьевых»; Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. первая. П., 1916. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 22–25; Мемуарные письма М. А. Бекетовой и Андрея Белого. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. — В сб.: *Исследования и материалы, 1987*. С. 249–262; Переписка Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915). Вступительная статья, публикация и комментарии Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова. Приложение — переписка с М. С. Соловьевым. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 308–413; Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921). — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 168–194 — письма

О. М. Соловьевой; *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 126; Письма Андрея Белого к матери Блока. Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Лаврова. — В сб.: *Исследования и материалы, 1991*. С. 281–282 и др.; Шахматовский вестник. Непериодическое издание Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока. №2. Памяти Сергея Михайловича Соловьева. Редактор-составитель Н. Г. Прозорова. Солнечногорск, 1992; Соловьев Сергей. «Над пустыней мертвого песка...» Публикация и вступительная статья Н. С. Соловьевой. — Наше наследие. 1993. №27. С. 60–70; *Лесневский*. С. 56-136).

Михаил Сергеевич и Ольга Михайловна Соловьевы вместе с сыном Сережей жили в Москве на Арбате, в одном доме (д. 55), на соседних этажах с семьей Бугаевых, где подрастал Боря Бугаев, будущий писатель — Андрей Белый. Ольга Михайловна с 1896 года переписывается со своей двоюродной сестрой Александрой Андреевной — матерью Александра Блока, которая из Петербурга посылает Ольге Михайловне стихи сына. Потом Блок побывал в Дедове, где летом жили Соловьевы. Постепенно и Михаил Сергеевич, и Ольга Михайловна Соловьевы, и Сережа Соловьев, и Боря Бугаев становятся читателями юного Блока и открывают в нем нового значительного поэта. М. С. и О. М. Соловьевы, особенно Ольга Михайловна, сумели заинтересовать *Валерия Яковлевича Брюсова* (1873–1924) стихами неизвестного поэта. Правда, Брюсов не сразу почувствовал и признал дар Блока. В итоге цикл «Стихи о Прекрасной Даме» появляется в третьем выпуске альманаха издательства «Скорпион» — «Северные Цветы», выходившего под фактической редакцией В. Я. Брюсова (см.: Переписка Блока с В. Я. Брюсовым (1903–1919). Вступительная статья З. Г. Минц и Ю. П. Благоволиной, публикация и комментарии Ю. П. Благоволиной. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 466–524).

В автобиографии 1909 года, вслед за словами об огромной власти поэзии Владимира Соловьева над глубочайшими и таинственными устремлениями молодого поэта, говорится: «Позже сильное влияние на меня оказали Мережковский и Брюсов».

О. М. Соловьева способствовала знакомству З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского со стихами Александра Блока; они также лишь постепенно сумели оценить талант нового поэта. Но все-таки в 1903 году, в мартовской книге журнала «Новый Путь», выходившего при решающем участии Мережковских, появляются стихи Александра Блока. Восторженное отношение к стихам Блока со стороны москвичей — О. М. и М. С. Соловьевых, Сергея Соловьева, Бориса Бугаева (Андрея Белого) — передалось петербуржцам Мережковским.

Образ М. С. и О. М. Соловьевых, которые ушли из жизни в январе 1903 года, всегда жил в душе Александра Блока. В январе 1904 года Блок и Любовь Дмитриевна во время пребывания в Москве вместе с Сергеем Соловьевым и Андреем Белым были на панихиде в Новодевичьем монастыре, на могилах всех Соловьевых. Книги, переведенные О. М. Соловьевой, находились в библиотеке Блока. Например, в ее пе-

реводе Блок цитировал Джона Рескина (см.: Белькинд Е. Л. Блок — читатель Дж. Рескина. — *Исследования и материалы. 1991.* С. 103–104 и др.).

Памяти М. С. и О. М. Соловьевых посвятил некролог В. Я. Брюсов (см.: Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Составители Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. Вступительная статья и комментарии Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 72–73).

Рассказав о поэтическом дебюте, Блок переходит к обстоятельствам своей жизни той поры, когда *мать поэта в 1889 году вышла во второй раз замуж за Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух*, и сообщает *о годах своего учения*. Сначала в 1891–1898 годах *в гимназии* (см.: Александр Блок во Введенской гимназии. Сообщение К. А. Кумпан и А. М. Конечного. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 597–619; Кумпан К. А. О преподавании «древних языков» во Введенской гимназии (еще раз к вопросу «Блок и античность»). — *Исследования и материалы. 1991.* С. 151–157). Затем — с 1898 года по 1906-й — *в Петербургском университете* (на юридическом факультете с 1898 года по 1901-й, на филологическом — с 1901 года по 1906-й). (См.: Анпеткова-Шарова Г. Г., Григорян К. Н. Студенческие работы Блока об античных авторах. — Русская литература. 1980. №3. С. 200–214; Магомедова Д. М. Блок и античность (к постановке вопроса). — Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1980. №6. С. 42–51; Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете. — Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Вып. 4. С. 52–87; Кумпан К. А. Александр Блок — выпускник университета. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 61. №2. С. 163–178.)

Университет словно бы вернул Александра Блока к месту рождения, в самое сердце классического Петербурга. Но жил он с матерью и отчимом на Петербургской стороне (с которой и позже будет связан в течение ряда лет). Блок счел необходимым сообщить в Автобиографии, что 17 лет он жил в *казармах Лейб-Гвардии Гренадерского полка*. Здесь служил его отчим — Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух, ревностный и честный офицер, преданный воинскому долгу. Отсюда, с набережной Большой Невки, Блок ходил с 1891 по 1898 год во Введенскую гимназию, затем, вплоть до 1906 года, — в университет. *1901 год*, чрезвычайно важный для Блока, осознавшего тогда свое призвание, и для «романа в стихах», который складывался невольно, — решил судьбу поэта. Это и год встречи с поэзией Владимира Соловьева, и «мистическое лето» в Шахматове, и начало «Стихов о Прекрасной Даме» (названы они так будут позже), и переход на филологический факультет.

Блок называет в Автобиографии имена *«уважаемых профессоров»* Петербургского университета — знак благодарности видным русским ученым: философу *Александру Ивановичу Введенскому* (1856–1925), филологу, знатоку античности *Фаддею Францевичу Зелинскому* (1859–1944), историку *Сергею Федоровичу Платонову* (1860–1933), лингвисту *Алексею Ивановичу Соболевскому* (1856–1929), литературо-

веду *Илье Александровичу Шляпкину* (1858–1918). Всем им, университету Блок чувствует себя обязанным *«долею научности»*, которая заключена в его литературно-публицистических и историко-литературных работах, в критических опытах и даже в художественном поиске (материалы для драмы «Роза и Крест», 1912–1913; см.: Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Литературные источники. Л., 1969).

Началом своей *«самостоятельной» жизни* Блок называет время после окончания университета. *В сентябре 1906 года* Блок и Любовь Дмитриевна поселяются отдельно и снимают квартиру на той же Петербургской стороне (Лахтинская улица, д. 3). *В сентябре 1907 года* Блок с женой переезжают ближе к центру города, на Галерную улицу (д. 41). *В ноябре 1910 года* они возвращаются на Петербургскую сторону и живут на Малой Монетной улице (д. 9). *В июле 1912 года* Блок и Любовь Дмитриевна снимают квартиру в доме на набережной речки Пряжки (Офицерская улица, 57, кв. 21; с 1920 года — кв. 23). Здесь поэт жил до последнего своего дня.

Но дело, разумеется, не в местах жительства, хотя все они были поэтически одухотворены, прочувствованы и прочитаны автором *«Незнакомки»* (стихотворения и драмы, 1906) и других произведений, воссоздающих преображенно Петербург и его окрестности или Шахматово и его просторы. *С 1906 года* начинается известность поэта, более широкая, чем прежде. Блок — драматург, критик, публицист — входит в мир, в литературу. «Лирические стихотворения», по словам Блока, «все, с 1897 года, можно рассматривать как дневник». Начиная с 1904 года складывается облик «второго тома» «лирической трилогии», тома «антитезы», «измены», драматического приятия мира.

Автобиографию 1915 года пишет Блок, условно говоря, «третьего тома». Поэт не склонен излагать подробно собственную историю, заявляя лишь, что для него «каждый год... сознательной жизни резко окрашен... своей особенной краской». Но какие-то главные итоги и ценности пережитого Блок выделяет. По его словам, он «должен упомянуть» некоторые из «событий, явлений и веяний», «особенно сильно повлиявших» на него.

Первое из них — *единственная встреча с Владимиром Соловьевым*, которого Блок видел лишь издали в феврале 1900 года на похоронах своей дальней родственницы *Натальи Михайловны Дементьевой* (урожденной Коваленской, 1852–1900) — историка и писательницы (точнее, во время панихиды и проводов гроба на вокзал; см.: *Исследования и материалы, 1987*. С. 256, примечания С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова). Впечатление было настолько сильным, что Блок возвращался к нему не раз (в статье «Рыцарь-монах», 1910; в письме Г. И. Чулкову от 23 июня 1905 года; см. раздел «Имя и судьба» в настоящем томе).

Далее Блок выделяет *«знакомство с М. С. и О. М. Соловьевыми, З. Н. и Д. С. Мережковскими и А. Белым»*. Вот те имена, значение которых в своей судьбе Блок подчеркивает в Автобиографии 1915 года.

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) и *Зинаида Николаевна Гиппиус* (1869–1945) вели с Александром Блоком на протяжении всей своей жизни глубоко драматичный диалог — о Христе, о России, о революции, о русской литературе и русской жизни. Противостоянием, иногда особенно острым (как в 1918 году), не исчерпывается этот напряженный спор, участников которого многое объединяло (письма З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и другие неопубликованные материалы вошли в работу: Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими. — *БС-4*. С. 116–222).

С чувством такта и бережного уважения обращается Блок к З. Н. Гиппиус в стихотворном послании 1918 года, когда они, казалось бы, стояли «по разные стороны баррикад», — «З. Н. Гиппиус (При получении «Последних стихов»)»: «Ядом напоенного кинжала Лезвее целую, глядя в даль...» (*СС-8₃*. С. 372).

Свою статью 1920 года «О Мережковском (По поводу постановки "Царевича Алексея" в Большом драматическом театре)» Блок начинает словами: «Восемнадцать лет тому назад я познакомился с Д. С. Мережковским лично». Статья проникнута почтительным отношением к художнику, воплощающему высокое представление о культуре. Блок замечает, что «Мережковский — не сильный драматург», однако добавляет: «Но заразительно и обаятельно — вновь и вновь — действовала на меня эта насыщенная атмосфера строгой литературности, большого вкуса; Европой пахнет. Чувствуется эта большая, уже незнакомая сегодняшнему русскому дню, культура кружка «Мира Искусства». И очень знаменательно, что декорации к «Царевичу Алексею» писал Александр Николаевич Бенуа, большой художник, который дышал одним воздухом с Мережковским» (*СС-8₆*. С. 393–395). Этим воздухом русской культуры Серебряного века дышал Александр Блок.

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — художник, режиссер, историк искусства, художественный критик, создатель — вместе с С. П. Дягилевым и другими художниками — объединения «Мир Искусства» (1898–1924) и одноименного журнала (1899–1904). (См.: Александр Бенуа размышляет... Подготовка издания, вступительная статья и комментарии И. С. Зильберштейна и А. Н. Савинова. М., 1968; Эткинд Марк. А. Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Л., 1989; Бенуа Александр. Мои воспоминания. В пяти книгах. Изд. второе, дополненное. Издание подготовили Н. И. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов, Л. В. Андреева, Г. Г. Поспелов, Г. Ю. Стернин. М., 1990; Письма А. Н. Бенуа к Ф. Ф. Комиссаржевскому. Вступительная статья, публикация и комментарии Д. М. Магомедовой. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 105–121. В связи с темой — Блок и русские художники — см.: Альфонсов В. Слова и краски. М.—Л., 1966; Александр Блок в портретах, иллюстрациях и документах. Составитель А. М. Гордин. Общая редакция В. Н. Орлова. Л., 1972; Долинский М. З. Искусство и Александр Блок. М., 1985; Гордин А. М., Гордин М. А. Александр Блок и русские художники. Рецензенты: Г. Ю. Стернин, А. А. Нинов, А. В. Лавров. Л., 1986.)

Психологически убедительный (неточности не имеют значения) образ Александра Блока живет в воспоминаниях Зинаиды Гиппиус «Мой лунный друг» (см.: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. Вступительная статья, составление, подготовка текста, комментарии Н. А. Богомолова. М., 1991. С. 214–251). Теперь мы знаем, что предсмертный портрет поэта, которым завершается мемуарный очерк Зинаиды Гиппиус, правдив и точен в главном: «...медленное восстание Блока, как бы духовное его воскресение, победный конец трагедии».

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) сразу почувствовал «брата в пути», первым процитировал стихотворение неизвестного «молодого поэта» (Александра Блока) «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...». Поэтому статьей Белого «Певица» (Мир Искусства. 1902. №11), посвященной концертам Марии Алексеевны Олениной-д'Альгейм (1869–1970), открывается библиография литературы о Блоке. В статье «Апокалипсис в русской поэзии» (Весы. 1905. №4) Белый поставил имя Блока в ряд первых имен русских поэтов. Белый был внимательным, страстным и пристрастным читателем Блока. Идя параллельно, они нередко перекликались, пересекались, встречались, сталкивались в поэзии и прозе, в жизни и в культуре. Первые их письма, отправленные друг другу 3 и 4 января 1903 года, встретились в дороге, но Блок и Белый не знали этого. Начав с братства, переходя к вражде, возвращаясь к братству или дружеству, они были мучительно связаны друг с другом всю жизнь. И после смерти Блока не прекращалась эта «дружба-вражда». Белый оставил не один вариант воспоминаний о Блоке. После смерти Белого в нашем литературоведении (особенно в работах Вл. Орлова) предпринимались попытки возвысить Блока за счет его «друга-врага». Но ни Блок, ни Белый в этом не нуждаются. Им светили одни зори. Им было «одно виденье».

23 февраля 1913 года, в связи с вопросом о печатании романа Белого «Петербург», Блок записывает в дневнике: «Я считаю, что печатать необходимо все, что в соприкосновении с А. Белым...» И далее, после сложных раздумий, замечает: «И, при всем этом, неизмерим А. Белый, за двумя словами — вдруг притаится иное, все становится *иным*» (*СС-8₁*. С. 224). Неизмерим Белый, неизмерим Блок — это главное; они говорят и видят так, что «все становится *иным*». Исследователь жизни и творчества Андрея Белого — А. В. Лавров подготовил книгу Андрея Белого о Блоке. В ней собраны воспоминания, речи, статьи Белого о Блоке (см. также: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988; Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. Составители Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М., 1988; Александр Блок, Андрей Белый. Диалог поэтов о России и Революции. Составление, вступительная статья, комментарии М. Ф. Пьяных. М., 1990; фундаментальным источником остается издание: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. Редакция, вступительная статья и комментарии В. Н. Орлова. М., 1940; см. также: Андрей Белый. Дневниковые записи. Предисловие и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 788–830; Речь Андрея Белого памяти Блока

(1921 г.). Публикация и комментарии С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. Предисловие А. В. Лаврова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 759–773; Письма Андрея Белого к матери Блока. Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Лаврова. — *Исследования и материалы, 1991*. С. 281–335; Пискунов В. М. Тема о России: Россия и революция в литературе начала XX века. М., 1983).

Автобиография кратко гласит: *«события 1904–1905 года»*. Но за этим, как и за другими словами там же: «крайнее падение литературных нравов и начало "фабричной" литературы, связанное с событиями 1905 года», — за этими огненными штрихами времени вся судьба поэта в канун величайшего исторического катаклизма (см.: Ильюнина Л. А. А. Блок и Е. Иванов в годы Первой русской революции (К вопросу о генезисе образа Христа в поэме «Двенадцать»). — *БС-10*. С. 21–31). Мы обратимся к этим годам в последующих томах настоящего собрания.

«Знакомство с театральной средой» началось в театре *Веры Федоровны Коммиссаржевской* (1864–1910) и продолжилось в отношениях с другими театрами, режиссерами и актерами начала века (мемуары артистки театра В. Ф. Коммиссаржевской: Веригина В. П. Воспоминания. Л., 1974. В книге многие страницы посвящены Александру Блоку). Особая тема — «Блок и Театр» — это тема двух томов настоящего собрания: театр и театральная критика Александра Блока.

Тема Александр Блок и *Август Стриндберг* (1849–1912) — будет освещена в одном из томов литературно-критической прозы поэта, которого с творениями шведского писателя первоначально познакомил поэт *Владимир Пяст* (Владимир Алексеевич Пестовский, 1886–1940), друг Александра Блока (сообщение на тему «Блок и Стриндберг» было сделано Д. М. Магомедовой на Международной Стриндберговской конференции в Москве; см. также: Шарыпкин Д. М. Первоначальная редакция статьи Блока «Памяти Августа Стриндберга». — *БС-1*. С. 552–556); Переписка с Вл. Пястом. Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. Минц. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228; Иванов Вяч. Вс. Блок и Стриндберг. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 402–417; Письмо Фредерики А. Стриндберг Блоку. Публикация К. Н. Суворовой. — *Там же*. С. 418–419; Из воспоминаний дочери А.Стриндберга Карин Смирновой. Предисловие, публикация и примечания Магнуса Юнгрена и А.Е.Парниса. — *Там же*. С. 420–424).

За границей Александр Блок впервые побывал в трехлетнем возрасте: в *1883–1884 годах* (с осени по май) он вместе с родными отдыхал в Триесте и Флоренции. *В мае—июле 1897 года* Блок вместе с матерью и теткой М. А. Бекетовой побывал в Германии, Бад-Наугейме, где произошла встреча с Ксенией Михайловной Садовской — первой любовью поэта (отсюда «особенные воспоминания»). *В 1903 году (май-июль)* Блок снова уезжает с матерью в Бад-Наугейм. *В апреле-июне 1909 года* Блок и Любовь Дмитриевна совершили путешествие по Италии и Германии. *В июле—сентябре 1911 года* Блок в Германии, Франции, Бельгии, Голландии. *В 1913 году (июнь—июль)* Блок ездил по Франции (см.: *Бекетова*).

В конце Автобиографии Блок говорит о том, что «в личную и низшую мистику» его поездок в Бад-Наугейм, которые повторились трижды (с интервалом в шесть лет), *«вмешалась общая и высшая мистика войны»*. Автобиография датирована июнем 1915 года и обрывается в канун новой эпохи. Сегодня наиболее фундаментальным собранием материалов к биографии Александра Блока являются шесть книг «Литературного наследства» (т. 89, 92). Лучшей биографией поэта можно считать коллективный труд — уникальную подборку «Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921)». (Вступительная статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 153–539).

Небольшая, всего в несколько страниц, Автобиография поэта чрезвычайно насыщена смыслом, и нам еще не раз потребуется перечитать ее строки и фразы. Так, необходимо разгадывать, почему именно «мечтания о любви» родились рядом с «приступами отчаянья и иронии», нашедшими себе впоследствии исход в «Балаганчике» (1906).

Эти комментарии мы завершим словами Андрея Белого об Александре Блоке, написанными в 1921 году, вскоре после смерти поэта: «Блок — национальный поэт; он — наш, любимый, единственный, несравнимый ни с кем из поэтов XX века, поэт страшных лет, *русских* лет (лет *страстны́х*); мы же — *«дети»* страшной России. Мы связаны с ним одною мыслью, одною, все тою же Музой: Россией. Он имел с Ней *свидания*: и Она ему — Мать, Невеста, Жена. Оттого-то он *Русский* среди русских, оттого-то: в глубинах своих непрочитанный *многими*, в тембре и в жесте он всем говорит; он есть и «общий» для всех, как и Лермонтов, Пушкин, Толстой, Достоевский; в нем русское есть Чело (*Само-*), Вече (*Со-*, *Со*-бор, *Со*-вет, *Со*-весть, *Со*-знание, *Со*-мыслие, Смысл) и *«Ство»* (плоть); он — русское *Само-со*-знание *Человече*-ства» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 829).

С. С. Лесневский

ПЕРВАЯ КНИГА А. БЛОКА «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Первая книга А. Блока «*Стихи о Прекрасной Даме*» вышла в конце октября 1904 года (на обложке — 1905) в московском издательстве «Гриф» тиражом 1200 экземпляров, с обложкой художника Василия Васильевича Владимирова (1880–1931). Предложение об издании сборника от владельца «Грифа» Сергея Алексеевича Соколова (1878–1936; псевдоним — Сергей Кречетов) Блок получил в ноябре 1903 года. После некоторых колебаний поэт приступил к работе над книгой летом 1904 года в Шахматове и в начале сентября отправил готовую рукопись С. А. Соколову. Боясь, что московские цензоры вычеркнут что-то из книги или того хуже отправят для просмотра в духовную цензуру, книгу послали для цензурного разрешения в Нижний Новгород, где цензором был близкий к символистским кругам Э. К. Метнер, ценивший поэзию А. Блока. Название книги — «*Стихи о Прекрасной Даме*» — перенесено Блоком с заглавия цикла его стихов в третьем альманахе «Северные Цветы» (1903); для этой публикации В. Брюсов отобрал десять стихотворений из присланных ему двадцати трех, он же дал название циклу, принятое Блоком.

Первая редакция «*Стихов о Прекрасной Даме*» разительно отличается от последующих, в том числе и от последнего канонического текста. Это — совершенно самостоятельное произведение. По сравнению с первым изданием в окончательный текст «Стихов о Прекрасной Даме» входит почти вдвое больше произведений (164), значительно изменен композиционный принцип, а главное, переставлены тематические и эмоциональные акценты. Заметим, что в подготовленный А. Блоком в 1918 году для «Издательства И. и С. Сабашниковы» «Изборник», долженствующий представить наиболее важные, с точки зрения поэта, произведения, из первого издания «*Стихов о Прекрасной Даме*» вошло двадцать три стихотворения, т. е. одна четверть[1].

К началу работы над книгой А. Блоком было написано более 700 стихотворений, а напечатано из них к тому времени было всего 54: 10 стихо-

---

[1] См.: А. А. Блок. Изборник. Издание подготовили К.М. Азадовский и Н. В. Котрелев. Ответственный редактор А. Л. Гришунин. М., 1989 (Серия «Литературные памятники»).

творений — цикл «Из Посвящений» в журнале «Новый Путь», март 1903.

10 стихотворений — цикл «Стихи о Прекрасной Даме» в третьем выпуске альманаха «Северные Цветы». М., 1903.

3 стихотворения («Ранний час. В пути незрима...», «Чем больней душе мятежной...», «Тихо ясные дни подошли...») — в «Литературно-художественном сборнике» стихотворений студентов Петербургского университета, СПб., 1903.

1 стихотворение («Ты горишь над высокой горою...») процитировано в статье А. Белого «О теургии» — журнал «Новый Путь». 1903. №9.

9 стихотворений — в журнале «Новый Путь». 1904. №6.

16 стихотворений — в альманахе «Гриф». М., 1904.

1 стихотворение («Лежат холодные туманы...») — в «Журнале для всех». 1904. №1.

2 стихотворения («Из газет» и «Тихо вечерние тени...») — в №4 того же журнала.

2 стихотворения («Золотистою долиной...» и «Мне снились веселые думы...») — в «Журнале для всех». 1904. №5.

В первую книгу А. Блока вошло девяносто три стихотворения.

А. Блок начал работу над книгой стихов именно как над книгой, в которой каждое стихотворение не просто получает дополнительные содержательные оттенки от контекста, как в лирическом цикле, а является частью замкнутого в себе и продуманного целого. Скорее всего, образцом для Блока послужил глубоко поразивший его (правда, на короткое время) сборник В. Брюсова «Urbi et Orbi» (1903), в предисловии к которому автор декларировал идею книги как «замкнутого целого, объединенного единой мыслью»[1]. В своей второй рецензии на этот сборник А. Блок отмечает, что это «обещание исполнено. Перед нами — книга, как песня, из которой «слова не выкинешь», замкнутая во всех своих десяти частях» (*СС-85*. С. 541).

В записной книжке Блока №7 находится целый ряд записей, из которых видно, как тщательно отнесся поэт к составлению своей первой книги и сколько раз перестраивался ее план. В. Н. Орлов приводит наметку первоначального проекта книги:

П р о э к т м о е й 1-ой к н и г и
<часть — до мистич/еского/ лета? /1901/>

Стихи о Прекрасной Даме
<Хронологически?> По отделам?

Х р а м ы.

(1-я часть отд/ела/ Ст/ихи/ о Пр/екрасной/ Д/аме/)

---

[1] Б р ю с о в В. Urbi et Orbi. Стихи 1900–1903 г. М., 1903, предисловие.

В один отдел: 4. Мы преклонились у завета. 5. Кто-то с Богом шепчется. <На темном пороге тайком.> 8. Я, отрок, /зажигаю свечи/. 1. Вхожу я в темные храмы. 3. Бегут неверные дневные тени. <Там — в полусумраке собора.> 6. Сны безотчетны. <9. Целый день передо мною.> 2. Покраснели и гаснут ступени. 7. Я укрыт до времени в приделе. 9. Я их хранил в приделе Иоанна.

На <улице> распутьях

В один отдел: Вечереющий сумрак... Там — в улице /стоял какой-то дом/. За темной далью городской. Я просыпался и всходил. Она стройна и высока. Мне страшно с тобой встречаться. <Дома растут, как желанья (?).> Мы всюду. Мы нигде? По городу бегал /черный человек/. Мой месяц в царст/венном/ зените... И снова подхожу к окну (?). Фабрика. Мне гадалка /с морщинистым ликом/. Я был весь в пестрых /лоскутьях/. Свет в окошке /шатался/. За темной далью /городской/. Днем вершу я /дела суеты/. Не поймут бесскорбные /люди/. Высоко с темнотой /сливается стена/. Ночью вьюга снежная.

Отдел более объективный

В полночь глухую /рожденная/. Валькирия. Предчувствую Тебя. Она росла /за дальними горами/. Сны раздумий /небывалых/. Брожу в стенах /монастыря/. Золотистою долиной. Экклесиаст. Был вечер яростно /багровый/. Царица смотрела /заставки/. Пристань безмолвна. Плачет ребенок. По берегу плелся /больной человек/.

? Отдел «Посвящения»

1. Предч/увствую/ Тебя. 2. Historia /«В бездействии младом, в передрассветной лени»/. 3. Новых созвучий /ищу на страницах/. 4. Когда святого забв/ения/. 5. Тебя скрывали туманы. 6. Мы встречались с Тобой /на закате/. 7. Непосвященным (Сереже /Соловьеву/). 8. Одинокий к Тебе /прихожу/. 9. Признак истинного чуда. 10. Ты горишь над высокой /горою/. 11. Я жду призыва. 12. Верю в Солнце /Завета/. 13. В городе колокол /бился/. 14. Я искал голубую /дорогу/. 15. Осанна! Ты входишь /в терем/[1].

Из этого перечня видно, что Блок вначале колебался как относительно самого состава отделов сборника, так и их заголовков. В той же записной книжке отмечены различные варианты заглавий: «Стихи о Прекрасной Даме», «Обман», «Ущерб», «На распутьях», «В городе», «В полях», «В домах». Там же приводятся перечни стихотворений, которые Блок предполагал переработать, что частично и сделал. По сравнению с

---

[1] Орлов В. Н. Из литературного наследства Александра Блока. — *ЛН*. Т. 27–28. М., 1937. С. 515. В прямые скобки заключены дополнения, сделанные В. Орловым, в угловые — зачеркнутое автором.

первоначальным планом книги, куда входило 62 стихотворения (причем 4 из них зачеркнуты), в издание 1904 года вошло 93 стихотворения, распределенных по трем отделам. Тем не менее уже в начальном плане был намечен костяк книги: 40 стихотворений из него было включено в первое издание *«Стихи о Прекрасной Даме»*.

Внимательно вглядевшись в первоначальный проект книги и сравнив его с окончательной редакцией, попытаемся нащупать ту конструктивную идею, на которой зиждется удивительное единство первого сборника Блока. После заглавия («Проэкт моей 1-ой книги») следующая запись («1-я часть — до мистического лета?») содержит в себе предположительную идею хронологического построения, как наиболее распространенного в сборниках XIX века, но Блок с самого начала в этом не уверен («?»), и впоследствии эта запись зачеркнута. Затем заголовок всей книги — *«Стихи о Прекрасной Даме»*, первоначально, скорее всего, так должна была называться 1-я часть «до мистического лета», на что указывает запись после заголовка отдела «Храмы»: 1-я часть *отдела* «Стихи о Прекрасной Даме».

Дальше две вопросительные записи: «Хронологически? По отделам?» — и решение: по отделам («Хронологически?» зачеркнуто совсем, а у второй записи зачеркнут вопросительный знак). Решение принято — сборник должен строиться по отделам. Стихотворения, вошедшие в отделы, собираются по близости их лирического строя, порядок их пока для Блока неважен: он собирает под одну рубрику стихи, которые эмоционально и тематически сопрягаются друг с другом, а потом ставит порядковый номер каждого стихотворения — это отчетливо видно из плана первого отдела «Храмы». Причем, три стихотворения («На темном пороге тайком», «Там — в полусумраке собора» и «Целый день передо мною»), нарушающих, по его мнению, единство поэтического настроения, Блок исключает из состава и заменяет тремя другими.

Первоначальный план лишь частично воплотился в окончательной редакции книги, но главный конструктивный принцип расположения стихотворений по лирическим темам найден уже здесь. В окончательной редакции книга делилась на три раздела: «Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб». Первому разделу предпослано два эпиграфа: из стихотворения Вл. Соловьева «На Сайме зимой»:

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь.
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

И из стихотворения В. Брюсова «К близкой», входящего в отдел «Элегии» книги «Urbi et Orbi»:

И вот, как облако, влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

Во втором разделе — эпиграф из стихотворения Вл. Соловьева «Посвящение к неизданной комедии»: «Не миновать нам двойственной сей грани», и в третьем разделе — опять из В. Брюсова, из стихотворения «Нить Ариадны», входящего во «Вступления» — первый раздел книги «Urbi et Orbi»; Блок опускает первый стих строфы: «И я один в беззвучном зале»:

Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Выбор эпиграфов к разделам говорит нам, что в момент работы А. Блока над первой книгой В. Брюсов становится для него не менее важен, чем Вл. Соловьев.

Чужие тексты эпиграфов прежде самих оригинальных стихотворений раскрывают заголовки разделов книги. В первом — «Неподвижность» — эпиграф из Владимира Соловьева дает характеристику «Ее», второй, из В. Брюсова, — состояние поэта: «молчанье строгое», «трепет». Название раздела отсылает к строкам другого стихотворения Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...»:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови,
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Неподвижность — это углубленное мистическое созерцание, постижение Вечной Женственности. По мнению А. Белого, «главные признаки подлинно духовного, в отличие от ложно духовного для Блока — *неподвижность*, постоянство, покой»[1].

Эпиграф из Вл. Соловьева ко второму отделу книги говорит о неминуемой «двойственности». Название второй части — антонимично названию первой: «неподвижности» противопоставлены «перекрестки», перекрещение дорог, по одной из которых нужно идти. «Перекрестки» предваряют будущие «Распутья». Как уже говорилось, в предварительных набросках проекта книги рассматривались названия «На распутьях», «В городе». В слове «перекрестки» эти два названия объединены: «перекрестки» — это городские «распутья». Отдел «Перекрестки» — замутнение облика Прекрасной Дамы, в «неподвижность» вторгаются посторонние диссонирующие темы города, двойничества, экзистенциального зла и обмана (первое стихотворение отдела — «Обман»).

---

[1] См. комментарий А. Белого к первым письмам его переписки с А. Блоком в: Cahiers du monde russe et soviétique. Paris. 1974. Vol. 15. №1–2. P. 94.

Третья часть книги — «Ущерб» — открывается эпиграфом из В. Брюсова, смысл которого: потухший и обжегший пальцы факел, движение в бездонном мраке без дорог. Раздел начинается стихотворением «Экклесиаст», отсылающим к трагической мудрости и пессимизму библейского пророка. Мотивы эпиграфа настойчиво проводятся в этом разделе.

Тема холода и тьмы:

И на дорогах ужас веет,
И помрачились высоты...

И я понял, что будет темно...

То — заря бесконечного холода...

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле... и т. д.

Тема бездорожья:

Я бежал и спотыкался...

Брожу в стенах монастыря...

Золотистою долиной
Ты проходишь, нем и дик...

Третий раздел книги о тьме, холоде, бездорожье, старости, смерти, помрачении былых идеалов — об «ущербе» и «ущербности».

В своеобразном динамически-драматизированном построении единой композиции первой книги А. Блока есть свое движение лирического сюжета и есть движение, изменение лирического субъекта. Вот как описал этот композиционный «строй» П. Громов: «Драматизм композиции книги выявляет внутреннюю логику темы. Прекрасная Дама появляется еще до ознакомления Блока с Соловьевым — как своего рода образный сгусток, комплекс, в котором сплетаются темы чрезвычайно напряженных индивидуальных любовных переживаний с темами общих тревог и предчувствий, ожидания «неслыханных перемен». Обнаруживается, далее, стремление рассматривать этот образ как разрешение тревог, предчувствий и ожиданий — и личных, и общих; тут вплетается соловьевская тема «синтеза», религиозной гармонии. Но вместе с тем, в согласии с общей эволюцией Блока, обнаруживается драматически-противоречивая природа и этого образа, и связанного с ним сюжета. Обостряясь, этот драматизм принимает театрально-резкую форму и, не теряя своей лирико-трагической сути, на-

чинает играть также гранями театральной иронии. Тут выступает наиболее резкий из контрастов во всем драматическом движении темы: спадают средневековые облачения, ситуация оказывается одним из эпизодов современной городской жизни, в целом полной своих собственных трагических противоречий. Тогда от этой ситуации, ставшей одним из эпизодов современной драмы жизни, отделяется, получает самостоятельное существование тема грядущих катастроф»[1].

В описании композиционно-тематического строя «Стихов о Прекрасной Даме» П. Громов, по существу, говорит о трех принципах построения: тематическом («брюсовском») — стихи на одну тему, эмоционально-тематическом — стихи близкие по эмоциональному строю и драматическом — контрастное столкновение стихотворений разного тематического и эмоционального строя.

В первой книге А. Блок нащупывает идею будущих своих циклических построений (лирических циклов и сборников), в том числе и самого большого цикла «Стихи о Прекрасной Даме», над которым поэт работал дольше всего. Основным конструктивным принципом «Стихов о Прекрасной Даме» становится найденный в первом издании и проведенный в разных вариантах через все последующие принцип тематических единств. Только понятие «темы» имеет здесь смысл, близкий скорее к музыкальному термину, а не только значение «стихи на одну тему».

Сближение и взаимопроникновение поэзии и музыки в общей точке соприкосновения — в лирике — характерная черта символизма и шире — художественной культуры XX века: стремление композиторов давать своим сочинениям название «стихотворение с музыкой» (Танеев, Метнер, Прокофьев, Гнесин и др.), поиски принципов «музыкального чтения» стихов (сотрудничество В. Э. Мейерхольда с М. Ф. Гнесиным, поэзоконцерты И. Северянина), попытка применить музыкальную форму к словесному произведению («Симфонии» А. Белого, его же статья «Лирика и эксперимент») и т. п.

Продолжая музыкальную аналогию, можно сказать, что те циклы Блока, которые строятся по тематическому принципу (стихи на одну тему), аналогичны музыкальному сюитному построению, а циклы с внутренним лирическим сюжетом — сонатному. Поскольку наиболее крупной сонатной формой является симфония, последняя редакция «Стихов о Прекрасной Даме» сравнима с произведением большой формы и большого стиля — ее можно назвать громадной поэтической симфонией.

«Чисто» музыкальное развитие темы невозможно на материале слова, в циклических построениях Блока элементы такого музыкального развития поддерживаются своеобразной театрализацией лирического сюжета (о которой много говорится в вышецитированной книге П. Громова). Если драматическое развитие сюжета возможно только на до-

---

[1] Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. М.–Л., 1961. С. 126–127.

вольно значительном текстовом пространстве (в пределах цикла стихотворений, сборника), то элементы музыкально-тематического строения можно найти в самых первых журнальных публикациях Блока. В журнальных подборках складывались тематические «узлы», небольшие «звенья» будущей книги поэта.

Блок придавал значение порядку стихотворений уже в этих небольших журнальных подборках. Так, в письме к редактору журнала «Новый Путь» П. П. Перцову Блок пишет в феврале 1903 года в связи со своей первой публикацией: «Порядок стихов мне бы хотелось определить самому, если можно, уже по корректурным листам» [1]. Это стало возможным потому, что редакция «Нового Пути» применила новый принцип печатания стихотворений: «В «Новом Пути», после первого, дебютного номера (январь 1903 г.), было решено применять систему печатанья стихов по авторам: т. е. в каждой книжке помещать одного какого-либо поэта в ряде пьес, напечатанных вместе, взамен традиционной системы — рассыпать разнохарактерные «вещицы» различных авторов по всей книжке журнала «на затычку». Нехитрая реформа, но тогда и это было новшеством»[2].

В «Новом Пути» Блок напечатал две подборки в 10 и 9 стихотворений (для второй публикации в №6 за 1904 год он подготовил 12 стихотворений, но 3 были запрещены цензурой: «Был вечер яростно багровый...», «Мой любимый, мой князь, мой жених...», «Я — меч, заостренный с обеих сторон...»).

В книге 1904 года можно встретить «звенья» от 2 до 5 стихотворений, без изменения перенесенных из журнальных публикаций. Например, из «Нового Пути», №3:

«Гадай и жди. Среди полночи...»
«Верю в Солнце Завета...»

Из «Северных Цветов»:

«Она стройна и высока...»
«Днем вершу я дела суеты...»
«Я вышел в ночь — узнать, понять...»
«Безмолвный призрак в терему...»

Из «Нового Пути», №6:

«Потемнели, поблекли залы...»
«Погружался я в море клевера...»
«Я вырезал посох из дуба...»
«У забытых могил пробивалась трава...»
«Я — меч, заостренный с обеих сторон...»

---

[1] Перцов П. Ранний Блок. М., Костры. 1922. С. 17.
[2] Там же. С. 15.

Количество примеров можно увеличить.

Журнальные тематические комплексы вбирали ключевые для развития темы стихотворения. Часто цитируется высказывание А. Блока о стихотворении как покрывале, растянутом на остриях нескольких ключевых слов. То же можно сказать о некоторых тематически ключевых стихотворениях, на остриях которых «растягивается» отдел в книге или лирический цикл. В книге 1904 года Блок часто между двумя стихотворениями, входящими в журнальный цикл, и рядом с ними ставит тексты, очень близкие по теме, т. е., оставляя «звено» неизменным качественно (тематически), он увеличивает его количественно. Когда же нужно не распространить состав текстов, а, наоборот, сжать, поэт возвращается к первоначальному варианту. Так, в уже упоминавшемся «Изборнике» 1918 года мы опять встретим почти неизменными «звенья» из «Нового Пути» №3 и 6. Важно заметить эти ключевые стихотворения и в значительно расширенных текстах последней и предшествующей ей редакциях циклов «Стихи о Прекрасной Даме» и «Распутья».

Один пример применения музыкально-тематического принципа в первом издании *«Стихов о Прекрасной Даме»*. В каноническом первом томе циклу «Стихи о Прекрасной Даме» предшествует цикл «Ante Lucem», в котором «Она» начинает медленно принимать «неземные черты». В книге 1904 года этой темы нет, потому в «Ante Lucem» из этой книги — всего одно стихотворение («В полночь глухую рожденная»). Книга начинается с семи стихотворений, в которых звучит одна из главных тем — предчувствия посланницы «миров иных», чаяние призыва:

Весь горизонт в огне, *и близко появление*...

Как ясен горизонт! *И лучезарность близко*...

Там *жду я* Прекрасной Дамы...

Странных и новых *ищу* на страницах
Старых испытанных книг...

И опять ворожу над тобой,
Но *неясен и смутен ответ*...

Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла...

В бездействии младом, в передрассветной лени
Душа парила ввысь, и тàм *звезду нашла*...[1]

---

[1] Здесь тоже мотив ожидания: Блок использует христианский мотив о рождественской Звезде-предвестнице. Здесь и выше курсив наш. — *В. С.*

Наконец, в девятом стихотворении происходит ЕЕ появление:

Я понял все и отхожу я —
Благословен прошедший день...

Ты в алом сумраке ликуя —
Ночную миновала тень...

Но риза девственная зрима,
И день с тобою проведен...

Пускай душа неисцелима.
Благословен прошедший сон...[1].

Но нет, явление было только «на миг»:

За желтой нивой — далеко, где-то,
На миг проснулось мое воззванье...

И опять:

Все мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных...

Эта тема будет появляться опять и опять, бесконечно меняясь, варьируясь, приобретая дополнительные оттенки и смыслы. Она перекрещивается с другими темами, сливается или контрастирует с ними. Именно такое развитие и характерно для музыки: в музыкальной разработке исходная тема, бесконечно варьируясь, переплетается с другими, и часто ее трудно выделить, не нарушая связи с побочными мотивами. Точно так же из циклических образований Блока трудно выделить какую-либо тему «чисто», не нарушая ее связей с другими лирическими темами.

Конструктивный принцип, найденный Блоком в первой книге, будет в дальнейшем развит в циклах 2-го и 3-го томов (в «Снежной Маске», «Кармен», отчасти в «Возмездии») и в окончательной редакции «Стихов о Прекрасной Даме».

Второе издание «Стихов о Прекрасной Даме» Блок начал готовить по предложению издательства «Мусагет» осенью 1910 года. Поэт решает составить сборник совершенно заново, отчетливо представляя, что «сборник не механическая работа: надо дописать поэму и несколько стихотворений» (письмо к матери 9 января 1911 года). Тогда же он ре-

---

[1] Это восьмистишие, представляющее собой в первом издании самостоятельный текст, затем вошло в стихотворение «Я понял смысл твоих стремлений» (*СС-8₁*. С. 80).

шает, что будет издавать не собрание сочинений, а трехтомное собрание стихотворений.

Решив издавать собрание стихотворений, Блок этому изданию предпослал предисловие, в котором определял всю свою лирику «трилогией», «романом в стихах». Первый том этой трилогии составила заново переработанная первая книга поэта. Том вышел в мае 1911 года и назывался так: А. Б л о к. Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). Издание второе, исправленное и дополненное. Книгоиздательство «Мусагет», Москва, MCMXI. Подготавливая собрание стихотворений, Блок не ограничился перепечаткой, хотя бы и с дополнениями, прежних сборников, а кардинально перестроил их. «Стихи о Прекрасной Даме» во втором издании стали, по существу, совершенно новой книгой. Во-первых, в новом издании сборник разросся более чем в три раза, до 300 стихотворений, а во-вторых, поэт применил здесь совершенно новый принцип построения книги.

В записной книжке №31 (май–декабрь 1910 года) есть план первого тома «Собрания стихотворений»:

«1 том — строго хронологически (300 глав 1-й части трилогии) Ante Lucem?

1898 — 7 стих.
1899 — 31 (16 + 15)
1900 — 32 (22 + 10)
1901 — 68 (60 + 8)
1902 — 70 + 20 + 4 = 94
1903 — 60
1904 — 8

Всего 300

Даты поставлены под стихами особ/енно/ значительными... Всего стихов к концу 1910 — около 1030» (*ЛН*. Т. 27–28. С. 522).

План почти точно реализовался в построении 1-го тома «Собрания стихотворений». Раздел «Ante Lucem» пока не появился, вся книга делится на семь частей, озаглавленных годами с 1898 по 1904. Внутри частей стихи пронумерованы римскими цифрами и напечатаны «вподборку», одно за другим. Это сделано намеренно для придания книге особой цельности, о которой Блок писал в предисловии. Важное место в книге занимают «Предисловие» и «Примечания», где автор объясняет принцип построения сборника.

В этом издании, которое внешне кажется построенным по хронологическому принципу, Блок на самом деле объединяет музыкально-тематический принцип, найденный в первом издании «*Стихов о Прекрасной Даме*», с хронологическим, примененным в этом издании. Хронологичность построения книги подчеркивает ее «дневниковость», линейность развития мистического романа с Прекрасной Дамой. Однако эта «хронологичность» в построении книги вступает в противоречие и преодолевается «однострунностью» входящих в нее стихотворений, тем, что А. Белый называл «*единством многоразличий*»: «Есть поэты

«единства»; их очень мало; поэзия *многоразличий единства* — поэзия обычного типа, и она выявляет мозаичный портрет своей музы, слагаемый из отдельных мозаик стихотворений. В первом периоде поэзии Александра Блока каждое стихотворение уподобляемо не мозаике, а росинке, сполна отражающей лик его Музы»[1].

В 1916 году книгоиздательством «Мусагет» было осуществлено новое издание произведений А. Блока в четырех книгах. Трехтомник «Стихотворений» по сравнению с предыдущим изданием 1911–1912 годов был переработан кардинальнейшим образом. Эта переработка выразилась, главным образом, в сокращении как количества стихотворений в составе первых двух книг, так и самих текстов стихотворений.

С особой строгостью Блок подверг сокращениям 1-й том. Он исключил из него 89 стихотворений, входивших в издание 1911 года. Из этих 89 стихотворений 43 не были включены Блоком ни в одно из последующих изданий первого тома, а остальные 46 были восстановлены в пятом (последнем прижизненном, «каноническом») издании. В то же время поэт включил в новую редакцию первого тома 27 стихотворений, не входивших в предыдущее издание 1911 года.

Самое главное — в новом издании первого тома Блок отступил от принципа расположения стихотворений по годам и впервые разделил стихи на три лирических цикла: «Ante Lucem» (1898–1900), «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902) и «Распутья» (1902–1904). Правда, внутри циклов стихотворения, за редким исключением не датированные, были расположены в хронологическом порядке. Цикл «Стихи о Прекрасной Даме» в этом издании распадался на четыре «главы»: I. Видения (Весна 1901 года), II. Ворожба (Лето 1901 года), III. Колдовство (Осень и Зима 1901 года), IV. Свершения (1902 год).

Впервые в этом издании цикл «Стихи о Прекрасной Даме» «ограничивается» хронологически, в него вошли только стихотворения 1901–1902 годов. Это было важное решение, так как, ограничив цикл хронологически, Блок усилил его «однострунность».

Конструкция первого тома, найденная в издании 1916 года, с незначительными изменениями была закреплена в последнем, пятом издании[2]: Собрание сочинений А. Блока. Т. 1. Стихотворения. Книга первая (1898–1904). Ante Lucem. Стихи о Прекрасной Даме. Распутья. Пб., «Алконост», 1922.

---

[1] Белый А. Поэзия Блока. — Ветвь: Сб. Клуба моск. писателей. М., 1917. С. 271. Об «однострунности» см. статью: Кузнецова О. А. Понятие «однострунность — многострунность» у Блока (К вопросу о формировании лирической «трилогии»). — *Исследования и материалы*, 1987.

[2] Предшествующее пятому изданию 1-го тома четвертое (изд. «Земля», Пб., 1918) и по своему составу, и по композиции, и по тексту является точным повторением предыдущего мусагетовского издания 1916 года.

Работу над последней редакцией 1-го тома Блок начал в августе 1918 года (завершил в 1920 году). Тогда же в наброске предисловия к этому новому изданию Блок приходит к чрезвычайно важному решению: сделать прозаический комментарий к огромному стихотворному циклу, наподобие «Новой Жизни» Данте (*СС-8₁*. С. 560–561). Замысел этот осуществлен не был; некоторую подготовительную работу к нему поэт проделал, сделав записи в Дневнике 1918 года 17 и 29 августа (ст. ст.), где он по памяти попытался восстановить события своей жизни с весны 1897-го до конца 1901-го и составил своеобразный автокомментарий к стихам первой половины 1901 года.

Замысел автокомментария остался невоплощенным, но он, видимо, оказал определенное влияние на архитектонику последней редакции цикла «Стихи о Прекрасной Даме».

Слабым отблеском автокомментария служат подробные (сделанные в 1920 году) датировки всех стихотворений с указанием дня, месяца, года и места написания. Цикл «Стихи о Прекрасной Даме», насчитывающий теперь 164 стихотворения, органично входил в общую систему 1-го тома и внутри себя был разделен на шесть рубрик, помеченных местом и временем написания (например, I. *С.-Петербург. Весна 1901 года*; II. *С. Шахматово. Лето и Осень 1901 года* и т. д.).

Кратко проследив историю редакций цикла «Стихи о Прекрасной Даме», можно считать ведущим принципом объединения стихотворений: в первой книге (1904) — музыкально-тематический, во втором издании (1911) — хронологический, «дневниковый», в третьем и четвертом (1916, 1918) Блок объединяет оба эти принципа, и, наконец, в каноническом, пятом издании доводит его до совершенства, создав сложнейшую поэтическую структуру: лирический цикл «Стихи о Прекрасной Даме», пронизанный сдержанной лирической энергетикой, тончайшими эмоциональными нюансами, но построенный очень строго и рационально.

Каково же соотношение первой книги А. Блока с окончательной редакцией первого тома?[1]

A.L.	70	1
Ст.о П. Д.		
Вступл.	1)	1)
I	16)	3)
II	34)	6)
III	30) 164	2) 44
IV	43)	14)
V	17)	9)
VI	23)	9)
Распутья	80	43

[1] Первая цифра — количество стихотворений в последней редакции 1-го тома, вторая — количество стихотворений из первой книги.

Собственно, в цикл «Стихи о Прекрасной Даме» вошло чуть меньше половины стихотворений первой книги (44 стих.), что составляет примерно одну четверть корпуса текстов последней редакции. Из них наибольшее количество вошло в IV раздел, являющийся смысловым ядром цикла; Блок в *предисловии* к изданию 1911 года придавал этому разделу «первенствующее значение как для первой книги, так и для всей трилогии» (*СС-8₁*. С. 560). Второе место по количеству занимают стихи, вошедшие в последние «главы» «Стихов о Прекрасной Даме» (V и VI), — по 9. Зато больше половины (43 стих.) цикла «Распутья» занимают стихи из первой книги. Поэтому можно сказать, что первое издание «Стихов о Прекрасной Даме» является основой не столько для последующего одноименного цикла, сколько для последнего раздела I-го тома — цикла «Распутья».

Все композиционное движение мысли в «Стихах о Прекрасной Даме» можно упрощенно представить в виде двух линий: «горизонтальной» — противопоставление лирического «я» и его возлюбленной, и «вертикальной» — антитеза «неба» и «земли», духовного и материального. Внутри этих четырех полярных точек и развивается сложный лирический сюжет цикла. В движении «лирического сюжета» З. Г. Минц выделяет пять отчетливо различающихся этапов, оговаривая при этом, что понятие «этапа» скорее типологическое, чем хронологическое: «в реальной ткани цикла в каждом из разделов практически присутствуют разные мотивы и их решения».

В первую группу З.Г.Минц включает стихотворения, носящие «экспозиционный» характер, в которых дана «исходная ситуация»: «двуликая» (связанная с земным планом, но устремленная к небу) душа поэта в радостном предчувствии посланницы «миров иных». Вторая группа стихотворений связана с темой «Ее» холодности к герою, предчувствия невозможности слияния с «Ней». Причем эта тема имеет реальный источник — взаимоотношения с Л.Д.Менделеевой, и идеальный — невозможность достижения и постижения «Ее». Третья группа включает в себя стихотворения, где параллельно с темой любви возникает мотив сомнения: является ли возлюбленная поэта «Той Самой», о которой он мечтал, или только «Ее» призраком, обманом? В связи с этой неуверенностью возникает тема «злого», «темного» и тема двойника. Наконец, четвертая группа стихотворений: примерно с середины третьего раздела (с осени 1901 года) «изменение» облика героини начинает изображаться как свершившийся факт. Параллельно с этим изменением идет типичное для последних разделов «Стихов о Прекрасной Даме» нарастание мотивов разочарования в идеале, который оказался «мечтой», сладостным «обманом». В последних разделах цикла можно встретить стихотворения и еще одной — пятой группы — те, в которых героиня и герой приобретают «земные» черты, утрачивая свой мистический смысл[1].

---

[1] Минц З. Г. Лирика Александра Блока (1898–1906). Спецкурс. Лекции для студентов заочного отделения. Тарту, 1965. С. 24–30.

В «Распутьях» «Ее» уже нет. Поэт остается один на один с миром и принимает земное бытие, независимо от нравственной сущности явлений и событий. В результате такого «всеприятия» происходит подмена этической оценки изображаемого «чисто» эстетической, т. е. «декадентство», которое Блок сам остро чувствовал и не любил в своем творчестве этих лет (1903–1905 гг.).

В первой редакции *«Стихов о Прекрасной Даме»* преобладают стихотворения последних трех групп и цикла «Распутья». К лету 1904 года, когда началась работа над первой книгой, время острых и напряженных мистических переживаний прошло, и это не могло не отразиться и на составе книги, и на ее основном лирическом «тоне»: слишком очевидны в ней мотивы «ущерба», обмана, усталости и разочарования. Потому-то критики самых разных направлений в рецензиях на первый сборник А. Блока были почти единодушны в неприятии стихов именно из разделов «Перекрестки» и «Ущерб».

«Стихи о Прекрасной Даме» тогда еще мало кому известного А. Блока были приняты критикой достаточно прохладно[1]. Рецензенты демократического и народнического направления (В. Боцяновский, Л. Василевский, А. Гуковский) отмечали «оранжерейность», уединенность, субъективность стихотворений поэта, их отвлеченность от современности или даже холодность и вымученность. Символисты также приняли первый сборник Блока далеко не однозначно. Высоко его оценили В. Иванов и А. Белый, видя в поэте «продолжателя конкретного соловьевского дела» (А. Белый). Не приняли книгу З. Гиппиус за «безрелигиозность и безбожественность» и В. Брюсов за излишний мистицизм и религиозность.

Сам поэт в предисловии к неосуществленному изданию сборника «Стихов о Прекрасной Даме» 1918 года писал, что его первую книгу критика «истолковала совершенно превратно» (*СС-8₁*. С. 560). Действительно, критики искали в книге Блока или то, что бы им хотелось в ней найти, или находили то, чего в ней не было.

А. Блок говорил, что его книга была адресована «небольшому кружку людей, умевших читать между строк» (*СС-8₁*. С. 560). Стихи этой книги могли быть понятны лишь очень немногим (А. Белый, С. Соловьев), для которых «мистическая реальность», пережитая поэтом, тоже была реальностью, а не поэтической метафорой. *«Стихи о Прекрасной Даме»* 1904 года — книга герметически закрытая, она написана особым эзотерическим языком и адресована лишь немногим «посвященным». Во всех последующих переделках А. Блок пытается «прояснить» «Стихи о Прекрасной Даме», но добивается прямо противоположного результата. Последняя редакция цикла (1918–1920), осуществленная как бы сквозь «толщу» всего творчества поэта, делает эти

---

[1] См. об этом: Скворцова Н. В. Раннее творчество Блока в оценке критиков и современников (1902–1905). — *Исследования и материалы*, 1987.

стихи особенно для него важными и, по существу, понятными только ему самому. Именно в это время А. Блок ставит «Стихи о Прекрасной Даме» выше всего им написанного.

С тех пор произведение, названное случайно и неточно — «Стихи о Прекрасной Даме», — становится одним из самых непонятных и в то же время бесконечно притягательных текстов русской поэзии. А. Блок в чаянии явления ЕЕ проницал факт не своей только личной жизни и судьбы, а явления всемирно-исторического масштаба. Тот, кому приоткроется смысл этих стихов, окажется не только «званым», но и «избранным».

В. А. Сапогов

АЛЕКСАНДР БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898–1904)

«Каноническим» текстом первого тома «лирической трилогии» Блока следует считать издание, вышедшее в издательстве «Алконост»: Собрание сочинений Александра Блока. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). Пб., 1922.

История его кратко такова.

В 1918 году Блок решил предпринять новое, пятое по счету, издание «Стихов о Прекрасной Даме», которое, по его замыслу, должно было значительно отличаться от предыдущих (1904, 1911, 1916 и 1918 годов). Поначалу он хотел сопроводить стихотворения прозаическим автокомментарием, наподобие того, как это сделал Данте в «Новой Жизни», но затем отказался от такого намерения. Работа над книгой шла с большими перерывами и была завершена лишь в апреле 1920 года. Блок заметно увеличил количество стихотворений в томе — 314 (27 из них не входили в предыдущие издания книги). Раздел «Стихи о Прекрасной Даме» стал состоять из шести отделов (в изданиях 1916 и 1918 годов их было четыре). Некоторые тексты Блок представил в ранних, более пространных, редакциях, некоторые — значительно исправил или сократил. Под каждым стихотворением была проставлена дата, что подчеркивало дневниковый характер книги. По существу, поэт создал новую редакцию тома, которая отражала его изменившийся подход к раннему творчеству.

Обстоятельства сложились так, что частное издательство С. М. Алянского «Алконост» приступило к печатанию книги уже после смерти Блока; она вышла в свет в марте 1922 года. В помещенном в конце тома заявлении «От издательства» сообщалось: «Собрание сочинений А. Блока выпускается нами по плану, выработанному им самим для предполагавшегося издания, которое не удалось осуществить при

жизни поэта. Три тома стихотворений и том театра А. А. Блок подготовил к печати в окончательной форме» (С. 239).

Тот факт, что Блок не принимал участия в процессе печатания книги, не держал ее корректуры, порождал устойчивые сомнения в том, насколько полно и точно выразилась в данном издании последняя авторская воля поэта. Однако нет достаточных оснований отвергать текст пятого издания 1-й книги (1922 год) в качестве основного, «канонического». Именно таковым он и послужил для настоящего издания (с исправлением некоторых явных опечаток, с приведением в ряде случаев к нормам современной пунктуации и орфографии).

ANTE LUCEM
(1898–1900)

В раздел «Ante Lucem» в его последней редакции включено 70 стихотворений. Первое датировано январем 1898 года, последнее — 31 декабря 1900 года. Таким образом, в состав раздела вошли произведения трех последних лет прошлого века. Блок тем самым подчеркивал, что с завершением столетия закончился и некий начальный этап его духовной и творческой биографии.

Свою раннюю лирику поэт не случайно рассматривал под символическим знаком «Ante Lucem» (в переводе с латинского — «Перед Рассветом», «Перед Светом»): это была пора смутных надежд, юношеских мечтаний, поисков Идеала, веры, «неведомого Бога», духовных основ жизни, пора блужданий в «передрассветных сумерках». Подобное восприятие и обозначение раннего периода творчества возникло не сразу, а лишь после того, как в сознании Блока постепенно сложилась его необычная поэтическая мифология, связанная с важнейшим образом-символом Вечной Женственности, Прекрасной Дамы, с идеями духовного преображения действительности.

Эта эпоха накануне грядущего века переживалась им как начало перехода от старого мира к новому. По свидетельству Андрея Белого, «с 1900 года в поколении, выступившем вскоре под знаменем символизма, впервые обозначились грани их символического пути...» И уже тогда в их сознании «безмирное пересеклось с мирным, безвременное с временным» (Б е л ы й А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — Записки Мечтателей. 1922. №6. С.8, 9). Блок к этому «рубежному» году успел пройти тот путь духовного становления, который вывел его на самое острие символистских исканий. Уже в то время он жил в чаянии каких-то невиданных грядущих перемен, которые казались ему неотвратимыми. Порой им овладевали «апокалипсические» (то есть связанные с ожиданием «конца света» и возрождением после гибели) настроения. Он пытался уловить в окружающем приметы надвигающихся событий вселенского масштаба. «...Меня тревожили знаки, которые я видел в природе, — писал Блок в автобиографии, — но все это я считал «субъективным» и бережно оберегал от всех». Он все

чаще испытывал особые состояния души, вызванные ощущением сопричастности таинствам мира...

В 1898–1900 гг. Блок напряженно «переживал» русскую поэзию от В. А. Жуковского до А. А. Фета и Я. П. Полонского: он во многом и мыслил, и чувствовал, и творил в ее духе. Особенно сильным было влияние В. А. Жуковского и завораживающей, «музыкальной» поэзии А. А. Фета. Вместе с тем ему дороги и близки А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев. Образы, мотивы, цитаты из стихов любимых поэтов то и дело мелькают в его юношеской лирике. Уже в те годы в сознании Блока укоренились романтические идеи «двоемирия» и неприятия будничной реальности. Неверно было бы полагать, что Блок совершенно не знал в то время окружающей жизни. Но очевидно, что он не стремился к ее сознательному и активному постижению. Это была типично романтическая разочарованность: еще до близкого соприкосновения с действительностью. Немалую роль тут играли усиленные занятия древней идеалистической философией, особенно творениями Платона. Блок глубоко воспринял учение мыслителя о Душе мира, о духовной сущности мироздания. Под влиянием идей Платона крепла вера поэта в существование «иных миров», где совершается истинное бытие, несравнимое с «тленной» земной жизнью. Эти близкие юному Блоку идеи образуют философский подтекст цикла, многие стихотворения которого далеко не однозначны и весьма не просты для восприятия.

Но не только мир русской поэзии и древняя философия вдохновляли Блока. К тому времени относятся и первые «жизненные опыты». В 1898 году он стал студентом Санкт-Петербургского университета. Он всерьез увлекся театром и даже «внешним образом готовился в актеры»: «с упоением декламировал Майкова, Фета, Полонского, Апухтина», играл на любительской сцене Гамлета, Чацкого, Скупого рыцаря, входил даже (правда, недолго) в состав труппы петербургского Драматического кружка. Тогда же поэтом впервые завладели любовные переживания.

Летом 1897 года в немецком курортном городке Бад-Наугейм он познакомился с К. М. Садовской. Переживания этой первой любви нашли отражение в некоторых стихотворениях «Ante Lucem».

В 1898 году произошла решившая судьбу Блока встреча с его будущей невестой и женой Л. Д. Менделеевой. С того момента в жизни поэта начался новый отсчет времени. Разнородные впечатления бытия имели тогда для Блока сугубо субъективное значение, а стихи являлись в основном выражением его личного духовного и жизненного опыта.

Источников для комментирования стихов данного раздела сравнительно немного: художником уничтожены записные книжки и дневники того времени, довольно мало эпистолярных и мемуарных свидетельств, а также отзывов современной Блоку критики. Поэтому существенное значение приобретают автокомментарии поэта, сделанные им в дневнике 1918 года, когда он задумал снабдить книгу «Стихи о Прекрасной

Даме» необходимыми пояснениями, «которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим» (замысел был реализован лишь частично). Кроме того, достоверные сведения о жизни Блока в те годы имеются в обстоятельных мемуарах его первого биографа — М. А. Бекетовой.

«Пусть светит месяц — ночь темна...» (С. 59).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С. 3.

В первом стихотворении возникают важные для всего раздела мотивы предрассветных сумерек, отъединенности героя от «толпы», смутной печали и тоски «больной души».

Пусть светит месяц — ночь темна. — Ср. в стих. С. Я. Надсона «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» (1880): «Ночь вокруг чересчур уж темна!» *На тусклый взор души больной, // Облитой острым, сладким ядом.* — Сходные образы Блок использовал в письме к К. М. Садовской, написанном в апреле 1898 года: «Зачем Ты пишешь мне про «яд». Этот яд сладок, как наше счастье, а выпить сладкого яду, забыться хотя на миг стоит и жизни и всего на свете...» (*БС-2.* С.318). О К. М. Садовской и ее отношениях с Блоком см. в коммент. к стих. «Луна проснулась. Город шумный...».

«Ты много жил, я больше пел...» (С. 59).

Впервые: Вершины. 1915. №17 (пасхальный). С. 6. Под загл. «Другу», без посвящения.

Николай Васильевич Гун (1878–1902) — один из ближайших друзей Блока в старших классах Введенской гимназии. По свидетельству М. А. Бекетовой, «Гун принадлежал к одной из отраслей семьи известного художника Гуна. Это был мечтательный и страстный юноша немецкого типа» (*Бекетова.* С.43). Н. В. Гун покончил самоубийством в январе 1902 года «вследствие безнадежной любви». Тогда же памяти его Блок посвятил стихотворение «На могиле друга» (*22 января 1902*). По предположению К. А. Кумпан и А. М. Конечного, возможно, существует сложно опосредованная связь между Гуном и образом гимназического товарища в «Исповеди язычника» Блока — Дмитрием (*ЛН.* Т.92. Кн.4. С.608).

«Полный месяц встал над лугом...» (С. 60).

Впервые: Тропинка. 1908. №11. С.451. Под загл. «Ночью».

Шахматово — подмосковное имение в Клинском уезде, в 17 километрах от станции Подсолнечная, купленное дедом Блока А. Н. Бекетовым в 1874 году. «Местность, где оно расположено, — отмечала М. А. Бекетова, — одна из живописнейших в Средней России... Вся страна холмистая и лесная. С высоких точек открываются бесконечные дали. Шахматово привлекло отца именно красотою дальних видов, прелестью места и окрестностей, а также уютностью вполне приспособленной для житья усадьбы. <...> Таково было это прекрасное место, увековеченное в стихах Блока и в его поэме «Возмездие».

<...> Здесь прошли лучшие дни его детства и юности. Он любил Шахматово...» (*Бекетова.* С.36, 37).

Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...») (С. 60).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.74–75. В цикле «Ante Lucem».

Первое в ряду стихотворений, посвященных матери, с которой Блока на протяжении всей жизни связывала глубокая духовная близость.

Мать поэта, *Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух* (урожденная Бекетова, в первом браке Блок; 1860–1923), была по натуре женщиной мятущейся, романтически настроенной. Она высоко ценила поэзию, музыку, много переводила с французского (Бальзак, Золя, Гюго, Мопассан, Бодлер, Верлен и др.), сама сочиняла стихи. Блок с юных лет доверял эстетическому вкусу матери, прислушивался к ее мнениям по поводу своих произведений. «Мать и сын были во многом сходны, — свидетельствовала М. А. Бекетова. — Повышенная впечатлительность, нежность, страстность, крайняя нервность, склонность к мистицизму и к философскому углублению жизненных явлений, — все это черты, присущие им обоим» (*Бекетова.* С.276).

«Она молода и прекрасна была...» (С. 61).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.75. В цикле «Ante Lucem».

В 1-й тетради автографов мать поэта А. А. Кублицкая-Пиоттух отметила, оценивая стихотворение: «Чистая прелесть. *Мама*». В качестве эпиграфа Блок предполагал использовать строфу из поэмы Полонского «Куклы» (записана в 1-й тетради автографов):

Вот — она, что когда-то сердито
Мне внимала, потупивши глазки,
Для которой бессонные думы
Наряжал я в нестройные сказки.

Затем он отказался от этого намерения.

Данное стихотворение — одно из первых, написанных под впечатлением от встреч с Любовью Дмитриевной Менделеевой в Боблове. Эти встречи положили начало «мистическому роману» Блока с его будущей невестой и женой, ставшей прообразом героини «Стихов о Прекрасной Даме».

Она молода и прекрасна была // И чистой мадонной осталась... — М. А. Бекетова вспоминала о Л. Д. Менделеевой: «Нежный бело-розовый цвет лица, черные брови, детские голубые глаза и строгий, неприступный вид. Такова была Любовь Дмитриевна того времени» (*Бекетова.* С.50).

Боблово — подмосковное имение Менделеевых, расположенное в семи верстах от бекетовского Шахматова.

«Я стремлюсь к роскошной воле...» (С. 61).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.5.

В 1-й тетради автографов посвящено Л. Д. Менделеевой. Написано в расположенном недалеко от Шахматова имении Дедово, которое принадлежало двоюродной бабушке Блока Александре Григорьевне Коваленской (1829–1914).

Эпиграф — из стих. В. А. Жуковского «Песня» («Счастлив тот, кому забавы...», 1808 или 1809). Мотивы стихотворения В. А. Жуковского были ранее использованы Блоком в письме к К. М. Садовской (до 7 марта 1898 года): «...Ты все тот же благоуханный, душистый цветок, который злая судьба не дает мне сорвать, не дает насладиться им вполне» (*БС-2.* С.317).

«Усталый от дневных блужданий...» (С. 62).

Впервые: Биржевые ведомости. 1915. 22 февр., утр. вып. №14686. Под загл. «Божье дитя».

«Есть в дикой роще, у оврага...» (С. 62).

Впервые: Северные Записки. 1915. №2. С. 27. В цикле «Офелия».

В 1-й тетради автографов имело два эпиграфа:

«...Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил»

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. I, строфа L);

«Офелия плела венки и пела.
Королева»

(В. Шекспир. Гамлет. Действ. IV, явл. 2; в перев. Н. Полевого).

Биографически связано с представлением сцен из трагедии Шекспира «Гамлет», которое состоялось 1 августа 1898 года в Боблове. Блок играл роль Гамлета, а Л. Д. Менделеева — Офелии. Спектакль произвел на поэта неизгладимое впечатление. «Здесь же, — отмечала М. А. Бекетова, — влияла и природа, и романтика шекспировской пьесы, и тот прекрасный образ, который создала Люб<овь> Дм<итриевна> в роли Офелии. <...> Удивительно ли, что романтично настроенный и пылкий мальчик, каким был в то время поэт, до безумия влюбился в свою Офелию. О силе его впечатлений свидетельствуют многочисленные стихи, написанные прямо или косвенно то к самой Люб<ови> Дм<итриевне> в этой роли, то в виде песен Офелии» (*Бекетова.* С.541).

Помимо реминисценций из «Евгения Онегина» (описание могилы Ленского), в стихотворении ощутимы переклички с «Певцом» (1811) В. А. Жуковского: «В тени дерев, над чистыми водами // Дерновый холм вы видите ль, друзья? // Чуть слышно там плескает в брег струя... <...> Увы! друзья, сей холм — могила; // Здесь прах певца земля сокрыла...».

«Мне снилась смерть любимого созданья...» (С. 62).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.5–6.

В 1-й тетради автографов после третьей строфы была еще одна, не вошедшая в публикации:

Когда очнулся я, встревоженный виденьем,
В ночной тиши, средь черной темноты,
Мне сладостным и горьким сновиденьем
Казалась смерть последней красоты.

В стихотворении, как и в некоторых других произведениях тома («На смерть деда», «У забытых могил пробивалась трава...», «Вот он — ряд гробовых ступеней...» и др.), отразилось восприятие Блоком смерти как «прикасания к Неисповедимому», приобщения к мировой тайне.

Эпиграф — из стих. Г. Гейне «Во сне неутешно я плакал...» (в чуть измененном переводе М. Михайлова).

«Луна проснулась. Город шумный...» (С. 63).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.6.

Посвящено *Ксении Михайловне Садовской* (1860–1925). Блок познакомился с нею в июне 1897 года в Бад-Наугейме (Германия). М. А. Бекетова вспоминала: «Это была высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение. <...> Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти. <...> До 1900-го года включительно Блок не прерывал связи с К. М. С<адовской>. Они встречались в Петербурге после встречи в Наугейме. Подробности и фазы этого романа можно проследить по многим стихам, напечатанным в собрании стихотворений Блока и в томиках, неизданных и не вошедших в собрание. Они по большей части обозначены инициалами К. М. С. <...> След этого романа остался на всю жизнь, как мы знаем из цикла стихов «Через двенадцать лет», посвященного К. М. С., но чувство поэта угасло» (*Бекетова.* С.47, 542). Об отношениях Блока с К. М. Садовской см. во вступительной статье Л. В. Жаравиной, опубликовавшей письма поэта к Садовской (*БС-2.* С.309–315).

В час равнодушного свиданья // Мы вспомним грустное прости. — Цитата из стих. Я. П. Полонского «Прощай» (1845), ставшего популярным романсом.

«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...» (С. 63).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.6–7.

В 1-й тетради автографов после третьей строфы была еще одна, не включавшаяся в публикации:

И все цветы, цветы... и нет конца тем розам,
И самый гроб вдохнул их аромат,
И нет конца любви, моим любовным грезам
В жилище, где цветы, любовь и смерть царят...

Примыкает к стихотворениям, которые навеяны представлением сцен из «Гамлета» 1 августа 1898 года в Боблове. М. А. Бекетова так описывала Л. Д. Менделееву в роли Офелии: «В сцене безумия слегка завитые распущенные волосы были увиты цветами и покрывали ее ниже колен. В руках Офелия держала целый сноп из розовых мальв, повилики и хмеля вперемешку с другими полевыми цветами» (*Бекетова.* С.51).

В одном из автографов стихотворению предпослан эпиграф из «Гамлета» (слова Лаэрта об Офелии): «Печаль и грусть, страданья, самый ад — // Все в красоту она преобразила...» (в переводе А. Кронеберга). Блоку была близка выраженная устами героя Шекспира идея преображения горя, страданий, хаоса в красоту.

«Окрай небес — звезда омега...» (С. 64).

Впервые: Вершины. 1915. №20 (апрель). С.2.

В 1-й тетради автографов начиналось строфой, которая при подготовке к публикации была зачеркнута и в печатные тексты не входила:

Спускалась ночь. В лесу и в поле
Стояла знойная пора.
Столпы ночной свободы, воли
На темном царственном престоле
Зажглися звезды до утра.

Мотив ночного «зноя» связан здесь, вероятно, с древним мифом о Сириусе. В своем экземпляре «Реального словаря классической древности» Ф. Любкера (СПб., М., 1884) Блок подчеркнул строки о «страдании растительного мира от зноя, причиняемого звездой Сириусом» (Блоку могло быть известно это предание). Ср. в стих. В. Я. Брюсова «Жрец» (1895): «Ты чужд нам, Сириус! Но твой холодный луч // Сжигает наши жатвы».

... звезда омега, // Весь в искрах Сириус цветной. // Над головой — немая Вега... — Сириус — звезда первой величины в созвездии

Большого Пса, самая яркая звезда. В астрономической классификации греческой буквой «омега» обозначаются «цветные» звезды, к которым принадлежит и Сириус. Вега и Сириус вызывали особый интерес у Блока, о чем свидетельствует, в частности, заметка в его записной книжке (1902 г.): «Сириус в 4 $^1/_2$ раза ярче (?) Веги (созвездие Лиры). Обе звезды — 1-й величины» (*Записные книжки.* С.36). В стихотворении с Сириусом соотнесен лирический герой, а с Вегой — далекая, недоступная героиня, «холодная богиня».

Из царства сумрака и снега... — Ср. у А. А. Фета: «Из царства льдов, из царства вьюг и снега...» («Еще майская ночь...», <1857>).

«Милый друг! Ты юною душою...» (С. 64).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.11–12.

Милый друг! <...> // Душа моя с тобою ... — Ср. у М. Ю. Лермонтова: «О друг! всегда, везде с тобою // Душа моя» («Любовь мертвеца», 1841).

Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой...») (С. 65).

Впервые: Корона. Кн. 1. М., [1908]. С.66. В цикле «Подруга светлая».

В 1-й тетради автографов имело заглавие «Этюды песен Офелии (импровизация)». Примыкает к стихотворениям, связанным с представлением сцен из «Гамлета» в Боблове. Песни Офелии для Блока — это выражение детской, невинной души на грани безумия.

«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» (С. 65).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.13–14.

Эпиграф — из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838). О влиянии Лермонтова на раннюю лирику Блока см.: Авраменко А. П. А. Блок и русские поэты XIX века. М., 1990. С.213–218.

Толпа кричит — я хладен бесконечно, // Толпа зовет — я нем и недвижим. — Одна из важнейших в разделе и в томе идея «избранничества» выражена в стихотворении в демонстративном противопоставлении духовного мира поэта страстям «толпы». М. А. Бекетова так писала об этой особенности юного Блока: «Товарищеская жизнь, общественность и политика не коснулись поэта. Всего этого он чуждался. Природа была ему ближе. По ней он судил отчасти и о грядущих событиях. <...> Собственное равнодушие порой тяготило его самого. Об этом написано стихотворение "Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет"» (*Бекетова.* С.54, 55).

Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...»). (С. 65).

Впервые: Киевские вести. 1908. 27 апр. №112.

Блок указывал, что стихотворение было внушено картиной Васнецова. Имеется в виду полотно *Виктора Михайловича Васнецова* (1848–1926) «Гамаюн — птица вещая» (1897), которое поэт мог видеть в начале февраля 1899 года на персональной выставке живописца в Академии художеств. Тогда же им было написано стихотворение на сюжет другой картины В. М. Васнецова — «Сирин и Алконост» (оно не вошло в основное собрание). О преломлении в поэтическом сознании Блока живописных образов «чудо-птиц» В. М. Васнецова см.: Новикова Т. Л. Изобразительное искусство в раннем творчестве Александра Блока. М., 1993. С. 7–18.

В своей речи на вечере памяти Блока (26 сентября 1921 года) Андрей Белый, касаясь стихотворения, отмечал: «Если принять во внимание, что это стихотворение написано в 99-м году, то можно сказать, что в этом стихотворении поэт предощущал заранее и зори, и страшные годы, которые потом развертывались в пятилетия. Здесь все: и какая-то особая притягательная сила в этой птице — Гамаюне, которая зовет к чему-то новому. И чувствуется, что это новое сквозь тернии, сквозь испытания будет прорастать. И характерно, что это был год, в который Вл. Соловьев написал свою «Деву Обиду». Здесь Блок перекликнулся с Соловьевым» (*ЛН*. Т.92. Кн.4. С.766).

Гамаюн — согласно древнерусским поверьям, сказочная птица-вещунья с человеческим лицом. *Вещает иго злых татар, // Вещает казней ряд кровавых, // И трус, и голод, и пожар ...* — По наблюдению исследователя, эти строки отразились позднее в стих. «Опять с вековою тоскою...» из цикла «На поле Куликовом» (1908):

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

(Бень Е. М. Гамаюн, Сирин и Алконост. Фольклор и живопись в двух стихотворениях А. Блока. — Русская речь. 1985. №4. С.133).

«Я шел к блаженству. Путь блестел...». (С. 66).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.14–15.

Первоначальный текст в 1-й тетради автографов включал еще восемь строк между 2-й и 3-й строфами, которые позднее были зачеркнуты:

Что значит песни той привет?
В часы заката песнь рассвета?
Быть может юноша-поэт
От юной девы ждет привета?
Никто не слышит песни той,
Она звучит одним порывом
В одной его душе больной
Любви аккордом прихотливым...

С этими строками стихотворение носило более камерный, интимный характер; без них — текст получает обобщенно-символическое звучание: движение к мировой Красоте, к Идеалу, Свету. Именно в таком ключе воспринял стихотворение критик В. Журин, писавший о нем в статье «Servus-Reginae (О Прекрасной Даме Александра Блока)»: «И вот на этом новом пути, еще не ясно, в неопределенных контурах он <поэт — *В. Б.*> предчувствует то великое и прекрасное, что наполняет все его существо и влечет на пути к блаженству. Поэт предчувствует ту Прекрасную Даму, которая становится его королевской мечтой» (Сборник студ. лит. кружка при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1915. С.30–31).

«Сама судьба мне завещала...» (С. 66).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.15.

Первоначальная редакция в 1-й тетради автографов включала 16 стихов; первые восемь были в 1910 году зачеркнуты и в печатный текст не входили:

Люблю я вечер. День на тризне, —
И ум работает смелей,
И дух летит от смрадной жизни
В страну подвластных мне теней.
Там, — только там, — и сердце бьется,
И дух поэзии родной
Во мне живет, — и песня льется,
Неразлученная с душой.

В данной редакции особо подчеркивалась мысль о том, что вечер, в отличие от дня, — время поэтического вдохновения, бодрствования духа. В таком виде стихотворение было близко к тем ранним блоковским стихам, в которых выражена сходная поэтическая мысль: «В часы безмолвия ночного...» (1900), «Облит последними лучами...» (1900), «Отзвучала гармония дня ...» (1901) и др.

В окончательном тексте акцентирована идея высокого предназначения поэта, избранничества, служения. Существенно, что стихотворение было навеяно также столетним юбилеем Пушкина.

«Я стар душой. Какой-то жребий черный...» (С. 66).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.15–16.

Тут впервые в томе звучит тема «старости души», не раз возникающая затем в «Стихах о Прекрасной Даме» и в «Распутьях».

«Не проливай горючих слез...» (С. 67).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.16.

«Зачем, зачем во мрак небытия...» (С. 67).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.16–17.

В 1-й тетради автографов после третьей строфы была еще одна, не входившая в публикации:

Свети, свети мне, факел Бога дней!
Когда не сгину в бездне прежде, —
Приду к тебе — в заре твоих лучей
Поверить трепетной надежде!

«Дышет утро в окошко твое...» (С. 68).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.18–19.

Блок неизменно предпочитал в стихе первом написание «дышет», а не «дышит», как того требует современная орфография. Это один из нередких случаев индивидуального восприятия поэтом формы и звучания тех или иных слов.

В 1-й тетради автографов напротив строк 3 и 4 приписано: «-*Фет!*». Помета сделана рукой А. В. Гиппиуса, который, видимо, подразумевал следующее двустишие А. А. Фета: «Пролетают прозрачно и звонко // Надо мною блаженные сны...» («Рассыпаяся смехом ребенка...», 1892).

Александр Васильевич Гиппиус (1878–1942) — товарищ Блока по юридическому факультету Петербургского ун-та; в 1901–1903 гг. он был одним из самых близких друзей поэта. «В университетские годы они часто видались, посещали друг друга и встречались у общих знакомых <...>. Оба увлекались Московским Художественным театром...» (*Бекетова.* С.58).

Дышет утро в окошко твое... — Ср. в известном стих. А. А. Фета «На заре ты ее не буди...» (<1842>): «Утро дышит у ней на груди...»

«Помнишь ли город тревожный...» (С. 68).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.19–20.

К. М. С. — Об адресате посвящения см. в коммент. к стих. «Луна проснулась. Город шумный...».

«Город спит, окутан мглою...» (С. 69).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.20.

Неведомому Богу («Не ты ли душу оживишь?..») (С. 69).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С. 21.

В статье Р. В. Иванова-Разумника «Литература и общественность» истолковано как выражение устремленности молодого Блока к преодолению одиночества: «Еще в юношеских своих стихотворениях поэт готов был молиться «Неведомому Богу» (1899 г.), лишь бы Он извел из пустыни душу поэта; он готов был отдать жизнь тому, кто «бессчастному поэту откроет двери в новый храм, укажет путь из мрака к свету» <...>. Но освобождение и спасение от заколдованного круга никогда не приходят из-

вне; они могут прийти только из глубин души человека, после тяжелого перелома «трагедии», после внутренней победы над обреченностью одиночества» (Заветы. 1913. №10. С.118, паг. 2-я).

Неведомому Богу. — Слова апостола Павла из его обращения к афинянам: «...Проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: "неведомому Богу"» (*Деяния*, XVII, 23). Ср. в стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884): «Душа молилася неведомым богам...»

«Не легли еще тени вечерние...» (С. 69).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.22.

В 1-й тетради автографов между 1-й и 2-й строфами было еще одно четверостишие, не включавшееся в печатный текст:

Отовсюду желанья невнятные
Начинают незримо летать,
Так прозрачны они, — благодатные,
Так и хочется ими дышать!..

Первая строка безусловно навеяна фетовской: «Легли вечерние тени...» («Над озером лебедь в тростник протянул...», 1854).

...все суевернее // На душе и на сердце — везде... — Ср. у Фета: «...сердце опять суеверней...» («Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», 1863).

Servus — Reginae («Не призывай. И без призыва...» (С. 70).

Впервые: Новое Слово. 1909. №9. С.4. Без загл.

Одно из четырех стихотворений, впервые подаренных Блоком Л. Д. Менделеевой летом 1901 года. О своем восприятии его она впоследствии вспоминала: «...От второго («Порой — слуга, порою — милый...») щеки загорелись пожаром. Что же — он говорит? Или еще не говорит? Должна я понять или не понять?..» (*Блок в воспоминаниях, 1*. С.155). В. Журин рассматривал стихотворение как свидетельство служения поэта Прекрасной Даме: «Прекрасная Дама, властительница мечтаний поэта, — его царица. Крест поэта — добровольное служение Прекрасной Даме, растворение своей личности в ее лазурности» (Сборник студ. лит. кружка. С.41).

Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...») (С. 70).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С. 23–24.

«Пока спокойною стопою...» (С. 71).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.24–25.

Первоначальный текст в 1-й тетради автографов включал еще восемь строк после стиха 8:

Но чувство прежнее не ново,
Ветшают мысли, гаснет взор,
И надвигается сурово
Упрямый неба приговор.
Теперь собрать мне надо силы
И их не тратить, а беречь,
Чтоб не угасли до могилы
Поэта дар и сцены речь.

И дар незыблемый поэта, // И сцены выспреннюю речь... — Ощущая поэтическое призвание, Блок в то же время вплоть до 1901 года не оставлял мыслей о сцене. В письме к З. Н. Гиппиус (август 1902 года) Блок признавался, вспоминая 1898–1900 гг.: «Прежде я имел смелость играть в соседнем имении Гамлета, Чацкого и Скупого рыцаря. Подмостки были маленькие, и зрителей настоящих мало, а все крестьяне. Но были костюмы, грим, рампа, подъем духа — такая полнейшая иллюзия театра, что я несколько лет подряд упорно собирался на сцену и даже в Петербурге играл в отвратительном кружке в зале Павловой» (*СС=8₈*. С.42). Об участии Блока в Петербургском драматическом кружке см. в сообщении Ю. Е. Галаниной (*ЛН*. Т.92. Кн.5. С.35–45).

Dolor ante lucem («Каждый вечер, лишь только погаснет заря...») (С. 71).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.25. Под загл. «Dolor ingens ante lucem» <Великая предрассветная тоска — *лат.*>.

«Медлительной чредой нисходит день осенний...» (С. 72).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.29.

И каждый год, как желтый лист кружится. — Ср. в стих. А. А. Фета «Опавший лист дрожит от нашего движенья...» (1891): «А что-то говорит средь радости сближенья, // Что этот желтый лист — наш следующий день».

«Ярким солнцем, синей далью...» (С. 72).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.30.

В 1-й тетради автографов после стиха 8 было еще восемь строк, не включавшихся в печатный текст:

Этим солнечным сияньем
Осветить в туманной дали
Все, покрытое молчаньем,
Все, несущее печали...
За печалью бесконечной,
За умершим летним светом,
Возвестить о смерти вечной
Умирающим сонетом...

Там же под текстом — помета: «С "Высшей точки"». Вероятно, Блок подразумевал холм в Боблове, о котором М. А. Бекетова писала: «Бобловская гора — высочайшая во всей округе. Отсюда открываются необъятные дали» (*Бекетова*. С.49).

«Восходишь ты, что строгий день...» (С. 72).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.30.

В 1-й тетради автографов — помета: «вероятно, после встречи на Лире (Сальвини)».

В *Дневнике (1918)* Блок вспоминал: «В начале 1900 я взял место на балконе Малого театра: старый Сальвини играл Лира. Мы оказались рядом с Любовью Дмитриевной и с ее матерью».

Томмазо Сальвини (1829–1915) — итальянский актер, славившийся исполнением главных ролей в трагедиях Шекспира.

«Лениво и тяжко плывут облака...» (С. 73).

Впервые: Русское Слово. 1916. 10 апр. №83. Под загл. «Песня», в цикле «Родные картины».

«Шли мы стезею лазурною...» (С. 73).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.83–84. В цикле «Ante Lucem».

Относится к стихотворениям, навеянным романом с К. М. Садовской (см. коммент. к стих. «Луна проснулась. Город шумный...»). Первая строка близка к фетовской: «Шли алмазной мы стезею» («Снился берег мне скалистый...», <1856>).

«Разверзлось утреннее око...» (С. 74).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.84. В цикле «Ante Lucem».

Мой дух летит туда, к Востоку... — Ср. в стих. В. А. Жуковского «Песня» (1815): «К востоку, все к востоку // Летит моя душа...»

«Я шел во тьме дождливой ночи...» (С. 74).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.31.

В 1-й тетради автографов имело загл. «Сон».

«Сегодня в ночь одной тропою...» (С. 74).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.31.

Можно предполагать, что стихотворение навеяно последней встречей Блока с К. М. Садовской, которая в марте 1900 года уехала во Францию.

«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...» (С. 75).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.84. В цикле «Ante Lucem».

В 1-й тетради автографов имело загл. «Этюд для картины». Определенный интерес представляет восприятие Блоком этого стихотворения в 1918 году. Андрей Белый в письме от 31 августа 1918 года просил Блока прислать ему ненапечатанные произведения для альманаха, в котором он составлял поэтический отдел: «Надеюсь, что Ты ради *меня тоже* дашь, если у Тебя найдутся стихи, связанные с революцией: совершенно не важна *тенденция*; важна органическая (пусть внутренняя) связь с переживаемым (револ<юционным>) периодом времени» (*Блок и Белый*. С.337). Блок, вняв просьбе А. Белого, отобрал для альманаха 7 ранних стихотворений, которые должны были составить цикл, названный им «На рубеже двух миров»; среди них было «Поэт в изгнаньи и в сомненьи...» (остальные шесть не вошли в состав «лирической трилогии»). В письме к Андрею Белому от 6 сентября 1918 года Блок писал, что в этих стихах, по его мнению, можно, конечно, найти «внутреннюю связь» с революцией (*Там же*. С.337). Издание это не состоялось.

«Хоть все по-прежнему *певец*...» (С. 75).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.85. В цикле «Ante Lucem».

«Теряет берег очертанья...» (С. 75).

Впервые: Киевская искра. 1908. №23. С.173.

Плыви, челнок! — Ср. у В. А. Жуковского: «Ах, в безвестном океане очутился мой челнок...» («Путешественник», 1809).

«Звезда полночная скатилась...» (С. 76).

Впервые: Слово. 1908. 28 сент. №574.

«Прошедших дней немеркнущим сияньем...» (С. 76).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.31–32. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Провидения».

Было написано вскоре после приезда Блока из Петербурга в Шахматово в мае 1900 года. В *Дневнике (1918)* он так упоминал о нем: «Первое шахматовское стихотворение («Прошедших дней...», 28 мая) показывает, как овеяла опять грусть воспоминаний о 1898 годе, о том, что казалось (и действительно было) утрачено».

Мои грехи в твоих святых молитвах, // Офелия, о нимфа, помяни. — Цитата из «Гамлета» Шекспира (действ. III, сц. I). М. А. Бекетова отмечала, что у Блока, любившего декламировать шекспировские монологи, «лучше всего выходило <...> Гамлетово «Быть или не быть». Заключительную фразу: «Офелия, о, нимфа, помяни мои грехи в твоих святых молитвах» он произносил с непередаваемым проникновением и очарованием» (*Бекетова*. С.47).

«Не призывай и не сули...» (С. 77).

Впервые: Киевские вести. 1908. 18 июня. №161.

Я — одинокий сын земли, // Ты — лучезарное виденье. — В статье В. Журина стихотворение рассматривалось как свидетельство невозможности для поэта приблизиться к Прекрасной Даме: «...он даже не допускает мысли об этом... и ему остается "лишь мечтанье о далеком"» (Сборник студ. лит. кружка. С.37).

«В часы вечернего тумана...» (С. 77).
Впервые: Современник. 1914. №10. С.6.

«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» (С. 77).
Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.34.
Во 2-й тетради автографов — помета: «Березовая роща. Дубровка». Так Блок обозначил место в окрестностях Шахматова, где ему на фоне заката померещились очертания «средневековой твердыни». В *Дневнике (1918)* он отметил, вспоминая этот эпизод юности: «Мистика начинается. Средневековый город Дубровской березовой рощи». Деревня Дубровка находилась на пути из Шахматова в Боблово. Иногда в стихотворении усматривают влияние платоновой идеи «анамнезиса» («припоминания»); на эту мысль наводят, видимо, слова Блока о «возвратном движеньи» (см. об этом: Магомедова Д. М. Блок и античность (К постановке вопроса). — Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1980. №6. С.46).

«Не доверяй своих дорог...» (С. 78).
Впервые: День. Ил. прилож. 1914. 6 апр. №94. В цикле «Одинокие ямбы».
Романтический мотив противопоставления поэта и «толпы» мог быть навеян, в частности, стихотворением А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

«Увижу я, как будет погибать...» (С. 78).
Впервые: Современник. 1914. №10. С.7.
В данном стихотворении, как и в следующем, возникает тема «конца мира», «последнего катаклизма» (Тютчев). В сознании Блока наступление чаемого «нового века» связывалось порой с апокалипсической идеей возрождения после гибели, вселенской катастрофы.

«Погибло все. Палящее светило...» (С. 78).
Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.35.

«То отголосок юных дней...» (С. 79).
Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.32. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Провидения».
То Вечно-Юная прошла... — «Имя, которому придан сакральный оттенок, — прямая реминисценция из «Царь-девицы» Я. П. Полонского: "Вечно юной Царь-девице // Я не в силах изменить"»

(Грякалова Н. Ю. К генезису образности ранней лирики Блока. — В кн.: *Исследования и материалы, 1991.* С. 57).

«Последний пурпур догорал...» (С. 79).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.32. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Провидения».

Звучала песня издалёка. — «Песня» в системе символических мотивов ранней лирики Блока — одно из гармонических проявлений Души мира, Вечной Женственности.

«Не утоленная кровавыми струями...» (С. 80).

Впервые: Биржевые ведомости. 1915. 25 янв. №14632. Под загл. «Знак».

Первоначальная редакция во 2-й тетради автографов заметно отличалась от канонического текста:

Неутоленная кровавыми струями,
Холодная безмолвствует земля.
Иду вперед поспешными шагами,
Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице, узник заключенный
Ищу напрасно — воли нет следа.
И самый воздух, кровью зараженный,
Не просветлеет, мнится, никогда.

Так человек, свободный от природы,
На пажитях рабов кровавой чередой
Проходит, не слыхав ни ропота свободы,
В могильный мрак сквозь хаос гробовой.

Эта редакция, в сущности, — обобщенные размышления поэта о неправедном мироустройстве; в них слышны отдаленные отзвуки вольнолюбивой лирики раннего А. С. Пушкина (ода «Вольность», «Деревня»). Основная редакция текста, возникшая в 1915 году, создавалась явно под влиянием трагических событий первой мировой войны.

В 1918 году в «Ежемесячном журнале для всех» (№4–5–6. С.6) была опубликована еще одна редакция стихотворения, также в большой мере ориентированная на происходящее:

Знак

Не утоленная кровавыми струями,
Безмолвствует земля.

Иду вперед поспешными шагами,
Ищу блаженные поля.

Напрасно! Узник заключенный!
Перед тобой — все кровь и мрак!

Смотри: лишь там, в заре окровавленной —
Горит еще невнятный знак!

"АГРАФА ΔÓГМАТА («Я видел мрак дневной и свет ночной...») (С. 80).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С. 36–37.

Было в числе первых четырех стихотворений, подаренных Блоком Л. Д. Менделеевой в 1901 году. Она уловила в нем близкое ее натуре настроение «космического экстаза» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.155). О поре, когда создавалось стихотворение, Блок писал в *Дневнике (1918):* «Начинается покорность Богу и Платон». В письме к отцу от 26 сентября 1900 года он, в частности, сообщал: «...я занимаюсь теперь историей философии вообще <...> и специально Платоном...» (*Письма к родным, 1.* С.55).

В примечаниях к первому тому «Собрания стихотворений» (1911) Блок пояснял: «"Αγραφα Δόγματα» — «неписаные догматы» — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона». Сам термин и его значение Блок, вероятнее всего, почерпнул из книги Д. Г. Льюиса «История философии от начала ее в Греции до настоящих времен: Древняя история философии» (СПб., 1865), где приводится фрагмент из диалога Платона «Федр»: «Письмо походит на живопись; создания этой последней очень похожи на живые существа; но когда вы задаете им вопрос, они хранят торжественное молчание. То же самое и писаные речи: читая их, воображаешь, что в них есть какой-нибудь смысл; но если захочешь поучиться и станешь вопрошать, то на все вопросы они могут дать только свой первый ответ. <...> Есть другой род речи, гораздо лучший, гораздо более действительный... Тот, который написан научным образом в уме учащего. Эта речь способна защищать себя, говорить за себя или молчать, как найдет удобнее» (С.198). Льюис считал, что в связи с этим Платоновым суждением находится один отрывок у Аристотеля, где тот говорит о «неписаных мнениях», отрывок, намекающий, по мнению некоторых, на существование эзотерического учения (С.200). Из контекста блоковского стихотворения явствует, что поэту была близка мысль об эзотерической подоплеке Платоновых «неписаных мнений». Не исключено, что Блок вкладывал в это понятие сокровенную, потаенную сущность учения Платона, помогавшую познавать идеальные «миры иные».

«Твой образ чудится невольно...» (С. 81).

Впервые: Слово. 1908. 6 июля. №502.

«Ночь грозой бушевала, и молний огни...» (С. 81).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.37. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Проклятия».

«Курятся алтари, дымят паникадила...» (С. 81).

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 30 апр. №18. С.275.

В стихотворении ощутимы богоборческие мотивы, которые нередко будут возникать в последующем творчестве.

Паникадило — большой подсвечник в церкви.

«Ты была у окна...» (С. 82).

Впервые: Одесские новости. 1908. 25 дек. №7702.

Ты царила над шумной толпой. <...> // <...> *Вкруг меня волновался народ.* — Характеризуя свои настроения начала 1901 года, Блок писал в *Дневнике (1918):* «Перед ней — *волны народа, толпой* которого я уже увлечен на *обожанье красоты* (этот мотив — еще в конце 1900 года)».

«Поклонник Эллинов — я лиру забывал...» (С. 83).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.39–40.

«Я знаю, смерть близка. И ты...» (С. 83).

Впервые: Русская молва. 1913. 14 апр. (пасхальный вып.) №123. В цикле «Смерть и воскресение».

Мотив ожидания смерти, готовности принять ее нередко возникает в ранней лирике Блока. Он связан с романтическими настроениями усталости от жизни, разочарования, а также с тяготением к запредельной тайне. Ср. стихотворения «Когда же смерть? Я все перестрадал...», «И жизнь и смерть, я знаю, мне равны...», «Смерть» («Прислушайся к земле в родных полях...») и др.

«Пора вернуться к прежней битве...» (С. 83).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.41.

Мотив «битвы», нередкий в раннем творчестве Блока, в данном стихотворении означает борьбу с плотью, страстями, воскрешение духа.

Смени́м стояньем на молитве // Все эти сча́стливые дни! — В *Дневнике (1918)* Блок так писал о тех днях: «...мимолетные страсти (стихотворение 22 октября) с покаяниями после них».

«Отрекись от любимых творений...» (С. 84).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.40. Под загл. «Orate, fratres» <Молитесь, братья — *лат.*>.

В стихотворении, как и в предыдущем, звучит мотив покаяния после «мимолетных страстей».

«Измучен бурей вдохновенья...» (С. 84).

Впервые: Биржевые ведомости. 1916. 6 авг., утр. вып. №15723.

Публикация стихотворения поначалу была запрещена цензором, который вычеркнул его в корректуре газ. «Биржевые ведомости» от 17 апреля 1916 г. К данному стихотворению несомненно можно отнести замечание Блока в *Дневнике (1918)*: «Начало богоборчества».

...в преддверьи идеала... — автореминисценция из стих. «Сама судьба мне завещала...».

«В те целомудренные годы...» (С. 85).

Впервые: В Мире Искусства. 1909. №1. С.10. В цикле «Дорожные стремнины. Стихотворения 1900–1903 гг.».

В стихотворении впервые в томе появляется важная для Блока символика «числа», «числения». В самом общем виде, «числить», согласно представлениям Блока, — значит активно созерцать, постигать внутренним взором глубинные сущности бытия, мироздания. Но нередко Блок вкладывал в это понятие и сугубо числовую конкретику (в духе Пифагора и пифагорейцев), когда напряженно размышлял над сочетаниями цифр. Сокровенные числа, казалось Блоку, могли наряду с другими приметами помочь в разгадке сроков и тайн долгожданных свершений.

О «числах мира» и магии чисел Блок писал Андрею Белому 3 февраля 1903 года: «...Это момент *прозрения*. ... Тут все достается легко. Начинается счет («здесь мудрость»!). ... Не даны ли нам числа как намек на исход, как символы того, что за ними? Они — не средство ли? «Счесть» число — не значит ли преодолеть его? Измерить *тело* — не значит ли воспарить над ним? Счесть *свое* число значит познать себя, а, познав, перестать предаваться вечному здесь самоутверждению <курсив Блока. — *В. Б.*» (*Блок и Белый*. С.17, 18). В данном стихотворении, однако, выражена мысль о том, что дух поэта порой стремится за пределы «числового» мышления, «свобода» противопоставляется фатализму «строгих числ».

«Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...» (С. 85).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1*. С.42.

В стихотворении отчетливо выразились богоборческие настроения осени 1900 года.

«Ищу спасенья...» (С. 86).

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 30 июля. №29. С.395.

О. М. Соловьева — Ольга Михайловна Соловьева (урожд. Коваленская; (1855–1903) — художница, переводчица; жена Михаила Сергеевича Соловьева (младшего брата философа и поэта Вл. Соловьева), мать Сергея Соловьева, с которым у Блока в юности (до 1905 года) были тесные дружеские отношения.

М. А. Бекетова писала о супругах Соловьевых: «Ольга Михайловна и Михаил Сергеевич оба были люди с тонким художественным вкусом. <...> Вокруг них создавалась исключительная атмосфера:

чуткая, одухотворенная, чуждая всякой условности и банальщины. Соловьевы бывали у нас и в Петербурге, и в Шахматове. Их приезда ждали, как праздника» (*Бекетова.* С. 56, 62). Она же отмечала: «Соловьевы первые оценили стихи Блока. Их поддержка ободряла его в начале литературного поприща» (*Там же.* С.57). «Ищу спасенья...» входило в подборку стихотворений, подаренных автором семье Соловьевых летом 1901 года, когда он побывал у них в имении Дедово. Блок решил посвятить стихотворение О. М. Соловьевой, вероятно, тогда, когда узнал о ее безвременной смерти (самоубийстве в день кончины мужа) в январе 1903 года.

Уходит ночь... — В стихотворении ощутимы мотивы приближения «рассвета», надежды на преображение мира. В *Дневнике (1918)* Блок отмечал: «К концу 1900 года растет новое». М. А. Бекетова писала: «Говоря языком, свойственным символистам того времени, *чаяния* и *откровения* начались уже в 1900-м г., на что указывают стихи «В полночь глухую рожденная» <...> и в особенности «Ищу спасенья»...»(*Бекетова.* С. 544; курсив ее).

«Медленно, тяжко и верно...» (С. 86)..

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 16 апр. №16. С.251.

Полному веры безмерной // К утру возможно дойти. — Тут уже вполне определенно заявлен мотив движения героя к свету «утра».

«Завтра с первым лучом...» (С. 87).

Впервые: Биржевые ведомости. 1915. 8 февр., утр. вып. №14658.

«В полночь глухую рожденная...» (С. 87).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.19.

Входило в число стихотворений, переданных Блоком семье Соловьевых летом 1901 года в Дедове. В *Дневнике (1918)* Блок так истолковал стихотворение, назвав его «странным»: «Она победила морозом эллинское солнце во мне (кот<орого> не было)».

Ты серебрилась вдали. — Образ использован Блоком в письме к Л. Д. Менделеевой от 15 мая 1903 года: «Вся эта зима представляется теперь каким-то страшно долгим временем, исполненным тысячью событий и чувств. Все время не было чего-то, были какие-то границы — «Ты серебрилась вдали» (*ЛН.* Т.89. С.129).

«Ты не обманешь, призрак бледный...» (С. 88).

Впервые: Новое Слово. 1909. №3. С. 3. (текст — факсимиле автографа).

К. М. С. — Ксения Михайловна Садовская (см. коммент. к стих. «Луна проснулась. Город шумный...»). Накануне наступающего века Блок как бы окончательно порывал со своей «первой любовью», призрак которой иногда посещал его.

31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...») (С. 88).

Впервые: Нива. 1909. №1. С.15. Под загл. «Прошлый год». В автографах и публикациях имело заглавия: «1901 год», «Прощание с 1900 годом». Своими основными мотивами перекликается с первым стихотворением раздела.

И ты, мой юный, мой печальный, // Уходишь прочь! // Привет тебе, привет прощальный // Шлю в эту ночь. — Ср. в стих. А. Григорьева «Нет, никогда печальной тайны...» (1843):

Мы разойдемся... Путь печальный
Передо мной...
Прости, — привет тебе прощальный
На путь иной.

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901–1902)

Этот центральный раздел тома включает в себя 164 стихотворения. Название его впервые возникло в 1903 году и было связано с публикацией в московском альманахе «Северные Цветы» (изд-во «Скорпион») цикла из десяти стихотворений Блока. Поначалу он дал ему название «О Вечноженственном». Составитель и редактор альманаха В. Брюсов предложил Блоку озаглавить его иначе: «Стихи о Прекрасной Даме» (ср. третью строку стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», открывавшего цикл: «Там жду я Прекрасной Дамы...»). Поэт согласился с ним. Чуть позднее, задумав опубликовать в издательстве «Гриф» свою первую книгу, Блок решил назвать ее именно так. Это название и стало ключевым для обозначения «мистической» лирики раннего Блока.

«Прекрасная Дама» — образ, заимствованный из западноевропейской средневековой литературы, в которой нередки мотивы рыцарского служения обожаемой «госпоже». Любопытно в связи с этим замечание А. М. Ремизова в письме к Блоку от 17 апреля 1905 года: «Почему Вы не назвали книгу: Стихи о прекрасной ДЕВЕ. «Дама» в глубинах Geist'a <духа — *нем.*> рус<ского> языка никогда не скроется» (*ЛН*. Т.92. Кн. 2. С. 82). В. Брюсов также отмечал: «Прекрасная Дама поэта — это не столько его земная любовь, сколько — мистическая мадонна...» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 489). Вероятно, данный образ привлек Блока своей многомерностью, сочетанием в героине «земных» и «небесных» черт. Кроме того, это было новое в русской поэзии символическое наименование героини, воплощавшей вечно-женственное начало мира.

На большинстве стихотворений 1901–1902 годов лежит отсвет мистического образа Прекрасной Дамы. Это — главный символ ранней блоковской лирики. «В первом томе его стихов мы имеем какой-то луч божественности, — утверждал Андрей Белый, — и эта космическая душа <Душа мира. — *В. Б.*> открывается в индивидуальном сознании. <...> Впоследствии <...> Блок приходит к другому, но в начале он так говорит: вот человек, и вот какое-то мировое единство, которое

мистически открывается индивидуальному сознанию в образе Прекрасной Дамы» (*ЛН*. Т.92. Кн.4. С.767).

В разделе «Стихи о Прекрасной Даме» отразились основные события духовной жизни Блока в 1901–1902 годах (эти годы, считал он впоследствии, во многом решили его судьбу). Одним из самых важных стало глубокое постижение творчества замечательного философа и поэта Вл. Соловьева. «Здесь, — писал Блок в автобиографии, — в связи с острыми мистическими и романическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Вл. Соловьева». Юный Блок признал в нем своего духовного наставника и «предтечу». Поэтические идеи и образы Вл. Соловьева помогали ему понимать дух «мистики, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века». Под влиянием Вл. Соловьева Блока все сильнее захватывала мысль о воплощении Идеала в земной действительности. Он уверовал в возможность соприкосновения идеального («иного») и реального миров. Ожидание грандиозного преображения все теснее связывалось в его сознании с нисхождением на землю Вечной Женственности (ср. у Вл. Соловьева: «Знайте же: вечная женственность ныне // В теле нетленном на землю идет»). Явлению Ее должны предшествовать некие знамения, тайные знаки, доступные лишь «избранникам». В особых состояниях необычайного подъема духа поэту чудятся небесные (в зорях, закатах) и земные «видения» — свидетельства, как ему кажется, Ее приближения. Эти настроения достигли высшего накала «мистическим летом» 1901 года в Шахматове. Радужные чаяния поддерживались крепнущей верой в то, что есть уже на земле воплощенный образ Вечной Женственности. И эта Прекрасная Дама — Любовь Дмитриевна Менделеева. Блок переживал свою любовь к ней как «мистический роман», как некое действо мистерии духовного преображения мира. «Началось то, что «влюбленность» стала меньше призвания более высокого, но объектом того и другого было одно и то же лицо», — писал Блок позднее (*СС-87*. С.344). Приближение или отдаление своей возлюбленной он истолковывал как возможность или невозможность встречи с Вечной Женственностью. Стихи запечатлели ее реальные черты (молчаливая, стройная «розовая девушка» с «золотой косой» и т. д.), но она прежде всего — какое-то неземное, «небесное» создание. В одном из писем к Л. Д. Менделеевой Блок признавался: «Меня оправдывает продолжительная и глубокая вера в Вас (как в земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности)» (*ЛН*. Т.89. С.52). Друг Блока Е. П. Иванов позднее свидетельствовал: «Люба, конечно, не «Прекрасная Дама», но в Любе была сфера, которая вызывала в сфере Блока образ Прекрасной Дамы» (*ЛН*. Т.92. Кн.4. С.655). Избранница поэта оказалась на небывалой со времен Данте и Петрарки высоте.

Между тем, «земной» роман влюбленных, перипетии которого отразились во многих стихах раздела, протекал непросто, порой драматично: с отчуждением и непониманием с ее стороны, с его отчаянием,

мыслями о самоубийстве, с муками несбывающихся надежд, тревогами, реальной и «мистической» ревностью. Наконец 7 ноября 1902 года Блок получил согласие Любови Дмитриевны стать его женой. Этим важнейшим для поэта событием завершился почти двухлетний период, в течение которого создавались «Стихи о Прекрасной Даме». Этот период Блок на своем символистском языке назвал «мгновением слишком яркого света» (*СС-8в*. С.344).

Примечательно высказывание Блока о его первой книге, также названной «*Стихи о Прекрасной Даме*» (1904): «...я могу с уверенностью сказать, что, плохо ли, хорошо ли, — написал стихи о вечном и вполне несомненном, что рано или поздно должно быть воспринято всеми (не стихи, а эта вечная сущность)» (*СС-8в*. С.116). В том же ключе писал в своей рецензии на первый том «Собрания стихотворений» (1911) Блока В. Брюсов: «Вся книга проникнута пафосом ожидания («Предчувствую Тебя!..»), жаждою в земном увидеть неземное, во всех событиях дня прозреть символ вневременного. Все, что совершается, для поэта получает значение иносказания...» (Русская Мысль. 1912. №1. С.32, паг. 3-я). Данные особенности обусловили художественную специфику «Стихов о Прекрасной Даме», которые должны восприниматься одновременно и как «точное отображение вполне «земных», реальных (даже имеющих прототипов) героев, их взаимоотношений, переплетений страстных эмоций и т. д. — и как символистическое развертывание космически универсального мифа о путях земного воплощения Души мира» (Минц З. Г. Блок и русский символизм. — *ЛН*. Т.92. Кн. 1. С.119).

Вступление («Отдых напрасен. Дорога крута...») (С. 91).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.7. В отделе «Неподвижность».

В 3-й тетради автографов — вариант заглавия: «Ante Lucem» («До Света»); это заглавие подчеркивает предваряющий характер стихотворения, которым открывается центральный раздел тома. В стихотворении отразился целый ряд мотивов и образов из «Царь-девицы» (1876) Я. П. Полонского. «Образ Царь-девицы, — отмечает исследователь, — становится для Блока синонимом Вечно-Женственного, под знаком которого формируется его поэтическое творчество и идет духовное становление. <...> Царь-девица Полонского< как и героиня Блока. — *В. Б.*>, выражая довольно отвлеченную идею, тем не менее обретает вполне зримые черты, в первую очередь благодаря своей соотнесенности с народно-поэтической традицией» (Грякалова Н. Ю. К генезису образности ранней лирики Блока (*Я. Полонский и Вл. Соловьев*). — В кн.: *Исследования и материалы, 1991*. С. 53, 54).

I

По поводу обозначения хронологических границ 1-го отдела «Стихов о Прекрасной Даме» («*С.-Петербург. Весна 1901 года*») М. А. Бе-

кетова писала: «Что касается *весны* 1901 г., то надо заметить, что Блок начинал чувствовать весну уже в январе, так что нечего удивляться, что первые стихи о Прекрасной Даме помечены январем и февралем» (*Бекетова.* С.544).

«Я вышел. Медленно сходили...» (С. 95).

Впервые: Одесские новости. 1907. 25 дек. №7402.

В *Дневнике (1918)* Блок отметил, касаясь стихотворения: «25 января — гулянье на Монетной к вечеру в совершенно *особом* состоянии» (Монетная — улица на Петербургской стороне, ныне — ул. Скороходова). О своих настроениях того времени Блок писал в наброске статьи о русской поэзии (декабрь 1901 — январь 1902): «Весна январская — больше чаянье и чуянье весны, чем сама весна, — затрепетала и открыла то, что неясно и несильно еще носилось над душой и мыслью. <...> Когда сумерки зимы сходили медленно, медленно же явились из мрака младые были прошедших дней...» (*СС-8₇.* С.24). Под «младыми былями» минувших дней поэт, вероятно, подразумевал период встреч с Л. Д. Менделеевой в 1898–1900 гг.

«Ветер принес издалека...» (С. 95).

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 2 июля. №25.

Во 2-й тетради автографов после третьей строфы была еще одна:

Понял я сердцем, подруга,
Песни весенней язык...
Мне ли с желанного юга
Небо разверзлось на миг?

В *Дневнике (1918)* о стих. сказано: «29 января в *песне весеннего ветра и живых былей лучших дней* послышались *ее звучные песни*». Там же отмечено: «До конца января *ОНА* не упоминается в стихах, есть только *ЕЕ* музыка...» «Песня» в системе символических образов ранней лирики Блока — один из атрибутов «Души мира», «Вечной Женственности».

«Тихо вечерние тени...» (С. 96).

Впервые: Ежемесячный журнал для всех. 1904. №4. С.196.

Одно из четырех стихотворений, подаренных Блоком Л. Д. Менделеевой летом 1901 года. В своих мемуарах она так писала о нем: «...это образец моих мучений следующих месяцев: меня тут нет. Во всяком случае, в таких и подобных стихах я себя не узнавала, не находила, и злая «ревность женщины к искусству» <...> закрадывалась в душу. <...> Понемногу я вошла в этот мир, где не то я, не то не я, но где все певуче, все недосказано, где эти прекрасные стихи так или иначе все же идут от меня» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.155). В *Дневнике (1918)* Блок, вспоминая, что «1901 год начался одиночеством, углублением в себя, печалью о прошлом», отметил: «Этой печали суждено ок-

репнуть в надежду, что *зима* не помешает *мечте пророчески открыть* под снегом *цветистый прах*». Далее он пишет о том, что предвестие вскоре сбылось: «Вечерами — уже *звуки живых голосов*, и *ее прах потревожен*. Былое воскресает. Песня *родная и знакомая*». Ср. в близком по мотивам и образам стих. «Благоуханных дней теченье...» (22 января 1901):

Пускай зима снега покоит
На омертвелых лепестках, —
Мечта пророчески откроет
И в зимний день — цветистый прах.

«Душа молчит. В холодном небе...» (С. 96).

Впервые: Слово. 1908. 28 сент. №574.

В *Дневнике (1918)* Блок так истолковал стихотворение: «*Звезды* — все те же, *народы* (не народ) — все те же, но *душа*, молча, уже *готовит чудные дары своим богам* в *ДВУЛИКОМ одиночестве*». Таким образом, поэт подчеркивал верность героя «далекому зову» Души мира.

П. С. Коган в книге «Пролог. Мысли о литературе и жизни» (Пг., 1915) процитировал строки из этого стихотворения для характеристики особенностей художников-модернистов (эгоцентризм, сосредоточенность на личных переживаниях и т. п.). Блок в письме к Н. А. Нолле-Коган (жена П. С. Когана) от 17 января 1916 года, возражая автору книги, подчеркнул, что стихи эти «писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне казалось тогда Высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). В этом и есть для меня единственный смысл «Стихов о Прекрасной Даме», которые, в противном случае, я бы считал «стишками», т. е. делом, о котором лучше молчать» (*ЛН*. Т.92. Кн.2. С.326).

«Ныне, полный блаженства...» (С. 97).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.86. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме (1901–1902)».

Извлеки из жалкой битвы // Истомленного раба! — В *Дневнике (1918)* Блок отметил, вспоминая то время: «...я молюсь (опять Богу: *Боже* без лица, как всегда) *извлечь* меня, *истомленного раба*, из *жалкой битвы* (очевидно, житейской...)». Там же он писал, характеризуя настроения начала 1901 года: «Психология этого времени — против «*борьбы*» (на нее тратятся *пошлые силы*), против людей, против слов». Ср. в стих. Вл. Соловьева «Пусть осень ранняя смеется надо мною...» (1892): «Довольно мне борьбы, стремлений и потерь...»

«Я понял смысл твоих стремлений...» (С. 97).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С. 16. В отделе «Неподвижность».

В *Дневнике (1918)* Блок, подчеркнув важность стихотворения, отметил: «Она предана какому-то стремлению и «на отлете», мне же дано

только смотреть и благословлять отлет». М. А. Бекетова высказала суждение, что «Она», «Душа мира», стремится «соединиться с высшим началом и в конце концов должна исчезнуть и улететь, оставив его одного на земле. Соединение с ней на рубеже жизни и смерти и есть его высокое стремление...» (*Бекетова.* С.546–547). Ср. стих. «Я понял смысл твоей печали...» (11 февраля 1901).

Но риза девственная зрима... — В наброске статьи о русской поэзии Блок, характеризуя свои мистические настроения того периода, заметил: «...уже тогда понял я — ризы девственные» (*СС-8*$_7$. С.24). *Риза* (устар.) — одеяние.

«Ты отходишь в сумрак алый...» (С. 97).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С. 19.

В бесконечные круги. — Символ «круг» в «Стихах о Прекрасной Даме» имеет значения безысходности, единства, высшего совершенства, бесконечности. В данном стихотворении наиболее существенно значение «безысходности», «благодаря мотиву отдаленности, удаления ТЫ от лирического героя» (подробнее см. об этом: Абрамец И. В. Символ «круг» в лирике Александра Блока. — Филологические науки. 1984. №6. С.64–68).

«Сбылось пророчество мое...» (С. 98).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.53.

Во 2-й тетради автографов после первой строфы была еще одна, не вошедшая в основной текст:

Но небывалое свершилось: —
В лучах таинственного дня,
Полна весеннего огня,
Младая вера отразилась.

Там же стихотворению был предпослан эпиграф:

Так — одинокой, легкой тенью
Перед душою, полной зла,
Свои благие исцеленья
Она однажды пронесла.

Это четверостишие, публиковавшееся затем как отдельное стихотворение, было также написано 7 марта, когда Блок, после долгого перерыва, случайно встретил Л. Д. Менделееву на Васильевском острове, находясь в особом, мистическом состоянии. Свое яркое впечатление, произведенное этой внезапной встречей, он так передал впоследствии в *Дневнике (1918):* «Я встретил ее здесь, и ее земной образ, совершенно ничем не дисгармонирующий с неземным, вызвал во мне ту бурю *торжества*, которая заставила меня признать, что ее *легкая тень пронесла свои благие исцеленья* моей *душе, полной зла* и близкой к *могиле*». С

этим же событием было связано стихотворение «Пять изгибов сокровенных...» (*10 марта 1901*), не вошедшее в данный том.

Моей матери («Чем больней душе мятежной...») (С. 98).

Впервые: Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Имп. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1903. С.8. Без загл.

Имея в виду свою «напророченную», «провиденциальную» встречу с Л. Д. Менделеевой 7 марта, Блок, в частности, отмечал в *Дневнике (1918)*: «Моей матери, которая не знала того, что знал я, я искал дать понять о происходящем строками: "Чем больней <душе мятежной...>"».

«Я недаром боялся открыть...» (С. 99).

Впервые: Вершины. 1914. №4 (23 дек.). С. 5. В цикле «Juvenilia».

В *Дневнике (1918)* Блок так интерпретировал содержание стихотворения: «Ее образ, представший передо мной в том окружении, которое я признавал имеющим значение *не случайное* <имеются в виду обстоятельства встречи с Л. Д. Менделеевой 7 марта. — *В. Б.*>, вызвал во мне, вероятно, не только *торжество пророчественное*, но и человеческую влюбленность, которую я, может быть, проявил в каком-нибудь слове или взгляде, очевидно, вызвавшем новое проявление ее суровости. <...> Следствием этого было то, что я вновь решил *таить* <...> *хранилище моей мысли, болея прежней думой...*»

«Ночью сумрачной и дикой...» (С. 99).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.20.

Об адресате посвящения О. М. Соловьевой см. в коммент. к стих. «Ищу спасенья...».

Сын бездонной глубины... — В наброске статьи о русской поэзии <декабрь 1901 — январь 1902> Блок сравнил образ «бездонных глубин» жизни с тем, что возникает в стих. Я. П. Полонского «Уже над ельником, из-за вершин колючих...», в котором есть такие строки: «И жизнь казалась мне суровой глубиною // С поверхностью, которая светла» (*СС-8₁*. С.38).

«В день холодный, в день осенний...» (С. 99).

Впервые: Бодрое Слово. 1909. №1. Стб. 21–22.

В автографах и публикациях имело заглавие «Поле за Петербургом». В *Дневнике (1918)* Блок отмечал: «К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева...» В стихотворении, по его словам, выразилось предчувствие, что он вернется «некогда на то же поле другим — *потухшим, измененным злыми законами времени*, с *песней наудачу* (т. е. поэтом и человеком, а не провидцем и обладателем тайны)».

Старая Деревня — местность в северной части Петербурга, на правом берегу реки Большая Невка, против Елагина острова. Образ «холодного дня», сменяющего «утренний туман» юности, навеян важным для раннего Блока стихотворением Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884).

«Всё отлетают сны земные...» (С. 100).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.55. Без эпиграфа.

Эпиграф — слегка измененная строка из написанного ранее стих. «Сегодня в ночь одной тропою...». В *Дневнике (1918)* Блок отмечал: «Май 1901. Очевидно, под влиянием ее непрекращающейся (или растущей, или случайной) суровости — май начался теми же мрачными предчувствиями: я удалюсь в *страны холодные, немые, без любви* и *без весны...*»

«Все бытиё и сущее согласно...» (С. 101).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.56.

Во 2-й тетради автографов — помета: «Нитцшеанское». Вероятно, Блок, испытавший некоторое влияние немецкого философа Фридриха Ницше (1844–1900), подразумевал идею величия индивидуума, выраженную в стихотворении («...вселенная во мне»). В *Дневнике (1918)* Блок так писал о тех днях: «Следует род заклинания. Прежнее отсутствие ответа заставляет надеть броню, что выражается в ощущении себя как микрокосма, в котором *вся вселенная...*»

Все бытие и сущее согласно... — Идея изначального единства мироздания была очень близка Блоку.

«Кто-то шепчет и смеется...» (С. 101).

Впервые: Новое Слово. 1909. №5. С.3 (текст — факсимиле автографа).

«Белой ночью месяц красный...» (С. 102).

Впервые: Нива. 1907. №15 (14 апр.). С.236.

В *Дневнике (1918)* Блок писал, что в образе «призрачного красного месяца» есть «оттенки соблазна». Характеризуя эту пору своей духовной жизни, он там же отметил: «Так, неготовым, раздвоенным я кончаю первый период своей *мировой* жизни — петербургский».

II

Стихотворения этого отдела были написаны летом 1901 г. в Шахматове; Блок назвал тот период своей жизни «мистическим летом». Именно в те дни он признавался (в письме к А. В. Гиппиусу от 25 июня): «Часто испытываю большой подъем духа, доставляющий сильное счастье» (*СС-8в.* С.18). Перед возвращением в Петербург из Шахматова Блок писал С. А. Кублицкой-Пиоттух 5 сентября: «Лето прошло прекрасно для меня, я им ужасно доволен (в общем); да и

погода была какая-то исключительно лучезарная...» (*ЛН.* Т.92. Кн.4. С.367). Такое впечатление от «мистического лета» осталось у Блока несмотря на то, что в главном, т. е. в его отношениях с Л. Д. Менделеевой, все было по-прежнему: «почти без результатов» (*ЛН.* Т.92. Кн.1. С.427). Знаменательны слова поэта в письме к А. В. Гиппиусу (30 авг. 1901): «...все еще несколько жаль покидать Шахматово, хотя счеты с ним почти сведены, а все еще хочется «помедлить на этом пепелище моих надежд земных». Впрочем, «надежды и желания» не оскудевают» (*Там же.* С.427).

«Небесное умом не измеримо...» (С. 105).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.57–58.

Во 2-й тетради автографов — помета, относящаяся ко всем стихотворениям второго отдела: «"Мистическое лето". Шахматово».

В *Дневнике (1918)* Блок писал о героине: «В первом стихотворении шахматовском это лицо приняло странный образ "Российской Венеры"». *Венера* (в греч. мифол. — Афродита) — богиня любви и красоты.

«Они звучат, они ликуют...» (С. 105).

Впервые: Современник. 1914. Кн.7 (апрель). С.3.

По мнению М. А. Бекетовой, стихотворение свидетельствует о «глубокой связи поэта с природой, во всех явлениях которой он видит тайные знаки, как бы покровительствующие его любви» (*Бекетова.* С.544).

Звенит и буйствует природа, // Я — соучастник ей во всем! — Ср. у Фета: «Стану буйства я жизни живым отголоском» («Моего тот безумства желал, кто смежал...», 1887).

«Одинокий, к тебе прихожу...» (С. 106).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.20.

Я и сам уж давно ворожу. — М. А. Бекетова отмечала, что «поэт как бы притягивает любимую девушку магической силой своей упорной мысли о ней, эту игру и называет он ворожбой, и ему кажется, что и любимая ему отвечает» (*Бекетова.* С.545).

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (С. 106).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.48. Без эпиграфа. В цикле «Из Посвящений».

Одно из программных стихотворений раздела и тома, в котором отразился кульминационный момент мистических чаяний Блока — напряженное ожидание встречи с Вечной Женственностью, когда произойдет чудо мгновенного преображения мира. В стихотворении сосуществуют по крайней мере два смысловых плана: универсально-мистический (идея вселенского преображения, связанного с сошествием Ее в мир) и интимно-мистический (страстное ожидание лирическим героем встречи с воз-

любленной, воспринимаемой им как начало воплощения высокой мечты о всемирной гармонии). Андрей Белый, знавший стихотворение задолго до публикации, привел строки из него в своей статье «Певица» (Мир Искусства. 1902. №11. С.303). «Она» в стихотворении, считал он, — это «мировая душа». Мотив «изменения облика», по его мнению, навеян «смешением переживаний «мистических» с чувственными» (А н д р е й Б е л ы й. Начало века. М., 1990. С.140).

Эпиграф — из стих. Вл. Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...» (1892); он задает мистическую тему произведения, навеянную идеей грядущей Вечной Женственности.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо... — «Огонь» — один из ключевых образов-символов стихотворения. Огонь, во-первых, — одна из первооснов природы (согласно древним мифам, учению Гераклита); во-вторых, это — могучая очистительная сила; в-третьих, — метафора неземного сияния, лучезарности; в-четвертых, — яркий знак чаемого приближения Вечной Женственности.

И, молча, жду... — Мотив «молчания» здесь — и выражение особого состояния «посвященного», который не может и не хочет говорить о сокровенных волнениях души, и знак священной важности ожидаемых событий преображения.

Но страшно мне: изменишь облик Ты. — Одно из характерных выражений блоковского скепсиса, который будет нарастать по мере разочарованности поэта в «сказочном мистицизме» юности.

«И п о з д н о, и т е м н о. П о к и н у б е з ж е л а н и й...» (С. 106).

Впервые: Невский альманах. Жертвам войны. Писатели и художники. Пг., 1915. С.9. В цикле «Juvenilia» <Юношеское — *лат.*>.

Бунтующий весельем Божий Дом. — Божий Дом — зд., вероятно, метафора земного мира, который лирический герой готов покинуть.

«И я, н е в е р н ы й, т о с к о в а л...» (С. 107).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.59.

«Н е с е р д и с ь и п р о с т и. Т ы ц в е т е ш ь о д и н о к о...» (С. 107).

Впервые: Киевские вести. 1910. 18 апр. (пасхальный вып.), №106; Бессарабская жизнь (Кишинев). 1910. 18 апр. (пасхальный вып.), №89.

Эпиграф — из стих. Вл. Соловьева «На палубе "Фритиофа"» (1893).

«М о л и т в у т а й н у ю т в о р и...» (С. 108).

Впервые: Русская Молва. 1913. 14 апр. (пасхальный вып.) №123. В цикле «Смерть и воскресение».

Готовься, мысли и молчи. — Ср. в стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830): «Молчи, скрывайся и таи...» Ср. также высказывание Андрея Белого: «Об этих вещах <т. е. мистических. — *В. Б.*>

говорить очень трудно: предметы духовного мира слов не имеют...» (*ЛН*. Т.92. Кн.3. С.809).

«За туманом, за лесами...» (С. 108).

Впервые: Корона. Кн.1. М., 1908. С.68. В цикле «Подруга Светлая (Тринадцать стихотворений 1899–1907)».

В одной из публикаций имело загл. «Блудящий огонь». В *Дневнике (1918)* Блок отметил: «Тут же получают смысл и высшее значение <...> явления природы (болотные огни... свечение гнилушек...)».

«В бездействии младом, в передрассветной лени...» (С. 108).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.14. Под загл. «Historia», в отделе «Неподвижность».

И, Ясная, Ты с солнцем потекла. — Реминисценция из стих. А. С. Хомякова «Желание» (1827): «Хотел бы я разлиться в мире, // Хотел бы с солнцем в небе течь...» (см. об этом: Скворцова Н. В. А. С. Хомяков в поэтической памяти Блока. — В кн.: *Исследования и материалы, 1991*. С.159).

«Какому Богу служишь ты?..» (С. 109).

Впервые: В Мире Искусства. 1909. №1. С. 10. В цикле «Дорожные стремнины. Стихотворения 1900–1903 гг.».

Сама богиня — и с богами // Гордишься равной красотой... — Героиня изначально благодаря своей идеальной природе «сопричислена богам». Ср. в письме Блока к Л. Д. Менделеевой от 16 декабря 1902 года: «Одна женщина, принадлежавшая к Пифагорейской общине, в VI веке до Р<ождества> Хр<истова> (заметь, заметь!) написала между прочим вот что: «Когда женщина победит низшие побуждения и овладеет гневною силою духа, тогда родится в ней божественная гармония». И все эти Пифагоровы братья и сестры считали себя "равными блаженным богам"» (*ЛН*. Т.89. С.85).

«Сегодня шла Ты одиноко...» (С. 109).

Впервые: Студенческая Жизнь. 1910. 16 июня. №20. С.7.

Там, над горой Твоей высокой // Зубчатый простирался лес. — М. А. Бекетова в мемуарах свидетельствовала: «Зубчатый лес, не раз упоминаемый Блоком в стихах, есть обозначение той горы, увенчанной лесом, в стороне Боблова, что видна была с самого высокого места дороги за шахматовской усадьбой, которое мы называли "горкой"» (*Бекетова*. С.548).

«Она росла за дальними горами...» (С. 109).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.13. В отделе «Неподвижность».

Во 2-й тетради автографов имело загл. «Непосвященным». *С. Соловьев — Сергей Михайлович Соловьев* (1885–1942) — поэт-симво-

лист, прозаик, публицист; сын М. С. и О. М. Соловьевых, племянник Вл. Соловьева, которого с отрочества глубоко почитал; Блоку он приходился троюродным братом. В период «Стихов о Прекрасной Даме» и «Распутий» Блок, ощущая духовное родство, довольно тесно общался с С. Соловьевым, который в ту пору восторженно относился к творчеству поэта и, как и родители, содействовал распространению в Москве его стихов.

Блок посвятил С. Соловьеву четыре стихотворения из «первого тома»: «Она росла за дальними горами...», «Входите все. Во внутренних покоях...», «Бегут неверные дневные тени...», «У забытых могил пробивалась трава...». В дальнейшем их отношения, осложненные идейными расхождениями, складывались трудно (см. вступительную статью Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова к публикации переписки Блока с С. М. Соловьевым — *ЛН*. Т.92. Кн.1. С.308–320).

Блок знал, что стихотворение пришлось по душе С. Соловьеву, который писал ему 16 августа 1901: «Мне все более и более нравятся твои два стихотворения: "Непосвященным" и "Предчувствую тебя"» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.326).

Кто белый храм, безумцы, посетил? — Ср. в стих. «Через песчаные пустыни...» (*20–21 мая 1901*), не вошедшем в том: «Но за блаженными брегами // Еще белеет некий храм». В числе наиболее очевидных и важных для Блока источников этого образа-символа — стих. В. А. Жуковского «Путешественник» (1809): «Ты увидишь храм чудесный... <...> Там в нетленности небесной // Все земное обретешь». Столь же значимо в этом смысле близкое Блоку стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (<1885>): «Все буду я идти к желанным берегам, // Туда, где на горе, под новыми звездами, // <...> Меня дождется мой заветный храм».

«Я помню час глухой, бессонной ночи...» (С. 110).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.62–63.

«Тебя в страны чужие звали...» (С. 110).

Впервые: Трудовой Путь. 1907. №1. С.2.

Во 2-й тетради автографов и в публикации в «Трудовом пути» после первой строфы были еще две, не вошедшие в основной текст:

Еще недавно, жарким летом,
С тобою все делили мы.
Мы увлеклись твоим расцветом
И не заметили зимы.

Уж осень с желтыми листами
Несла разлучную печаль,
Нам с вдохновенными мечтами
Все разлучиться было жаль.

«Внемля зову жизни смутной...» (С. 111).

Впервые: Огонек. 1909. 21 марта. №12. С.[6].

Внемля зову жизни смутной <..> К лучезарной глубине. — Подоплека блоковского мистицизма, идеализма периода «Стихов о Прекрасной Даме» — это представление о призрачности мира явлений, за которым скрывается («сквозит», «мерцает») мир глубинных сущностей. Тут сказалось и влияние идей Платона и Вл. Соловьева. Ср. в стих. Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892): «...все видимое нами // Только отблеск, только тени // От незримого очами». Ср. также у Д. С. Мережковского: «Есть в мире здешнем — мир иной» («Двойная бездна», 1901).

«Прозрачные, неведомые тени...» (С. 111).

Впервые: Русская Мысль. 1914. №10. Отд.1. С.1–2. В цикле «Под знаком Девы».

«Я жду призыва, ищу ответа...» (С. 112).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С. 99. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Все мнятся тайны грядущей встречи... — М. А. Бекетова писала: «В это лето поэт уже чувствует, что между ним и любимой есть какая-то тайная связь» (*Бекетова.* С.545).

«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» (С. 112).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1914. С.34. В цикле из двух стихотворений «Поле за Петербургом».

Во 2-й тетради автографов озаглавлено «Сонет».

«За городом в полях весною воздух дышет...» (С. 113).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1914. С.34–35. В цикле из двух стихотворений «Поле за Петербургом».

Как и предыдущее, написано в форме сонета. Первая строка близка к тютчевской: «А воздух уж весною дышит...» («Еще земли печален вид...», <1836>).

«Входите все. Во внутренних покоях...» (С. 113).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.65.

Во 2-й тетради автографов между второй и третьей строфами была еще одна, не вошедшая в печатный текст:

Ах, я и сам, без цели и без дела,
Безумный, мнил покинуть мнимый тлен.
Но так болел умом, душой и телом,
Что, возвратясь, приял навеки плен.

О *С. Соловьеве* см. в коммент. к стих. «Она росла за дальними горами...».

Аналой — в православной церкви высокий столик, на который при богослужении кладут книги, иконы.

«Ты прошла голубыми путями...» (С. 114).

Впервые: Нива. 1906. №49. С. 781.

Посылая стихотворение своему другу А. В. Гиппиусу, Блок предварил его такими словами: «Есть и еще <кроме Вл. Соловьева. — *В. Б.*> властители всего моего существа в этом мире, но они заходят порою в мир иной (конечно, в воображении моем и мыслях) и трудно отделимы от божественного. И это по-прежнему — стимул моего поведения, а главное, душевного состояния. <...> Большой для меня вопрос личный, когда наконец осуществятся мои ожидания и верования. Вот одно из бесчисленных нынешних выражений моей мысли...» (*СС-8₈*. С.22).

«Не жди последнего ответа...» (С. 114).

Впервые: Современник. 1914. Кн.10 (май). С.4.

Во 2-й тетради автографов после четвертой строфы была еще одна, не входившая в печатный текст:

Так, в долгом чаяньи свиданья,
Когда душа напряжена,
Уже таится окончанье
Всевдохновительного сна.

«Не пой ты мне и сладостно, и нежно...» (С. 114).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.66.

«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» (С. 115).

Впервые: Русская Мысль. 1914. №10. Отд. 1. С.1. В цикле «Под знаком Девы».

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных... — 28 июля 1901 года Блок писал А. Кублицкому-Пиоттух: «...в Шахматове была страшная жара и засуха последние дни...» (*ЛН*. Т.92. Кн.4. С.360).

О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет, // В прошедший мрак и в холод уходя! — Реминисценция из стих. А. А. Фета «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыданья...», 1879): «А жаль того огня, // Что просиял над целым мирозданьем, // И в ночь идет, и плачет уходя».

«Признак истинного чуда...» (С. 115).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.66–67.

Фабрика — мануфактурная фабрика недалеко от Боблова; там иногда устраивались благотворительные вечера и любительские спектакли, в которых порой участвовал и Блок.

«Ты далека, как прежде, так и ныне...» (С. 115).

Впервые: Русская Мысль. 1914. №10. Отд. 1. С.4. В цикле «Под знаком Девы».

«Стою на царственном пути...» (С. 116).

Впервые: Речь. 1908. 25 дек. (рождественский вып.), №318. Под загл. «В глухую ночь».

«Сумерки, сумерки вешние...» (С. 116).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.33. Без эпиграфа. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Провидения».

Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Вдали огонек за рекою...» (<1842>).

«Ты горишь над высокой горою...» (С. 117).

Впервые: Новый Путь. 1903. №9. С.106. В статье Андрея Белого «О теургии».

В статье Андрея Белого охарактеризовано как «верное словесное отражение магически душевной музыки» (С.107).

Недоступна в Своем терему. — Ср. в стих. Я. П. Полонского «Царь-девица» (1876): «И жила та Царь-девица, // Недоступна никому, // И ключами золотыми // Замыкалась в терему».

«Видно дни золотые пришли...» (С. 117).

Впервые: Литературно-худож. сборник. Стихотворения студентов Имп. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1903. С.9.

От себя ли скрывать // Роковую потерю? — Ср. у Вл. Соловьева в неоднократно цитировавшейся Блоком строфе: «Роковую не скрою потерю, // Но сказать «навсегда» не могу» («У себя», 1898).

«Кругом далекая равнина...» (С. 118).

Впервые: Нива. Ежемес. литер. и попул.-науч. прилож. 1909. Т.1. №2. Стб. 235–236.

Во 2-й тетради автографов имело загл. «Знакомое». Написано в деревне Ивлево, которая находилась недалеко от менделеевского Боблова.

«Я все гадаю над тобою...» (С. 118).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.36. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Свидания».

«Нет конца лесным тропинкам...» (С. 119).

Впервые: Новое Слово. 1909. №6. С.4.

Л. Д. Блок отмечала: «"Нет конца лесным тропинкам..." — это в Церковном лесу, куда направлялись почти все наши прогулки. Лес этот — сказочный, в то время еще не тронутый топором...» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.143). *Церковный лес* находился между Шахматовом и Бобловом.

III

«Смотри — я отступаю в тень...» (С. 123).

Впервые: Наша газета. 1909. 22 марта. №68.

Но предо мной кружится Мгла... — Реминисценция из важного для Блока программного стихотворения Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887): «Все, кружась, исчезает во мгле...»

«Пройдет зима — увидишь ты...» (С. 123).

Впервые: Новое Слово. 1911. №2. С.75.

Во 2-й тетради автографов имело загл. «Проездом». Там же — эпиграф, не́ вошедший в печатный текст: «Угрюмством множа красоту» (источник его обнаружить не удалось). Это выражение было использовано Блоком в письме к его другу А. В. Гиппиусу от 23 июня 1902 года: «Милый и дорогой мой, бодрствуйте только чаще, ведь мы не бедны, а богаты. И что стоит нам открыть в себе Бога? Для нас же и "угрюмство" должно "множить красоту"» (*СС-8в*. С.32–33).

В плане биографическом и психологическом стихотворение связано с временным полуразрывом отношений Блока с Л. Д. Менделеевой. Однако, помимо жизненных реалий, для понимания стихотворения важно учитывать и его символический подтекст: ожидание поэтом отклика другой души — это тот период тревожного, «угрюмого» молчания, когда зреет чувство и мысль, когда мучительное переживание облагораживается красотой страдания, готового вылиться в формы искусства. Так романтически окрашенное «угрюмство» поэта неразрывно связывается с «красотой» (подробнее об этом см.: Быстров В. Н. «Угрюмством множа красоту». Об одном эпиграфе у А. Блока. — Русская речь. 1989. №1. С.15–21).

Примечательно суждение Андрея Белого об «угрюмых людях», к которым он относил и Блока: «Но «угрюмые люди» не те, кто угрюмы в своем ядре, а те, кто таят в себе как раз противоположное: в *Блоке затаился нежный, ласковый, несколько беспомощный ребенок и — «мудрый»; — таким он был всегда, как сам о себе сказал в «Ямбах»* <имеются в виду заключительные строки стих. «О, я хочу безумно жить...»;

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество>»

(*ЛН*. Т.92. Кн.3. С.804). Ср. также в письме С. Соловьева Блоку от 3 августа 1905 года: «Особенно не пугайся моей угрюмости, я ищу ее, временно она необходима. Надо увиться как саваном этой угрюмостью, чтобы защищать свою сущность от "дыханья посторонней суеты"» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.400).

«Встану я в утро туманное...» (С. 124).

Впервые: Образование. 1908. №5а. С.156, паг. 1-я.

«Ранний час. В пути незрима...» (С. 124).

Впервые: Литературно-худож. сборник. Стихотворения студентов Имп. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1903. С.7.

«Ты уходишь от земной юдоли...» (С. 125).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.74–75.

Во 2-й тетради автографов имело загл. «Отчаянье». В *Дневнике (1918)* Блок отметил, касаясь того времени: «В октябре начались новые приступы отчаянья (Она уходит, передо мной — «грань богопознанья»)».

Власяница — грубая волосяная одежда, которую носили на голом теле монахи-аскеты, отшельники в знак смирения.

«Снова ближе вечерние тени...» (С. 125).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.36. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Свидания».

К неподвижному жизни ключу. — Возможно, отзвук стих. Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887): «Неподвижно лишь солнце любви».

«Я бремя похитил, как тать...» (С. 126).

Впервые: Вершины. 1914. 23 дек. №4. С.5. В цикле «Juvenilia» <Юношеское — *лат.*>.

Теперь я внимаю чужой // И все нарастающей страсти. — Тут появляется мотив «мистической ревности». В *Дневнике (1918)* Блок отмечал: «Чаще, чем со мной, она встречалась с *кем-то,* кого не видела и о котором я знал». Этот мотив получит развитие в следующих отделах «Стихов о Прекрасной Даме» и в «Распутьях».

Тать (устар.) — вор.

«Хранила я среди младых созвучий...» (С. 126).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.36. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Свидания».

Входило в состав цикла из трех стихотворений, которому Блок в рукописи дал название «Женственные стихи», подчеркивая тем самым, что они написаны как бы от лица героини (см. также стихотворения «Медленно в двери церковные...», «Скрипнула дверь. Задрожала рука...»). Цикл опубликован не был.

«Медленно в двери церковные...» (С. 126).

Впервые: Слово. 1908. 18 мая. №460.

Во 2-й тетради автографов между второй и третьей строфами было еще четверостишие, не вошедшее в печатный текст:

И бесконечно глубокие
Мысли растут и желания,
Вижу я небо далекое,
Слышу я Божье дыхание.

Как и предыдущее стихотворение, написано в день знаменательной встречи Блока с Л. Д. Менделеевой. Впоследствии Любовь Дмитриевна вспоминала: «В сумерки октябрьского дня (17 октября) я шла по Невскому к собору <Казанскому. — *В. Б.*> и встретила Блока. Мы пошли рядом. Я рассказала, куда иду <...> Позволила идти с собой. Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном <...> То, что мы тут вместе, это было больше всякого объяснения. Мне казалось, что я явно отдаю свою душу, открываю доступ к себе» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.158–159). Видимо, в тот день Л. Д. Менделеева рассказала Блоку историю своего приобщения к миру церкви, которую так передавала в мемуарах: «Я жила интенсивной духовной жизнью. <...> Раз, идя по Садовой мимо часовни у Спаса на Сенной, я заглянула в открытые двери. Образа, трепет бесчисленных огоньков восковых свечей, припавшие, молящиеся фигуры. Сердце защемило от того, что я вне этого мира, вне этой древней правды. ... Я пошла дальше и почти машинально вошла в Казанский собор. <...> Я опустилась на колени, еще плохо умея молиться. <...> Однако и тогда, в первый раз, пришли облегчающие, успокоительные слезы» (*Там же.* С.157–158). По словам Любови Дмитриевны, ее признание и послужило толчком к написанию Блоком этого стихотворения.

Шла я, душой несвободная... — Ср. в стих. З. Н. Гиппиус «Молитва» (1897): «Кто-то <...> // Вызвал от сна и молчания // Душу мою несвободную».

Падают розы вечерние... — Ср. близкий образ в стих. Вл. Соловьева «Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры...» (1892): «И вдруг посыпались зарей вечерней розы...» Ср. также у Д. С. Мережковского: «Горят и блещут с вышины // Зарей рассыпанные розы...» («Вечер», 1884).

«Ловлю я тонкий прах надежды...» (С. 127).

Впервые: Русская Мысль. 1914. №10. С.3. В цикле «Под знаком Девы».

Во 2-й тетради автографов было вписано заглавие (или помета): «Декадентское стихотворение».

Но через сомкнутые вежды // Горят слова: «Не друг, а враг». — Вероятно, намек на внешнюю сдержанность, суровость Л. Д. Менделеевой.

«Скрипнула дверь. Задрожала рука...» (С. 127).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.76–77.

См. коммент. к стих. «Хранила я среди младых созвучий...».

«Зарево белое, желтое, красное...» (С. 128).

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 20 марта. №12. С.203.

«Восходя на первые ступени...» (С. 128).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1.* С.77–78.

Во 2-й тетради автографов после второй строфы была еще одна, позднее зачеркнутая:

Отошел, молитвы слыша слово,
Черный дым — к покинутым мирам.
Но душа, пылать и петь готова,
Молит слез таких, как там.

«Один порыв — безвластный и плакучий...» (С. 128).

Впервые: Новое Слово. 1910. №11. С.85.

В стихотворении ощутимы мотивы усталости, когда ослабел накал мистических чаяний и стала постепенно осознаваться чрезмерность «вселенской мечты».

«Я ли пишу, или ты из могилы...» (С. 129).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.78.

Во 2-й тетради автографов — эпиграф из стих. С. Я. Надсона «Памяти Н. М. Д. —ой» (1882): «Не я пишу — рукой моею, // Как встарь, владеешь ты, любя...»

«Жду я холодного дня...» (С. 129).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.79.

Образ «холодного дня» восходит к стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884). *Жди на распутьи...* — Здесь появляется мотив, ставший одним из ключевых в разделе «Распутья».

«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» (С. 129).

Впервые: Приазовский край. 1915. 1 янв. №1. С.3.

«Будет день — и свершится великое...» (С. 130).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.34. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Провидения».

«Я долго ждал — ты вышла поздно...» (С. 130).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.34. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Свидания».

В *Дневнике (1918)* Блок отметил: «Любовь Дмитриевна ходила на уроки к М. М. Читау, я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда провожал ее до Забалканского с Гагаринской — Литейной (конец ноября, начало декабря)».

Мария Михайловна Читау (1859–1935) — актриса, организовавшая частные драматические курсы, которые находились на Гагаринской улице. На Забалканском пр. (ныне — Московский пр.), д. 19, жила Л. Д. Менделеева.

И в вечном свете, в вечном звоне // Церквей смешались купола. — Ср. наблюдение исследователя об особенности мировосприятия Блока пе-

риода «Стихов о Прекрасной Даме»: «Свет у Блока органически связан со звуком, звоном, музыкой... светлый мир есть мир гармонического звучания» (Федоров Ф. П. «Жду вселенского света». — Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.48. №1. С.23).

«Ночью вьюга снежная...» (С. 131).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С. 29. В отделе «Неподвижность».

«Тёмно в комнатах и душно...» (С. 131).

Впервые: Слово. 1908. 25 мая. №466.

Во 2-й тетради автографов было озаглавлено «Летом».

«Мне битва сердце веселит...» (С. 131).

Впервые: Столичное Утро. 1907. 13 окт. №113.

Эпиграф — из сонета Петрарки «Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...» (пер. Д. С. Мережковского). «Битва» в данном стихотворении является метафорой борьбы двух сердец, любовного поединка. Такое метафорическое уподобление имеет давнюю поэтическую традицию. Отметим в этой связи блоковский перевод одной из строк римского поэта Овидия, записанный в книге «Избранных стихотворений» Овидия (Ч. 2. Царское Село, 1892): «Каждый любовник — солдат, и Амур укрепленья готовит».

И медленным и сладким ядом... — Этот же образ — в первом стих. тома «Пусть светит месяц — ночь темна...».

«Неотвязный стоит на дороге...» (С. 132).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.35. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Свидания».

«Молчи, как встарь, скрывая свет...» (С. 132).

Впервые: Нива. Ежемес. лит. и попул.-науч. приложения. 1909. №6. Стб. 297–298.

В первой строке — отзвук важного для Блока стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830): «Молчи, скрывайся и таи...» Этот же мотив молчания о сокровенном — в ранее написанном стих. «Молитву тайную твори...».

«Вечереющий сумрак, поверь...» (С. 133).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.26–27. В отделе «Неподвижность».

Имея в виду те вечера ноября–декабря 1901 года, когда он ожидал Любовь Дмитриевну после занятий на драматических курсах М. М. Читау, Блок, между прочим, писал ей 29 августа 1902 года (письмо не было отправлено адресату): «Помните Вы-то эти дни — эти сумерки? Я ждал час, два, три... Тогда вдруг звенела и стучала, захлопываясь, эта дрянная, мещанская, скаредная, дорогая мне дверь

подъезда. Сбегал свет от тусклой желтой лампы. Показывалась Ваша фигура...» (СС-87. С.55).

«Сумрак дня несет печаль...» (С. 134).
Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 23 апр. №17. С.265.

«Старый год уносит сны...» (С. 134).
Впервые: Час. 1908. 1 янв. №83.

Двойнику («Ты совершил над нею подвиг трудный...») (С. 135).
Впервые: Собр. стихотворений (1911). Кн.1. С. 85.
Во 2-й тетради автографов — посвящение: «Стихотворение посвящено моему другому "я"». В тот день, когда было написано стихотворение, Блок отметил по поводу него в дневнике: «Хоть и не вышло, а хорошая мысль стихотворения: убийца-двойник — совершит и отпадет, а созерцателю-то, который не принимал участия в убийстве, — вся награда. Мысль-то сумасшедшая, да ведь и награда — сумасшествие, которое застынет в сладостном созерцании совершенного другим. Память о ноже будет идеальна, ибо нож был хоть и реален, но в мечтах — вот она, великая тайна...» (СС-87. С.19).

«Мы, два старца, бредем одинокие...» (С. 135).
Впервые: Новое Слово. 1910. №10. С.3.
Во 2-й тетради автографов между второй и третьей строфами было еще одно четверостишие, не вошедшее в основной текст:

Мы, два старца, землей искушенные,
Дрожим, как в первые дни,
Когда, непосвященные,
У жертвы мы жгли огни.

Там же стихотворение имело загл. «Два старца».

Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») (С. 136).
Впервые: Ежемесячный журнал для всех. 1904. №1. С. 2.
Во 2-й тетради автографов озаглавлено «31 декабря 1901». Образ Светланы и ряд мотивов навеяны балладой В. А. Жуковского «Светлана» (1808–1812).

IV

«Я шел — и вслед за мною шли...» (С. 139).
Впервые: Собр. стихотворений (1911). Кн.1. С.91.
В Дневнике (1918) Блок отметил, что в стихотворении запечатлелся «демонический восторг». Сергей Соловьев в письме к Блоку от 14 февраля 1902 года выразил отрицательное отношение к этой вещи, на-

звав ее «декадентской» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.326). Его отец М. С. Соловьев, напротив, сообщал в письме к автору от 20 февраля 1902 года, что стихотворение ему понравилось, что оно «покоряет»; он упомянул также о восторженном отклике Андрея Белого (*Там же*. С.409).

«Бегут неверные дневные тени...» (С. 139).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.95. Без посвящения. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Сергей Соловьев, которому посвящено стихотворение, писал о нем Блоку 14 февраля 1902 года: «Оригинально и сильно. Мама <О. М. Соловьева. — *В. Б.*> подумала, что в этом стихотворении говорится о Христе. Я сильно протестую. По-моему, дело касается женщины, ибо Христос, «роняющий цветок весны» — просто сентиментально и неестественно. Повторяю: это стихотворение мне очень нравится. Очень удачно выражение «высок и внятен колокольный зов». Сначала это выражение немного поражает своей оригинальностью, но когда оно вторично повторяется в конце стихотворения, оно становится безупречно» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.326). Примечательна трактовка стихотворения Андреем Белым: «Он <поэт.— *В. Б.*> говорит, что раз Она идет и спускается на землю, то Она раскроется в ближайших годах. Он ждет ее схождения. <...> В этом приближении, в этом экстазе чувствуется какое-то подчас хлыстовское настроение. Вот в этом преждевременном приближении образа <...> чувствуется, что предстоят испытания» (*ЛН*. Т.92. Кн.4. С.769).

«Сгущался мрак церковного порога...» (С. 140).

Впервые: Русская Молва. 1912. 25 дек. №17. В цикле из двух стихотворений «На паперти храма».

Амвон — в православном храме площадка, находящаяся на возвышении перед «царскими вратами».

«Высóко с темнотой сливается стена...» (С. 140).

Впервые: Нива. 1908. №10. С.189.

Во 2-й тетради автографов начиналась строфой, позднее зачеркнутой:

В дверях дрожащий свет, и сумерки вокруг.
И суета и шум на улице безмерней.
Молчу — и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

«Там, в полусумраке собора...» (С. 141).

Впервые: Нива. Ежемес. лит. и попул.-науч. прилож. 1907. №3. Стб. 359–360.

В стихотворении отразились впечатления, вызванные посещениями Блоком и Л. Д. Менделеевой Казанского и Исаакиевского соборов.

«Мы преклонились у завета...» (С. 141).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.31. В отделе «Неподвижность».

Во 2-й тетради автографов между первой и второй строфами была еще одна, позднее зачеркнутая:

То было смутное паренье, —
Слиянье неба и земли,
И молодое окрыленье
Души, смеющейся вдали.

Сергей Соловьев назвал стихотворение «одним из самых пронзительных». Он писал Блоку по поводу него в апреле 1902 года: «Жена, смеющаяся из ветхой позолоты, — гениально. Но знаешь, кто она, по моему твердому убеждению? Не «Дева Радужных Ворот»! Отнюдь. Припомни Пушкина:

Другой — женообразный, сладострастный,
Обманчивый и *лживый* идеал,
Волшебный демон, *лживый*, но прекрасный

<не совсем точная цитата из стих. «В начале жизни школу помню я...» (1830). — *В. Б.*>. «Лживая, но прекрасная». Не такова мудрость, сходящая свыше» (*ЛН.* Т.92. Кн.1. С.328). «Дева Радужных Ворот» — одно из символических «имен» Вечной Женственности, встречающееся в стих. Вл. Соловьева «Нильская дельта» (1898).

«Я укрыт до времени в приделе...» (С. 142).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.37. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Свидания».

Подразумевая первую строку последней строфы, Блок во 2-й тетради автографов отметил: «...мятели — здесь необходимо сохранить это написание, в противопол<ожность> "Снежной Маске"».

Придел — боковой алтарь в церкви.

Но растут великие крыла. — Образ «крыльев», возносящих душу ввысь, к небу, часто встречается в ранней лирике Блока. Возможно, что тут сказалось определенное влияние идей и образов Платона. Ср. в его диалоге «Федр» фрагмент о душе совершенной и окрыленной: «Если душа совершенна и окрылена, то она парит в вышине и полагает управлять вселенною. Но душа, потерявшая свои крылья, падает вниз, пока не зацепится за что-нибудь твердое, в чем и поселяется. <...> В природе крыльев лежит поднимать тяжелые тела вверх, к обители богов. Крылья более всех членов тела причастны божеству. Божественное вмещает в себя прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное. Этим-то и питаются и растут крылья души, разрушаются же они от предметов, противоположных названным» (цит. по книге Д.Г.Льюиса «Исто-

рия философии от начала ее в Греции до настоящих времен» (СПб., 1865. С.218), которую Блок внимательно изучал в 1900–1901 гг.).

«И нам недолго любоваться...» (С. 142).

Впервые: Записки Мечтателей. 1919. №1. С.89. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

«Уходит день. В пыли дорожной...» (С. 142).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.32–33. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Провидения».

Критик В. Журин в статье «Servus – Reginae (О Прекрасной Даме Александра Блока)» так истолковал содержание стихотворения: «Поэт любит одиночество. Не характерно ли в этом отношении, что Прекрасная Дама, вызванная его мечтой, приходит к нему не в суете и тревоге дня, не в ярком свете утра, а вечером, когда тишина и умиротворенность раскидывают над миром свой полог и смолкает шум забот» (Сборник студ. лит. кружка при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1915. С.33).

«Сны раздумий небывалых...» (С. 143).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.21.

Во 2-й тетради автографов – помета: «Свободно ли от декадентства?» *Все лучи моей свободы // Заалели там. // Здесь снега и непогоды // Окружили храм.* – Романтическая идея «двоемирия» здесь выражена в духе поэзии В. А. Жуковского. Ср. в его стих. «Путешественник» (1809), важном для Блока: «Ты увидишь храм чудесный... // Там в нетленности *небесной* // Все *земное* обретешь»; «Не сольется, как поднесь, // Небо светлое с землею... // *Там* не будет вечно *здесь*».

«На весенний праздник света...» (С. 144).

Впервые: Трудовой Путь. 1907. №3. С.1.

В первой строке – отзвук стих. Вл. Соловьева «Наконец она стряхнула...» (1895): «Отчего на праздник света // Я несу ночную тень?..»

«Ты была светла до странности...» (С. 144).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.97.

Во 2-й тетради автографов после стиха 12 было еще четверостишие:

О, светлей и суевернее
Загорятся наши дни,
Только ты зарей вечернею
Приходи и отдохни.

В стихотворении отразился душевный подъем, вызванный встречей Блока с Л. Д. Менделеевой 7 февраля. Этому дню предшествовал период резкого осложнения отношений. Любовь Дмитриевна вспоминала: «...В январе (29-го) я с Блоком порвала. <...> Я просто встретила его с холодным и отчужденным лицом, когда он подошел ко мне на Невском, недале-

ко от собора <Казанского. — *В. Б.*>, и небрежно, явно показывая, что это предлог, сказала, что боюсь, что нас видели на улице вместе, и что мне это неудобно. Ледяным тоном: «Прощайте!» — и ушла» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.161). Л. Д. Менделееву, по ее позднейшему признанию, огорчало то, что Блок видел в ней «какую-то отвлеченную идею», не замечая «живого человека» (*Там же.* С.161).

Блок, явно встревоженный таким поворотом в их отношениях, писал Л. Д. Менделеевой 29 января (письмо лишь впоследствии было передано адресату): «...моя жизнь, т. е. способность жить, немыслима без Исходящего от Вас ко мне некоторого непознанного, а только еще смутно ощущаемого мной Духа. Если разделяемся мы в мысли или разлучаемся в жизни (а последнее было, казалось, сегодня) — моя сила слабеет, остается только страстное всеобъемлющее стремление и тоска» (*Там же.* С.163). Чувство тревоги не покидало Блока до 7 февраля; о том дне, принесшем душевное облегчение, он писал Л. Д. Менделеевой 29 августа 1902 года: «Это было необыкновенно, кажется, очень важно, разумеется, для меня. Для Вас — мимолетность» (*СС-8₇.* С.57).

«Не поймут бесскорбные люди...» (С. 144).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.44. В отделе «Неподвижность».

В дневнике 1902 года черновой автограф стихотворения сопровожден пометой: «Перед окнами 10 февраля. Боткинский вечер. Безумно горест<но>. Маскарад у Боткиных». Л. Д. Блок в воспоминаниях писала о семье Боткиных: «М. П. Боткин, художник, друг отца, а Екатерина Никитична дружила с мамой. Три дочери — мои сверстницы, и мальчик и девочка — младшие. Очаровательные люди и очаровательный дом. Боткины жили в своем особняке на углу набережной и 18-й линии Васильевского острова» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.159). 10 февраля Боткины устроили маскарад, на который были приглашены Любовь Дмитриевна и Блок. Однако Блок не захотел пойти туда, выразив желание ожидать свою возлюбленную под окнами боткинского дома.

«Сны безотчетны, ярки краски...» (С. 145).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С. 35. Без эпиграфа. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Свидания».

Эпиграф — из пьесы («весенней сказки») А. Н. Островского «Снегурочка» (1873) (слова Купавы). М. А. Бекетова свидетельствовала, что летом 1899 года Блок намеревался ставить в Боблове «Снегурочку», но замысел этот осуществить не удалось (*Бекетова.* С.52).

«Мы живем в старинной келье...» (С. 145).

Впервые: Русь. Ил. прил. 1907, 13 марта, №11.

«Верю в Солнце Завета...» (С. 146).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.59. В цикле «Из Посвящений».

Эпиграф — из *Откровения* св. Иоанна Богослова (XXII, 17). Ср. дневниковую запись Блока от 26 июня 1902 года: «Перед нами Невеста — будущая Жена — дверь блаженства. <...> "И Дух (очищение лица) и Невеста (очищение вселенной) говорят: прииди"» (*СС-8₁*. С.50). В неотправленном письме к Л. Д. Менделеевой от 29 января 1902 года Блок признавался: «Теперь передо мной впереди ныне только чистая Вы, и, простите за сумасшедшие термины, — по отношению к Вам, — бестрепетно неподвижное Солнце Завета...» (*ЛН*. Т.89. С.39–40).

Современный исследователь отметил по поводу данного стихотворения: «Тема света достигает кульминации в февральских стихах 1902 года. Именно к этому времени оформляется блоковская концепция света не как метафорического, а как мифологического, религиозного образа. <...> в свете сосредоточивается мировая духовность и тем самым мировая святость. В этом плане кульминацией «Стихов о Прекрасной Даме» является стихотворение «Верю в Солнце Завета...» <...> «вселенский» свет — это и есть мир некоего нового Завета, рожденного явлением Прекрасной Дамы ...» (Федоров Ф. П. «Жду вселенского света». — Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.48. 1989. №1. С.19, 20; см. там же о влиянии платоновской «мифологии света», евангельских представлений о Свете, о семантике образа-символа «свет» — С.17–25).

Вижу очи Твои. — Ср. начальную строку стих. Вл. Соловьева: «Вижу очи твои изумрудные...» (1892).

«Кто-то с Богом шепчется...» (С. 146).

Впервые: Золотое Руно, 1908. №1. С.35. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Свидания».

Во 2-й тетради автографов озаглавлено «В церкви».

«Мы все простим — и не нарушим...» (С. 147).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.99–100.

«Ты — Божий день. Мои мечты...» (С. 147).

Впервые: Речь. 1908. 15 июня. №142.

«Целый день передо мною...» (С. 147).

Впервые: Одесские новости. 1907. 25 дек. №7402.

Во 2-й тетради автографов между первой и второй строфами была еще одна, не вошедшая в печатный текст:

И до вечера безгрешен,
Светел, ясен и беспечен,
В милом свете бесконечен,
Шел и я, душой утешен.

«Там сумерки невнятно трепетали...» (С. 148).

Впервые: Северные Записки. 1913. №4. С. 6. В цикле «Спутник».

«Мы странствовали с Ним по городам...» (С. 148).

Впервые: Северные Записки. 1913. №4. С.6–7. В цикле «Спутник».

«Гадай и жди. Среди полночи...» (С. 149).

Впервые: Новые Путь. 1903. №3. С.50. В цикле «Из Посвящений».

«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» (С. 149).

Впервые: Северные Записки. 1913. №4. С.5. В цикле «Спутник».

Я наблюдал зубчатые леса. — Видимо, намек на символически значимую для Блока реалию шахматовского пейзажа, связанную с воспоминаниями о прошлом (ср.: «Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко, // Какою-то мечтой горела голова»); см. коммент. к стих. «Сегодня шла Ты одиноко...».

«Мой вечер близок и безволен...» (С. 149).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.34. В отделе «Неподвижность».

Во 2-й тетради автографов между второй и третьей строфами было еще четверостишие, позднее зачеркнутое:

Твоим прозреньям не причастен
И полон жизнию иной,
Я в этой жизни многовластен
И родствен с этой глубиной.

«На темном пороге тайком...» (С. 150).

Впервые: Речь. 1908. 13 июля. №166. Под загл. «В храме».

«Я медленно сходил с ума...» (С. 150).

Впервые: Вершины. 1914. №4 (23 дек.). С. 5. В цикле «Juvenilia» <Юношеское — *лат.*>.

«Весна в реке ломает льдины» (С. 151).

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 6 апр. №14. С.227.

Или божественного дара // Из Моисеева куста! — Согласно Библии, пророк Моисей услышал из горевшего, но не сгоравшего тернового куста (Неопалимая Купина) Божью весть о своем избранничестве (*Исход*, III, 2–10). В христианской традиции Неопалимая Купина — прообраз Богоматери.

«Кто плачет здесь? На мирные ступени...» (С. 151).

Впервые: Русская Молва. 1912. 25 дек. №17. В цикле из двух стихотворений «На паперти храма».

Мария — Богоматерь.

«Утомленный, я терял надежды...» (С. 152).

Впервые: Приазовский край. 1913. 14 апр. №97. Под загл. «Светлый сон».

Забелели чистые одежды... — Один из возможных источников образа — *Откровение* св. Иоанна Богослова: «Побеждающий облечется в белые одежды...» (III, 5).

«Странных и новых ищу на страницах...» (С. 152).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.49. В цикле «Из Посвящений».

Во 2-й тетради автографов озаглавлено «Провиденье». *Белым огнем Купины.* — О библейской Неопалимой Купине см. в коммент. к стих. «Весна в реке ломает льдины...».

«Днем вершу я дела суеты...» (С. 153).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.96–97. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Заглавие во 2-й тетради автографов — «Из действительности».

«Люблю высокие соборы...» (С. 153).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.105–106.

Бужу я память о Двуликом... — Двуликий — зд., видимо, дьявол, антихрист.

«Я знаю день моих проклятий...» (С. 154).

Впервые: Бодрое Слово. 1909. №1. Стб. 19–20.

Во 2-й тетради автографов между первой и второй строфами было еще четверостишие, позднее зачеркнутое:

Он непонятно схож со мною
И молчалив среди людей,
Но, крадучись моей тропою,
В пустынном поле — он злодей.

«Мы отошли и стали у кормила...» (С. 154).

Впервые: Корона. Кн.1. М., [1908]. С.70. В цикле «Подруга светлая».

«Я — тварь дрожащая. Лучами...» (С. 155).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.107.

Во 2-й тетради автографов и в первой публикации было еще четверостишие после 1-й строфы, не вошедшее в основной текст:

Что я могу в Тебе измерить?
Могу постичь одни цветы...
Но то, во что лишь можно верить —
То — неизведанная Ты.

В первой строке — отзвук знаменитой фразы героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Раскольникова: «Тварь ли я дрожащая, или право имею?»

«Слышу колокол. В поле весна...» (С. 155).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С. 36. В отделе «Неподвижность».

«Там — в улице стоял какой-то дом...» (С. 156).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.22.

В стихотворении запечатлелись воспоминания о тех днях, когда Л. Д. Менделеева ходила на драматические курсы М. М. Читау, а Блок ожидал ее вечерами после занятий (см. коммент. к стих. «Я долго ждал — ты вышла поздно...»).

«Я и мир — снега, ручьи...» (С. 156).

Впервые: Русь. Ил. прилож. 1907. 4 сент. №34. С.435.

В одной из публикаций входило в состав цикла из двух стихотворений «Весна» (второе — «Тяжко нам было под вьюгами...»).

Чет и нечет мертвых числ, // И вверху — Тебя увидеть! — О символике «числа», «числения» в ранней лирике Блока см. в коммент. к стих. «В те целомудренные годы...». В комментируемом стихотворении подчеркивается мысль о том, что поэт, стремящийся познать Душу мира, влечется за пределы «числового» мышления и постижения бытия. «Мертвые числа» ничего не могут сказать о Той, которая выше «мистической арифметики».

«Мы встречались с тобой на закате...» (С. 157).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.28.

«Тебя скрывали туманы...» (С. 157).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.94. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

В стихотворении отразились воспоминания о ночи после представления в Боблове 1 августа 1898 года сцен из «Гамлета» Шекспира (см. коммент. к стих. «Есть в дикой роще, у оврага...»).

Куда упала Звезда? // Какие слова говорила, // Говорила ли ты тогда? — Л. Д. Блок так вспоминала об общей атмосфере и о настроении ее и Блока после спектакля: «Как-то так вышло, что еще в костюмах (переодевались дома) мы ушли с Блоком вдвоем, в кутерьме после спектакля, и очутились <...> Офелией и Гамлетом в этой звездной ночи. Мы были еще в мире того разговора, и было не страшно, когда прямо перед нами в широком небосводе медленно прочертил путь большой, сияющий голубизной метеор. «И вдруг звезда полночная упала...» <...> Эта голубая «звезда полночная» сказала все, что не было сказано. Пускай «ответ немел», — «дитя Офелия» и не умела бы сказать ничего о том, что просияло мгновенно и перед взором и в сердцах» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.144–145).

«Когда святого забвения...» (С. 158).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.52. В цикле «Из Посвящений».

Примечателен эпизод, относящийся к 1908 году и связанный с данным стихотворением. Известный в начале века литератор и издатель П. П. Перцов, предрекая Блоку возврат к идеям и настроениям раннего творчества, писал ему в письме от 2 февраля: «...первый Ваш сборник лучше двух других. Но вовсе не согласен, что не надо ждать еще лучших. Напротив, я лично убежден, что Вы, подобно Фету, зажжете Ваш настоящий свет только в «Вечерних огнях». Да Вы и сами это сказали:

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Это Ваш непреложный гороскоп» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.465).

«Ты не ушла. Но может быть...» (С. 158).

Впервые: Русская Мысль. 1913. №4. С.4.

Тебе, как роза, безответной, // Пою я, серый соловей... — Один из возможных источников образов — стих. А. А. Фета «Соловей и роза» (<1847>). Ср. также в одноименном стих. А. С. Пушкина (1827): «Но роза милая не чувствует, не внемлет...»

V

Стихотворения этого отдела были написаны в Шахматове летом 1902 года — следующим после «мистического». Той атмосферы, того подъема духа уже не было, но Блок надеялся, испытывая грусть и тревогу, что ожидания его сбудутся. Знаменательно признание поэта в письме к А. В. Гиппиусу от 28 августа, написанном накануне отъезда из Шахматова: «Пора уезжать отсюда. Лето прожито мной серовато. Осень — лучше. Осенью и всегда-то больше красок и больше жизни. В этом году мне почти чуждо то, что Вы пишете об умирающей грусти. У меня — «горящих осень ищет взоров» (Фет). <...> С летом счеты сведены, с здешней осенью — тоже. Ничего мне не прибавилось (или — «почти» ничего), а убавилось ли — не знаю» (*СС-8в*. С.43, 44).

«Брожу в стенах монастыря...» (С. 161).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.119. В отделе «Ущерб».

Как ряд заутрен и обеден. — Заутреня — ранняя церковная служба в праздничные дни. *Обедня* — церковная служба, совершаемая в первой половине дня.

«На ржавых петлях открываю ставни...» (С. 161).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн. 1*. С.111–112.

С горы спустился весь туман недавний // И, белый, обнял пажити мои. — Ср. сходный образ в письме к А. В. Гиппиусу от 23 июня 1902 года: «Мне чувствуется вокруг какая-то пелена, укрывающая от меня мой свет...» (*СС-8в.* С.31).

Я ожиданье чувствую вокруг. — Ср. в письме к З. Н. Гиппиус от 14 июня 1902 года: «Я живу в месте очень зеленом и очень тихом, и опять начинает чаще казаться, что на высоте решается «таинственное дело». Тут и покоится ноша мира сего» (*Там же.* С.31).

«Золотокудрый Ангел дня...» (С. 162).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.112.

Во 2-й тетради автографов между второй и третьей строфами была еще одна, позднее зачеркнутая и в печатный текст не входившая:

Все, что ты мыслишь, чем живешь,
Не может перейти границу:
Ты сказки детской не поймешь
И не отвергнешь небылицу.

«Пробивалась певучим потоком...» (С. 162).

Впервые: Речь. 1908. 10 февр. №35.

Во 2-й тетради автографов — помета: «Гроза — шахматовское окно было открыто». Стихотворение написано в день смерти в Шахматове деда Блока — *Андрея Николаевича Бекетова* (1825–1902), известного ученого-ботаника, профессора Санкт-Петербургского ун-та. В 1897 году его настиг тяжкий недуг. М. А. Бекетова вспоминала о том времени: «В конце июля мы вернулись <из Бад-Наутейма. — *В. Б.*> в Россию, приехав в Шахматово через Москву, и только тут узнали о семейном несчастье... Без нас отца разбил паралич в тяжелой форме: отнялся язык и вся правая сторона тела. К нашему приезду он уже несколько оправился и стал привыкать к своему положению. <...> Его возили в кресле по дому и по саду» (*Бекетова.* С.48). См. также коммент. к следующему стихотворению.

Солнце, месяц и звезды в косе. — Один из вероятных источников образа — стих. Я. П. Полонского «Царь-девица» (1876); ср.:

На челе сияло солнце,
Месяц прятался в косе,
По косицам рдели звезды, —
Бог сиял в ее красе...

На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...» (С. 163).

Впервые: Биржевые ведомости. 1910. 18 июля, утр. вып. №11821.

М. А. Бекетова в мемуарах так писала о смерти отца, А. Н. Бекетова: «Это случилось ночью. Все мы, в том числе и внук его Саша, были в комнате. Он скончался тихо. <...> Александр Александрович

своими руками положил его в гроб. Его отношение к смерти всегда было светлое» (*Бекетова.* С.58, 59).

«Не бойся умереть в пути...» (С. 164).

Впервые: Русская Молва. 1913. 14 апр. №123. В цикле «Смерть и воскресение».

Не бойся ни вражды, ни дружбы. — Ср. в стих. Д. С. Мережковского «Сталь» («Гляжу с улыбкой на обломок...»): «Не бойся ни врага, ни друга...» (Мережковский Д. С. Символы. СПб., 1892. С.50).

Внимай словам церковной службы... — Возможно, в стихотворении отразились впечатления Блока от панихиды по А. Н. Бекетову, которого отпевали в церкви села Тараканова.

«Я, отрок, зажигаю свечи...» (С. 164).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.53. Без эпиграфа. В цикле «Из Посвящений».

З. Н. Гиппиус отмечала, имея в виду образы стихотворения, которые считала характерными для лирики раннего Блока: «"Восковой огонек"... "Робкое пламя церковной свечи"... Это тот новый мистико-эстетический романтизм, который пленяет отрывом от земной крови нашу усталую душу, но пленяет на мгновенье; не утоляет; не может удержать ее у себя навсегда» (Новый Путь. 1904. №12. С.275).

В письме к З. Н. Гиппиус (июль 1902 года) Блок признавался, что после панихиды по А. Н. Бекетову он некоторое время жил «с памятью о непрестанном мерцании свеч надгробных, которые, конечно, приняли мистические образы, в чем виновата единственно натура» (*СС-8₈*. С.34). М. А. Бекетова свидетельствовала: «На одну из первых панихид в Шахматово приехала Люб<овь> Дм<итриевна> с матерью. Вероятно, под влиянием этой встречи написано стихотворение "Я, отрок, зажигаю свечи..."» (*Бекетова*, С. 547—548).

Я, отрок, зажигаю свечи, // Огонь кадильный берегу. — По словам М. А. Бекетовой, Блок «сам зажигал свечи у гроба» (*Бекетова.* С.59). *Она без мысли и без речи...* — Ср. в стих. «Тебя скрывали туманы...» (май 1902): «И ты без мысли глядишь...»

У белой церкви над рекой... — Вероятно, подразумевается белая каменная церковь в селе Тараканово, в трех верстах от Шахматова; она высилась на холме, а внизу протекала река Лутосня (*Бекетова,* С.484).

«Говорили короткие речи...» (С. 165).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.94–95. В отделе «Перекрестки».

«Сбежал с горы и замер в чаще...» (С. 165).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904, С.23.

Во 2-й тетради автографов было посвящено О. М. Соловьевой (см. коммент. к стих. «Ищу спасенья...»).

Символический подтекст стихотворения Андрей Белый усматривал в мотиве «раздвоения»: «Какая-то часть сознания Блока сбежала с горы, другая же часть осталась на горе, но потеряла какую-то конкретность, и с этого момента действительно в лирике Блока, в его мужских персонажах начинается раздвоение, я бы сказал образно: одна часть бежит в мглу мутной жизни и, прикоснувшись ко всем благам, начинает конкретизировать их, а другая половина сознания теряет духовную конкретность и становится абстрактной. <...> Абстракция и чувственность — вот на что разрывается конкретность мистики Блока...» (*ЛН*. Т.92. Кн.4. С.770).

«Я и молод, и свеж, и влюблен...» (С. 166).

Впервые: Лебедь. 1908. №1. С.3.

В первой строке — отзвук любимого Блоком стихотворения Я.П. Полонского «Качка в бурю» (1850): «Снится мне: я свеж и молод, // Я влюблен, мечты кипят...»

Образ «*зеленеющего клена*», по предположению М. А. Бекетовой, мог быть навеян реалией шахматовского сада, где на лужайке рос «одинокий клен, молодой, высокий и особенно стройный» (*Бекетова*. С.425).

«Ужасен холод вечеров...» (С. 166).

Впервые: Речь. 1908. 17 авг. №196.

«За темной далью городской...» (С. 167).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.92–93. В отделе «Перекрестки».

Как опрокинулся в воде // Лазурный сон небес. — Ср. в стих. А. А. Фета «Над озером лебедь в тростник протянул...» (<1854>): «В воде опрокинулся лес».

«Свет в окошке шатался...» (С. 167).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.24.

Посылая стихотворение 28 августа 1902 года в письме к А. В. Гиппиусу, Блок писал: «Должен сказать Вам, что с некоторых пор у меня нравственно открыт рот от удивления на многие события, касающиеся лично меня. Все это столь «тонко», что даже во многих местах «рвется». Заплатки мало помогают, во всяком случае получается арлекинада, шутовской балахон <...> Простите за туманность, прямо — не в состоянии <...> Вот лучше — стихотворные иллюстрации, которые и прилагаю ниже» (*СС-8₈*. С.44).

В письме к З. Н. Гиппиус от 14 сентября 1902 года Блок назвал это произведение «стихотворным выражением» «жестокой арлекинады», которой он, по его словам, разрежал «сгущенную молниеносную

Хохотал арлекин. — Арлекин — персонаж итальянской народной комедии масок.

«Пытался сердцем отдохнуть я...» (С. 168).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.97. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Написано после поездки в Боблово. Судя по всему, именно к тому времени относится эпизод, о котором Л. Д. Блок впоследствии писала: «Помню один разговор в столовой. Помню, как Блок сидел на подоконнике еще со стэком в руках, в белом кителе <...> и говорил на тему зеркал, отчасти гиппиусовских <речь идет о повести Зинаиды Гиппиус «Зеркала» (1896). — В. Б.>, но и о своем, еще не написанном «И встанет призрак беззаконный, холодной гладью отражен...». Говорил, конечно, рассчитывая только на меня» (Блок в воспоминаниях, 1. С.157).

«Золотистою долиной...» (С. 169).

Впервые: Ежемесячный журнал для всех. 1904. №5. С.260.

Написано накануне отъезда из Шахматова в Петербург.

«Без Меня б твои сны улетали...» (С. 169).

Впервые: Новое Слово. 1912. №8. С.3. Под загл. «Голос».

Во 2-й тетради автографов после третьей строфы было еще четверостишие, не вошедшее в основной текст:

Это Имя — последнее чудо,
Это Имя — лазурная связь.
На земле Я тебя не забуду,
Ты воскреснешь, ко Мне возвратясь.

В стихотворении, написанном от лица героини, ощутимы мотивы «Царь-девицы» Я. П. Полонского.

«Тебя я встречу где-то в мире...» (С. 170).

Впервые: Собрание сочинений Александра Блока. Т.1. Стихотворения. Кн.1. Пб., 1922. С.148.

В записной книжке черновой автограф сопровожден пометой: «Рогачево». Рогачево — село в 12 верстах от Шахматова; там иногда устраивались любительские спектакли, в которых принимала участие и Л. Д. Менделеева.

VI

Стихотворения этого отдела написаны в Петербурге осенью 1902 года, когда отношения Блока с Л. Д. Менделеевой вступили в решающую фазу. Перед ним со всей остротой встал вопрос, которым он задавался еще в начале года: «...если окончательного единения быть в этой жизни не может, а чистая цель есть окончательное единение, то не оторваться ли от этой жизни?». Суть блоковских настроений той поры до-

жизни не может, а чистая цель есть окончательное единение, то не оторваться ли от этой жизни?». Суть блоковских настроений той поры довольно точно выражают слова, сказанные поэтом в черновике неотправленного письма к Л. Д. Менделеевой от 31 октября 1902 года: «Где же кризис — близко или еще долго взбираться? Но остаться с Вами, с Вами, с Вами...» (*ЛН*. Т.89. С.53).

«Я вышел в ночь — узнать, понять...» (С. 173).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.98. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

И белый конь ко мне несется... // И стало ясно, кто молчит // И на пустом седле смеется. — Образы, возможно, навеяны *Откровением* св. Иоанна Богослова: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...» (VI, 8).

«Безрадостные всходят семена...» (С. 174).

Впервые: Речь. 1908. 20 янв. №17.

Холодный ветер бьется в голых прутьях. — Ср. сходный образ в стих. из предыдущего отдела: «Ужасен холод вечеров, // Их ветер, бьющийся в тревоге...» («Ужасен холод вечеров...», июль 1902).

«В городе колокол бился...» (С. 174).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.39. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Проклятия».

Во 2-й тетради автографов между второй и третьей строфами была еще одна, позднее зачеркнутая и в печатный текст не входившая:

Многие шли и манили,
Их поглощали года.
Многие думы остыли,
Или ушли навсегда.

Над текстом чернового автографа в записной книжке — помета: «В поле за Петербургом 15 сентября (воскресенье)». Блок, возможно, таким образом подчеркивал связь стихотворения с ранее написанным стихотворением «В день холодный, в день осенний...», в котором был напророчен возврат в «осенний день» на то сокровенное место в поле за Старой Деревней, где поэту весной 1901 года «провиделась» Она.

«Я просыпался и всходил...» (С. 174).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.21–22.

Всходил к окну — и видел газ, // Мерцавший в улицах цепями. — По наблюдению исследователя, «в произведениях символистов фонари связываются иногда с символикой бесконечности, вечного движения» (Топорков А. Л. Из мифологии русского символизма. Городское освещение. — *БС-5*. С.104).

Экклесиаст («Благословляя свет и тень...») (С. 175).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3.С.54–55. В цикле «Из Посвящений».

В ряде публикаций («Новый Путь», *«Стихи о Прекрасной Даме»* и др.) имело эпиграф: «Бысть Экклесиаст мудр».

Стихотворение представляет собой вольное переложение некоторых мотивов 11-й и 12-й глав ветхозаветной книги Экклесиаста, приписывавшейся царю Соломону. *Экклесиаст* (*греч.*) — проповедник.

«Она стройна и высока...» (С. 176).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.96. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

В стихотворении, вероятно, отразились впечатления Блока от тех дней, когда он ожидал Л. Д. Менделееву после ее занятий на драматических курсах М. М. Читау (см. коммент. к стих. «Я долго ждал — ты вышла поздно...»). Здесь ощутимы мотивы «мистической ревности», которые получат дальнейшее развитие в «Распутьях».

Ее сребристо-черный мех... — Зимой 1901 года Любовь Дмитриевна носила шубку с черным мехом.

«Был вечер поздний и багровый...» (С. 176).

Впервые: Речь. 1907. 25 дек. №304.

Во 2-й тетради автографов — посвящение: «Посвящаю Ивану Дмитриевичу Менделееву». *И. Д. Менделеев* (1883–1936) — брат Л. Д. Менделеевой; с ним Блока в 1900-е годы связывали дружеские отношения.

Звезда-предвестница взошла. // <...> Младенца Дева родила. — Согласно Евангелию, когда родился Иисус Христос, над городом Вифлеемом загорелась звезда (*Мф.*, II, 2, 9).

Среди толпы возник Иуда... — Иуда Искариот не был в Вифлееме при рождении Младенца; этот мотив вымышлен Блоком. Подобная поэтическая «вольность», вероятно, показалась кощунственной цензору, который вычеркнул стихотворение из корректуры июньского номера журнала «Новый Путь» за 1904 год (см. об этом: *ЛН*. Т.92. Кн.4. С.393).

Старик («Под старость лет, забыв святое...») (С. 177).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.51. В цикле «Из Посвящений».

А. С. Ф. — Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918) — ботаник, академик, друг деда Блока, А. Н. Бекетова. Тема «душевной старости» нередко возникает в раннем творчестве Блока. Ср. его высказывание в письме к А. В. Гиппиусу от 23 июня 1902 года: «В этом мире с нами близки ведь наши двойники; так порой ощутительно близки, что иногда кажется — вдруг становишься дряхлым и старым, и руки морщинятся, и дрожит в них какой-то неверный посох, а ищешь вокруг кого-

то слабыми, жалкими, слезящимися глазами; это они-то и проходят» (*СС-8в*. С.32).

Под старость лет, забыв святое, // Сухим вниманьем я живу. — Ср. первую строку раннего стихотворения, не вошедшего в основное собрание: «Под вечер лет, с немым вниманьем...» (1900). *Но разве можно верить тени, // Мелькнувшей в юношеском сне?* — Ср. в стих. А. А. Фета «Всю ночь гремел овраг соседний...» (<1872>): «Как верить перелетной тени?»

«При жолтом свете веселились...» (С. 177).

Впервые: В Мире Искусства. 1909. №1. С.11. В цикле «Дорожные стремнины. Стихотворения 1900–1903 гг.»

Прилагательное «жолтый» в поэтическом мире Блока служило для обозначения обыденно-пошлых, лишенных духовности проявлений реальной жизни. Возможно, стихотворение навеяно маскарадом в доме Боткиных (см. коммент. к стих. «Не поймут бесскорбные люди...»).

«О легендах, о сказках, о тайнах...» (С. 178).

Впервые: Речь. 1908. 21 сент. №226.

«Он входил, простой и скудный...» (С. 178).

Впервые: *Собр. стихотворений (1911). Кн.1.* С.129–130.

«Явился он на стройном бале...» (С. 179).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.38. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Проклятия».

Куда за бледной Коломбиной // Бежал звенящий Арлекин. — *Арлекин* (плутоватый насмешник), *Пьеро* (его незадачливый приятель), *Коломбина* (жена Пьеро, любовница Арлекина) — персонажи итальянской комедии масок, нередко возникавшие в поэтическом сознании Блока.

«Свобода смотрит в синеву...» (С. 179).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.121. В отделе «Ущерб».

«Ушел он, скрылся в ночи...» (С. 180).

Впервые: Солнце России. 1916. №313 (7). С.4.

Навеяно мыслями о самоубийстве, возможности которого Блок не исключал в случае, если Л. Д. Менделеева откажется связать с ним свою судьбу. В тот же день им было написано «завещание» (см.: *СС-8т*. С.63). О серьезности намерений Блока свидетельствует записка, приготовленная к моменту решительного объяснения с Л. Д. Менделеевой: «В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями не имеют. Верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Чаю Воскресения мертвых. И Жизни Будущего Века. Аминь. *Поэт Александр Блок*» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.169).

Religio 1. «Любил я нежные слова...» (С. 180).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.31. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Провидения».

Religio (*лат.*) — благочестие.

2. «Безмолвный призрак в терему...» (С. 181).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.95. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Я — черный раб проклятой крови. — Ср. в письме Блока к Л.Д. Менделеевой от 10 ноября 1902 года: «Я — Твой раб, слуга, пророк и глашатай. Зови меня рабом» (*ЛН.* Т.89. С.54).

Я стерегу Ее ключи... — Один из возможных источников образа — стих. Я. П. Полонского «Царь-девица» (1876); ср.: «И жила та Царь-девица, // Недоступна никому, // И ключами золотыми // Замыкалась в терему».

«Вхожу я в темные храмы...» (С. 181).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.92. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

З. Н. Гиппиус, подразумевая, в частности, и данное стихотворение, писала в рецензии на сб. «Стихи о Прекрасной Даме»: «Воздушная мертвенность, русалочий холод есть в этих, таких далеких, слишком далеких земле песнях о слишком прозрачной "Прекрасной Даме"» (Новый Путь. 1904. №12. С.275). В. Журин отмечал, что женственный образ в стихотворении так одухотворен, что «невольно отождествляешь Прекрасную Даму поэта с Богоматерью» (Сборник студ. лит. кружка при Имп. Казанском ун-те. Казань., 1915. С.37).

Риза — зд.: одеяние Пресвятой Девы.

«Ты свята, но я Тебе не верю...» (С. 182).

Впервые: Северные Цветы. М., 1903. С.93–94. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме».

Близкий к кругу символистов критик А. Закржевский, процитировав в своей книге 2-ю и 3-ю строфы стихотворения, писал: «Но это — только минута. А за минутой стоит жизнь... Жизнь требует исполнения ее велений, жизнь есть гибель чуда...» (Закржевский Александр. Религия. Психологические параллели. Киев. 1913. С.420).

Буду я взывать к Тебе: Осанна! — Осанна! — восторженное славословие, молитвенный возглас. *И, свободный от земного плена, // Я пролью всю жизнь в последний крик.* — Ср. в стих. Д. С. Мережковского «На распутье» (1883): «И последний крик негодованья // Я, как вызов, брошу небесам!» Этот же мотив — в его стих. «Поэту наших дней» (1884): «Попробуй слить всю мощь страданий и любви // В один безумный вопль...»; «И на последний крик последнего певца // Никто, никто не отзовется!».

«Будет день, словно миг веселья...» (С. 182).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.33–34. В цикле «За гранью прошлых дней (Стихи 1900–1902 года)», в отделе «Провидения».

По лицу, объятому дрожью, // Угадаешь думы мои. — Ср. в неотправленном письме Блока к Л. Д. Менделеевой от 31 октября 1902 года (день создания стихотворения): «Я и так иногда боюсь и дрожу при Вас, незримый. ... Неужели же Вы каким-нибудь образом не ощущаете этого? Не верю этому, скорее думаю наоборот» (*ЛН*. Т.89. С.53).

И до дна исчерпаю чашу... — Ср. в стих. З. Н. Гиппиус «До дна» (1901): «Надо всякую чашу пить — до дна».

«Его встречали повсюду...» (С. 183).

Впервые: Огонек. 1915. 20 дек. №51. Под загл. «Чудак».

«Разгораются тайные знаки...» (С. 183).

Впервые: Северные Записки. 1913. №4. С.7. В цикле «Спутник».

Мой конец предначертанный близок... — Ср. в неотправленном письме Блока к Л. Д. Менделеевой от 31 октября 1902 года: «Могу или лишиться рассудка, или самой жизни» (*ЛН*. Т.89. С.53).

И война и пожар — впереди. — Ср. сходные пророческие мотивы в раннем стих. «Гамаюн, птица вещая» (1899): «Вещает казней ряд кровавый, // И трус, и голод, и пожар».

«Мне страшно с Тобой встречаться...» (С. 184).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.25.

Во 2-й тетради автографов — эпиграф из стих. З. Гиппиус «Швея» (1901): «На всех явлениях лежит печать» (ср. у Блока: «Я стал всему удивляться, // На всем уловил печать»).

Мне страшно с Тобой встречаться. — Ср. в неотправленном письме Блока к Л. Д. Менделеевой от 31 октября 1902 года: «Мне было бы страшно остаться с Вами. На всю жизнь тем более» (*ЛН*. Т.89. С.53).

А хмурое небо низко... — Ср. в программном стих. З. Н. Гиппиус «Посвящение» (1894): «Небеса унылы и низки...»

«Дома растут, как желанья...» (С. 184).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.23.

Во 2-й тетради автографов — помета, характеризующая текст: «Декадентское».

Ты, Орфей, потерял невесту, — // Кто шепнул тебе: «Оглянись...»? — Орфей (греч. мифол.) — певец и музыкант, покорявший своим высоким искусством не только людей, но и богов. После того как умерла его жена Эвридика, Орфей спустился в царство мертвых; боги, очарованные чудесной игрой и пением музыканта, обещали ему вернуть Эвридику на землю, но лишь при условии, что на пути к дому он не оглянется на свою жену. Орфей нарушил запрет, и Эвридика осталась в царстве мертвых.

РАСПУТЬЯ
(1902–1904)

Третий раздел книги включает в себя 80 произведений, созданных с ноября 1902 года по июнь 1904 года. Период «Стихов о Прекрасной Даме» завершился тогда, когда Л. Д. Менделеева согласилась связать с поэтом свою судьбу, когда сбылись его заветные ожидания и чаяния. Решительное объяснение произошло в ночь с 7 на 8 ноября 1902 года. Сразу после этого было написано стихотворение «Я их хранил в приделе Иоанна...», еще вполне вписывающееся в мистический сюжет «Стихов о Прекрасной Даме», но открывшее между тем новую главу «лирического дневника» Блока – раздел «Распутья».

Характерно, что осуществление личных надежд обернулось в творчестве поэта нарастанием мотивов и настроений тоски, душевной усталости, тревоги. Не последнюю роль тут играла, видимо, романтическая устремленность Блока, о которой он так писал в наброске статьи о русской поэзии (декабрь 1901 – январь 1902): «...Одним из великих парадоксов, которым живут ищущие, можно считать то, что нет большей близости, чем наибольшая отделенность, нет большей тоски, чем наибольшая радость. И в нашей поэзии неутолимейшее желание часто равно совершенному успокоению, величайшая радость – непрестанному тосскованию» (*СС-8*$_7$. С.28–29). «Распутья» отразили меняющееся мировосприятие поэта, связанное с главной героиней его стихов: та, которую он считал земным воплощением Вечной Женственности, Пречистой Девой, стала его спутницей, но мир при этом нисколько не преобразился; «вселенская мечта» оказалась как бы отъединенной от избранницы поэта. Возвышенное отношение к возлюбленной не изменилось, о чем свидетельствует, к примеру, признание Блока в письме к С. Соловьеву от 8 марта 1904 года: «Верю в Любу без колебаний по-прежнему, между прочим потому, что знаю о ней более, чем кто-либо на Земном шаре» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.372). Однако «земная» любовь подчас трудно уживалась в сознании и в сердце по-

эта с «небесным» Идеалом. И Любовь Дмитриевна со временем все больше стала тяготиться отвлеченно-идеальными, «мифологизированными» отношениями.

«Яркая радость, «блаженство» любви трудно поддавались творческой символизации в прежнем духе, — отмечала З. Г. Минц. — Реальностью было ощущение «головокружительного» и близкого земного счастья. Но признать это чувство «только человеческим» было бы (и отчасти стало в 1903–04 гг.) для Блока «Стихов о Прекрасной Даме» распиской в полном духовном крахе. Гибель «вселенского» идеала была равносильна творческой и человеческой гибели. <...> «Романтические» потребности личности, мистический идеал и реальность, внешне, казалось бы, слившиеся, в действительности именно после 7 ноября 1902 года вступили в трагическое для Блока и его невесты противоречие. Первый же день «свершения» многолетних экзальтированных мечтаний стал началом гибели мифа о личном воплощении мировой мистерии. В этой сложной ситуации Блок напряженно ищет выход — те «новые слова», которые нужны для выражения новых настроений... Художественные искания Блока сразу же становятся разнонаправленными, а осмысление этого факта создает символику "перекрестков", "распутий"» (М и н ц З. Г. Цикл Ал. Блока «Распутья». — *БС-5*. С.8–9). Знаменательны в связи с этим слова, сказанные Блоком в письме к А. В. Гиппиусу в декабре 1902 года (то есть в начале периода «Распутий»): «Все собираюсь писать хорошие стихи и не нахожу основной субстанции, которую я потерял месяца полтора тому назад. Но она близко. <...> Все вообще, что со мной происходит, — вне обыкновенного» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.438).

В непростой ситуации самоопределения стал происходить постепенный переход поэта от «сна мечты» к тем самым «тяжким снам житейского сознанья», которые Вл. Соловьев призывал «отряхнуть» во имя высших ценностей духа, мистических идеалов. «Все *перемены* жизни, — писал Блок С. Соловьеву 20 декабря 1903 года, — и мои лично, и твои, и наши, и те, и другие, и еще, и еще!.. все обвили меня белой пеленой, обязали к *чему-то*. Все, что было, отрезало пути к отступлению в детство жизни» (*СС-8в*. С.77–78; курсив Блока). В разделе «Распутья» преобладавшие в то время настроения — мистическое и скептическое — отразились в их действительной жизненной последовательности. В разделе отчетливо слышны ностальгические нотки, отзвуки «Стихов о Прекрасной Даме».

Вместе с тем появляются новые темы, мотивы, образы. В письме от 20 декабря 1903 года Блок, в частности, делился с С. Соловьевым, подразумевая, конечно, и перспективы своего творчества: «Мне кажется возможным такое возрождение стиха, что все старые жанры от народного до придворного, от фабричной песни до серенады — воскреснут» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.356). Блок все пристальнее вглядывался в окружающую действительность; его привлекал «мистицизм в повседневности», который в стихах того периода нередко оборачивался «фантастическим реализмом».

«Я их хранил в приделе Иоанна...» (С. 187).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.55. В отделе «Неподвижность».

В 3-й тетради автографов было озаглавлено «Прекрасная Дама». Написано вскоре после решительного объяснения с Л. Д. Менделеевой, когда она «приняла его любовь», согласившись связать с ним свою судьбу (см. об этом в мемуарах Л. Д. Блок: *Блок в воспоминаниях, 1.* С.167–169). В день объяснения (точнее — в ночь с 7 на 8 ноября) Блок записал в дневнике: «Сегодня 7 ноября 1902 года совершилось то, чего никогда еще не было, чего я ждал четыре года» (*СС-8₇.* С.66).

Я их хранил в приделе Иоанна... — Здесь вряд ли имеется в виду придел какого-то храма; это скорее — метафорический образ, символизирующий личную преданность героя вере в грядущее преображение мира, напророченное Иоанном Предтечей и в Откровении св. Иоанна Богослова. *И вот — Она, и к ней моя Осанна...* — Ср. в ранее написанном стих. «Ты свята, но я Тебе не верю...» (29 окт. 1902): «Буду я взывать к Тебе: "Осанна!"».

...и проходили годы. — Ср. в программном стих. «мистического лета» 1901 года: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...». *Я здесь один хранил и теплил свечи.* — Ср. в ранее написанном стихотворении: «Я, отрок, зажигаю свечи, // Огонь кадильный берегу».

Один — пророк — дрожал в дыму кадил. // <...> Я этих встреч ни с кем не разделил. — З. Н. Гиппиус так интерпретировала заключительные строки: «"Она" — нужна поэту. Она одна, если он не затуманит Ее окончательно, не превратит в мглистое облако, а заявит и оживит — она может дать ему крылья и сделать голос его сильным. Не надо только, чтобы рыцарь хранил Ее Одну для себя одного, не верил, что Ей надо явить Себя и миру, а не только ему» (Новый Путь. 1904. №12. С.279).

И в Оный День — один участник встречи... — Мотив, истолкованный по-своему (встреча с земным прообразом Вечной Женственности), заимствован Блоком из *Откровения* св. Иоанна Богослова, где говорится о «царях земли», которые собираются «на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (XVI, 14).

«Стою у власти, душой одинок...» (С. 187).

Впервые: Проталина. Альманах. СПб., 1907. Кн.1. С.38.

Здесь сердце близко, но там впереди // Разгадки для жизни нет. — В стихотворении отразилось одно из самых мучительных для Блока сомнений тех дней: возможно ли соединить в повседневности «земную» и «небесную» любовь, «страстную жизнь» и Идеал.

«Еще бледные зори на небе...» (С. 188).

Впервые: Нива. Ежемес. лит. и попул.-науч. приложения. 1907. №6. Стб. 191–192. Без эпиграфа. Под загл. «Иванова ночь».

Иванова ночь — старинный праздник Ивана Купалы, отмечавшийся с 23 на 24 июня по старому стилю; ритуалы этого праздника связаны с огнем и водой (ср. у Блока: «За рекой огонек замигал»).

Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Еще весна. Как будто неземной...» (<1847>).

«Я надел разноцветные перья...» (С. 188).

Впервые: Образование. 1907. №4. С.114.

Закалил мои крылья — и жду. // <...> Но сверкнут мои белые крылья... — О характерной для раннего Блока символике «крыльев» см. в коммент. к стих. «Я укрыт до времени в приделе...».

Денница (устар.) — утренняя заря.

Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...») (С. 189).

Впервые: Новый Путь. 1904. №11. С.49.

В стихотворении отразились воспоминания о бобловском представлении сцен из «Гамлета» летом 1898 года, когда Л. Д. Менделеева играла роль Офелии (см. коммент. к стих. «Есть в дикой роще, у оврага...»). 23 ноября 1902 года Блок, в частности, писал Л. Д. Менделеевой: «И чудилась Ты в лилиях Офелии, с тяжелыми потоками золотых кос» (*ЛН*. Т.89. С.70).

Я не искала плакучей ивы... — Возможная перекличка с песней Дездемоны из трагедии Шекспира «Отелло» (действ. IV, явл.3). Ср. в стих. А. А. Фета «Я болен, Офелия, милый мой друг!..» (<1847>): «Про иву, про иву зеленую спой, // Про иву сестры Дездемоны».

«Я, изнуренный и премудрый...» (С. 190).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.34.

Восстав от тягостного сна... — Здесь, вероятно, подразумевается болезнь, которую Блок перенес в ноябре 1902 года. *Конец всеведущей гордыне...* — О своем «безграничном всеведении» Блок писал отцу 29 ноября 1902 года: «У многих в душе «холодный белый день», и я часто ощущаю его — и беспредельность своего личного «змеиного» познания» (*СС-8в*. С.48).

Голос («Жарки зимние туманы...») (С. 190).

Впервые: В Мире Искусства. 1907. №17/18. С.5.

«Я буду факел мой блюсти...» (С. 191).

Впервые: Корона. Кн.1. М., [1908]. С.71. В цикле «Подруга светлая».

В стихотворении отразились раздумья Блока о незамутненности возвышенной любви земными страстями. Эта тема не раз возникает в его переписке с будущей невестой и женой. Примечательны строки из письма Л. Д. Менделеевой к Блоку от 6 декабря 1902 года: «...Я вижу, что мы с каждым днем все больше и больше губим нашу прежнюю, чи-

стую, бесконечно прекрасную любовь. Я вижу это и знаю, что надо остановиться, чтобы сохранить ее на век, потому что лучше этой любви ничего нет на свете; победил бы свет, Христос, Соловьев. <...> реши беспристрастно, объективно, что должно победить: свет или тьма, христианство или язычество, трагедия или комедия. Ты сам указал мне, что мы стоим на этой границе между безднами, но я не знаю, какая бездна тянет тебя» (*ЛН.* Т.89. С.75).

«Мы всюду. Мы нигде. Идем...» (С. 191).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.37–38. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Проклятия».

О «зимнем ветре», задувающем свечи, Л. Д. Менделеева писала Блоку 25 декабря 1902 года: «...с ним надо воевать и делать ему все на зло. Спрятаться бы от него куда-нибудь...» (*ЛН.* Т.89. С.94). Блок отвечал ей: «Если бы этот ветер был до сих пор властен надо мной внутренно, как был некогда, это было бы ужасно. Но я чувствую только его последнее озлобление, невозможность повредить в корне. Уже он бессилен, потому что наступило Твое царство» (*Там же.* С.93).

«Я смотрел на слепое людское строение...» (С. 192).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.109. В отделе «Ущерб».

В первой публикации вошло в состав цикла из трех стихотворений, посвященного Андрею Белому.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) — поэт, прозаик, критик, один из виднейших представителей русского символизма. С Блоком его связывали сложные, порой драматические, личные и творческие отношения (это была своеобразная «дружба-вражда»). Андрей Белый одним из первых высоко оценил стихи Блока, с которыми познакомился в 1901 г. О появлении их он сразу заговорил как о крупном событии (*Бекетова.* С.57).

С января 1903 года началась интенсивная переписка между Блоком и А. Белым, а через год они встретились в Москве. В то время Блок считал А. Белого своим «братом по духу». Большое впечатление на Блока произвела «Симфония (2-я, драматическая)» (1902) Андрея Белого, мотивы и образы которой несомненно отразились в данном стихотворении (см. об этом: Пильд Л. Л. Из творческих связей Ал. Блока и А. Белого в период «Распутий». — *БС-6.* С.44–50). С мотивами стихотворения в какой-то мере соотносится запись Блока в дневнике от 13 декабря 1902 года: «Внезапно в доме №24 по Литейной <это адрес супругов Мережковских. — *В. Б.*> во всех этажах раздадутся звонки. На пустой лестнице застучат. Ни старые, ни молодые ничего не поймут. Все будут смотреть в темноту. Он поймет» (*СС-8₇.* С.68).

«Царица смотрела заставки...» (С. 192).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.57–58. В цикле «Из Посвящений».

Имея в виду данное стихотворение, Блок в письме от 14 декабря 1902 года сообщал Л. Д. Менделеевой: «Я, наконец, написал настоящие хорошие стихи» (*ЛН*. Т.89. С.77). Посылая его на следующий день Любови Дмитриевне, он писал: «Вот стихи, они — хорошие, но что же стихи, когда Ты — здесь, Ты — со мной. Угадай, кто царица. Я уж и на нее не всегда (!) сержусь. Не могу уж сердиться, очень далеко, в тридесятом царстве! Постарайся и ты не сердиться, будет легче, будет звонче» (*Там же*. С.81). Л. Д. Менделеева (она явилась прообразом «Царевны») легко догадалась, что поэт подразумевал Зинаиду Николаевну Гиппиус, серьезное духовное влияние которой он испытал весной и летом 1902 года. 19 декабря 1902 года Блок сообщал Л. Д. Менделеевой: «Послал также Мережковской свою Голубиную книгу...» (*Там же*. С.87) (об отношениях Блока с З. Н. Гиппиус (1869–1945) см.: Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими. — *БС-4*. С.116–222).

В стихотворении отразилось древнерусское предание о Голубиной (или Глубинной) книге, упавшей с небес на землю. Глубинной ее называли в знак заключенной в ней глубокой мудрости, а Голубиной — в связи с символом «святого духа», олицетворением которого считался голубь. Образы «царицы» и «Царевны» противопоставлены друг другу как приобщенные к разным сферам бытия и познания: одна — к миру змеиной, «исчисленной» мудрости, другая — к Вечно-женственному началу, которое недоступно уму. Превосходство кроткой Царевны над многомудрой царицей — для поэта вне сомнения.

А к Царевне с вышки голубиной // Прилетали белые птицы. — Ср. в письме Блока к Л. Д. Менделеевой от 15 декабря 1902 года: «...к Тебе на... окно слетают белые голуби» (*ЛН*. Т.89. С.81).

Царевна румяней царицы... — Очевидная реминисценция из пушкинской «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833): «А царевна все ж милее, // Все ж румяней и белее».

Твои числа замолит, царица. — Блок знал, какое серьезное значение придавала З. Н. Гиппиус символике «чисел». Ср. в написанном ею осенью 1902 года стихотворении «Числа»:

Бездонного, предчувственного смысла
И благодатной мудрости полны,
Как имена вторые, — нам даны
Божественные числа.

«Вот она — в налетевшей волне...» (С. 193).

Впервые: Слово. 1909. 30 мая. №811. Под загл. «Дева-Обида».

Образ «Девы-Обиды» мог быть навеян Блоку стихотворением Вл. Соловьева «Две сестры. Из исландской саги» («Плещет Обида крылами...») (1899).

«Все кричали у круглых столов...» (С. 194).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.76–77. В отделе «Перекрестки».

В письме к Л. Д. Менделеевой от 25 декабря 1902 года Блок так отозвался о стихотворении: «Написал хорошие стихи, но теперь не пошлю их Тебе. Они совсем другого типа — из Достоевского, и такие христианские, какие я только мог написать под Твоим влиянием. Часто я хочу теперь всех простить. То, что в прошлом году воспринималось с болью и ожесточением, теперь чище и светлее» (*ЛН*. Т.89. С.91). Через два дня, посылая ей стихотворение, он отмечал: «Это — *не* декадентство? Это не бесформенно. Это просто и бывает в жизни, на тех ее окраинах, когда Ставрогины кусают генералов за ухо» (*Там же*. С.98). *Ставрогин* — герой романа Достоевского «Бесы».

«Покраснели и гаснут ступени...» (С. 194).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С. 30. В отделе «Неподвижность».

«Я искал голубую дорогу...» (С. 195).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.46. В отделе «Неподвижность».

«Мы отошли — и тяжко поднимали...» (С. 195).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.39. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Проклятия».

«Она ждала и билась в смертной муке...» (С. 195).

Впервые: Золотое Руно. 1908. №1. С.39. В цикле «За гранью прошлых дней», в отделе «Проклятия».

«Запевающий сон, зацветающий цвет...» (С. 196).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.40. В отделе «Неподвижность».

Андрей Белый, откликнувшись на присылку стихотворения, писал Блоку: «Как и всегда, я в восторге (и это не комплимент — совсем нет). <...> Сколько тут милой ясности и свежести! Врубелевская глубина и *не* врубелевская нежность — слиянно, нераздельно» (*Блок и Белый*. С.20). О М. А. Врубеле см. в коммент. к стих. «Дали слепы, дни безгневны...».

«Целый год не дрожало окно...» (С. 196).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.26.

Андрей Белый, которому посвящено стихотворение, так выразил свое впечатление от него (подразумевая и два других, также присланных ему Блоком с письмом от 3 февраля 1903 года, — «Запевающий сон, зацветающий цвет...», «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»): «Скажу откровенно: последние Ваши стихи, по моему убеждению, наиболее глубокие и поэтически-прозревающие <...> А это «все забылось — забылось

давно» — как оно знакомо там, где мы все знаем друг друга. Большое спасибо за них» (*Блок и Белый*. С.20).

К небесам подымая трубу. — Образ из *Откровения* св. Иоанна Богослова: «Но в те дни, когда возгласит седьмый Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия...» (X, 7). Ср. эпиграф в 3-й тетради автографов и некоторых публикациях из стих. В. Я. Брюсова «Камни» (1903): «В день, когда ангелов к солнцу подымутся трубы».

«Здесь ночь мертва. Слова мои дики...» (С. 197).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.79. В отделе «Перекрестки».

В 3-й тетради автографов имело загл. «Страх». *Мой Страшный, мой Близкий — черный монах...* — Возможно, образ навеян фантастическим персонажем повести А. П. Чехова «Черный монах» (1894).

«Я к людям не выйду навстречу...» (С. 197).

Впервые: Новый Путь. 1903. №3. С.56. В цикле «Из Посвящений».

В период подготовки публикации в журнале «Новый Путь» его редактор П. П. Перцов в письме от 28 февраля 1903 года просил Блока исправить восьмую строку, которая первоначально была такой: «Расцветает знакомый Дух». «Нельзя ли другой глагол и особенно эпитет?» — писал он (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.460). Блок внял этой просьбе и исправил строку.

Но во мне — потаенное знанье // О любви к Тебе без конца. — Ср. в письме к Л. Д. Менделеевой от 10 ноября 1902 года: «Моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца. <...> Мне дано видеть Тебя неизреченную. Не принимай это как отвлечение, как теорию, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь ни там» (*ЛН*. Т.89. С.53).

«В посланьях к земным владыкам...» (С. 198).

Впервые: Новое вино. 1912. №1. С.4.

Они не поверили крикам... // <...> Никому не открою ныне // Того, что рождается в мысли. — Характерное для «первого тома» выражение идеи избранничества, высокого предназначения; Блок считал себя (и не только в ранний период творчества) носителем некоего сверхзнания, обладателем сокровенной Тайны, которую не в силах постичь ни «толпа», ни «сильные мира сего».

«Здесь память волны святой...» (С. 198).

Впервые: Корона. Кн.1. М., 1908. С.71. В цикле «Подруга светлая».

Здесь печально скажут: «Угас», // Но Там прозвучит: «Воскресни!» — Об идее «двоемирия», выраженной в духе романтической поэзии В. А. Жуковского, см. в коммент. к стих. «Сны раздумий небывалых...».

«Потемнели, поблекли залы...» (С. 199).
Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.33.

«Старуха гадала у входа...» (С. 199).
Впервые: Русь. 1908. 1 янв. №1. Под загл. «Гадание».

«Погружался я в море клевера...» (С. 200).
Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.27.

Андрей Белый, получив от Блока текст стихотворения, так выразил свое впечатление: «Нужно <...> чтобы в проявлениях душа услышала запах клевера и холодный ветерок нашел мое бедное, затерянное сердце — детское <...> И больше ничего...» (*Блок и Белый.* С.57).

«Зимний ветер играет терновником...» (С. 200).
Впервые: Новый Путь. 1904. №11. С.50.

Одно из характерных для раздела выражений «мистической ревности»: «двойник» лирического героя, как бы откликающийся на зов героини, оказывается подверженным земным страстям, затемняющим возвышенную любовь. Об образе «зимнего ветра», задувающего свечи (они символизируют горение духа, верность Идеалу), см. в коммент. к стих. «Мы всюду. Мы нигде. Идем...».

«Снова иду я над этой пустынной равниной...» (С. 201).

Впервые: Вопросы Жизни. 1905. №6. С.157. В цикле «Нечаянная Радость».

В 3-й тетради автографов имело загл. «Безумец». В первой строке — отзвук стих. Вл. Соловьева «Прощанье с морем» (1893): «Снова и снова иду я с тоскою влюбленной...» Было послано в письме к Л. Д. Менделеевой от 22 февраля 1903 года, в котором Блок, в частности, отвечал на неприятие невестой свойственного ему мистического мироощущения: «Все неизменно. Но невыразимо грустно, когда Ты изгоняешь из меня меня же самого, как бесов. Если хочешь, мы не будем говорить о тайнах. Нам много можно говорить о будущем счастье, в реальность которого я верю совершенно. Но только позволь мне не убивать себя самого, свою душу, которая вся направлена к Тебе одной. Когда Ты говоришь «пожалуйста, без мистицизма», Ты как будто произносишь смертный приговор над моими стихами даже. А они поют Тебе и о Тебе. <...> Вот, я написал стихи перед письмом. Теперь после письма уж не так грустно. Я люблю Тебя. Я молюсь Тебе» (*ЛН*. Т.89. С.108).

«— Все ли спокойно в народе?..» (С. 201).

Впервые: А. Блок. Нечаянная Радость. М., 1907. С.73. В отделе «Магическое».

В 3-й тетради автографов было посвящено И. Д. Менделееву (см. коммент. к стих. «Был вечер поздний и багровый...»). Во второй строке из цензурных соображений слово «император» было заменено на

«полководец» и так печаталось во всех изданиях тома, кроме последнего (1922 г.).

Посохом гонит железным... — Образ из *Откровения* св. Иоанна Богослова (XII, 5). *Боже! Бежим от Суда!* — Мотив Божьего суда также восходит к Апокалипсису (XIV, 7).

«Дела свершились...» (С. 202).

Впервые: Слово. 1908. 22 июня. №490.

«Мне снились веселые думы...» (С. 202).

Впервые: Ежемесячный журнал для всех. 1904. №5. С.260.

В первой строке — отзвук стих. Д. С. Мережковского «Веселые думы» (1902), которое, считал Блок, является навечной «распиской» Мережковского в том, что он — художник (*СС-8₅*. С.366).

«Отворяются двери — там мерцанья...» (С. 203).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.42. В отделе «Неподвижность».

З. Н. Гиппиус строчками из стихотворения закончила свою рецензию на сб. «*Стихи о Прекрасной Даме*», отметив при этом: «И в наши серые, трезвые, весенние и холодные дни — нам отрадно на мгновенье это солнечное слово о не сейчас необходимом, хотя бы и о туманном еще, о далеком, близком, вечном...» (Новый Путь. 1904. №12. С.279).

«Я вырезал посох из дуба...» (С. 203).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.29.

Образ странника, ищущего свою святыню, мог быть навеян стихотворением В. А. Жуковского «Путешественник» (1809).

Молодая, с золотой косою... — Черты героини несомненно связаны с внешним обликом Л. Д. Менделеевой. По свидетельству М. А. Бекетовой, Любовь Дмитриевна «великолепные золотистые волосы заплетала в косу» (*Бекетова*. С.50).

«У забытых могил пробивалась трава...» (С. 204).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.30. Без посвящения.

Об адресате посвящения *С. Соловьеве* см. в коммент. к стих. «Она росла за дальними горами...». 29 сентября 1903 года С. Соловьев писал Блоку: «Мы <т. е. С. Соловьев и А. Белый. — *В. Б.*> часто вспоминаем твои стихи, и особенно мы прыгаем при каждом слове стихотворения: "У забытых могил пробивалась трава..."» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.341).

Где впервые в мои восковые черты // Отдаленною жизнью повеяла Ты... — Ср. в письме Блока к Андрею Белому от 13 октября 1903 года: «У многих из нас есть и были носы как свечки — "восковые черты". Надо оживить, растопить» (*СС-8₈*. С.67).

А. М. Добролюбов («Из городского тумана...») (С. 204).

Впервые: Белые Ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907. С.13–14. Под загл. «Одному из декадентов». В цикле «Томления весны».

Александр Михайлович Добролюбов (1876–1944?) — поэт, религиозный проповедник. На рубеже веков он считался одним из самых крайних декадентов. После духовного переворота, происшедшего в конце 1890-х годов, А. М. Добролюбов стал странствующим проповедником, основал в Поволжье секту «свободных христиан». По словам Андрея Белого, «учил он молчаливой молитве, разгляду евангелий, «умному» свету слагая напевные свои гимны, с «апостолами своими» распевая их. Эти песни тогда ходили в народе...» (Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С.398).

Блок относился к А. М. Добролюбову далеко не однозначно, о чем свидетельствует, например, его высказывание в одном из писем 1906 года: «У меня за последние годы все еще только приготовляется какое-то «отношение» к Добролюбову. Часто я закрывал глаза на него; иногда мне казалось воистину, что А. М. Д. «своею кровью начертал он на щите». <...> Кажется, я начну теперь понимать в этом (добролюбовском) направлении все больше» (*СС-8в*. С.150, 151). Подробнее о личности, творчестве и религиозных исканиях А. М. Добролюбова см.: Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова. — *БС-3*. С.121–146.

Эпиграф — чуть измененные строки из стих. А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829); у А. С. Пушкина: «*Ave, Mater Dei* кровью // Написал он на щите» («Ave, Mater Dei» — слова из католической молитвы, означающие: «Радуйся, Матерь Божия»).

«У берега зеленого на малой могиле...» (С. 205).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.118. В отделе «Ущерб».

В праздник Благовещенья пели псалом. — Благовещение — христианский праздник, связанный, согласно Евангелию, с вестью о предстоящем рождении Христа; отмечался 25 марта (ныне — 7 апреля).

«Я был весь в пестрых лоскутьях...» (С. 205).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.24.

«По городу бегал черный человек...» (С. 205).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.22–23.

Андрей Белый, получивший от Блока текст стихотворения в августе 1903 года, в частности, писал своему другу А. С. Петровскому: «А в городах, где скопились люди века сего, там нехорошо, душно, *сонно*. Лучший провидец ужасов людей века сего — Блок — начинает писать нижеследующую нелепицу про города: <цит. стих. «По городу бегал

черный человек....»> Сами видите; что уж хорошего! (*ЛН*. Т.92. Кн.3. С.205).

Блок в письме к Андрею Белому от 13 октября 1903 года так представлял героя стихотворения, «маленького человека», «пленника» города: «...из лица, некогда прекрасного, стало «личико», сморщенное, маленькое. И голова ушла в плечи. Ему останется одно в *жизни*: весенним утром, в оттепель зимы, — бегать по улице с лесенкой, тушить фонарики, плакать на дворе: «Ах, какой серый город!» А из города ему не выехать, в деревню не попасть, — даже *на билет III класса* не хватит "средств"» (*СС-8в*. С.66; курсив Блока).

Черный человечек плачет на дворе. — В письме к Блоку от 29 сентября 1903 года С. Соловьев, в частности, писал: «Бугаев <Андрей Белый. — *В. Б.*> очень тонко заметил, что в "ужасах у тебя есть сродство с Врубелем. Действительно, то впечатление ужаса, которое производят твои стихи, можно сравнить только с картинами Врубеля. Особенно ужасно: Черный человечек плачет на дворе"» (*ЛН*. Т.92. Кн.1. С.341).

«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» (С. 206).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.126. В отделе «Ущерб».

«На Вас было черное закрытое платье...» (С. 206).

Впервые: Нива. Ежемес. лит. и попул.-науч. прилож. 1908. №2. Стб. 267–268.

Посылая стихотворение Л. Д. Менделеевой 16 мая 1903 года, Блок писал: «Весь Твой Образ в моих упругих змеиных кольцах. <...> И знаю гораздо больше, чем пишу и чем могу выразить — в стихах ли, в прозе ли» (*ЛН*. Т.89. С.133). В стихотворении отчетливо отразился мотив «мистической ревности».

«Когда я стал дряхлеть и стынуть...» (С. 207).

Впервые: Наша Жизнь. Лит.-науч. прилож. 1906. №9 (11 марта). С.1.

В 3-й тетради автографов между 16-й и 17-й строками было еще четыре (они позднее зачеркнуты):

Певец каких-то откровений,
Я умирающий старик,
Едва сгибающий колени,
Создатель безрассудных книг,

Там же — варианты заглавий: «Еще старик», «Старик», «Поэт».

Настроения, отразившиеся в стихотворении, были во многом навеяны Блоку обстановкой и атмосферой немецкого курортного городка Бад-Наугейма, куда он приехал, сопровождая свою мать, нуждавшуюся в лечении сердечной болезни. 31 мая (13 июня) 1903 года он писал Л. Д. Менделеевой: «Здесь совсем животная жизнь, разленивающая и

скучная. <...> По вечерам бывает странное и скверное чувство отчужденности и отдаленности от всего. <...> А все оттого, что выбился из колеи. Скоро отыщу точки устоя у Соловьева и Достоевского. Нужно «*задуматься*», чтобы понять хоть что-нибудь. Первые здешние думы были вялы. <...> И помню все, но не могу выразить, или еще не смею снова начинать выражать, оглушенный ужасно прозаической обстановкой. <...> Нужно писать стихи и молиться Твоему Богу. А здесь нет Бога, его не видели здешние люди» (*СС-8в*. С.57, 58). В стихотворении ощутимы нередкие для периода «Распутий» мотивы скепсиса, временной усталости души.

Бессмертной пошлости толпы! — Чуть измененная цитата из стих. Ф. И. Тютчева «Чему молилась ты с любовью...»: «Бессмертной пошлости людской!».

«Скрипка стонет под горой...» (С. 207).

Впервые: Нива. Ежемес. лит. и попул.-науч. прилож. 1907. №3. С.359.

Вечер длинный — Лик Невинный, // Образ девушки со мной. — 2 (15) июня 1903 года Блок писал Л. Д. Менделеевой из Бад-Наугейма: «Знаешь что? У меня роман. Я иду по дорожке, а впереди, сзади, сбоку, везде — идет высокая, стройная, молодая женщина. Волосы у нее золотые, походка ленивая. Совсем сказочная. Румянец нежный и яркий. Ей на вид 16 лет, такая нежная девическая ласковость во всей ее фигуре. У ней и походка, и взгляд, и фигура совсем особенные, я таких других никогда не видел. Она вся удивительно мягко склоняется, точно упадет ко мне на руки. А сама не поднимает глаз, идет и закрыла их длинными ресницами» (*ЛН*. Т.89. С.142).

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» (С. 208).

Впервые: Слово. 1909. 31 янв. №695.

В стихотворении запечатлелись основные события в истории взаимоотношений Блока и Л. Д. Менделеевой с 1898 по 1902 год.

Мы редко встречались и мало говорили... — После лета 1898 года, когда Блок и Любовь Дмитриевна произвели друг на друга большое впечатление, «напряженная атмосфера <...> первой влюбленности» долго не повторялась (*Блок в воспоминаниях, 1*. С.147). «Некоторый еле заметный сдвиг в их отношениях можно заметить только через три года после их встречи, — свидетельствовала М. А. Бекетова. — Но в течение этих трех лет — представьте себе положение молодой девушки, которая сама увлечена своим интересным и обаятельным поклонником, но не слышит от него ни слова любви и не видит, чтобы он искал случая увидеться с ней наедине. <...> Кажущуюся холодность Люб<ови> Дм<итриевны> Блок принимал за чистую монету, временами он думал, что знакомство его с Менделеевыми прекратилось, и даже переставал к ним ходить. Какая-нибудь случайная встреча в театре или на вечере служила поводом к возобновлению знакомства. Опять начинались муки

безнадежных стремлений и ревности — неизвестно к кому. Так шли годы» (*Бекетова.* С.543, 542).

И она вышла за мной, покорная, // Сама не ведая, что будет через миг. — В черновом автографе в записной книжке напротив 4-й строфы — помета: «Опиши, что было 7 ноября». Имеется в виду ночь с 7 на 8 ноября 1902 года, когда состоялось решительное объяснение между Блоком и Л. Д. Менделеевой. «Подходило 7-е ноября, — вспоминала Любовь Дмитриевна, — день нашего курсового вечера в Дворянском собрании. И мне вдруг стало ясно: объяснение будет в этот вечер. Не волнение, а любопытство и нетерпение меня одолевали. <...> Блок подымался, ища меня глазами <...> Дальше я уже не сопротивлялась судьбе; по лицу Блока я видела, что сегодня все решится, и затуманило меня какое-то странное чувство: что меня уже больше не спрашивают ни о чем, пойдет все само, вне моей воли, помимо моей воли. <...> часа в два он спросил, не устала ли я и не хочу ли идти домой. Я сейчас же согласилась. Когда я надевала свою красную ротонду, меня била лихорадка, как перед всяким надвигающимся событием» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С.167—168).

И видела лишь ночь городская, черная, // Как прошли и скрылись: невеста и жених. — Л. Д. Блок свидетельствовала: «Была очень морозная, снежная ночь. <...> Блок начал говорить. <...> Он говорил, что для него вопрос жизни в том, как я приму его слова, и еще долго, долго. <...> В каких словах я приняла его любовь, что сказала — не помню... Потом он отвозил меня домой на санях <...> я повернулась к нему и приблизила губы к его губам. Тут было пустое мое любопытство, но морозные поцелуи <...> сковали наши жизни» (*Там же.* С.168–169).

Мы встретились в храме — в глубокой тишине. — Л. Д. Блок в мемуарах писала: «Мы условились встретиться 9-го <ноября. — *В. Б.*> в Казанском соборе <...> Из Казанского собора мы пошли в Исаакиевский. Исаакиевский собор, громадный, высокий и пустой, тонул во мраке зимнего вечера. <...> Мы так затерялись на боковой угловой скамье, в полном мраке, что были более отделены от мира, чем где-нибудь» (*Там же.* С.169, 170).

«День был нежно-серый, серый, как тоска...» (С. 208).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.25.

Андрей Белый в письме к Блоку от 19 августа 1903 года заметил, что стихотворение, «изумительное по глубинной реальности, незабвенности», напомнило ему Врубеля (*Блок и Белый.* С.48). О М. А. Врубеле см. в коммент. к стих. «Дали слепы, дни безгневны...».

Может быть скатилась красная звезда. — Андрей Белый, подразумевая эту строку, писал своему другу А. С. Петровскому 18 августа 1903 года: «И скатилась... Пронеслась, как метеор, по мутному небу, рассыпая искры. Это был, конечно, Ницше—: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел *звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от*

кладезя бездны (Откр. 9.1). *«Прогресс, цивилизация — кожура, стягивающая безбрежность хаоса»* (приблиз<ительно> слова Ницше)» (*ЛН.* Т.92. Кн.3. С.205).

«Пристань безмолвна. Земля близка...» (С. 209).

Впервые: Образование. 1908. №1. С.79.

Земли не видно. Ночь глубока. — Ср. в стих. В. А. Жуковского «Путешественник» (1809): «Даль по-прежнему в тумане; // Брег невидим и далек».

«Я — меч, заостренный с обеих сторон...» (С. 209).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.50. В отделе «Неподвижность».

Было вычеркнуто цензором в корректуре июньского номера журнала «Новый Путь» за 1904 год. Образ «обоюдоострого меча» заимствован из *Откровения* св. Иоанна Богослова: «...из уст Его выходил острый с обеих сторон меч» (I, 16).

Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбина...») (С. 210).

Впервые: Понедельники. Лит. прилож. к газ. «Слово». 1906. 3 июля. №19.

Там — голубое окно Коломбины, // Розовый вечер, уснувший карниз... — С. Соловьев привел эти строки в письме к Блоку от 18 февраля 1904 года в качестве иллюстрации особенностей блоковской поэтики: «Мне кажется, что у тебя центр тяжести в *эпитетах* и поразительной *красочности* образов, причем и то, и другое не зависит от движения стиха и рифмы» (*ЛН.* Т.92. Кн.1. С.364; курсив С. Соловьева).

О, люди! О, звери! // Будьте, как дети. — Ср. слова Иисуса Христа в Евангелии: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...» (*Мф.*, XVIII, 3).

«Над этой осенью — во всем...» (С. 211).

Впервые: Юность. Лит.-худож. сб. 1907. №2. С.2.

Первоначально текст (черновой автограф в записной книжке) включал в себя еще одну строфу после третьей:

Стою с опущенным забралом
У золотого алтаря.
Забыл о временном и малом
И знаю, что близка заря.

Остался красный зов зари // И верность голубому стягу. — Накануне и некоторое время после свадьбы (она состоялась 17 августа

1903 года) Блок переживал подъем мистических настроений, характерных для периода «Стихов о Прекрасной Даме».

Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...») (С. 212).

Впервые: Вопросы Жизни. 1905. №6. С.156. В цикле «Нечаянная Радость».

Вербная суббота — день перед вербным воскресеньем, христианским праздником (Вход Господень в Иерусалим), который отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой, когда в храмах совершается обряд освящения вербы.

«Мой месяц в царственном зените...» (С. 212).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.91. В отделе «Перекрестки».

«Возвратилась в полночь. До утра...» (С. 213).

Впервые: В Мире Искусства. 1909. №1. С.12. В цикле «Дорожные стремнины. Стихотворения 1900–1903 гг.».

В 3-й тетради автографов было озаглавлено «Страница романа».

«Я бежал и спотыкался...» (С. 213).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.110–111. В отделе «Ущерб».

В первой публикации вошло в цикл из трех стихотворений, посвященных Андрею Белому.

И внезапно повеяло холодом. // Впереди покраснела заря. — Возможно, отзвук программного стихотворения Д. С. Мережковского «Дети ночи» (1894): «Холод утра — это мы».

Непомерной мечтой взволнована — // Угадать Ее Имена. — Ср. в первоначальной редакции стихотворения Вл. Соловьева «Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи...» (1898): «Только имя одно Лучезарной подруги // Угадаешь ли ты?» Этот же мотив — в письме Блока к Л. Д. Менделеевой от 18 декабря 1902 года: "...мне нужно угадать Твое имя"» (*ЛН.* Т.89. С.85).

«Сижу за ширмой. У меня...» (С. 214).

Впервые: В Мире Искусства. 1909. №1. С.13. Под загл. «Испуганный». В цикле «Дорожные стремнины. Стихотворения 1900–1903 гг.».

В 3-й тетради автографов помимо заглавия «Испуганный» был подзаголовок «Иммануил Кант». В тексте канонического издания тома (1922 год) имя Канта напечатано курсивом справа над текстом, на месте посвящения или эпиграфа. Вряд ли это посвящение; скорее — своеобразный эпиграф (обозначение именем философа совокупности его идей).

В письме к Андрею Белому от 13 октября 1903 года Блок делился своими мыслями по поводу волновавшей его тогда темы «страха перед страхом»: «Можно бояться сознательно только одного: своего ужа-

са. <...> Только этот испуг страшен. Он ведет к неизгладимому. Войдите к такому испугавшемуся. Он сидит за ширмой, весь почерневший, у него скрещены ручки и ножки» (*СС-8в*. С.66).

Герой стихотворения ассоциировался в сознании Блока с немецким философом *Иммануилом Кантом* (1724–1804). По мнению Андрея Белого, Блок считал его «испугавшимся на веки веков». В примечаниях к первой книге *Собр. стихотворений (1911)* Блок указывал, что произведение навеяно «Трансцендентальной эстетикой» Канта. Необходимо отметить также влияние «Симфонии (2-й, драматической)» Андрея Белого, герой которой, философ-кантианец, размышлял о том, «нельзя ли заставить себя ширмами, спрятавшись и от времени, и от пространства, уйти от них в бездонную даль» (А н д р е й Б е л ы й, Симфонии. Л., 1991. С.100). Повышенный интерес к личности и философии Канта в значительной мере был вызван приближавшейся столетней годовщиной со дня его смерти.

«...И с н о в а п о д х о ж у к о к н у...» (С. 215).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.31.

Перекликается (являясь как бы продолжением) с ранее написанным стихотворением «Я просыпался и всходил...» (см. коммент. к нему).

Влюблен в мерцающую сагу... — Сага — предание, сказание; зд.: цепь мерцающих фонарей.

«К о г д а я у й д у н а п о к о й о т в р е м е н...» (С. 215).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.127. В отделе «Ущерб».

«Т а к. Я з н а л. И т ы з а д у л...» (С. 216).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме*. С.112–113. В отделе «Ущерб».

В первой публикации входило в состав цикла из трех стихотворений, посвященного Андрею Белому. В 3-й тетради автографов — эпиграф из стих. А. Белого «Образ вечности» (1903):

«Образ Возлюбленной —
Образ Возлюбленной
Вечности».

В стихотворении выражена мысль о духовном единении с А. Белым (как и в стих. «Я бежал и спотыкался...»).

«Т ы у к а м и н а, с к л о н и в с е д и н ы...» (С. 216).

Впервые: Новый Путь. 1904. №6. С.32.

«К р ы л ь ц о Е е, с л о в н о п а п е р т ь...» (С. 217).

Впервые: Вопросы Жизни. 1905. №6. С.155. В цикле «Нечаянная Радость».

В 3-й тетради автографов 4-я строфа первоначально была иной:

Но таких, как Она, я не знаю
И не стану больше искать.
Я с Ней мою жизнь встречаю,
С Ней буду мою жизнь провожать.

Написано ровно через год после решительного объяснения с Л.Д.Менделеевой.

Паперть — крыльцо перед входом в церковь.

«Облака небывалой услады...» (С. 217).

Впервые: А. Блок. Нечаянная Радость. Второй сб. стихов. М., 1907. С.143. В отделе «Нечаянная Радость».

В 3-й тетради автографов первая строка была несколько иной: «Облака невозможной услады». Там же между 3-й и 4-й строфами была еще одна, не вошедшая в печатный текст:

Истомит тебя гром водопада,
Встанут лики чужих городов...
Но не надо, о милый! не надо!
Утомляться войной облаков...

«Темная, бледно-зеленая...» (С. 218).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1904. С.27.

В одном из автографов имело загл. «Детская». По свидетельству М. А. Бекетовой, Блок описал в стихотворении «большую детскую» в квартире на Большой Московской улице (ему было тогда четыре года): «Именно в этой комнате была лошадь-качалка и зеленая лампадка, известные по стихам, посвященным Олениной-д'Альгейм...» (*Бекетова*. С.218–219). *Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм* (1869–1970) — камерная певица. Андрей Белый назвал ее «неповторимой исполнительницей песенных циклов для первого десятилетия нового века» (Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С.425). Он посвятил ее творчеству статью «Певица» (Мир Искусства. 1902. №11), в которой было процитировано стих. Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (еще до его публикации). 30 ноября 1903 года Блок побывал на концерте Олениной-д'Альгейм, где она исполнила «Детскую» Мусоргского (на слова А. Голенищева-Кутузова). В письме к С. Соловьеву от 1–6 декабря 1903 года Блок так отозвался о концерте: «Вчера вечером мы с Любой истратили порядочно нервов. Был концерт Олениной. <...> *К счастью, не было «Песен и плясок смерти»*, но была «Детская» Мусоргского» (*СС-8₈*. С.72–73).

Фабрика («В соседнем доме окна желты...») (С. 218).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1905. С.24. В цикле «Город».

Одно из первых стихотворений, в которых отчетливо прозвучали социальные мотивы (мистически окрашенные), получившие развитие в творчестве 1904–1908 годов (ср. раздел «Город» во второй книге наст. изд.).

Фабрика. — Блок мог подразумевать здание гардинно-тюлевой фабрики, которая располагалась рядом с офицерским корпусом Гренадерских казарм, где он в то время жил.

«Что с тобой — не знаю и не скрою...» (С. 219).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.125. В отделе «Ущерб».

«Мы шли на Лидо в час рассвета...» (С. 219).

Впервые: Вопросы Жизни. 1905. №6. С.158. В цикле «Нечаянная Радость».

В 3-й тетради автографов — помета: «Венеция». *Лидо (итал.)* — взморье; так называется побережье Адриатического моря в Венеции; зд.: название побережья Финского залива под Петербургом. Существенно в данном случае, что Петербург издавна слыл «северной Венецией». Блок в стих. как бы обыгрывал идею «сплетения времен и стран».

«Мне гадалка с морщинистым ликом...» (С. 220).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.78. В отделе «Перекрестки».

В 3-й тетради автографов имело загл. «Символ».

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» (С. 220).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.103–104. В отделе «Перекрестки».

З. Н. Гиппиус причислила стихотворение к неудачным в ряду блоковских стихов «без Дамы»: «...слабый, легкий бред, точно прозрачный кошмар, даже не страшный и не очень неприятный, а просто едва существующий; та непонятность, которую и не хочется понимать. <...> Нет ни малейшего желания разгадать, какой «косматый беззвучно дрожит», какой ребенок плачет и откуда взялась труба, которая близко» (Новый Путь. 1904. №12. С.278–279).

Евгений Павлович Иванов (1879–1942) — литератор, ближайший друг Блока. В Е. П. Иванове поэта привлекали прежде всего человеческие качества: доброта, душевность, способность сострадать ближнему. 7 апреля 1904 года Блок писал Андрею Белому: «В Петербурге есть великолепный человек: Евгений Иванов. Он юродивый, нищий духом, потому будет блаженным» (*СС-8в.* С.100).

В начале 1900-х годов Евгений Павлович был увлечен идеями религиозного обновления мира и человека. Между Блоком и Е. Ивановым нередко возникали споры, вызванные различным отношением к этим идеям, в частности, к христианству, к Христу. Так, например, 15 июня 1904 года Блок писал своему другу: «Мы оба жалуемся на оскудение души. Но я ни за что, говорю вам теперь окончательно, не пойду врачеваться к Христу. Я Его *не знаю* и *не знал* никогда» (*СС-8в.* С.105; курсив Блока).

В поле дорога бледна от луны. <...> Ветер колышет их влево и вправо. — Ср. наблюдение исследователя по поводу этих строк: «Это на-

поминает врубелевских «Русалок» («Утро»), но главное сходство, разумеется, в другом — в ощущении «тайны», в настороженном ожидании...» (Альфонсов В. Слова и краски. М.—Л., 1966. С.27–28).

Близко труба. И не видно во мраке. — Мотив ожидания «Второго пришествия», навеянный *Откровением* св. Иоанна Богослова. Идея «конца», за которым последует преображение мира, была в то время близка Е. Иванову.

«Среди гостей ходил я в черном фраке...» (С. 221).

Впервые: В Мире Искусства. 1909. №1. С.11. В цикле «Дорожные стремнины. Стихотворения 1900–1903 гг.».

Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») (С. 221).

Впервые: Ежемесячный журнал для всех. 1904. №4. С.196.

В письме к матери от 14–15 января 1904 года Блок, рассказывая о своем пребывании в Москве, о встречах с московскими литераторами, в частности, сообщал: «*11-е — воскресенье.* <...> Я читаю «Встала в сияньи». Кучка людей в черных сюртуках ахают, вскакивают со стульев. Кричат, что я первый в России поэт. <...> Все благодарят, трясут руку» (*СС-8₈*. С.81, 82).

Приходил человек // С оловянной бляхой на теплой шапке. — Имеется в виду городовой. *Были веселые морозные Святки.* — *Святки* — праздничные дни от Рождества (25 декабря по ст. стилю) до Крещения (6 января).

Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...») (С. 222).

Впервые: Альманах кн-ва «Гриф». М., 1905. С.24. В цикле «Город».

В 3-й тетради автографов вторая строфа первоначально была в другой редакции:

Было черно, и сгущенные звуки
Здесь же вблизи разрастались в хаос.
Их раздирали незримые руки,
Но разодрать никогда не пришлось.

Блок указывал, что стихотворение внушено статуями барона Клодта на Аничковом мосту в Петербурге. Имеется в виду скульптурная группа П. К. Клодта «Укрощение коня» (1850) на устоях Аничкова моста через руку Фонтанку.

«По берегу плелся больной человек...» (С. 223).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.101–102. В отделе «Перекрестки».

«Ветер хрипит на мосту меж столбами...» (С. 224).

Впервые: Час. 1907. 21 нояб. №51. В цикле «Город».

Чудо, я сплю, я устал непробудно... — О своих настроениях конца декабря 1903 года Блок так писал А. В. Гиппиусу: «Декабрь и начало января прошли хуже, сначала тихо, потом сумрачней, сумрачней; Петербург, по обычаю, дал себя знать мглой жизни и искусства» (*СС-8в.* С.90).

«Светлый сон, ты не обманешь...» (С. 224).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.128–129. В отделе «Ущерб».

В одном из автографов после заключительной строфы было еще три (они входили также в состав обширной первоначальной редакции в 4-й тетради автографов):

Мы — задумчивые внуки —
Помним дедовские сны.
Слышим новых песен звуки,
В даль иную влюблены.

Благодарности румянец —
Счастье светлых вечеров.
Мы поем старинный танец
Наших дедов — облаков.

Светлый Сон нас не обманет, —
Ляжет в утренней росе,
Пылью розовой заманит
На закатной полосе.

В стихотворении отразились воспоминания Блока, связанные с его дедом, А. Н. Бекетовым, и с Шахматовом. *Мхи старинных балюстрад...* — Блок имел в виду, вероятно, «простую балюстраду из прямых перекладин» на балконе шахматовского дома (*Бекетова.* С.417).

Сладко вспомнить за обедом // Старый пламенный Париж... — По свидетельству М. А. Бекетовой, дед Блока, убежденный «западник», испытывал особенную симпатию к французам, французской культуре, к Парижу: «То ли дело французы! Этих он любил страстно, а к Парижу питал особую нежность» (*Бекетова.* С. 365).

Танец нежных вечерниц... — *Вечерницы* — зд.: вечерние звезды.

«Мой любимый, мой князь, мой жених...» (С. 225).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.61–62. В отделе «Неподвижность».

В 4-й тетради автографов имело заглавие «Вечно». Андрей Белый в письме к Блоку от 15 апреля 1904 года назвал стихотворение «удивительным по нежности и мягкости» (*Блок и Белый.* С.88). В нем ощутим возврат к мотивам и настроениям периода «Стихов о Прекрасной Даме», к образу «Царевны-невесты».

МОЛИТВЫ

1. «Сторожим у входа в терем...» (С. 226).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.56–57. В отделе «Неподвижность».

Эпиграф к циклу — из стих. Андрея Белого «Золотое руно» (1903), которое было программным в московском кружке так называемых «аргонавтов», исповедовавших идеи «конкретного братства». Название кружка связывалось с древним мифом о путешествии героев на корабле «Арго» за золотым руном. В своем стих. Андрей Белый назвал «золотым руном» солнце. Таким образом, для «аргонавтов» полет в лазури к солнцу являлся символом духовного преображения, движения к Красоте, к Идеалу (подробнее об этом см.: Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов». — В кн.: Миф — фольклор — литература. Л., 1978). По словам Андрея Белого, «Блок почувствовал себя «аргонавтом» во время краткой жизни в Москве» (Андрей Белый. Начало века. С.123).

В 4-й тетради автографов между 3-й и 4-й строфами были еще две, позднее зачеркнутые и в печатный текст не входившие:

Разгорится — разорвется
  Черных туч гряда.
Кто нам сверху улыбнется?
  Ты? Весна? Звезда?

Просветленной вереницей
  Глянем в небеса.
Встретят весны, встретят птицы,
  Встретят голоса.

Сторожим у входа в терем... — Явный отзвук стих. Я. П. Полонского «Царь-девица» (1876).

Вечно ждем трубы.// Вечно — завтра. — Мотив из *Откровения* св. Иоанна Богослова (X, 7). Андрей Белый заметил однажды, что Блок всегда дышал «воздухом вечного завтра». Ср. также наблюдение исследователя: «Время для Блока всегда процесс, настоящее есть условная точка пересечения прошлого и будущего. Настоящее как время не существует, оно или завершение «старого», или начало «нового»»

(Долгополов Л. К. Александр Блок. Личность и творчество. Изд. 2-е. Л., 1980. С.11).

2. Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...») (С. 226).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.58. В отделе «Неподвижность».

Мы читаем, что близок срок. — Ср. в *Откровении* св. Иоанна Богослова: «Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко» (1, 3).

3. Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...») (С. 227).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.59. В отделе «Неподвижность».

В 4-й тетради автографов между второй и третьей строфами была еще одна, позднее зачеркнутая:

Утомилась она, задремала...
Спит, решенной задаче верна.
И вчера мне из тучи кивала
Светозарная Сказка Жена.

На золе прогремевших пожарищ // Я стою, мою жизнь утоля. — Образ гибели земли в пламени пожара сходен с тем, что содержится в ранее написанном стих. «Увижу я, как будет погибать...» (1900).

4. Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...») (С. 227).

Впервые: Белые Ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 15. Под загл. «Ночная молитва». В цикле «Томления весны».

Эпиграф — из стих. В. Брюсова «Младшим» (1903), эпиграфом к которому, в свою очередь, послужила строка из блоковского стихотворения «Вхожу я в темные храмы...» («Там жду я Прекрасной Дамы»). «Младшими» В. Я. Брюсов называл Блока, Андрея Белого, С. Соловьева и др. поэтов-символистов, верных в своем творчестве заветам Вл. Соловьева. В. Я. Брюсов явно противопоставлял себя им, подчеркивая присущий ему скептицизм («Но в небе напрасно ищу я звезду...», — писал он в стих. «Младшим»). Блок между тем считал в то время, что Брюсов просто «скрывает свое знание о Ней». *Суровый маг моей земли!* — Имеется в виду В. Я. Брюсов.

5. Ночная («Спи. Да будет Твой сон спокоен...») (С. 228).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.60. В отделе «Неподвижность».

В 4-й тетради автографов между второй и третьей строфами была еще одна, позднее зачеркнутая:

Вся тоска моя — ужас вещий.
Бьюсь в пыли над серебряным кладом.
И со мной бунтуют все вещи,
Как вакханты, полные ядом.

Вакханты — поклонники античного бога вина и веселья Вакха (Диониса).

Бесконечно легко мое бремя. — Ср. в Евангелии: «...иго Мое благо, и бремя Мое легко» (*Мф.*, XI, 30). Эту евангельскую строку Блок привел в письме к Л. Д. Менделеевой от 25 декабря 1902 года: «Из сердца поднимаются такие упругие и сильные стебли, что часто кажется, будто я стою на пороге всерадостного познания — и хочу говорить: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии — и Аз упокою вы. Ибо бремя Мое легко». Жизнь светлая, легкая, прекрасная» (*ЛН.* Т.89. С.91–92).

Я томлюсь у Ливанского кедра... — Образ из Ветхого завета (*Пс.*, XCI, 13). *Мне в сердце вонзили // Красноватый уголь пророка!* — Очевидная реминисценция из стих. А. С. Пушкина «Пророк» (1826): «И угль, пылающий огнем, // Во грудь отверстую водвинул».

«Дали слепы, дни безгневны...» (С. 228).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.131–135. В отделе «Ущерб».

В 4-й тетради автографов озаглавлено «Врубелю». Блок отмечал, что стихотворение написано под впечатлением от живописи Врубеля. В. Н. Орлов высказал предположение, что на Блока могла оказать влияние картина М. А. Врубеля «Царевна Лебедь», репродукция которой была в шахматовском доме (*СС-8₁*. С.631). О воздействии живописи М. А. Врубеля на творчество раннего Блока см.: Альфонсов В. Слова и краски. М.—Л., 1966. С.22–28.

Михаил Александрович Врубель (1856–1910) — русский художник, оказавший заметное влияние на Блока. В одном из писем к матери поэт признавался: «С Врубелем я связан жизненно...» (*СС-8₈*. С.306). После смерти художника Блок на похоронах произнес речь, посвященную его памяти. По мнению З. Г. Минц, стихотворение являет собой «поэтический миф о цикличности мира, о неизбежности смены разочарований и новой веры, сна и пробуждения-полета...» (*БС-5*. С.17).

Кто там скачет в позументах... — *Позумент* — тесьма, шитая золотом или серебром. *Всадник в битвенном наряде...* — В письме к Андрею Белому от 5 июня 1904 года Блок писал о *«всаднике в голубом»*, который порой мелькал в его воображении: «Теперь всадник ездит мимо» (*СС-8₈*. С.103).

Мы опять расплещем крылья, // Снова отлетим! — Ср. в стих. «Сторожим у входа в терем...» (Молитвы, 1): «Молча свяжем вместе руки, //Отлетим в лазурь».

«В час, когда пьянеют нарциссы...» (С. 230).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.130. В отделе «Ущерб».

По свидетельству М. А. Бекетовой, белые нарциссы в шахматовском саду зацветали в мае: «Их опьяняющий запах разносился по всему саду, особенно вечером...» (*Бекетова.* С.424). В письме к Е. П. Иванову от 28 июня 1904 года, в котором было послано стихотворение (вместе с другим — «Город в красные пределы...»), Блок писал: «Только в тишине увидим Зарю. Мы — в бунте, мы много пачкались в крови. Я испачкан кровью. *Раздвоение,* особенно. <...> Позвольте мне кончить двумя стихотворениями — для характеристики пережитого — прежде и теперь» (*СС-8в.* С.108; курсив Блока).

«Вот он — ряд гробовых ступеней...» (С. 231).

Впервые: *Стихи о Прекрасной Даме.* С.63–64. В отделе «Неподвижность».

Во всех изданиях «лирической трилогии» завершало «первый том». По мнению М. А. Бекетовой, Блок в последнем произведении тома «хоронил те грезы, что были в этом периоде его жизни... Быть может, он хоронил мечту о «Душе Мира»...» (*Бекетова.* С.550–551).

С. Соловьев писал Блоку 31 октября 1904 года по поводу стихотворения: «Одного этого стихотворения довольно для принятия тебя в лоно христианской церкви: ведь это прямо христианская трактовка вопроса о жизни, смерти и любви. Как раз то самое, что у Брюсова трактуется язычески. Владимир Соловьев, видно, одолел. Я все не могу бросить читать этого стих<отворения> и почти плачу от радости» (*ЛН.* Т.92. Кн.1. С.382).

Ты покоишься в белом гробу. <...> Золотой образок на груди. — Андрей Белый привел это четверостишие в финале своей статьи «Апокалипсис в русской поэзии», сопроводив его призывом: «Явись! Пора: мир созрел, как золотой, налившийся сладостью плод, мир тоскует без Тебя. Явись!» (Весы. 1905. №4. С.28).

Ты с улыбкой зовешь: не буди. <...> Я отпраздновал светлую смерть... — Ср. в письме Блока к А. В. Гиппиусу от 2 февраля 1903 года: «*Чудеснее* рождения, брака, смерти нет ничего именно потому, что это не смены, не нарушение порядка, а *поправка,* предостережение (иногда) для сошедшего со стези, и всегда — прикасание окружающих <...> к великолепию, к благолепию, к Неисповедимому. Я равно праздную все это. Вспомнить только: «Девица не умерла, но спит». Надо ходить около тихо, без шороха, чтобы не разбудить празднующих свое Великое и Последнее Молчанье» (*ЛН.* Т.92. Кн.1. С.442; курсив Блока).

Спи — твой отдых никто не прервет. — Ср. в стих. «На ржавых петлях открываю ставни...» (1902): «Спи без тревог. Тебя не разбуди-

ла моя мечта, мой безмятежный друг». Сходный мотив в стих. «Спи. Да будет твой сон спокоен...» (Молитвы. 5. «Ночная»).

ПРИМЕЧАНИЕ

По всей вероятности, «Примечание» было написано Блоком после того, как он завершил работу над рукописью книги, — то есть в апреле 1920 года. Блок счел необходимым указать общее количество произведений в томе (314), а также перечислить 15 стихотворений, которые были «значительно исправлены», и 43 стихотворения, частью сокращенных. Тем самым поэт как бы подчеркивал, что данная редакция книги первой значительно отличается от предыдущих. Считая каноническим 5-е издание книги первой (1922 год), есть основания включить «Примечание» в основной корпус тома.

В. Н. Быстров

ИМЯ И СУДЬБА
Приложение

Комментарии к разделу приложений — «Имя и судьба» — исходят из наличия комментариев В. Н. Быстрова к основной части тома — книге первой «Стихотворений» и комментариев составителя к Автобиографии Александра Блока, аналитической статьи В. А. Сапогова о первом сборнике поэта «Стихи о Прекрасной Даме», а также предисловия и заметки «От составителя», дающих в целом необходимые пояснения. Вместе с тем в интересах читателя допускаются отдельные повторы и варианты уже сообщенных сведений. В комментариях использованы отдельные разыскания А. Л. Гришунина, Вл. Орлова, А.М. Туркова. Везде, где это было возможно, тексты сверены с автографами. Используются общие для тома сокращения; в ряде случаев названия источников даются полностью.

В качестве эпиграфа к разделу — стихотворения Вл. Сирина (Владимира Владимировича Набокова, 1899–1977) — поэта и прозаика.

АЛЕКСАНДР БЛОК

<Набросок статьи о русской поэзии>

Публикуемый фрагмент из юношеского дневника Блока 1901–1902 гг. представляет собой набросок статьи о новейшей русской поэзии, которая не была закончена. Наброску предшествует запись в *Записной книжке 1* (между 26 сентября и 30 октября 1901 года), в которой дается сжатый план статьи и определяются ее основные задачи: «Определив общее направление французской новой поэзии (А. Энгельгардт и др.), указав на <ее> отцов, — определить начала новой поэзии у нас (источники — Фет, Тютчев, Соловьев, идеи), как вполне самобытные, вызванные требованиями нашими историческими и другими. Отделить новую поэзию вообще от частностей декадентства». В *Записной книжке 1* имеется и список литературы, составленный Блоком для задуманной статьи. В наброске реализованы лишь отдельные элементы замысла, а именно та часть статьи, где речь должна была идти о предтечах современной поэзии — Ф. И. Тютчеве, А. А. Фете, Я. П. Полонском, В. С. Соловьеве, однако и эти фрагменты прописаны в разной степени. Тем не менее данный набросок ярко отражает

круг идей и настроений Блока в период создания «Стихов о Прекрасной Даме» и может служить своеобразным автокомментарием к ним. Подробнее см.: Из литературного наследства Александра Блока. Публикация Вл. Орлова 1. Юношеский дневник Александра Блока. — *ЛН*. Т. 27–28. С. 298–370; *СС-8₇*. С. 21–38, 463–468, примечания В.Н. Орлова; Александр Блок. Дневник. Подготовка текста, вступительная статья и примечания А.Л. Гришунина. М., 1989. С. 25–39, 355–365; Грякалова Н. Ю. К генезису ранней лирики Блока (*Я. Полонский и Вл. Соловьев*). — *Исследования и материалы, 1991*. С. 50–53.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 311. Публикация и комментарии Н. Ю. Грякаловой. — Сокращения раскрываются без угловых скобок.

Четверостишие, использованное Блоком в качестве эпиграфа к наброску статьи, в других его записях неизвестно.

...«тебя на земле уж не встречу». — Цитата из стих. А. А. Фета «Чем тоске, я не знаю, помочь...», более полно приведенная Блоком в письме к А. В. Гиппиусу от 28 июля 1901 года при характеристике своего эмоционального состояния, связанного с «мистической» влюбленностью в Л. Д. Менделееву (*СС-8₈*. С.20).

...«скоро неминуемо и необходимо исчезнуть за дорожным поворотом». — Выделенные Блоком слова — образное выражение, используемое для характеристики собственных мистических устремлений. Ср. в письме к отцу от 5 августа 1902 года: «Сквозь известную так называемую «разочарованность» (выразившуюся, между прочим, и для моего возраста в желании «объективничать», покидая чрезмерную сказочность моего недавнего мистицизма) — все еще мне мечтается о крутом (не внезапном ли?) дорожном повороте, долженствующем вывести из «потемок» (хотя бы и «вселенских») на «свет Божий». Однако этот свет, на иной взгляд, может оказаться еще метафизичнее, еще «страннее» потемок» (*СС-8₈*. С. 40).

...«бред неопытной души». — Неточная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Обман неопытной души!» (гл. III, XXXI).

...портрет, рисованный Аполлоном... — реминисценция из стих. А. А. Фета «Ф. И. Тютчеву» (1862):

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

«Передо мной кружится мгла». — Из стих. Александра Блока «Смотри — я отступаю в тень...» (*20 сентября 1901*).

«Мне эту девственную нежность...» — Из стих. А. А. Фета «Чем безнадежнее и строже...».

Стихи — это молитвы. — Ср. близкое понимание природы поэтического творчества у З. Н. Гиппиус, высказанное ею в предисловии «Необходимое о стихах» к сб. «Собрание стихов. 1889–1903» (М., 1904):

«Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка — это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. <...> Я утверждаю, что стремление к ритму, к музыке речи, к воплощению внутреннего трепета в правильные переливы слов — всегда связано с устремлением молитвенным, религиозным, по-ту-сторонним, — с самым таинственным, глубоким ядром человеческой души, и что все стихи всех действительно-поэтов — молитвы».

...в «весенней неге» и в «женской любви». — Из стих. Ф. И. Тютчева «Еще земли печален вид...».

...«разбиваются волны всякого скептицизма». — На полях — помета Блока: «Слова Ф. Ф. Зелинского в кавычках». В зимний семестр 1901–1902 гг. Блок посещал лекции профессора Ф. Ф. Зелинского по истории греческой литературы.

«Рече безумец в сердце своем: Несть Бога». — *Пс.*, XIII, 1 и LII, 2.

...«в дымном тумане» возникли «новые дни». — Из стих. С. Соловьева (февраль 1901), вписанного им в тетрадь стихотворений Блока 1901–1902 гг.:

Силы последние мрак собирает,
Тщетны они.
В дымном тумане уже возникают
Новые дни.

На великую философскую борьбу вышел гигант Соловьев... — Магистерская диссертация В. С. Соловьева «Кризис западной философии (Против позитивистов)» (1874) и другие его труды были направлены против философии позитивизма и утверждали идеи «мирового всеединства» и будущего преображения мира светом Истины, Добра и Красоты. См. также: Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977; Максимов Д. Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока). — В сб.: Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 115–189.

...«дождался» ли его «заветный храм»? — Из стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...».

...«вверх пятами»... — выражение, распространенное в эпистолярном общении «соловьевцев», восходит к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (ч. 1, кн. 3, гл. V); употреблено также в «Симфонии» Андрея Белого, один из персонажей которой «полетел вверх пятами, пародируя европейскую цивилизацию» (Симфония (2-я, драматическая). М., 1902. С.198).

...всегда борются Бог и диавол... — Восходящее к Д. С. Мережковскому представление о мире как вечной борьбе противоположных начал: «Бога» и «дьявола», «духа» и «плоти», «света» и «тьмы».

...«в предвестие, иль в помощь, иль в награду». — из вступления к поэме Вл. Соловьева «Три свидания».

Тут-то выяснятся истины мира — через общение глубин (см. Брюсов). — Примечание Блока отсылает к литературно-философскому

эссе В. Я. Брюсова «Истины (Начала и намеки)», в частности к разделу VII, отмеченному им в принадлежавшем ему экземпляре альманаха «Северные Цветы» на 1901 год (С.194–195). Брюсов противопоставляет поверхностным чувствам глубинные, которыми живут великие поэты, благодаря чему их взору открывается «высшая правда». О том особом значении, какое имела для Блока эта книга, см. в его *Дневнике 1918 года*.

Весна январская <...> над душой и мыслью. — Блок пишет о январе 1901 года, проходившем для него под знаком мистических предчувствий и предвестий, что отразилось в образах созданных в этот период стихотворений. См. *Дневник 1918 года*.

Порой легко, порою больно// Перед тобой не падать ниц. — Из стих. Блока «Твой образ чудится невольно...» (*22 сентября 1900*).

Когда сумерки зимы сходили медленно <...> песни весенней язык. — Автореминисценции из стих. «Я вышел. Медленно сходили...» (*25 января 1901*) и «Ветер принес издалека...» (*29 января 1901*).

Лебединая песня... — Из стих. Блока «Тихо вечерние тени...» (*2 февраля 1901*): «Песни твоей лебединой// Звуки почудились мне».

...ризы девственные. — Из стих. Блока «Я понял смысл твоих стремлений...» (*26 февраля 1901*). См. коммент. к названным стихотворениям в наст. томе.

Ты ли это прозвучала... — Стих. Блока, написанное 13 мая 1901 года.

Очерк Соловьева о Полонском... — Имеется в виду статья Вл. Соловьева «Поэзия Я. П. Полонского», опубликованная впервые в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива» в 1896 году, в частности, следующий ее фрагмент: «Счастлив поэт, который не потерял веры в женственную Тень Божества, не изменил вечно юной Царь-девице: и она ему не изменит и сохранит юность сердца и в ранние, и в поздние годы». Статья Вл. Соловьева названа Блоком первой в списке источников для задуманной им работы (*Записные книжки, 1*). Этот же фрагмент Блок цитирует в дневниковой записи 1902 года, пытаясь дать «обоснование женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях» (*СС-8*. С.48–52).

Далее следуют заметки Блока о стихотворениях Я. П. Полонского, сделанные им по изданию: Полн. собр. стихотворений Я. П. Полонского. В 5 т., Т. 1–3. СПб., А. Ф. Маркс. 1896 (библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/26). См. также: Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 2. Л., 1985. С. 198–200.

...звучит торжественно священный благовест... — Из стих. Я. П. Полонского «Священный благовест торжественно звучит...».

«Силы последние мрак собирает — тщетны они»... — Из стих. С. Соловьева, вписанного им в тетрадь стихотворений Блока 1901–1902 гг.

«Рассказ волн». — Стихотворение Я. П. Полонского интерпретируется Блоком через соловьевскую мифологему борьбы небесного и зем-

ного начал — Афродиты Урании (Небесной) и Афродиты Пандемос (мирской), восходящую, в свою очередь, к философии Платона.

Отчего пленителен беспорядок одежды и кос... — Имеется в виду стих. Я. П. Полонского «Уже над ельником из-за вершин колючих...», следующие его строки: «И мне пленительным казался беспорядок//Одежды траурной и светло-русых кос».

...мир суровой глубины... — Из указанного выше стих. Я. П. Полонского.

...сын бездонной глубины? и след. — Замечание относится к стих. Блока «Ночью сумрачной и дикой...» (*23 апреля 1901*):

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны...

Сквозь туман рыбакам померещимся... — Из стих. Я. П. Полонского «Зимняя песня русалок».

«Царь-девица». — Название стих. Я. П. Полонского в рукописи дважды подчеркнуто Блоком. В экземпляре тома оно отмечено с двух сторон прямыми крестами и подчеркнуто. О значении этого образа для Блока и его соотнесенности с идеей Вечной Женственности см. в указанной выше статье Н. Ю. Грякаловой.

Юбилей Фета. — Стих. Я. П. Полонского «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета».

Остановись! Ужель намедни,//Безумец, не заметил ты... — Из стих. Я. П. Полонского «Недавно ты из мрака вышел...».

Проходят дни и сны земные... И далеки сердца родные. — Блок цитирует первую строфу стих. Вл. Гиппиуса. См.: Северные Цветы на 1901 год. С. 96.

...великую Женственную тень... — реминисценция из статьи Вл. Соловьева «Поэзия Я. П. Полонского».

«с величием царицы»... — Ср. у Я. П. Полонского: «Тень Ангела прошла с величием царицы...».

...воплотилась в звенящей бездне темного мира. — Отзвук гностической идеи о нисхождении Души мира на землю, которая была воспринята Вл. Соловьевым и развита в его метафизике.

...брань Бурениных... — Критик и фельетонист газ. «Новое Время» В. П. Буренин выступал в печати с резкими нападками и пародиями на «новую» поэзию. В письме к А. В. Гиппиусу от 30 августа 1901 года Блок обращался к своему корреспонденту с вопросом: «Очень ли Вам противен г-н Буренин по поводу "Мира Искусства"? Мне очень» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 427), имея в виду статью В. П. Буренина «Критические очерки. Цветы новейшей поэзии и новейшего художества» (Новое Время. 1901. 24 авг.). В ней критик резко отзывался о дягилевском журнале «Мир Искусства», а творчество Д. Мережковского,

Ф. Сологуба, З. Гиппиус, Н. Минского определил как «вырождение поэзии».

Верлен, стр. 11. — Вечная Женственность. — Помета Блока, отсылающая к стих. «Вот видите: кой-что нам надобно прощать...» (в кн.: Верлен Поль. Романсы без слов. Пер. В. Брюсова. М., 1894), связывает данное стих. с идеей Вечной Женственности.

Мережковский, русская литература... — Имеется в виду книга Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893). Указанные Блоком страницы отсылают к главе «Начала нового идеализма в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского и Л. Толстого». Здесь же содержится близкое Блоку по идейному пафосу противопоставление «удушающего мертвенного позитивизма» и «идеальных порывов духа».

...отряхнуть таким образом ветхую чешую... «картина гения». — Цитаты из стих. А. С. Пушкина «Возрождение».

...великов и Светлое Существо — «Женственная Тень»... — Из стих. П. Шелли «Есть Существо, есть женственная Тень...» (в пер. К. Бальмонта), которое приведено в начале статьи Вл. Соловьева «Поэзия Я. П. Полонского».

...Божественного Учителя. — Иисуса Христа.

...над всякой «черной глыбой» скоро вознесутся «лики роз» и брызнет ослепительный неиссякающий Свет. — Из стих. Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром...».

...будут распяты «вверх пятами», как ранний святитель. — Имеется в виду апостол Петр, который был распят вниз головой по приказу императора Нерона.

...тревожат их боги в «пророческих снах»... — Из стих. Ф. И. Тютчева «Видение»: «Лишь Музы девственную душу//В пророческих тревожат боги снах!»

...«в предвестие, иль в помощь, иль в награду». — Из поэмы «Три свидания» Вл. Соловьева.

...залетит ли в их «сумрак» «с зеленеющих полей» Психея... — Из лирической драмы А. Н. Майкова «Два мира» (ч. 3-я).

Плотин (204–270) — греческий философ, основатель неоплатонизма, учил, что высшая цель человеческой души — слияние с божественным (экстаз).

...среди всех «бурь и бед и мыслей безобразных»... — Из стих. А. В. Гиппиуса «Как за волной волна — сливаясь, вновь рождаясь...», которое было впоследствии опубликовано при содействии Блока в ж. «Любовь к трем апельсинам» (1915. №1–3) под псевдонимом «Александр Надеждин» (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 457).

...«созерцание двух бездн»... — Теория «двух бездн» — «нижней» и «верхней», «земной» и «небесной» — как полярных начал бытия, которым суждено слиться, изложена Д. С. Мережковским в его книге «Л. Толстой и Достоевский». См. также его стих. «Двойная бездна».

...сквозь прах земли... Несуществующий и вечный... — Из стих. Н. Минского «Как сон, пройдут века и помыслы людей...»

...спадут «ветхой чешуей»... — См. примеч. выше.

Волна в разлуке с морем//Не ведает покою. — Начальные строки стих. Вл. Соловьева «L'onda dal mar'divisa».

...когда «свершится» круг, который «очертили» ей боги. — Из стих. Вл. Соловьева «Хоть мы навек незримыми цепями...»

«И будет падение его великое». — Неточная цитата из Евангелия (*Мф*, VII, 27).

...сольются «в одну любовь». — из стих. А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...»

Я очи знал... роковой. — Из стих. Ф. И. Тютчева «Я очи знал, — о, эти очи!..»

...С-нами-Бога (Иммануэля). — Иммануил (*др.-евр.*) — с нами Бог — именование будущего мессии — Иисуса Христа в Ветхом Завете; впервые встречается в пророчестве Исайи: «Итак Сам Господь Бог даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (VII, 14). У Блока речь идет о стих. Вл. Соловьева «Имману-Эль».

...«бросать живительное семя» «рукою чистой и невинной»... — Из стих. А. С. Пушкина «Свободы сеятель пустынный...»

...Ночное небо так угрюмо//Заволокло со всех сторон... — Блок цитирует начальные строки стих. Ф. И. Тютчева. Следующая цитата — из того же стихотворения. Курсив Блока.

...декадентство... у Вергилия... — В стихотворных эклогах «Буколики» Вергилий обратился к изображению субъективного мира личности, что и дало повод Блоку рассматривать их как проявление «декадентства».

«Безумие», «Весь день она лежала в забытьи...» — стихотворения Ф. И. Тютчева.

Под Скифской вьюгой... И небом Греции своей... — Из стих. Ф. И. Тютчева «Н. Ф. Щербине».

«Он страшен им, как память детских лет...» — из стих. Ф.И. Тютчева «К Н.» («Твой милый взор, невинной страсти полный...»).

...нет «болезни, печали и воздыхания». — Слова из заупокойной молитвы.

Моисею, коснеющему в пустынном Мидиане... — Согласно Ветхому Завету, Моисей после убийства египтянина бежал от фараона в землю Мидиамскую (*Исход*, II, 11–15).

Смутно видятся чертоги... — Из стих. Вл. Соловьева «Неопалимая Купина».

Вождь Израиля... — Моисей (*библ.*).

...«расцвел лишь тогда, когда вернулся к своему храму в «неопалимой купине». — См. стих. Вл. Соловьева «Неопалимая Купина».

...между «суетой беспощадною» и «благодатною тишью»... — Из стих. Вл. Соловьева «День прошел с суетой беспощадною...» Далее Блок цитирует вторую строфу того же стихотворения.

Но мне не страшен мрак ночной... — Из стих. Ф. И. Тютчева «День вечереет, ночь близка...»

...«тень Ангела прошла с величием царицы»... — Стих. Я.П. Полонского «Тень Ангела прошла...»

...великой женственной тенью... — См. примеч. выше.

Воздушный житель, может быть... — Из стих. Ф. И. Тютчева «День вечереет, ночь близка...»

...решать, как Апостолу; и «на сем камени» воздвиглась церковь... — Апостол Петр (*греч.* «камень») является основателем христианской церкви. Ср.: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...» (*Мф*, XVI, 18).

...и в тумане утреннем, и в холодный белый день. — Реминисценция из стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...»

И ты с веселостью беспечной... — Из стих. Ф. И. Тютчева «Я помню время золотое...»

Приютих наш круг веселый... — Из стих. Ф. И. Тютчева «По равнине вод лазурной...»

Что, бледнея, замирает... — Из стих. Ф. И. Тютчева «В душном воздуха молчанье...»

Увлек незримо в царство теней. — У Ф. И. Тютчева: «Увлек, незримый, в царство теней».

Но есть сильней очарованье... — Неточная цитата из стих. Ф.И. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...»

Мы шли, глядя друг другу в очи... — Из стих. В. Я. Брюсова «Осенний день был тускл и скуден...», напечатанного в альманахе «Северные Цветы» на 1901 год.

...перелетел на крыльях лебединых Соловьев. — Реминисценция из стих. Вл. Соловьева «А. А. Фету, 19 октября 1884 г.» («Перелетев на крыльях лебединых...»).

Власть ли роковая, или немощь наша... — Из стих. Вл. Соловьева «С Новым Годом *(1 января 1894)*».

...«в земном пределе»... — Из стих. Е. А. Баратынского «На смерть Гёте»: «Почил безмятежно, зане совершил//В пределе земном все земное!»

...«небом Греции своей»... — Из стих. Ф.И. Тютчева «Н.Ф. Щербине».

«Прозвучало над ясной рекою...» — Первая строка стих. А. А. Фета «Вечер».

Желтая книга... — Блок пользовался изданием: Стихотворения А. Фета. Ч. 1 и 2. М., Солдатенков, 1863 (библиотека ИРЛИ, шифр 94 9/2). См. пометы Блока: Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 2. С. 333–335.

...покинул «родимые пределы» и «покорный глаголам Уст» Божиих и след. — Цитаты из стих. Вл. Соловьева «В землю обетованную».

...«как первый Иудей»... — Из стих. А. А. Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...», первая строфа которого цитируется Блоком далее. «За гранью прошлых дней» — словами Фета назвал Блок в

1919 году сборник своей ранней лирики, отметив в предисловии, что эти стихи «некогда были» для него «путеводной звездой» (*СС-8₁., С. 332).*

...«с беспокойством староверца». — Из стих. Е. А. Баратынского «Уверение».

...не жалел детских игр... сладостно и больно возмущенных... — Ср. у Фета: «Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,//Тобой так сладостно и больно возмущенных...» («Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»).

В критическом очерке, посвященном Полонскому... — См. выше.

...Полонский — последний яркий представитель века, даже и темных его сторон (это говорит и Соловьев)... — Имеется в виду, вероятно, следующий фрагмент статьи Вл. Соловьева «Поэзия Я.П. Полонского»: «Полонский, как и все истинные поэты и мыслители, ясно видит противоположность между тем прекрасным и светлым миром, в котором живет его муза, и тою суровою и темною глубиною жизни, где сплетаются болотные растения своими змеиными корнями».

Знать, в последний встречаю весну... — Из стих. А.А. Фета «Чем тоске, я не знаю помочь...». См. примеч. выше.

«Все нити порваны, все отклики — молчанье». — Первая строка стих. Вл. Соловьева «А. А. Фету» (1897).

...как говорит сам Фет в своей философии «Фауста»... — Блок цитирует примечания Фета к его переводу второй части трагедии Гете «Фауст» (М., 1889).

Все здесь безбрежное... — Цитата из 2-й части «Фауста» в переводе А. А. Фета.

...с последним увлеченьем... — Из стих. А. А. Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок...»

«Мысль изреченная есть ложь... и молчи...» — Из стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!»

...из стужи мертвых грез//Проступают капли слез... — Из стих. А. А. Фета «Глубь небес опять ясна...»

...блаженства без меры... «рухнула с разбега колесница...» — Из стих. А. А. Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок...»

...«песни на удачу»... — Из указанного выше стих. А. А. Фета.

...сам не зная, что будет петь... зреющей на устах. — Реминисценция из стих. А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...»

Свобода и море//Горят впереди... — Из стих. А. А. Фета «Узник».

...в ту «мировую игру», которую «затеяли боги»... — Из стих. Я. П. Полонского «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета».

...«холодные струи неведомых тайн». — Из незавершенного стих. Александра Блока «День вечерел. Знакомые туманы...», набросок которого был сделан в дневнике 26 декабря 1901 года.

...старцы Фиванские... — Имеется в виду хор фиванских старцев в драме Софокла «Царь Эдип».

«Мы содрогаемся». — Ср. в стих. Александра Блока «Мы в храме с тобою — одни, смущены...» (*март 1902*) его заключительную строку: «И содрогаемся мы оба». На этом кончается набросок статьи о русской поэзии.

Н.Ю.Грякалова

ПЕРВЫЕ ЦИКЛЫ СТИХОВ

«Ранний час. В пути незрима...»; «Чем больней душе мятежной...»; «Тихо ясные дни подошли...» — В кн.: Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Императорского С.-Петербургского университета под редакцией Б. В. Никольского с иллюстрациями студентов Императорской Академии художеств под редакцией И. Е. Репина. СПб. 1903. С. 5–9.

Следует иметь в виду слова А. Блока в автобиографии (1909 года): «Никольский взял у меня стихотворения и исказил их, впрочем, с моего согласия» (Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 86).

Борис Владимирович Никольский (1870–1920) — литературовед, преподаватель историко-филологического факультета Петербургского университета. (См.: Беззубов В. И. и Исаков С. Г. Блок — участник студенческого сборника. — *БС-2*. С. 325–332; Иванова Е. В. Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского. — В сб.: *Исследования и материалы, 1991*. С. 198–212; воспоминания С. Штейна в сб. *Блок в воспоминаниях*, I, С. 188).

В опубликованной в 1938 году заметке И. Б. «Дебют А. Блока» («Литературная газета». 1938. 10 октября. №56. С. 6) утверждается, что появление трех стихотворений юного поэта в студенческом сборнике и было «подлинным дебютом Блока»: «Хотя этот сборник вышел на несколько недель позже третьей книжки «Нового Пути», однако задуман он был еще осенью 1901 года и подготовлен полностью к печати в 1902 году» (*БС-2*. С. 325).

Несмотря на некоторые искажения, внесенные редактором, сегодня в этих трех стихотворениях мы слышим истинно блоковский «звук», веяние далекой и вечной юности поэта.

В том же сборнике были опубликованы стихи университетских товарищей Александра Блока: *Александра Алексеевича Кондратьева* (1876–1967) — поэта, прозаика, переводчика, критика, мемуариста; *Леонида Дмитриевича Семенова* (Семенова-Тян-Шанского, 1880–1917) — поэта, драматурга, впоследствии оставившего литературу, ушедшего в народ и погибшего (в сборнике состоялся дебют Л. Семенова; рецензия А. Блока на «Собрание стихотворений» Леонида Семенова — *СС-8₅*. С. 589–593; Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903–1912). Предисловие, публикация и комментарии Р. Д. Тименчика. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 552–562). В том же сборнике — первое выступ-

ление в печати (со стихотворением) *Льва Платоновича Карсавина* (1882–1952) — философа, историка, поэта, прозаика, погибшего в сталинском лагере. В сборнике напечатано также стихотворение *Валентина Иннокентиевича Анненского* (Кривича, 1880–1936), сына И.Ф. Анненского.

Рисунки в сборнике дозволены цензурой 28 декабря 1902 года.

Из Посвящений. — Новый Путь. 1903. Март. №3. С. 48–59. Дозволен цензурой 19 марта 1903 года.

«Новый Путь» (1903–1904) — журнал, выходивший в Петербурге в начале под редакцией *Петра Петровича Перцова* (1868–1947), а затем (с июля 1904) под редакцией *Дмитрия Владимировича Философова* (1872–1940). Идейно-художественное направление определялось Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, основавшими журнал, а также В. В. Розановым, Н. Минским (См.: Максимов Д. «Новый путь». — В кн.: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 129–254; Корецкая И. В. «Новый путь»; «Вопросы жизни». — В кн.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–начала XX века. М., 1983. С. 179–233; Русская литература и журналистика начала XX века. М., 1984).

Цикл стихов Александра Блока появился в обрамлении репродукций с произведений на темы Благовещения: Леонардо да Винчи, Фра Беато Анджелико, М. В. Нестерова и снова — Леонардо да Винчи. Стихам предшествовал этюд К. Бальмонта «Некрасов», после цикла А. Блока шел рассказ Анри де Ренье «Кентавр». В номере заканчивалась публикация работы Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя». Среди авторов был Алексей Ремизов.

Цикл открывается стихотворением «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», которое содержало в предвидении внутреннюю драму «Стихов о Прекрасной Даме» и всей лирической «трилогии». И завершается стихотворением «Верю в Солнце Завета...», подтверждающим веру в «одно виденье, Непостижное уму» («Непостижного света Задрожали струи»). В целом десять стихотворений вводят в мир первой книги поэта, обозначают контуры нового имени.

Атмосферу, обстоятельства дебюта Александра Блока помогают представить книги: Перцов Петр. Ранний Блок. М., 1922; Перцов П. Литературные воспоминания (1890–1902). М.–Л., 1933; Гиппиус Зинаида. Мой лунный друг. О Блоке. — В кн.: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. Вступительная статья, составление, подготовка текста, комментарии Н. А. Богомолова. М., 1991. С. 214–250; Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978. С. 136–149 («Дебют»); Блок в неизданной переписке и дневниках современников. Вступительная статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 153–210; Письма П. П. Перцова к Блоку (1902–1908).

Предисловие, публикация и комментарии И. И. Аброскиной. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 458–465).

Стихи о Прекрасной Даме. — В кн.: Северные Цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С. 93–99. Дозволен цензурой 16 ноября 1903 года.

«Северные Цветы» (1901–1905, 1911) — альманах, выходивший в Москве в издательстве «Скорпион» (1900–1916) под фактической редакцией В. Я. Брюсова. Об отношениях Брюсова и Блока см.: Переписка Блока с В. Я. Брюсовым (1903–1919). Вступительная статья З. Г. Минц и Ю. П. Благоволиной, публикация и комментарии Ю. П. Благоволиной. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 466–524; Александр Блок и его неизданные письма. Публикация, вступительная статья и комментарии В.П. Енишерлова. — Новый мир. 1979. №4. С. 146–160.

Стихи Блока в «Северных Цветах» были опубликованы при содействии М. С. и О. М. Соловьевых. В том же выпуске альманаха состоялся и поэтический дебют Андрея Белого (также в значительной мере благодаря М. С. и О. М. Соловьевым).

Альманах выпускался в память об альманахе «Северные Цветы» (1825–1831) А. А. Дельвига. Невольно вспоминается, что с женой Дельвига — С. М. Салтыковой-Дельвиг — вместе училась, а затем переписывалась прабабушка Блока — А. Н. Семенова-Карелина, помнившая А. С. Пушкина и, волею судеб, первой принявшая на руки маленького Сашуру, будущего поэта. А. Н. Карелина получила от Дельвига «Северные Цветы на 1827 год» со стихотворным посланием.

Третий выпуск «Северных Цветов» (1903) открывался стихотворением Ф. И. Тютчева «Самосознанье». Далее следовали: Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии Андрея Белого. Призывы. Стихи Андрея Белого. «Стихам о Прекрасной Даме» (с подписью в конце — *Александр Блок*) предшествовало «Звериное число» — этюд В. В. Розанова.

«Название «Стихи о Прекрасной Даме» вместо предложенного Блоком «О вечно-женственном» вписано над первым стихотворением цикла рукой Брюсова, его же рукой пронумерованы стихи и листы цикла и под последним стихотворением поставлена подпись «Александр Блок» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 481). Впрочем, еще 1 февраля 1903 года Блок пишет Брюсову (в своем первом письме к нему): «Посылаю Вам стихи о Прекрасной Даме» (и далее предлагает название «О вечно-женственном» — *СС-8в*. С. 55). Так что название цикла фактически прозвучало в письме Блока, только не было закавычено.

Запевом блоковского цикла из десяти стихотворений стало тоже «гербовое», эмблематическое: «Вхожу я в темные храмы...» Здесь услышали мы ее имя: «Там жду я Прекрасной Дамы...» Здесь наиболее сгущенно проявилась особая художественная атмосфера «Стихов о Прекрасной Даме», сочетающих молитвенное поклонение и влюбленность, мистические ожидания вселенских перемен и ожидание встречи с Ней, религиозность и эстетическое восприятие мироздания в едином

стремлении к идеалу. И здесь же — начало сомнения, исток драмы: «Ты свята, но я Тебе не верю...» Переход от органной музыки «служенья Непостижной» к уличной мелодии городского романса, где вместо «красоты Недостижимой» — «Ее сребристо-черный мех И что-то шепчущие губы». Здесь встречаются «теза» и «антитеза» в прологе «романа в стихах» (словно бы две первые книги «трилогии»).

Биографические подробности, настроения и отдельные мотивы этого периода в кн.: *Блок в воспоминаниях, 1–2* (воспоминания М. А. Бекетовой, А. И. Менделеевой, Сергея Соловьева, Л. Д. Блок, Петра Перцова, Андрея Белого и др.); Об Александре Блоке. Пб. 1921 (статьи Б. Энгельгардта, Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, Ю. Верховского, В. Пяста, Ю. Тынянова, А. Слонимского, Н. Анциферова); Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. Главы I–III. Эпопея. Литературный ежемесячник под редакцией Андрея Белого. №1. Москва—Берлин., Кн-во Геликон. 1922. С. 123–273; Письма Александра Блока. Со вступительными статьями и примечаниями С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова, А. Д. Скалдина и В. Н. Княжнина. Л., Колос. 1925; Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. «Роза и Крест». Вступительная статья и составление А. Тархова. Примечания Е. Огневой и А. Тархова. М., 1974 (в книге впервые опубликован блоковский «Изборник»); Минц З. Г. Поэтический идеал молодого Блока. — БС-1. С. 172–225; *С. Лесневский*; Александр Блок. Лирика. Тридцать лирических циклов и разные стихотворения. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Вл. Орлова. М., 1980. С. 21–41; «Я лучшей доли не искал». Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. Составление, очерки и комментарии В. П. Енишерлова. М., 1988. С. 7–150; Прекрасная Дама. Из средневековой лирики. Составление и примечания О. В. Смолицкой и А. В. Парина. Предисловие А. Д. Михайлова. М., 1984 (в т. ч. статья О. В. Смолицкой, А. В. Парина «Мотивы куртуазной лирики в произведениях русских поэтов XIX–XX веков. Подражания, переложения, переводы», С. 450–455; в соответствующем разделе — произведения В. А. Жуковского, Ф. Н. Глинки, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина, Н. П. Огарева, М. Ю. Лермонтова, А. А. Голенищева-Кутузова, К. А. Иванова, Константина Льдова, Федора Сологуба, М. А. Лохвицкой, В. Я. Брюсова, Т. Л. Щепкиной-Куперник, М. А. Волошина, А. А. Блока, Андрея Белого, Игоря Северянина, Б. Л. Пастернака, И. Г. Эренбурга); Сурат Ирина. «Жил на свете рыцарь бедный...» М., 1990; Петросов К. Г. Из пламя и света рожденное слово... Этюды о русской поэзии. М., 1992; Грякалова Н. Ю. «Мой скепсис — суть моей жизни» (О стихотворении А. А. Блока «Никто не умирал. Никто не кончил жить...») — Русская литература. 1994. №2. С. 124–135. — См. также главу «Явление Прекрасной Дамы» в кн.: Константин Мочульский. Александр Блок. Париж, 1948. С. 412–479; Пайман А. Жизнь А. Блока. Т. 1–2. Оксфорд, 1979–1980 (на английском языке).

ИЗ ПИСЕМ К Л.Д. МЕНДЕЛЕЕВОЙ

Публикуются по изданию: Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. Вступительная статья и комментарии Вл. Орлова. Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. М., 1978. С. 53–57, 67, 88–90, 91–92, 106–109, 129–132, 137–139, 139–140.

Любовь Дмитриевна Менделеева (Блок, 1881–1939) — жена Александра Блока, дочь Д. И. Менделеева от второго брака (с Анной Ивановной Поповой). Окончила Высшие женские курсы (историко-филологический факультет), училась на театральных курсах М. М. Читау. Выступала на драматической сцене — под фамилией Блок и под театральным именем Басаргина (в память о Басаргиных, о декабристе Н. В. Басаргине, сосланном в Сибирь, где его третьей женой — с марта 1847 года, в Омске — стала Ольга Ивановна Медведева, урожденная Менделеева, сестра Д. И. Менделеева). Играла в труппе В. Э. Мейерхольда, в провинциальных театрах (Оренбург, Псков), в петроградском Театре народной комедии. Исполняла поэму Александра Блока «Двенадцать». Участвовала в подготовке изданий сочинений поэта. Автор воспоминаний «И быль и небылицы о Блоке и о себе» (*Блок в воспоминаниях, 1.* С. 134–187. С. 507–513 — примечания Вл. Орлова). Последние пятнадцать лет посвятила изучению истории и теории балета, русскому и мировому балетному искусству. См.: Блок Л. Д. Классический танец. История и современность. Составитель Н. С. Годзина. Редакторы В. М. Гаевский, Е. Я. Суриц. Предисловие В. М. Гаевского «Историк балета Л.Д. Блок (1881–1939)». М., 1987. — Л. Д. Блок подготовила сборник: А. Блок. Стихи (1898–1921), не вошедшие в собрания сочинений. Л.–М., изд-во «Петроград». 1925.

Письма поэта невольно и своеобразно комментируют первый том «лирической трилогии». Блок и сам предполагал в апреле 1920 года сопроводить стихотворения отрывками из писем ранних лет.

10 ноября 1902. Петербург

Первое письмо, посланное после решительного объяснения с Л.Д.Менделеевой, которое произошло в ночь с 7 на 8 ноября 1902 года, по окончании вечера Высших женских курсов в Дворянском собрании.

Блок цитирует *стихотворение Владимира Соловьева* (1892), начинающееся строфой:

Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик встает предо мной.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.

Стихотворение Блока «*Безмолвный призрак в терему...*» написано 18 октября 1902 года. В сборнике «*Стихи о Прекрасной Даме*» (1904) входит в раздел «Перекрестки». В окончательном составе книги первой (1922) в главе VI «Стихов о Прекрасной Даме» вошло в малый цикл из двух стихотворений «Religio» («Благочестие» — *лат.*). Строка шестая читается: «И с Ней присутствую, незримый».

В своих воспоминаниях Л. Д. Менделеева-Блок пишет: «В каких словах я приняла его любовь, что сказала, — не помню, но только Блок вынул из кармана сложенный листок, отдал мне, говоря, что если бы не мой ответ, утром его уже не было бы в живых. Этот листок я скомкала, и он хранится весь пожелтевший, со следами снега:

«В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями не имеют. Верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Чаю Воскресения мертвых. И Жизни Будущего Века. Аминь.

Поэт Александр Блок.

Мой адрес: Петербургская сторона, казармы Л. Гв. Гренадерского полка, кв. полковника Кублицкого №13.

7 ноября 1902 года.

Город Петербург»

(*ЛН*. Т. 89. С. 56, 65).

20 ноября 1902. Петербург

В ответном письме Л. Д. Менделеева говорит: «Твои письма кружат мне голову, все мои чувства спутались, выросли, рвут душу на части, я не могу писать, я только жду, жду, жду нашей встречи, мой дорогой, мое счастье, мой бесконечно любимый!» (*ЛН*. Т. 89. С. 67).

23 декабря 1902. Петербург

В конце письма речь идет о *Михаиле Сергеевиче Соловьеве* (1862–1903), педагоге и переводчике, брате Вл. Соловьева, редакторе посмертного собрания сочинений философа и поэта. М. С. Соловьев и его жена Ольга Михайловна Соловьева (1855–1903), художница и переводчица, двоюродная сестра матери А. Блока, помогли Блоку и Белому войти в литературу, обрести признание, способствовали их дебюту.

25 декабря 1902. Петербург

Блок цитирует стихотворение Аполлона Григорьева «Е. С. Р.» («Да, я знаю, что с тобою...», 1842), посвященное «крестовой сестре» поэта Елизавете. Но пишет, в отличие от автора, с большой буквы «Тобою» и «Твой» (в духе «Стихов о Прекрасной Даме»).

Далее Блок цитирует *стихотворение Владимира Соловьева* (1892), начинающееся строфой:

Нет вопросов давно, и не нужно речей,
Я стремлюся к тебе, словно к морю ручей,
Без сомнений и дум милый образ ловлю,
Знаю только одно — что безумно люблю.

«Хорошие стихи» — «Все кричали у круглых столов...» (*25 декабря 1902*).

Блок цитирует (на старославянском языке) *слова Иисуса из Евангелия* от Матфея: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (*Мф.*, XI, 28, 30).

«Мы отдохнем» — слова Сони из драмы Чехова «Дядя Ваня», которыми заканчивается пьеса.

«Две бездны» — термин Д. С. Мережковского: «бездны» «верхняя» и «нижняя» (дух и плоть, начало и конец, жизнь и смерть). В стихотворении «Двойная бездна», опубликованном в журнале «Мир Искусства» (1901. №5), поэт утверждал: «И смерть и жизнь — родные бездны...»

«Сияй же, указывай путь...» — слова П. П. Рындина к романсу М. И. Глинки «Как сладко с тобою мне быть...» (1840), входившему в песенный репертуар Марии Алексеевны Олениной Д'Альгейм (1869–1970). Ее концертам Андрей Белый посвятил статью «Певица» (Мир Искусства. 1902. №11), где впервые было упомянуто неопубликованное стихотворение «молодого поэта», т. е. Александра Блока («Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»).

22 февраля 1903. Петербург

Письмо, программное для понимания «мистицизма» Александра Блока в толковании самого поэта, видевшего в этом духовном начале лучшее, чем он жил, чувствуя и осознавая «все события, какие были в жизни, особенно 1) ярко, 2) красиво, 3) глубоко, 4) таинственно, 5) религиозно» (*ЛН*. Т. 89. С. 107).

Блок цитирует *свое стихотворение* (14 января 1903), начинающееся строфой:

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобою Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Вошло в раздел «Распутья» книги первой «Стихотворений» Блока в окончательном составе. Ср. «Невыразимое» (1819) В. А. Жуковского: «...И лишь молчание понятно говорит». В «Silentium!» («Молчание!» — *лат.*, 1829 — нач. 1830-х) Ф. И. Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи...» (кстати, одно из любимых стихотворений Д. И. Менделеева).

Далее Блок вспоминает первую, неудачную попытку напечатать свои стихи в журнале *«Мир Божий»* (1892–1906) и встречу с редактором журнала *Виктором Петровичем Острогорским* (1840–1902). См. об этом в Автобиографии (1915) и в автобиографической заметке 1909 года (помещены в настоящем томе).

«Мир Искусства» (1899–1904) — художественный и литературно-критический журнал, сыгравший большую роль в создании русской культуры Серебряного века.

«Твой отец» — Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907), творческий подвиг которого Блок высоко ценил. Об отношении к Д. И. Менделееву в семье Бекетовых см. Автобиографию (1915) Блока и книги М. А. Бекетовой о Блоке (*Бекетова*).

Блок назначает Любови Дмитриевне *место встречи* (Высшие женские курсы находились на 10-й линии Васильевского острова, д. 33).

В конце письма Блок приписывает свое новое стихотворение *«Снова иду я над этой пустынной равниной»* (22 февраля 1903). Входит в раздел «Распутья» книги первой «Стихотворений» в каноническом составе. В рукописи называлось «Безумец». Вместо «красоте голубиной» стало «красоте лебединой» (третья строка). Впервые напечатано в журнале «Вопросы Жизни» (1905. №6).

15 мая 1903. Петербург

«Ты серебрилась вдали» — Блок цитирует свое стихотворение «В полночь глухую рожденная...» (24 декабря 1900). Вошло в раздел «Неподвижность» сборника «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), а затем в раздел «Ante Lucem» книги первой «Стихотворений» канонического собрания «трилогии».

Далее Блок цитирует по-гречески выражение «неведомый Бог», произнесенное апостолом Павлом, сказавшим: «Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам...» (*Деяния апостолов*, XVII, 23).

Ответное письмо Л. Д. Менделеевой см.: *ЛН*. Т. 89. С. 132.

31 мая (наше <13 июня н. ст.) 1903. Бад-Наугейм>

В эпистолярном наследии Александра Блока — одно из ранних писем на тему «Россия и Запад». «Я не люблю ни фактов, ни публицистики. И все-таки написал тебе то и другое» (*ЛН*. Т. 89. С.138).В дневнике, записной книжке и письмах Блока в это время — свидетельства того, что поэт уже тогда достаточно отчетливо осознавал близость катастрофических событий. 23 июля 1902 года Блок в Шахматове записывает: «Пели мужики». В 1921 году к этой записи поэт дал пояснение: «Вот это я и описал в 1921 г. в «Ни снах, ни яви»: «С тех пор все пошло прахом» (*Записные книжки*. С. 32). Очень сложный и глубокий рассказ «Ни сны, ни явь» повествует, как «пошла прахом» прежняя жизнь. Первоначальный замысел возник летом 1902 года в Шахматове под впечатлением народной песни. Многие наблюдения и размышления этой поры и более ран-

них лет отразятся в позднейших публицистических выступлениях («Стихия и культура», «Народ и интеллигенция» и других), в стихах о России, чье имя по-особому значительно и лирично звучит в этом письме Блока из Германии.

31 мая. <Вечер (13 июня н. ст.) 1903. Бад-Наугейм>

Письмо помогает нам понять, каким видел Блок соотношение «отвлеченного» и «жизненного» в творчестве: «Корень творчества лежит в Той, которая вдохновляет, и она вдохновляет уже на все, даже на теорию, но, если она потребует и захочет, теории отпадут, и останется один этот живой и гибкий корень» (*ЛН*. Т. 89. С. 140).

ПИСЬМО Г. И. ЧУЛКОВУ
(*23 июня 1905. Шахматово*)

Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — поэт, прозаик, драматург и критик, автор воспоминаний «Александр Блок и его время» (в кн.: *Блок в воспоминаниях, 1*. С. 343–363). Письмо Блока Г. И. Чулкову от 23 июня 1905 года см.: Письма Александра Блока. Со вступительными статьями и примечаниями С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова, А. Д. Скалдина и В. Н. Княжнина, Л., 1925. С. 125–129; Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.–Л., 1963. С. 126–129. Письмо очень важно как свидетельство глубокой внутренней связи Александра Блока с Владимиром Соловьевым (см. также статьи Блока «Рыцарь-монах» 1910 года и «Владимир Соловьев и наши дни» 1920 года, Автобиографию поэта и комментарий к Автобиографии в настоящем томе).

В начале письма Блок имеет в виду книгу: Котляревский Н. М.Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения. 2-е изд., 1905. Об этой книге Блок написал статью «Педант о поэте» (*СС-8₅*. С. 25).

Блок возражает на статью Г. И. Чулкова «Поэзия Владимира Соловьева» (Вопросы Жизни. 1905. №4 и 5). Отклик Сергея Соловьева на статью Г. И. Чулкова появился в журнале «Вопросы Жизни» (1905. №8). Там же опубликованы возражения С. Н. Булгакова (1905. №6).

Блок имеет в виду книгу: Величко В. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902.

«Вступление к стихам» — предисловие к третьему изданию стихотворений Владимира Соловьева (СПб., 1900).

Предисловие к Собранию стихотворений

Впервые напечатано на ненумерованных страницах в начале кн.: Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). Издание второе, исправленное и дополненое. Книгоиздательство «Мусагет». Москва. MCMXI.

В сб. «Памяти Блока» (П., 1923. С. 76) опубликована по корректуре вычеркнутая автором последняя фраза: «Круг сомкнут».

В своих принципах построения поэтических книг Александр Блок опирается на положения, высказанные Валерием Брюсовым в предисловии к сборнику стихов «Urbi et Orbi» («Граду и Миру» — *лат.*), который вышел в 1903 году. В. Брюсов утверждал: «Книга стихов должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно» (Брюсов Валерий. Собрание сочинений в семи томах. Т. I. М., 1973. С. 604–605).

За этими принципами стояли не только художественные соображения, но и характерное для русского символизма (завещанное Владимиром Соловьевым) стремление к «всеединству» — постижению универсальной и мифопоэтической идеи мира.

Примечания

Напечатаны там же, в первой книге «Собрания стихотворений» — «Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904)». Издание второе, исправленное и дополненное. М., Мусагет. MCMXI.

Вначале Блок характеризует тональность первой книги и вытекающий из ее «однострунности» композиционный принцип, согласно которому все стихотворения располагаются в строго хронологическом порядке, а главы определяются годами (в следующих книгах — «понятиями», но эти числа и слова для поэта, по его определению, есть «одинаково живые и законченные образы»). Блок далее обращает наше внимание на «первенствующее значение» четвертой главы (1901 год) — как для первой книги, так и для всей трилогии. 1901 год — «мистическое лето» в Шахматове.

Блок цитирует, перефразируя, слова из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (восьмая глава, пятидесятая строфа):

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явилися впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

У Блока — «даль свободную романа». Так или иначе, мысль о «романе в стихах», естественно, связана с Пушкиным, с «Евгением Онегиным».

Блок говорит также о количественной стороне второго издания своей первой книги. В первом издании сборник *«Стихи о Прекрасной Даме»* (1904) состоял из 93 стихотворений. В издании 1911 года — 300 стихотворений (написано было за 1898–1904 годы около 750 стихотворений). 75 стихотворений печатались во втором издании впервые. (См. также статью составителя «Открой мои книги...» К выходу лирической трилогии Александра Блока». — Книжное обозрение. 1995. 14 марта. №11. С. 16).

Предисловие (набросок) к предполагаемому изданию книги первой

Впервые: Русский современник. Литературно-художественный журнал, издаваемый при ближайшем участии М. Горького, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, Абр. Эфроса. Книга третья. Л.—М., 1924. С. 147. — Опубликовано также в Собрании сочинений в двенадцати томах. (Т. 1. Л., 1932. С. 269–270) и в Собрании сочинений в восьми томах (Т. 1. М.—Л., 1960. С. 560–561). — Текст воспроизведен также в трехтомном издании «Северо-Запада» (Т. 1., СПб., 1994. С. 343–344). См. в настоящем томе вступительную заметку «От составителя».

Для настоящего издания текст сверен с автографом, хранящимся в Пушкинском Доме.

Набросок датирован 15 августа ст. ст. (28 августа н. ст.) 1918 года. В этот же день Блок в записной книжке отмечает: «Ясный день, прозрачный. Вечер ясный. Я задумал, как некогда Данте, заполнить пробелы между строками «Стихов о Прекрасной Даме» простым объяснением событий. Но к ночи я уже устал. Неужели эта задача уже непосильна для моего истощенного ума?» (*Записные книжки.* С. 423). Блок говорит о «Новой Жизни» («Vita Nuova», 1292) — автобиографической повести *Данте Алигьери* (1265–1321), в которой стихи, воспевающие Беатриче, и прозаическое повествование о любви к Ней составили единое исповедальное произведение. «Vita Nuova» — один из истоков «Стихов о Прекрасной Даме». Для Блока «Vita Nuova» означает не просто новую жизнь, а Жизнь Возрожденную, Обновленную Любовью и Верой (см.: Хлодовский Р. Блок и Данте (к проблеме литературных связей). — В кн.: Данте и всемирная литература. М., 1967. С. 176–248).

Возражения Блока против идеи «превращения» образа Прекрасной Дамы в образы Незнакомки, Снежной Маски, России и т. д., высказанные в наброске предисловия, запомнились и *Надежде Александровне Павлович* (1895–1980), которая общалась с поэтом в 1920–1921 годах: «О своих «Стихах о Прекрасной Даме» Блок говорил мне: «Только это я еще люблю».

Неожиданно он спросил: «Как вы думаете, правильно ли говорят о переходе образа Прекрасной Дамы в образ Незнакомки, а потом России?»

Я ответила: «По-моему,нет». Он успокоенно сказал: «Конечно, нет! Они противоположны. Незнакомка — антитеза. Никакого перехода от одного образа в другой нет. А Россия — это особая статья».

Другой раз, когда мы шли однажды по Невскому, он вернулся к этому разговору:

— Когда я слышу об этом переходе образов одного в другой, то только машу рукой. Значит, ничего не поняли. Кто их смешивает, ничего не понимает в моих стихах». (Павлович Надежда. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: Прометей. Историко-биографический альманах. М., 1977. С. 241. См. также: Павлович Н. Сквозь долгие года... М., 1974. — Об авторе см.: Оптина пустынь в судьбе Н. А. Павлович. — В кн.: Троицкое слово. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1991. №8. С. 6–15.)

Убеждение в живом, при всей возвышенности, конкретном смысле образа Прекрасной Дамы и стремление дать понять этот смысл, это содержание другим людям; уверенность в том, что это возможно сделать, — побуждают Блока «дописать» «Стихи о Прекрасной Даме» «простыми словами» — прозой.

17 (30) августа (день 15-й годовщины венчания и свадьбы с Л.Д.Менделеевой в селе Тараканове) и 29 августа (11 сентября) 1918 года Александр Блок в дневнике припомнил биографическую канву раннего периода своего творчества (1897–1901). К стихам первой половины 1901 года поэт составил собственный комментарий, дающий авторское толкование лирических мотивов, символов, образов «Стихов о Прекрасной Даме». В Записной книжке №56 Блок отметил: «Пятнадцать лет нашей свадьбы. <...> Начал воспоминания (с 1897 <года>). Дневники Любы, где все наше, пропали в Шахматове» (*Записные книжки*. С. 424). В заметках Блока есть хронологические неточности, отмеченные Л.Д. Блок в воспоминаниях «И быль и небылицы о Блоке и о себе» (*Блок в воспоминаниях, 1*. С. 145–147).

Однако замысел поэта не был воплощен в отдельном издании «Стихов о Прекрасной Даме». Вместе с тем Блок придал книге первой «Стихотворений» в последней, пятой редакции композицию дневника (см.: Правдина И. С. Формирование лирической трилогии. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 631).

Говоря в наброске предисловия о «Той, о которой написана эта книга», Блок, видимо, думает не только о лирической героине, но и о Прекрасной Даме как воплощении Вечной Женственности, несущей отсвет Богоматери, Мадонны. Не случайно, надо полагать, после текста датировка дана по церковному празднику: «1918. День Успения Божьей Матери».

Из Дневника 1918 года

Помещаемые в настоящем томе записи от 17 (30) августа и 29 августа (11 сентября) 1918 года входят в состав дневников Александра Блока. См.: Александр Блок. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. Л., 1932. С. 270–280 (приложение к тому);

А л е к с а н д р Б л о к. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. Подготовка текста и примечания Вл. Орлова. М.—Л., 1963. С. 338–350; А. Б л о к. Дневник. Подготовка текста, вступительная статья и примечания доктора филологических наук А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 277–287.

Для настоящей публикации текст сверен с автографом В. Н. Быстровым; исправлены неточности, восстановлены пропущенные слова. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 318. — Ряд сокращений раскрываются без угловых скобок.

Поясняем лишь самые важные реалии блоковского автокомментария. Полное его истолкование — задача академического издания. Нижеследующие комментарии к записям Блока в *Дневнике 1918 года* составлены Н.Ю. Грякаловой и С.С. Лесневским.

Страницы дневника, явившиеся как набросок автокомментария к «Стихам о Прекрасной Даме», не случайно начинаются *с 1897 года*. В Автобиографии (1915) Блок отметил, что его «лирические стихотворения» «все, с 1897 года, можно рассматривать как дневник» (*СС-8*$_7$. С. 15). 31 октября 1897 года — дата первого (навеянного встречами с К. М. Садовской) стихотворения («Ночь на землю сошла...»), которое Блок переписал в автографическое собрание своей лирики — в первую из десяти тетрадей беловых автографов (*СС-8*$_7$. С. 524; *СС-8*$_1$. С. 565). Это рубеж, которым заканчивается отрочество (в частности, прекращается выпуск рукописного журнала «Вестник») и начинается поэтическая юность периода «Ante Lucem» или чуть более раннего. Это время накануне встречи с К. М. Садовской — первой любовью поэта. Блок восстанавливает события по памяти; главное для него — лирический подтекст, а не точность датировки.

Блок вспоминает конкретные детали, за которыми — настроение и атмосфера влюбленности, запечатленной впоследствии в цикле «Через двенадцать лет» (1909):

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

(СС-8$_3$*. С. 185)*

Вот почему возникает название духов — *«Peau d'Espagne»* («Испанская кожа»), воскрешающее незабываемую пору, Бад-Наугейм лета 1897 года («ее платок»).

«Дидя» — дед поэта — А. Н. Бекетов, которого летом 1897 года разбил паралич (в таком состоянии он прожил до лета 1902 года). *О. Ю. Каминская* — врач, друг семьи Бекетовых. «В Шахматове нас ждала печальная картина: вместо веселого, бодрого дедушки, <...> мы увидали беспомощного старика в больничной обстановке» (*Бекетова.* С. 250—251)

Осенью 1898 года Александр Блок поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Качаловы — родственники Александра Блока по отцу. *Ольга Львовна Блок* (1859—1900), тетка поэта, сестра его отца, вышла замуж за *Николая Николаевича Качалова* (1852—1909), директора Электротехнического института, их сын — *Николай Николаевич Качалов* (1883—1961) — двоюродный брат поэта, один из основателей производства отечественного оптического стекла, химик, технолог, член-корреспондент АН СССР (близкие звали его Никс).

Петр Львович Блок (1854—1916), дядя поэта, брат его отца, женился на *Александре Николаевне Качаловой* (1855—1927). Дети от этих браков (Блоков — Качаловых), родные между собой, были двоюродными братьями и сестрами Александра Блока. В семье Ольги Львовны Качаловой жила ее мать *Ариадна Александровна Блок* (1832—1900), урожденная Черкасова, бабушка поэта. Александр Блок в ранней молодости (1898—1902) дружил с дочерьми Н.Н. и О.Л.Качаловых — *Софьей* (во втором браке *Тутолмина,* 1880—1967) и *Ольгой* (в первом браке *Штейн,* 1879—1940).

С.Н. Тутолмина вспоминала о Блоке: «Осенью 1898 года он явился к нам в студенческом сюртуке, возмужавший, оживленный. В эту зиму у нас собиралась по субботам молодежь: увлекались музыкой, пением, декламацией, и Саша стал непременным членом этих собраний» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 293).

Двоюродный брат поэта — *Георгий Петрович Блок* (1888—1962) стал литературоведом, исследователем жизни и творчества А.А.Фета, автором работ о Пушкине и других русских писателях; он оставил воспоминания об Александре Блоке, очерк о Шахматове (см.: Блок Г.П. Герои «Возмездия». — Русский современник. 1924. №3. С. 172—186; Его же. Шахматово. — Литературное Подмосковье, М., 1950. С. 111—141; *Блок в воспоминаниях, 1.* С. 96—109; Блок в переписке Блоков и Качаловых. Публикация М. Б. Плюхановой. — *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 275—307; *Енишерлов.* С. 61—65).

Весной следующего года — 1898 года — *Анна Ивановна Менделеева,* художница, поддерживавшая дружеские связи с «передвижниками», жена ученого, мать Любови Дмитриевны Менделеевой, пригласила Александра Блока бывать у них и приехать летом из Шахматова в Боблово.

«Кока Гун» — Николай Васильевич Гун (1878—1902) — один из ближайших гимназических друзей А. Блока. Покончил жизнь самоубийством. См. стихотворение «Ты много жил, я больше пел...» (*Весна 1898*) в разделе «Ante Lucem» книги первой и комментарий к нему, а

также стихотворение «На могиле друга» (*22 января 1902*), не вошедшее в основное собрание (*СС-8₁*. С. 485). См. также: *Бекетова*. С. 43; Конечный А., Кумпан К. Александр Блок во Введенской гимназии. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 597–619.

С.И. Левицкая — певица, которой Блок посвятил стихотворение «Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...» (*Весна 1898*; СС-8₁. С. 373).

Приезд Александра Блока в Боблово летом 1898 года запечатлела Л. Д. Менделеева-Блок в своих воспоминаниях «И быль и небылицы о Блоке и о себе». Там же рассказано о событиях этого лета, в том числе о любительских спектаклях, комментируется дневник А. Блока 1918 года (*Блок в воспоминаниях, 1*. С. 139–154; см. *там же* воспоминания М. А. Бекетовой, А. И. Менделеевой, М. А. Рыбниковой и др.). Этой встрече посвящены страницы рассказа А. Блока «Исповедь язычника», наброски продолжения второй главы поэмы «Возмездие»: «Розовая девушка, лепестки яблони — он перестает быть мальчиком» (*СС-8₃*. С. 471).

Смирновы — родственники Менделеевых, жившие по соседству большой семьей в Боблове (сохранился до наших дней дом Смирновых). *Яков Иванович Смирнов* (1869–1918) — археолог, академик.

Сириус и Вега — см. стихотворение «Окрай небес — звезда омега...» (27 января 1899) в разделе «Ante Lucem» и комментарий к нему, а также стихотворение «Идеал и Сириус» (*7 августа 1898*), не вошедшее в основное собрание (*СС-8₁*. С. 382–383).

Трубицыно — имение *Софьи Григорьевны Карелиной* (1826–1915), «тети Сони», сестры бабушки Александра Блока, дочери естествоиспытателя и путешественника *Григория Силыча Карелина* (Корелина, 1801–1872), прадеда поэта. Приобретено в 1842 году прабабушкой поэта — *Александрой Николаевной Карелиной* (урожденной Семеновой, 1808–1888). Находилось сравнительно неподалеку от тютчевского имения Мураново. А. Блок побывал в Трубицыне летом 1898 года и летом 1899 года вместе с С. М. Соловьевым (ездили в Трубицыно от станции Пушкино). С. Г. Карелина знала Дельвигов, Боратынских, Аксаковых, Чичериных, Бакуниных, Тютчевых; оставила воспоминания об отце.

Посвещения Забалканского проспекта, где, в Палате мер и весов, жили Менделеевы (ныне Московский проспект), Санкт-Петербург. *Частная женская гимназия Э.П. Шаффе*, где училась Л.Д. Менделеева.

В декабре 1898 года Александр Блок вместе с Любовью Дмитриевной Менделеевой был (согласно названию стихотворения) «На вечере в честь Л. Н. Толстого». См. посвященное этому событию стихотворение А. Блока (20 декабря 1898), вошедшее в сборник «За гранью прошлых дней» (1920) — *СС-8₁*. С. 334–335.

Виша Грек — *Виктор Викторович Грек* (1880–1914), товарищ А. Блока с детства, впоследствии офицер, погиб в одном из первых сражений первой мировой войны. О товарищах детства и отрочества А. Блока см.: *Бекетова*. С. 42–44.

«Политическое»: 8 февраля 1899 года началась первая всероссийская студенческая забастовка, 4 марта 1901 года была разогнана демонстрация студентов у Казанского собора в Санкт-Петербурге. Государь Император Николай II сделал выговор либеральному члену Государственного Совета князю Л. Д. Вяземскому за вмешательство в действия полиции.

Николай Николаевич Бекетов (1827–1911) — брат Андрея Николаевича (1825–1902), деда Александра Блока, и Алексея Николаевича Бекетова; физико-химик, академик, профессор Харьковского и Петербургского университетов. Был дружен в молодости с Ф. М. Достоевским, посвятил речь памяти писателя, известны его письма к Ф.М. Достоевскому и письма Ф. М. Достоевского к Н. Н. Бекетову.

23 февраля 1877 года Н. Н. Бекетов писал из Харькова Ф. М. Достоевскому в связи с его «Дневником писателя»: «Чтение Ваших произведений — это беседа с собственной совестью — до того они имеют общечеловеческий, всеобъемлющий смысл. Прекрасная явилась у Вас мысль делиться с публикою своим душевным сознанием всего творящегося вокруг нас» (см.: Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 22. Л., 1981. С. 308; см. также: Турченко Я.И. Николай Николаевич Бекетов — выдающийся русский физико-химик и металлург. М., 1953; Поддубная Р. Н. Кружок Бекетовых в идейных исканиях Ф. М. Достоевского. — Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 2. С. 3–10; Андрусев М.М., Андрусева Е.М. Н.Н. Бекетов; Н.А. Меншуткин. Выдающиеся русские физико-химики XIX в. М., 1977; *Енишерлов*. С. 21–24; *Бекетова*. С. 22).

Сын Н. Н. Бекетова — *Алексей Николаевич Бекетов* (1863–1941) — двоюродный дядя А. Блока, академик архитектуры.

Алексей Николаевич Бекетов (род. в 1823 г.) — брат деда поэта и Н. Н. Бекетова, старший товарищ Ф. М. Достоевского по Инженерному училищу, окончивший его в 1844 году, впоследствии земский деятель, председатель Пензенской губернской управы.

Братья Бекетовы — Алексей, Андрей и Николай — некоторое время (в период учения в Петербурге) жили вместе, и у них часто бывали Ф.М. Достоевский, Д.В. Григорович, А.Н. Плещеев, В.Н. и А.Н. Майковы. По воспоминаниям писателя Д. В. Григоровича, у Бекетовых собирался кружок свободолюбиво настроенной молодежи (предшествует кружку «петрашевцев»). С октября 1846 года по весну 1847 года Ф.М. Достоевский жил с братьями Бекетовыми на одной квартире, где они создали «ассоциацию». В начале 1847 года кружок распался, так как Андрей и Николай Бекетовы переехали в Казань, где поступили на естественное отделение (разряд) физико-математического факультета Казанского университета (см.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. 1. С. 496; т. 2. С. 486; т. 18. С. 356; т. 22. С. 308; т. 28. Кн. 1. С. 435; Т. 29. Кн. 2. С. 303; т. 30. Кн. 1. С. 419; т. 30. Кн. 2. С. 111 и др. См. также: Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1961; Ф.М. Достоевский

в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М., 1990; Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. В трех томах. 1821–1881. Т. 1, 2. СПб., 1993–1994).

Узнав о смерти Н.Н. Бекетова, 30 ноября 1911 года Александр Блок записал в дневнике: «Сегодня ночью скончался дядя Николай. Конец Бекетовского рода». 1 декабря: «...неуютно лежит маленький, седой и милый старик. Последние крохи дворянства — Василий на козлах; простые, измученные Бекетовские лица; истинная, почти уже нигде не существующая скромность» (*СС-8₇*. С. 98).

Юридический факультет Петербургского университета, на который поступил Александр Блок (видимо, по примеру отца), не был близок поэту, и он, по его словам, «сидел второй год» — на втором (а не на первом) курсе (*СС-8₇*. С. 509). «Во всяком случае, я остался до конца столь же чужд юридическим и экономическим наукам», — подытоживает поэт в 1918 году (*СС-8₇*. С. 341). (См.: Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В. Александр Блок в Петербургском университете — Очерки по истории Ленинградского университета, Л., 1982. Вып. 4. С. 52–86.)

Дедово, близ станции Крюково (Николаевской ж. д.), имение *Александры Григорьевны Коваленской* (урожденной Карелиной, 1829–1914) — детской писательницы, дочери *Григория Силыча Карелина* (1801–1872), матери *Ольги Михайловны Соловьевой* (1855–1903), бабушки поэта *Сергея Михайловича Соловьева* (1885–1942), двоюродной бабушки Александра Блока. Муж ее — Михаил Ильич Коваленский — был прямым потомком Михаила Коваленского (Ковалинского), сподвижника и биографа украинского философа Григория Сковороды (портрет мыслителя висел в Дедове). Именно А. Г. Коваленская способствовала знакомству А. Н. Бекетова со своей младшей сестрой Лизой Карелиной.

В Дедове летом жили М. С. и О. М. Соловьевы вместе со своим сыном Сережей. Александр Блок побывал в Дедове летом 1898 года и летом 1901 года (см. воспоминания С.М. Соловьева в кн.: *Блок в воспоминаниях, 1*. С. 12 и др.). Встречи с Соловьевыми имели большое значение для юного Александра Блока, для становления поэта и будущего вступления в литературу. В 1898 году это внешне еще не особенно заметно; на первом плане — увлечение театром, очарование молодости. В сцене у фонтана из пушкинского «Бориса Годунова» Александр Блок исполнял роль Самозванца; Марина Мнишек — Маруся (Мария Викторовна) Коваленская, внучка А. Г. Коваленской, троюродная сестра Александра Блока (на два года младше его) и двоюродная сестра Сергея Соловьева, впоследствии переводчица. В Дедове в августе 1898 года Александр Блок написал стихотворения «Идеал и Сириус», «Я стремлюсь к роскошной воле...» (с эпиграфом из В. А. Жуковского), «В моей душе, больной и молчаливой...»

Марконет — родственники Сергея Соловьева; в доме Марконет на Спиридоновке в Москве в январе 1904 года останавливались Александр Блок и Любовь Дмитриевна. *Александр Федорович Марконет* (1847–

1896) — присяжный поверенный, нотариус — дядя Сергея Соловьева. *Владимир Федорович Марконет* — учитель истории. *Александра Михайловна Марконет* (урожденная Коваленская) — сестра О. М. Соловьевой (см. воспоминания М. А. Бекетовой, С. М. Соловьева, Андрея Белого в названных выше изданиях).

Братья — *Андрей Адамович Кублицкий-Пиоттух* (1886–1960) и *Феликс Адамович Кублицкий-Пиоттух* (1884–1970) — двоюродные братья Александра Блока, сыновья его тетки *Софьи Андреевны Кублицкой-Пиоттух* (урожденной Бекетовой, 1857–1919) и *Адама Феликсовича Кублицкого-Пиоттух* (1855–1932), брата отчима Александра Блока — *Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух* (1860–1920). Глухонемой Андрей и Феликс (Фероль) были товарищами детства и отрочества Александра Блока; вместе они выпускали рукописный журнал «Вестник», ставили любительские спектакли (см.: *Блок в воспоминаниях; Енишерлов;* Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиоттух. Вступительная статья, публикация и комментарии В. П. Енишерлова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 339–369).

Пьеса собственного сочинения — «Поездка в Италию» — «раздирательная драма в 3-х действиях», сочиненная А. Блоком и его двоюродным братом Феролем (Феликсом) Кублицким (рукописный журнал «Вестник», 1896, октябрь), представлена «артистами частного Шахматовского театра» 23 июля 1896 года. «Спор древних греческих философов об изящном» Козьмы Пруткова показан с балкона шахматовского дома 1 июля 1896 года. Это был первый любительский спектакль в Шахматове, подготовленный Александром Блоком.

Сережа — С.М. Соловьев, троюродный брат Блока, вспоминает: «Желая поговорить со мною на интересующую меня тему, он завел речь о богослужении. Предложил отслужить вместе утреннюю литургию в саду и достал откуда-то подобие ораря. Утром жители Шахматова были неожиданно разбужены довольно странными возгласами, доносившимися из сада» (*Блок в воспоминаниях, 1*. С. 110–111).

Суровость Любови Дмитриевны... — разрыв отношений к осени 1900 года (см. *Блок в воспоминаниях 1*, С. 147).

Рассказ Зинаиды Гиппиус «Зеркала» (Северный Вестник. 1896. №11) Александр Блок прочитал в Шахматове в августе 1899 года. Это было первое знакомство поэта с новейшей символистской литературой. Под впечатлением рассказа было написано стихотворение «Кошмар» (*24 августа 1899*), о чем свидетельствует авторское примечание.

Екатерина Евгеньевна Хрусталева — знакомая семьи Бекетовых, пианистка.

«В одну любовь, широкую, как море...» — А. К. Толстой, стихотворение «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...»

Александр Васильевич Гиппиус (1878–1942) — университетский товарищ, один из ближайших друзей Александра Блока в молодости (псевдоним — А. Надеждин); поэт, впоследствии юрист. (См.: Переписка Блока с А. В. Гиппиусом (1900–1915). Предисловие, публикация и комментарии В. В. Бузник, Л. К. Долгополова, В. А. Шошина. — *ЛН*. Т. 92.

Кн. 1. С. 415–457.) «Тарасовский дом» — в Петербурге, на Фонтанке, где жил А. В. Гиппиус.

Последнее объяснение с Ксенией Михайловной Садовской произошло в конце 1899 года. По словам М. А. Бекетовой, она была для Блока «первым источником его поэзии» Последнее письмо Блока К. М. Садовской — 13 августа 1901 года. (См.: Письма А. А. Блока К. М. Садовской. Публикация Л. В. Жаравиной. — *БС-2*. С. 309–324).

Воспоминания о К. М. С. — стихотворение «Хожу по камню старых плит...» (*14 апреля 1900*). Вошло в сборник «За гранью прошлых дней» (1920) в окончательной редакции 1916 года (*СС-8₁*. С. 341, 639).

Стихи 16 мая 1900 года — «Пусть я покину этот град...» — написаны в день отъезда в Шахматово. В первоначальном тексте: «Я покидаю шумный град...» В окончательной редакции 1918 года вошло в сборник «За гранью прошлых дней» (*СС-8₁*. С. 344, 640).

Первое шахматовское стихотворение — «Прошедших дней немеркнущим сияньем...» (*28 мая 1900*) — воспоминание о сценах из «Гамлета» Шекспира, поставленных в Боблове 1 августа 1898 года, когда Александр Блок играл роль Гамлета, Любовь Дмитриевна — Офелии. Вошло в раздел «Ante Lucem» книги первой «Стихотворений» Александра Блока.

Начинается чтение книг... — далее Александр Блок крайне сжато говорит о своем сложном внутреннем развитии этой поры, об интересе к мировой философии и религии: «Начинается покорность Богу и Платон». Библейские образы переплетаются с мистическими мотивами, навеянными чтением античных мыслителей и ожиданием мировых событий в духовно-космическом масштабе. Сочинения Платона Александр Блок изучал в переводах Владимира и Михаила Соловьевых. (См. стихотворения лета 1900 года — «Новый блеск излило небо...», «Ἀγραφα Δόγματα», «В седую древность я ушел, мудрец...» и другие.)

На филологический факультет Блок перешел в сентябре 1901 года, о чем сообщил в письме к отцу (*Письма к родным, 1*, С. 66–67).

Средневековый город Дубровской березовой рощи — деревня Дубровки по дороге из Шахматова в Боблово (за селом Тараканово). «Косые лучи заката — облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни» (наброски продолжения второй главы поэмы «Возмездие», 1921. — *СС-8₃*. С. 471). Стихотворение «На небе зарево. Глухая ночь мертва» (*10 июня 1900*), в котором отблеск «мерцающих идей» о «возвратном движенье» бытия соединился с вечерним впечатлением, вошло в раздел «Ante Lucem» книги первой лирики Александра Блока.

Осенью 1900 года Любовь Дмитриевна Менделеева поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов в Петербурге.

Первое петербургское стихотворение — «Вложив безумство вдохновений...» (*14 сентября 1900*).

В.К. Ернштед — профессор Петербургского университета.

Воспоминание о К. М. С. — стихотворение «Аметист» (*19 сентября 1900*). Речь о «кольце с аметистом», подаренном К. М. Садовской Александру Блоку в 1897 году (*СС-8₁*. С. 459; *СС-8₇*. С. 510).

«В полночь глухую рожденная...» (*24 декабря 1900*) — «странное стихотворение», по определению Блока в дневнике 1918 года. Вошло в раздел «Ante Lucem» книги первой — на подступах к «Стихам о Прекрасной Даме», когда «Она продолжает медленно принимать неземные черты».

Семен Викторович Панченко (1867–1937) — композитор, близкий знакомый семьи Бекетовых, автор романсов на стихи Блока, один из корреспондентов поэта (см.: *Бекетова*. С. 74, 311–313; *ЛН*. Т. 92. С. 112–114; *БС-3*. С. 130 — в статье К. М. Азадовского «Путь Александра Добролюбова»).

В январе 1901 года начинается, как пишет Блок, «совершенно особое состояние», в котором «явно является Она» и начинаются «Стихи о Прекрасной Даме»: «Я вышел. Медленно сходили...» (*25 января 1901*), «Ветер принес издалека...» (*29 января 1901*) и далее — «Я понял смысл твоих стремлений...» (*26 февраля 1901*). Именно эти стихотворения составляют как бы «запев» центрального раздела книги первой.

«Пять изгибов сокровенных...» (*10 марта 1901*) — стихотворение, зашифровывающее реальный путь Любови Дмитриевны по Васильевскому острову, ибо это идет не просто она, — идет Она, Прекрасная Дама, Душа Мира, и ее путь — это тайна, хотя и не теряющая своей яви. В рукописи стихотворение имело эпиграф из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» («Легенда»):

Он имел одно виденье,
Непостижное уму.

(См. *СС.-8₁*. С. 468, 666).

К весне 1901 года складывается особое поэтическое состояние, начинаются Видения. Внутренним переменам отвечает встреча со стихами Владимира Соловьева, книгу которых Александра Андреевна подарила сыну на Пасху. Первый выпуск «Северных Цветов» вошел в эту атмосферу, как и Брюсов. Приходит шахматовское *«мистическое лето»* 1901 года. Во время поездки в Дедово М. С. Соловьев дарит Александру Блоку «только что вышедший (им выпущенный) I том Вл. Соловьева». Происходит своего рода преображение «влюбленности» поэта: она переходит в осознание «призвания более высокого», хотя и призвание, и влюбленность были обращены на «одно и то же лицо». Природа участвует в мистико-лирическом романе, в «свершениях».

Здесь Блок вспоминает домашние любительские спектакли и свое выступление *с чтением чеховской «Хирургии» на Зубовской фабрике близ Боблова* (лето 1899 года). Но мысли поэта связаны с иным призванием, которое ощущается, понимается как служение и подвиг. Это призвание, будучи высоким, не оторвано от земного пути, — оттого и

постоянные реалии, и неожиданные подробности (отчасти «снижающие» тон), и юмористические моменты (принял венок и подушку, на которой лежал венок, в качестве награды от зрителей за исполнение роли Скупого Рыцаря — 10 июля 1899 года в Шахматове).

Преисполненное тайны, служение поэта-рыцаря и проходило втайне (ибо никто, кроме самых близких, не знал его стихи, даже Она). «Выход в мир» начинается в то же «мистическое лето» 1901 года.

6 сентября 1901 года Александр Блок вместе с матерью возвращается из Шахматова в Петербург в одном поезде с Михаилом Сергеевичем Соловьевым, «который рассказывал, что в Москве есть Боря Бугаев, что там обращено внимание» на стихи юного петербургского поэта (*СС-8*. С. 345, 510).

Боря Бугаев — Борис Николаевич Бугаев (1880–1934), впоследствии известный как писатель *Андрей Белый* (см. его воспоминания об Александре Блоке в кн.: *Блок в воспоминаниях, 1*. С. 204–231; Эпопея. 1922. №1. С. 127–157). Переписка Блока и Белого началась в январе 1903 года, а знакомство состоялось в Москве в январе 1904 года. О творческих связях поэтов см.: Петросов К.Г. Художественное время и пространство в поэтических сборниках А. Блока «*Стихи о Прекрасной Даме*» и Андрея Белого «*Золото в лазури*» — в его кн.: Из пламя и света рожденное слово. М., 1992. С. 88–102.

Пустынька, куда ехал М.С.Соловьев «за бумагами, касающимися брата», — имение Софьи Андреевны Толстой, вдовы поэта А.К.Толстого; там часто гостил Владимир Соловьев; место, глубоко связанное с жизнью и творчеством мыслителя и поэта. Волнующе звучало это название и для Александра Блока.

Знаменательна была встреча 17 октября 1901 года с Любовью Дмитриевной Менделеевой. Эта встреча — исток трех стихотворений Александра Блока — «Хранила я среди младых созвучий...», «Медленно в двери церковные...», «Скрипнула дверь. Задрожала рука...», — объединенных в рукописи общим названием «Женственные стихи» и написанных от лица женщины. Вошли в третью главу «Стихов о Прекрасной Даме» («*С.-Петербург. Осень и зима 1901 года*»). Написаны под впечатлением встречи и рассказа Любови Дмитриевны Менделеевой о ее молитве у Казанской иконы Божией Матери в Казанском соборе.

17 октября Любовь Дмитриевна шла по Невскому к Казанскому собору и встретила Блока, они вместе вошли в собор. «Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей Казанской». «Но потом это стала моя и наша Казанская, к ней же приходила за помощью и после смерти Саши. Однако и тогда, в первый раз, пришли облегчающие, успокоительные слезы. Потом, когда я рассказала, Саша написал». Далее Любовь Дмитриевна приводит стихотворение Александра Блока «Медленно в двери церковные...» в первой редакции (см. ее воспоминания «И быль и небылицы о Блоке и о себе» в сб: *Блок в воспоминаниях, 1*. С. 157–159. См. также предисловие и комментарии в настоящем томе).

Любовь Дмитриевна ходила на уроки к М. М. Читау на Драматические курсы, основанные актрисой Александринского театра *Марией Михайловной Читау* (Карминой, 1859–1935).

Боткинский период: в 1901 году Александр Блок бывал в доме художника и коллекционера *Михаила Петровича Боткина* (1839–1914), друга Д. И. Менделеева; с дочерьми художника дружила Любовь Дмитриевна. В этом доме был частный музей, здесь устраивались музыкальные вечера, чтения, встречались художники, ученые, музыканты (см.: *Блок в воспоминаниях, 1.* С. 159–160).

...стихотворение 22 октября... — Стих. «Пора вернуться к прежней битве...» (*22 октября 1900,* «Ante Lucem»).

Тут я хвастаюсь у Качаловых своим Платоном... — Ср. в письме А.Н. Блок от 18 октября 1900 года: «В одну субботу был у меня Ваш Саша. Он был накануне у Качаловых <...> Это время он увлекается Платоном, всем зачитывается, стихи сочиняет (он нам декламировал свое), видимо навеянные им же» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 288).

...у Петра Львовича Блока читаю «Три смерти»... — Об этом вечере и о чтении Блоком роли Люция в лирической драме А.Н. Майкова «Три смерти» см. в письме А.Н. Блок к А.Л. Блоку от 1 февраля 1900 года (*ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 287).

... гулянье на Монетной к вечеру в совершенно особом состоянии. — См. стих. «Я вышел. Медленно сходили...» (*25 января 1901*).

В конце января и начале февраля (еще — синие снега около полковой церкви — тоже к вечеру) явно является Она. — См. стих. «Ветер принес издалека...» (*29 января 1901*) и «Тихо вечерние тени//В синих ложатся снегах...» (*2 февраля 1901*). Церковь Преображения Господня лейб-гвардии Гренадерского полка в настоящее время не сохранилась.

...стихи 22 февраля, особенно — 26 февраля... — Стих. «Я понял смысл твоей печали...» и «Я понял смысл твоих стремлений...». Ср. у Бекетовой о настроениях Блока этого периода: «...под влиянием безнадежной любви и отвлеченной философии развивается мистика. Блок впадает в экстаз, почти в транс, создает культ Прекрасной Дамы, и, придавая неземные черты любимой девушке, отождествляет ее с Душой Мира» (*Бекетова*, 543).

...стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года. — Стихотворения Вл. Соловьева. Изд. 3-е. СПб., 1900. Дарственная надпись помечена «Светлым Воскресеньем 1901 года», которое в этом году приходилось на 1 апреля.

...первые «Северные Цветы»... — См. примеч. к «<Наброску статьи о русской поэзии>».

... образ «Российской Венеры». — Образ из стих. Блока «Небесное умом не измеримо...» (*29 мая 1901*): «И мнилась мне Российская Венера...»

...необыкновенно важные «ворожбы»... — См. стих. «Одинокий, к тебе прихожу...» (*1 июня 1901*).

...«предчувствие изменения облика» — См. стих. «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (*4 июня 1901*).

...она встречалась с кем-то, кого не видела и о котором я знал. — Образ мистического двойника-соперника, который впоследствии будет развит в разделе «Распутья».

Появился мороз... кто-то «смеющийся и нежный» — Образы стихотворений ноября—декабря 1901 года.

«Я шел...» — «Я шел — и вслед за мною шли...» (*1 января 1902*).

11 сентября (29 августа) — Ср. запись в *Записной книжке* №56 от того же числа: «Вечером, когда мне удалось одному глубоко погрузиться в свое (январь–май 1901 г.), настойчиво звонил телефон, и маме удалось заставить меня подойти...»

Этой печали суждено окрепнуть в надежду ...благоуханные дни. — См. стих. «Благоуханных дней теченье...» (*22 января 1901*).

Психология этого времени ...против слов. — См. стих. «Когда я одинок и погружен в молчанье...» (*3–4 января 1901*).

29 января в песне весеннего ветра ...ее звучные песни. — См. стих. «Ветер принес издалёка...», написанное в этот день.

Перед ней — волны народа ...я же несвободный, как прежде. — См. стих. «Над синевой просторной дали...» (*30 января 1901*).

...все уже сливается в этой весне (необычайно ранней — явственной в январе... — См. стих. «Я вышел. Медленно сходили...» (*29 января 1901*) и «Ветер принес издалека...»

...звуки живых голосов, и ее прах потревожен. — См. стих. «Тихо вечерние тени...» (*2 февраля 1901*).

Песня родная и знакомая. — Из указанного выше стих.

Звезды ...зов другой души. — См. стих. «Душа молчит. В холодном небе...» (*3 февраля 1901*).

МЕЧТА ...загораются небеса. — См. стих. «Я сходил в стремнины горные...» (*7 февраля 1901*).

Сквозь суровость пути — райские сны в полнощном бденьи... — См. стих. «Мой путь страстями затемнен...» (*11 февраля 1901*).

...1) всемогущая сила Бога и 2) «умо-сердечное»... — См. стих. «Последнюю часть философской поэмы» («Ты, о, Афина бессмертная...») (*11 февраля 1901*).

...смысл ее печали... лишает надежды на свободу. — См. стих. «Я понял смысл твоей печали...» (*11 февраля 1901*).

В этой мысли, как я узнал впоследствии, ощущалось родство с мыслью о плененной Мировой Душе (Святой Дух Оригена), которую лелеял последний — Вл. Соловьев (см. IX, 19...)... — Блок ссылается на статью В. С. Соловьева «Мировая душа», помещенную в т. 9 Собрания сочинений поэта и философа.

...изумлен...отражением небесных тел в земных морях... — См. стих. «Я понял смысл твоей печали...»

...я молюсь (опять Богу: Боже без лица, как всегда) и след. — См. стих. «Ныне, полный блаженства...» (*15 февраля 1901*).

...я заслоняю ей путь... благословляю прошедшее и грядущее. — См. стих. «Я понял смысл твоих стремлений...» (*26 февраля 1901*).

Звучная тишина... смыкание бесконечных кругов. — См. стих. «Ты отходишь в сумрак алый...» (*6 марта 1901*).

Моей матери... «Чем больней...» — См. стих. «Моей матери» (*8 марта 1901*): «Чем больней душе мятежной.//Тем ясней миры».

...шифрованное стихотворение... — «Пять изгибов сокровенных» (*10 марта 1901*).

Крабб — такса, приобретенная Блоком для А.А. Кублицкой-Пиоттух.

...горя молитвенным миром... — См. стих. «Я недаром боялся открыть...» (*1 апреля 1901*).

После большого ... промежутка накопления сил ...дочь блаженной стороны. — После указанного выше стих., помеченного 2 апреля, следующее — «Ночью сумрачной и дикой...» — было написано только 23 апреля.

Тут происходит какое-то краткое замешательство... — См. в стих. «Навстречу вешнему рассвету...» (*25 апреля 1901*): «Душа в стремленьи запоздала,//В пареньи смутном замерла,//Какой-то тайны не познала,//Каких-то снов не поняла...»

Тут же закаты брезжат видениями ...с песней наудачу... — См. стих. «В день холодный, в день осенний...» (*27 апреля 1901*).

...я удаляюсь в страны холодные, немые ...сомкнет последние круги. — См. стих. «Все отлетают сны земные...» (*4 мая 1901*).

...я ухожу ...возврат к оставленной земле. — См. стих. «Он уходил, а там глубоко...» (*8 мая 1901*).

...сумасшедший... — Из стих. «Завтра рассвета не жди...» (*8 мая 1901*).

...звук с другого берега ...ве ответом. — См. стих. «Ты ли это прозвучала?..» (*13 мая 1901*).

...душа моя жива ...тень лучшей жизни... — См. стих. «Не часто, не всегда, с мольбой и чутким страхом...» (*13 мая 1901*).

...выражается в ощущении себя, как микрокосма ...отлететь в иную пустоту... — (*17 мая 1901*).

...женственная нежность образа, легкое пенье, призрачный красный месяц, отражающийся в Неве... — См. стих. «Кто-то шепчет и смеется...» (*20 мая 1901*) и «Белой ночью месяц красный...» (*22 мая 1901*).

...образ отроковицы-мидианки ...нести свою духовную лепту в далекие святыни... — См. стих. «Через песчаные пустыни...» (*20–21 мая 1901*), эпиграфом к которому взяты строки из стих. Вл. Соловьева «Неопалимая Купина»: «И к мидианке на колени//Склоняю праздную главу».

Здесь нет еще ни одного большого Т. — Имеется в виду написание слов «Ты», «Тебя», «Твою» и т. д., относящихся к образу лирической героини, которое появится у Блока через некоторое время.

К этому периоду относится 39 стихотворений. — Имеются в виду стихотворения января–мая 1901 года, вошедшие в цикл «Стихи о Прекрасной Даме» и не включенные в основное собрание.

В целом же автокомментарий поэта к «Стихам о Прекрасной Даме» еще до сих пор в полной мере не осмыслен. По своей сложности и глубине этот текст требует монографии для всестороннего раскрытия. Здесь мы отметим лишь, по замыслу Блока, обращенность дневника к читателю.

Хронологическое построение авторского комментария свидетельствует о стремлении прочитать «Стихи о Прекрасной Даме» как историю человеческой души. И тем самым помочь «понять ее единственно нужное содержание другим».

Общезначимость этого содержания и хотел бы, следовательно, подчеркнуть поэт своим объяснением духовных и явных событий, которым посвящена книга. «Первенствующее значение» стихов 1901 года А. Блок утверждал еще в издании 1911 года. Эти стихи, по его словам, и есть тот «магический кристалл», сквозь который поэт «различил» впервые, хотя и «неясно», всю «даль свободную романа» (перефразируя А. С. Пушкина).

В дневнике 1918 года Александр Блок отмечает: «Значение этого года и следующего объективное; об этом может засвидетельствовать А. Белый». Действительно, Андрей Белый говорил об этом неоднократно в своих воспоминаниях. «Зори» начала века осветили весь путь детей рубежа эпох. Поэтому, вероятно, так внимательно вслушивается поэт в Музыку первых месяцев 1901 года.

Январь 1901 — предчувствие весны, *«песня весеннего ветра»*, слияние былого с грядущим.

Февраль 1901 — стремление одолеть земные препятствия на пути к Мировой Душе, воплощающей новую жизнь.

Март 1901 — Ее земной образ, ничем не дисгармонирующий с неземным, несет исцеленье и спасенье, «человеческую влюбленность».

Апрель 1901 — решение таить на земле от людей и зверей свою думу (в том числе даже и от таксы, названной — Крабб), опасенье стать «другим — *потухшим, измененным злыми законами времени, с песней наудачу* (т. е. поэтом и человеком, а не провидцем и обладателем тайны)» (Блок пишет это в 1918 году, видимо, полагая, что так и произошло).

Май 1901 — мрачные предчувствия, усталость от напряжения. ЕЕ призывы, но и чуждые соблазны, «образ *отроковицы-мидианки*» (из стихов Владимира Соловьева), мешающий *«нести свою духовную лепту в далекие святыни»*.

Таково крайне сжатое и, по необходимости, «тезисное» прочтение комментариев поэта, оказывающихся на деле более «запечатанными», чем сами «Стихи о Прекрасной Даме». Однако мы встречаем в объяснениях автора и ключевые разгадки духовного смысла первой книги.

В заключение Блок подытоживает: «Так, неготовым, раздвоенным я кончаю первый период своей *мировой* жизни — петербургский. [Здесь нет еще ни одного большого Т.]».

Далее дневник-автокомментарий не был продолжен. Шел год 1918-й, а не 1901-й... Далее должны были вспомниться события «мистического лета» в Шахматове. Важно то, что со «Стихов о Прекрасной Даме» поэт ведет историю своей «*мировой* жизни».

Н.Ю.Г., С.С.Л.

Исповедь язычника

Впервые: Собрание сочинений Александра Блока. Т. 4. Берлин. Изд-во «Алконост». 1923. С. 144–157. — См. также: *СС-8₆*. С. 38–48, 501–502. — Для настоящего издания сверено В. Н. Быстровым с автографом. Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. I. Ед. хр. 210.

Рассказ (или очерк, воспоминания) отражает настроение поэта эпохи «Двенадцать» и «Скифов». Вместе с тем здесь запечатлены картины отрочества и юности Александра Блока. Последние страницы воскрешают дни, когда юный поэт на своем высоком белом коне ехал к той, кого он назовет Прекрасной Дамой. Здесь подмосковные дали, окрестности Шахматова, дорога в Боблово, встреча с «розовой девушкой», как именуется Она в позднейших набросках продолжения второй главы поэмы «Возмездие» (*СС-8₃*. С. 471).

Иван Иванович Делянов (1818–1897) — министр народного просвещения (1882–1897). *Дмитрий Андреевич Толстой* (1823–1889) — министр народного просвещения (1866–1880) и обер-прокурор Синода, с 1882 года министр внутренних дел.

Стихотворения.
Книга первая. Издание пятое.

Пояснения для издателей, составленные А. Блоком 16 апреля 1920 года.

Признания

Впервые в кн.: Бекетова М. А. Ал. Блок и его мать. Л., 1925. С. 67–68. (См. также: *Бекетова*. С. 253–254.)

Девиз Блока — из стихотворения Пушкина «Добрый совет»:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.

Автобиографическая справка

Публикуется по автографу. — Было послано С. А. Венгерову при письме от 31 октября 1905 года (ИРЛИ, архив Венгерова).

АВТОБИОГРАФИЯ, 1909

Публикуется по сб.: Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер, М., 1911. С. 86–87.

Фидлер Федор (Фридрих) Федорович (1859–1917) — литератор, переводчик, библиограф, коллекционер, музеевед. (См.: Из дневника Ф. Ф. Фидлера. Предисловие и публикация К. М. Константинова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 831–838.)

Автобиография частично (со слов «За первые напечатанные вещи...» и до конца) вошла в издание: *СС-8т*. С. 433–434.

По отношению к Автобиографии 1915 года автобиография 1909 года является более краткой. Вместе с тем в ней есть важные штрихи, не попавшие в позднейший текст: о связи влияния Жуковского с духом немецкой романтики; о влиянии, вслед за Владимиром Соловьевым, Мережковского и Брюсова; об искажении стихов Б. Никольским в студенческом сборнике 1903 года и др. (в том числе — вся вторая половина автобиографии).

См. также: Зайончковская В. П. Неопубликованное письмо А. Блока (К вопросу об автобиографиях А. Блока). — В сб.: Русская советская поэзия и стиховедение. Материалы конференции. М., 1969. С. 271–273.

СОВРЕМЕННИКИ О ПЕРВОЙ КНИГЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Тема — Александр Блок в современной поэту критике — нуждается в объективном и всестороннем исследовании. Настоящее собрание сочинений Александра Блока может лишь коснуться этой огромной темы. (См.: Скворцова Н. В. Раннее творчество Блока в оценке критиков и современников (1902–1905). — *Исследования и материалы, 1987*. С. 117–139). Частично она освещается в комментариях к произведениям поэта. В приложении публикуются наиболее важные тексты.

Вячеслав Иванов

Впервые: Весы. 1904. №11. С. 49–50.

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — поэт, философ, переводчик, филолог — проявлял постоянный и глубокий интерес к поэзии своего младшего собрата. Александр Блок, в свою очередь, внимательно следил за развитием творческой мысли Вячеслава Иванова. Между ними шел сложный и напряженный диалог, не всегда явный (см.: Белькинд Е. Л. Блок и Вячеслав Иванов. — *БС-2*. С. 365–384; Минц З. Г. Блок и В. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции. — Ученые записки Тартуского университета. 1982. Вып. 604. С. 97–111; Из переписки Александра Блока с Вячеславом Ивановым. Публикация Н.В. Котрелева. — Известия АН СССР. Серия Л и Я. М., 1982. Т. 31. №2. С. 163–176).

Рецензия Вячеслава Иванова на первый сборник Александра Блока «*Стихи о Прекрасной Даме*» проникнута ожиданием будущих сверше-

ний молодого поэта, верой в избранный путь служения и рыцарства. Это позиция «младших» символистов, видевших в поэзии духовный подвиг.

Зинаида Гиппиус. Литературные заметки

Впервые: Новый Путь. 1904. №12. С. 273–280.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — поэтесса, прозаик, критик, мемуарист — неоднократно высказывалась о новых произведениях Александра Блока. Даже в остром споре они чувствовали взаимную духовную необходимость друг другу. Художнические, творческие, человеческие взаимоотношения Зинаиды Гиппиус и Александра Блока не укладывались в общую формулу «полемики с Мережковскими» (см.: Минц З.Г. А. Блок в полемике с Мережковскими. — *БС-4*. С. 116–222). Воспоминания Зинаиды Гиппиус «Мой лунный друг» говорят о том, каким значительным событием стала встреча с Александром Блоком.

Статья Зинаиды Гиппиус о первой книге Александра Блока связана с ее собственными религиозно-нравственными исканиями. Отсюда предостережения молодому поэту об уязвимости эстетического отношения к религии. Но Зинаида Гиппиус приветствует возвышенное поклонение идеалу в *«Стихах о Прекрасной Даме»*.

Виктор Гофман

Впервые: Искусство. 1905. №1. С. 39–40.

Виктор Викторович Гофман (1884–1911) — поэт, прозаик, критик — выступил с одной из первых рецензий на *«Стихи о Прекрасной Даме»* Александра Блока. Приняв в целом книгу поэта (несмотря на частные замечания), Виктор Гофман точно почувствовал нарастание драматизма в стихах, выразивших тревогу современного человека.

Виктор Гофман был гимназическим товарищем поэта *Владислава Фелициановича Ходасевича* (1886–1939). Автор сборников стихов «Книга вступлений» (1904), «Искус» (1910), книги рассказов и миниатюр «Любовь к далекой» (1909–1911). В июле 1911 года застрелился в Париже. (См. о нем: Гофман В. В. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1917, где помещены воспоминания В. Брюсова и биографический очерк В. Ходасевича; Брюсов Валерий. Мои воспоминания о Викторе Гофмане. — В его кн.: Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. Составление, подготовка текста, послесловие и комментарии В. Э. Молодякова. М., 1994. С. 182–197, 254; Брюсов Валерий. Собрание сочинений в семи томах. Т. VI, М., 1975. С. 344–345 — рецензия на сборник «Искус», ранее вошла в сборник статей Валерия Брюсова «Далекие и близкие», М., Скорпион. 1912. С. 175–177; Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. Составители Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 131–133, 305–307 — рецензии на «Книгу вступлений» и сборник «Искус»; Гумилев Николай. Сочинения в трех томах. Том 3. Письма о русской поэзии. Подготовка текста, примечания Р. Д. Тименчика. М., 1990. С. 86–87 — краткий не-

кролог; Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Предисловие В. Крейда. М., 1994. С. 463–466.)

Андрей Белый. Апокалипсис в русской поэзии
В защиту от одного нарекания.

Впервые: Весы. 1905. №4. С. 11, 17, 23–28; Весы. 1905. №6. С. 41–42.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев — 1880–1934) — поэт, прозаик, критик, литературовед — художник и мыслитель — думал и писал об Александре Блоке на протяжении всей своей жизни, начиная со статьи «Певица» (Мир Искусства. 1902. №11), где впервые процитированы в печати стихи молодого поэта. Андрей Белый в статье «Апокалипсис в русской поэзии» (Весы. 1905. №4), а затем и в статье «В защиту от одного нарекания» (Весы. 1905. №6. С. 41–42), поставил имя Александра Блока в один ряд с именами величайших русских поэтов. Такая оценка (в первой статье Белого) вызвала полемический отклик Валерия Брюсова, не принимавшего также «теургический» (условно говоря, «жреческий»), мистический взгляд «младших» символистов (Блока, Белого) на поэзию.

Валерию Брюсову ближе позиция чисто художническая, артистическая. Произошел обмен репликами между Брюсовым и Белым.

Современное решение большой, запутанной и многоплановой темы — Блок и Белый — наиболее убедительно в работах А. В. Лаврова, подготовившего книгу воспомининий, речей и статей Андрея Белого об Александре Блоке (тексты с комментариями). См. также: Андрей Белый. Дневниковые записи. Предисловие и публикации С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 788–830; Речь Андрея Белого памяти Блока (1921 г.). Публикация и комментарии С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. Предисловие А. В. Лаврова. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 759–773; Александр Блок и Андрей Белый. Диалог поэтов о России и Революции. Составление, вступительная статья и комментарий М. Ф. Пьяных. М., 1990; Воспоминания об Андрее Белом. Составление и вступительная статья В.М. Пискунова. Комментарии С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова. М., 1995; Нива Ж. Андрей Белый. — В кн.: История русской литературы. XX век. Серебряный век. Под редакцией Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995.

Валерий Брюсов. В защиту от одной похвалы.

Впервые: Весы. 1905. №5. С. 37–38.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) — поэт, прозаик, критик, литературовед — посвятил ряд своих статей творчеству Александра Блока. В. Я. Брюсов вначале не внял голосу нового поэта, но в дальнейшем сумел дать серьезное истолкование пути певца Прекрасной Дамы. Александр Блок испытал на рубеже веков и эпох (особенно при переходе от «первого тома» ко «второму») сильное влияние поэзии Валерия Брюсова. Полемика Валерия Брюсова с «младшими» символи-

стами (в основном, в 1903–1905 годы) не означала резкого противостояния. Но это были, конечно, совершенно различные художнические индивидуальности, различные пути, связанные тем не менее общими судьбами поэзии русского символизма.

Младшим — Впервые: Ежемесячные сочинения, 1903, №4 — под заглавием «За оградой (Младшим)», с эпиграфом: «Там жду я прекрасной дамы. — А. Блок» (см.: Брюсов Валерий. Собрание сочинений в семи томах. Т. I. М., 1973. С. 353–354, 617); Перцов Петр. Брюсовское стихотворение «Младшим». Из литературных воспоминаний — 30 дней. 1939. №10/11. С. 127).

Блок ответил Брюсову стихотворением «Тебе, Чей Сумрак был так ярок...» (цикл «Молитвы» в разделе «Распутья» книги первой, март — апрель 1904; Опубликовано в 1907 году в альманахе «Белые Ночи», см. *СС-8₁*. С. 628–629). См. также: Переписка Блока с В. Я. Брюсовым (1903–1919). Вступительная статья З. Г. Минц и Ю. П. Благоволиной, публикация и комментарии Ю. П. Благоволиной. — *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 466–524; Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. Составители Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. Вступительная статья и комментарии Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 144–145, 671–672 и др.

См. также предисловие и комментарий к настоящему тому.

Вл. Пяст. О «первом томе» Блока.

Публикуется по изданию: Об Александре Блоке. Петербург, 1921. С. 213–233.

Вл. Пяст (Владимир Алексеевич Пестовский; 1886–1940) — поэт, автор стихотворных сборников «Ограда» (1909, 2-е изд. — 1922), «Львиная пасть» (1922), «Третья книга лирики» (1922), «Поэмы в нонах» (1911) и других произведений в стихах и прозе. Переводчик, стиховед, автор книги «Современное стиховедение. Ритмика» (1931). Знаком с Блоком с января 1905 года. Оставил мемуарные страницы о Блоке. См.: Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. П., 1923; Пяст В. Встречи. М., 1929. *Блок в воспоминаниях, 1*. С. 364–401, 535–541 — примечания Вл. Орлова); Переписка с Вл. Пястом. Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. Минц. — *ЛН*. Т. 92. кн. 2. С. 175–228).

Метемпсихоза (греч.) — одушевление, оживление, переодушевление; переселение душ. Представление, восходящее к древнейшим фольклорным традициям, к религиозно-философским направлениям Индии, Древней Греции (орфизм, пифагореизм). Отсюда платоновское учение об *анамнезисе* (греч.): припоминание, воспоминание бессмертной души о мире сверхчувственном, потустороннем, идеальном. Мифопоэтический образ, вошедший в поэзию Лермонтова, Блока и характерный вообще для романтического мировидения.

Данте Габриэль Россетти (наст. имя — Габриэль Чарлз, 1828–1882) — английский художник и поэт, сын итальянского поэта Габриэля Россетти (1783—1854). Воплотил духовные и эстетические идеалы

прерафаэлитов, стилизовавших образы европейской и итальянской культуры Средних веков и Раннего Возрождения и стремившихся в своем творчестве сочетать мистицизм и чувственность.

Прерафаэлиты были в круге культурных интересов русского Серебряного века, прежде всего — «младших» символистов.

Паузник — тонический стих, иначе именуемый обычно — *дольник*. Именно Блок утвердил своими стихами дольник в русской поэзии XX века (см. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958; статья Е. В. Ермиловой «Дольник» в Краткой литературной энциклопедии, т. 2, М., 1964, стлб. 734–735; Холшевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л., 1972; Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974; Его же. Русские стихи 1890–1925-х годов в комментариях. М., 1993; см. также работы Божидара, С.П. Боброва, Г.А. Шенгели, В.М. Жирмунского, А.П. Квятковского, В.В. Кожинова и других исследователей-стиховедов).

Основная литература об Александре Блоке и его современниках указана в статьях З. Г. Минц, А. В. Лаврова, Р. К. Баландина, Н. В. Лощинской в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917», Главный редактор П. А. Николаев. Т. 1. М., «Советская энциклопедия». 1989. С. 202–204, 229–230, 283, 338; Т. 3. М., «Большая Российская энциклопедия». 1994. С. 193. См. также: Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т. 3. Ч. 2. А. А. Блок. Составители: И. В. Алексахина, Н. В. Гужиева, Т. П. Дорина, Н. Г. Захаренко, Н. И. Кузнецова, В. В. Серебрякова, И. В. Ханукаева, Л. С. Шепелева. М., «Книга». 1980; Мочульский К. В. Александр Блок. Париж, 1948; Ермилова Е. В. Теория и образный мир русского символизма. М., 1989; Смирнова Г. А. Александр Блок. К описанию «картины мира». — В сб.: Поэтика и стилистика. 1988–1990. М., 1991. С. 156–164; Нива Ж. Александр Блок. Эткинд Е. Поэтика Блока. — В кн.: История русской литературы. XX век. Серебряный век. Под редакцией Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995. С. 127–157.

Отметим также следующие издания:

Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. Вступительная статья, составление и примечания Т.Н. Бедняковой. М., 1989; Александр Блок. Избранное. Предисловие А.Л. Гришунина. Составление и примечания Т.Н. Бедняковой и А.Л. Гришунина. М., 1995; Русь моя, жизнь моя. Александр Блок. Фотоальбом. Составитель и автор вступительной статьи А.М.Турков. Фотограф С.С.Сафонова. Художник Г.Д.Расторгуев. Консультанты Л.А.Ильюнина, Н.К.Цендровская, Ю.Е.Галанина. М., 1993.

Н. Ю. Грякалова, С. С. Лесневский

ГЛАВНЫЕ ОПЕЧАТКИ

<в книге «Стихи о Прекрасной Даме», 1904>

Стр.	Стрк.	Напечатано	След. читать
7	3 сверху	дальнему	дольнему
40	"	увидал	услыхал
60	4 сверху	уронивши	уронивший
68	5 сверху	бездольно	бездомно
70	2 снизу	дивы	дива
80	1 сверху	человечек	человек
86	6 сверху	гладкий	шаткий
92	"	проносило	приносило
96	4 сверху	странных	страшных
96	4 снизу	густые	пустые

(А. Блок. Письмо к отцу. 29.X.1904. — *Письма к родным. I.* С.130)

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
Репринтное воспроизведение

В.А.Жуковский. Невыразимое 5
С.С.Лесневский. Сын гармонии 7

АЛЕКСАНДР БЛОК

Автобиография 41
Владимир Соловьев. «Бедный друг, истомил тебя путь...» . . . 53

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ
(1898—1904)

ANTE LUCEM
(1898—1900)
С.-Петербург — Шахматово

«Пусть светит месяц — ночь темна...» 59
«Ты много жил, я больше пел...» 59
«Полный месяц встал над лугом...» 60
Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...») . 60
«Она молода и прекрасна была...» 61
«Я стремлюсь к роскошной воле...» 61
«Усталый от дневных блужданий...» 62
«Есть в дикой роще, у оврага...» 62
«Мне снилась смерть любимого созданья...» 62
«Луна проснулась. Город шумный...» 63
«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...» 63
«Окрай небес — звезда омега...» 64
«Милый друг! Ты юною душою...» 64
Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой...») 65
«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» 65
Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...») 65
«Я шел к блаженству. Путь блестел...» 66
«Сама судьба мне завещала...» 66
«Я стар душой. Какой-то жребий черный...» 66
«Не проливай горючих слез...» 67
«Зачем, зачем во мрак небытия...» 67
«Дышет утро в окошко твое...» 68
«Помнишь ли город тревожный...» 68

«Город спит, окутан мглою...» 69
Неведомому Богу («Не ты ли душу оживишь?..») 69
«Не легли еще тени вечерние...» 69
Servus — Reginae («Не призывай. И без призыва...»). 70
Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...») 70
«Пока спокойною стопою...» 71
Dolor ante lucem («Каждый вечер, лишь только погаснет заря...») 71
«Медлительной чредой нисходит день осенний...» 72
«Ярким солнцем, синей далью...» 72
«Восходишь ты, что строгий день...» 72
«Лениво и тяжко плывут облака...» 73
«Шли мы стезею лазурною...» 73
«Разверзлось утреннее око...» 74
«Я шел во тьме дождливой ночи...» 74
«Сегодня в ночь одной тропою...» 74
«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...» 75
«Хоть всё по-прежнему *певец*...» 75
«Теряет берег очертанья...» 75
«Звезда полночная скатилась...» 76
«Прошедших дней немеркнущим сияньем...» 76
«Не призывай и не сули...» 77
«В часы вечернего тумана...» 77
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» 77
«Не доверяй своих дорог...» 78
«Увижу я, как будет погибать...» 78
«Погибло всё. Палящее светило...» 78
«То отголосок юных дней...» 79
«Последний пурпур догорал...» 79
«Не утоленная кровавыми струями...» 80
Ἄγραφα Δόγματα («Я видел мрак дневной и свет ночной...») 80
«Твой образ чудится невольно...» 81
«Ночь грозой бушевала, и молний огни...» 81
«Курятся алтари, дымят паникадила...» 81
«Ты была у окна...» 82
«Поклонник Эллинов — я лиру забывал...» 83
«Я знаю, смерть близка. И ты...» 83
«Пора вернуться к прежней битве...» 83
«Отрекись от любимых творений...» 84
«Измучен бурей вдохновенья...» 84
«В те целомудренные годы...» 85
«Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...» 85
«Ищу спасенья...» 86
«Медленно, тяжко и верно...» 86
«Завтра с первым лучом...» 87
«В полночь глухую рожденная...» 87
«Ты не обманешь, призрак бледный...» 88
31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...») 88

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901 – 1902)

Вступление («Отдых напрасен. Дорога крута...») 91

I
С.-Петербург. Весна 1901 года

«Я вышел. Медленно сходили...» 95
«Ветер принес издалёка...» 95
«Тихо вечерние тени...» 96
«Душа молчит. В холодном небе...» 96
«Ныне, полный блаженства...» 97
«Я понял смысл твоих стремлений...» 97
«Ты отходишь в сумрак алый...» 97
«Сбылось пророчество мое...» 98
Моей матери («Чем больней душе мятежной...») 98
«Я недаром боялся открыть...» 99
«Ночью сумрачной и дикой...» 99
«В день холодный, в день осенний...» 99
«Всё отлетают сны земные...» 100
«Всё бытие и сущее согласно...» 101
«Кто-то шепчет и смеется...» 101
«Белой ночью месяц красный...» 102

II
С.Шахматово. Лето и осень 1901 года

«Небесное умом не измеримо...» 105
«Они звучат, они ликуют...» 105
«Одинокий, к тебе прихожу...» 106
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» 106
«И поздно, и темно. Покину без желаний...» 106
«И я, неверный, тосковал...» 107
«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» 107
«Молитву тайную твори...» 108
«За туманом, за лесами...» 108
«В бездействии младом, в передрассветной лени...» 108
«Какому Богу служишь ты?..» 109
«Сегодня шла Ты одиноко...» 109
«Она росла за дальними горами...» 109
«Я помню час глухой, бессонной ночи...» 110
«Тебя в страны́ чужие звали...» 110
«Внемля зову жизни смутной...» 111
«Прозрачные, неведомые тени...» 111
«Я жду призыва, ищу ответа...» 112
«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» 112
«За городом в полях весною воздух дышет...» 113
«Входите все. Во внутренних покоях...» 113
«Ты прошла голубыми путями...» 114
«Не жди последнего ответа...» 114

«Не пой ты мне и сладостно, и нежно...» 114
«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» 115
«Признак истинного чуда...» 115
«Ты далека, как прежде, так и ныне...» 115
«Стою на царственном пути...» 116
«Сумерки, сумерки вешние...» 116
«Ты горишь над высокой горою...» 117
«Видно дни золотые пришли...» 117
«Кругом далекая равнина...» 118
«Я всё гадаю над тобою...» 118
«Нет конца лесным тропинкам...» 119

III

С.-Петербург. Осень и зима 1901 года

«Смотри — я отступаю в тень...» 123
«Пройдет зима — увидишь ты...» 123
«Встану я в утро туманное...» 124
«Ранний час. В пути незрима...» 124
«Ты уходишь от земной юдоли...» 125
«Снова ближе вечерние тени...» 125
«Я бремя похитил, как тать...» 126
«Хранила я среди младых созвучий...» 125
«Медленно в двери церковные...» 126
«Ловлю я тонкий прах надежды...» 127
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...» 127
«Зарево белое, желтое, красное...» 128
«Восходя на первые ступени...» 128
«Один порыв — безвластный и плакучий...» 128
«Я ли пишу, или ты из могилы...» 129
«Жду я холодного дня...» 129
«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» 129
«Будет день — и свершится великое...» 130
«Я долго ждал — ты вышла поздно...» 130
«Ночью вьюга снежная...» 131
«Тёмно в комнатах и душно...» 131
«Мне битва сердце веселит...» 131
«Неотвязный стоит на дороге...» 132
«Молчи, как встарь, скрывая свет...» 132
«Вечереющий сумрак, поверь...» 133
«Сумрак дня несет печаль...» 134
«Старый год уносит сны...» 134
Двойнику («Ты совершил над нею подвиг трудный...») 135
«Мы, два старца, бредем одинокие...» 135
Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») 136

IV

С.-Петербург. Зима и весна 1902 года

«Я шел — и вслед за мною шли...» 139
«Бегут неверные дневные тени...» 139

«Сгущался мрак церковного порога...» 140
«Высóко с темнотой сливается стена...» 140
«Там, в полусумраке собора...» 141
«Мы преклонились у завета...» 141
«Я укрыт до времени в приделе...» 142
«И нам недолго любоваться...» 142
«Уходит день. В пыли дорожной...» 142
«Сны раздумий небывалых...» 143
«На весенний праздник света...» 144
«Ты была светла до странности...» 144
«Не поймут бесскорбные люди...» 144
«Сны безотчетны, ярки краски...» 145
«Мы живем в старинной келье...» 145
«Верю в Солнце Завета...» 146
«Кто-то с Богом шепчется...» 146
«Мы всё простим — и не нарушим...» 147
«Ты — Божий день. Мои мечты...» 147
«Целый день передо мною...» 147
«Там сумерки невнятно трепетали...» 148
«Мы странствовали с Ним по городам...» 148
«Гадай и жди. Среди полнóчи...» 149
«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» 149
«Мой вечер близок и безволен...» 149
«На темном пороге тайком...» 150
«Я медленно сходил с ума...» 150
«Весна в реке ломает льдины...» 151
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...» 151
«Утомленный, я терял надежды...» 152
«Странных и новых ищу на страницах...» 152
«Днем вершу я дела суеты...» 153
«Люблю высокие соборы...» 153
«Я знаю день моих проклятий...» 154
«Мы отошли и стали у кормила...» 154
«Я — тварь дрожащая. Лучами...» 155
«Слышу колокол. В поле весна...» 155
«Там — в улице стоял какой-то дом...» 156
«Я и мир — снега, ручьи...» 156
«Мы встречались с тобой на закате...» 157
«Тебя скрывали туманы...» 157
«Когда святого забвения...» 158
«Ты не ушла. Но, может быть...» 158

V

С.Шахматово. Лето 1902 года

«Брожу в стенах монастыря...» 161
«На ржавых петлях открываю ставни...» 161
«Золотокудрый Ангел дня...» 162
«Пробивалась певучим потоком...» 162

На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...») 163
«Не бойся умереть в пути...» 164
«Я, отрок, зажигаю свечи...» 164
«Говорили короткие речи...» 165
«Сбежал с горы и замер в чаще...» 165
«Я и молод, и свеж, и влюблен...» 166
«Ужасен холод вечеров...» 166
«За темной далью городской...» 167
«Свет в окошке шатался...» 167
«Пытался сердцем отдохнуть я...» 168
«Золотистою долиной...» 169
«Без Меня б твои сны улетали...» 169
«Тебя я встречу где-то в мире...» 170

VI

С.-Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года

«Я вышел в ночь — узнать, понять...» 173
«Безрадостные всходят семена...» 174
«В городе колокол бился...» 174
«Я просыпался и всходил...» 174
Экклесиаст («Благословляя свет и тень...») 175
«Она стройна и высока...» 176
«Был вечер поздний и багровый...» 176
Старик («Под старость лет, забыв святое...») 177
«При жолтом свете веселились...» 177
«О легендах, о сказках, о тайнах...» 178
«Он входил, простой и скудный...» 178
«Явился он на стройном бале...» 179
«Свобода смотрит в синеву...» 179
«Ушел он, скрылся в ночи...» 180

Religio
1. «Любил я нежные слова...» 180
2. «Безмолвный призрак в терему...» 181
«Вхожу я в темные храмы...» 181
«Ты свята, но я Тебе не верю...» 182
«Будет день, словно миг веселья...» 182
«Его встречали повсюду...» 183
«Разгораются тайные знаки...» 183
«Мне страшно с Тобой встречаться...» 184
«Дома растут, как желанья...» 184

РАСПУТЬЯ
(1902—1904)

С.-Петербург — Bad Nauheim — с.Шахматово

«Я их хранил в приделе Иоанна...» 187
«Стою у власти, душой одинок...» 187

«Еще бледные зори на небе...» 188
«Я надел разноцветные перья...» 188
Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...») 189
«Я, изнуренный и премудрый...» 190
Голос («Жарки зимние туманы...») 190
«Я буду факел мой блюсти...» 191
«Мы всюду. Мы нигде. Идем...» 191
«Я смотрел на слепое людское строение...» 192
«Царица смотрела заставки...» 192
«Вот она — в налетевшей волне...» 193
«Все кричали у круглых столов...» 194
«Покраснели и гаснут ступени...» 194
«Я искал голубую дорогу...» 195
«Мы отошли — и тяжко поднимали...» 195
«Она ждала и билась в смертной муке...» 195
«Запевающий сон, зацветающий цвет...» 196
«Целый год не дрожало окно...» 196
«Здесь ночь мертва. Слова мои ди́ки...» 197
Я к людям не выйду навстречу...» 197
«В посланьях к земным владыкам...» 198
«Здесь память волны святой...» 198
«Потемнели, поблекли залы...» 199
«Старуха гадала у входа...» 199
«Погружался я в море клевера...» 200
«Зимний ветер играет терновником...» 200
«Снова иду я над этой пустынной равниной...» 201
« — Всё ли спокойно в народе?..» 201
«Дела свершились...» 202
«Мне снились веселые думы...» 202
«Отворяются двери — там мерцанья...» 203
«Я вырезал посох из дуба...» 203
У забытых могил пробивалась трава...» 204
А.М.Добролюбов («Из городского тумана...») 204
«У берега зеленого на малой могиле...» 205
«Я был весь в пестрых локутьях...» 205
«По городу бегал черный человек...» 205
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» 206
«На Вас было черное закрытое платье...» 206
«Когда я стал дряхлеть и стынуть...» 207
«Скрипка стонет под горой...» 207
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» 208
«День был нежно-серый, серый, как тоска...» 208
«Пристань безмолвна. Земля близка...» 209
«Я — меч, заострённый с обеих сторон...» 209
Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбина...») 210
«Над этой осенью — во всем...» 211
Вербная Суббота («Вечерние люди уходят в дома...»). 212
«Мой месяц в царственном зените...» 212
«Возвратилась в полночь. До утра...» 213

«Я бежал и спотыкался...» 213
«Сижу за ширмой. У меня...» 214
«...И снова подхожу к окну...» 215
«Когда я уйду на покой от времен...» 215
«Так. Я знал. И ты задул...» 216
«Ты у камина, склонив седины...» 216
«Крыльцо Ее, словно паперть...» 217
«Облака небывалой услады...» 217
«Темная, бледно-зеленая...» 218
Фабрика («В соседнем доме окна желты...») 218
«Что с тобой — не знаю и не скрою...» 219
«Мы шли на Лидо в час рассвета...» 219
«Мне гадалка с морщинистым ликом...» 220
«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» 220
«Среди гостей ходил я в черном фраке...» 221
Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») 221
Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...») 222
«По берегу плелся больной человек...» 223
«Ветер хрипит на мосту меж столбами...» 224
«Светлый сон, ты не обманешь...» 224
«Мой любимый, мой князь, мой жених...» 225

Молитвы
1. «Сторожим у входа в терем...» 226
2. Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...») 226
3. Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...») . . 227
4. Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...») 227
5. Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...») 228
«Дали слепы, дни безгневны...» 228
«В час, когда пьянеют нарциссы...» 230
«Вот он — ряд гробовых ступеней...» 230

Примечание 232

ИМЯ И СУДЬБА
Приложение

Вл.Сирин (Владимир Набоков). На смерть Блока 237

«И тут кончается искусство...» 240

Александр Блок

Набросок статьи о русской поэзии. (1901—1902) 244

Первые циклы стихов (1903)
«Ранний час. В пути незрима...» 261
Из Посвящений. 263
Стихи о Прекрасной Даме 269

Из писем к Л.Д.Менделеевой (1902–1903) 277
Письмо Г.И.Чулкову (1905) 295
Предисловие к Собранию стихотворений (1911) 299
Примечания (1911) 299
Предисловие (набросок) к предполагаемому изданию первой книги (1918). 301
Из дневника 1918 года. 302
Исповедь язычника. *Моя исповедь* (1918) 313
Стихотворения. Книга первая. Издание пятое (1920) 323
Признания (1897) 324
Автобиографическая справка (1905) 326
Автобиография (1909) 326

СОВРЕМЕННИКИ О ПЕРВОЙ КНИГЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Вячеслав Иванов. — *Стихи о Прекрасной Даме*. . 331
Зинаида Гиппиус. — Литературные заметки. *Стихи о Прекрасной Даме*. 332
Виктор Гофман. — *Стихи о Прекрасной Даме*. . . . 339
Андрей Белый. — Апокалипсис в русской поэзии. . . 341
Валерий Брюсов. — В защиту от одной похвалы. *Открытое письмо Андрею Белому*. 357
Андрей Белый. — В защиту от одного нарекания. *Открытое письмо Валерию Брюсову*. 359
Валерий Брюсов. Младшим. 363
Вл. Пяст. О «первом томе» Александра Блока. 364

КОММЕНТАРИИ

От составителя 383
С. С. Лесневский. Александр Блок. Автобиография (1915) 394
В. А. Сапогов. Первая книга А.Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1904) 420
В. Н. Быстров. Александр Блок. Стихотворения. Книга первая (1898–1904) 436
Н. Ю. Грякалова, С. С. Лесневский. Имя и судьба. *Приложение*. 525
Главные опечатки (А. Блок. Из письма к отцу от 29/X–1904 г.) 565

Блок А.

Б 701 Собр. соч. в 12-ти тт. Т.1. М.: «Литера», 1995. С. 576.

Собрание сочинений великого русского поэта Александра Александровича Блока (1880—1921), выходящее в двенадцати томах, включает произведения автора в различных жанрах — стихотворения, поэмы, драмы, переводы, статьи, дневники, записные книжки и письма. Первые пять томов составляют полное собрание поэтических произведений, а также репринтное воспроизведение прижизненных изданий книг А.Блока. Каждый том сопровождается приложениями, иллюстрациями, комментариями и вступительной статьей.

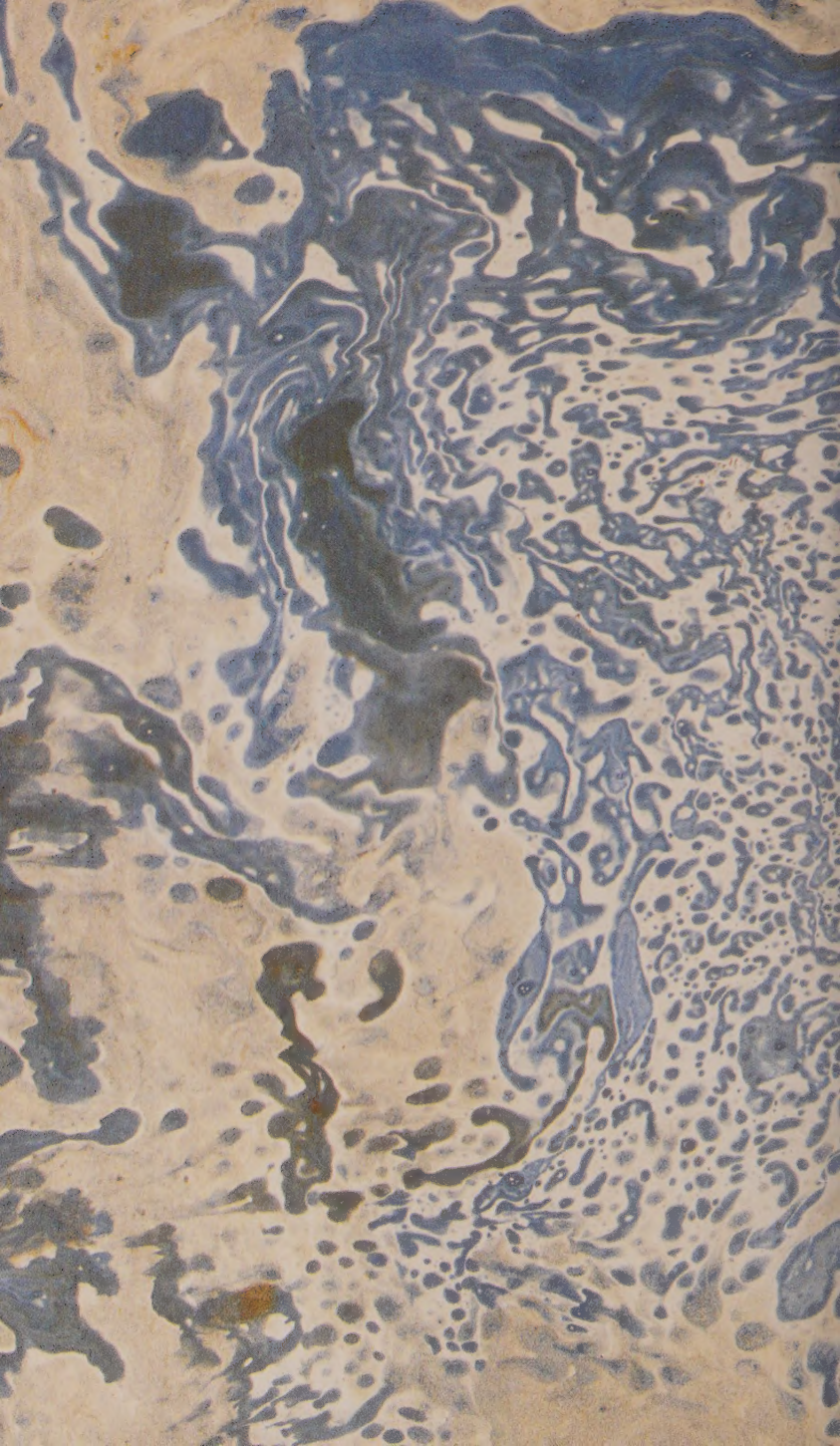
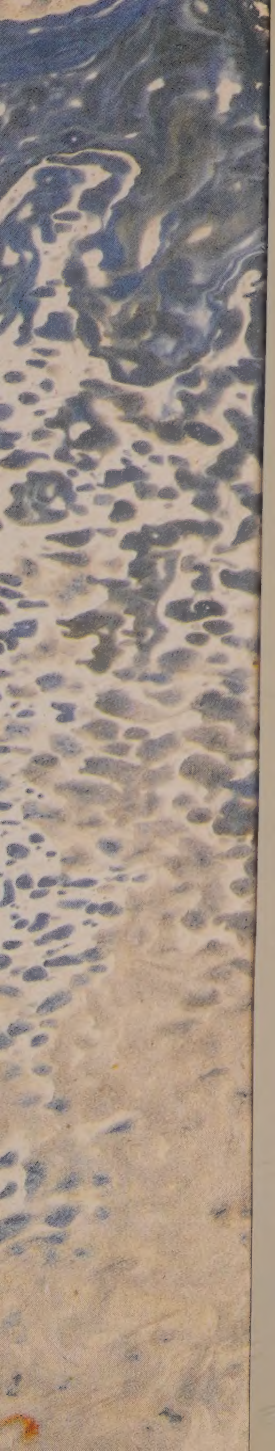
АЛЕКСАНДР БЛОК

Собрание сочинений в 12-ти томах

Том первый

Технический редактор *Е.В. ЛЕВИНА*
Корректор *В. НАЗАРОВА*

Издание подготовлено
при участии Издательства Агентства «Яхтсмен»

ЛР 060567. Подписано в печать 01.08.95.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,24. + 1,68 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 31,92.
Уч.-изд. л. 35,18. Тираж 5000 экз.
Заказ 406
АОЗТ «Литера»
119048, Москва, Хамовнический вал, 32

А/О типография «Новости»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46